

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева**

На правах рукописи

КОНОВАЛОВА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ
В ИДЕЙНОМ НАСЛЕДИИ В.М. ЧЕРНОВА**

Специальность

07.00.02. – Отечественная история

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор
В.И. Федорова

КРАСНОЯРСК 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. В.М. Чернов о революционном процессе в России.	
1917-1921 годы	52
1.1. От Февраля к Октябрю	53
1.2. Борьба за Учредительное собрание	74
1.3. Тактика «третьей силы»	92
Глава II. Конструктивный социализм В.М.Чернова и	
большевистский вариант модернизации страны.....	140
2.1. В.М.Чернов о хозяйственной политике большевиков в	
1917-1920-х годах	141
2.2. Альтернативы нэпу	159
2.3. В.М.Чернов о сталинской модернизации и экономической	
системе в СССР.....	180
Глава III. Политические идеалы В.М.Чернова и советская	
действительность	214
3.1. В.М. Чернов о феномене большевизма и перипетиях	
политической борьбы в 1920-е годы	215
3.2. Советская политическая система в трудах В.М. Чернова	237
3.3. Политическая демократия В.М.Чернова.....	261
Глава IV. В.М. Чернов о мировом политическом процессе	
(1920-1940-е гг.) и роли СССР	298
4.1. Феномен фашизма.....	298
4.2. Роль СССР во второй мировой войне	321
4.3. Послевоенное устройство мира: альтернативы холодной	
войны	341
Заключение	370
Библиографический список	376
Приложение	442

ВВЕДЕНИЕ

Научная значимость и актуальность исследования

В истории развития общественно-политического движения в России имя Виктора Михайловича Чернова занимает особое место. С ним связано идейное и организационное становление партии социалистов-революционеров. Являясь ее признанным лидером, он дал теоретическое обоснование программы эсеров, в основу которого была положена оригинальная концепция типов капитализма и особенностей исторического развития России. Но если роль Чернова в разработке программно-теоретических установок эсеровской партии в начале XX в. более или менее исследована в отечественной и зарубежной историографии, то его общественно-политическая деятельность и взгляды периода эмиграции до сих пор остаются малоизученными.

Между тем эмигрантский период стал важной вехой в политической биографии Чернова. Д.А. Лутохин – известный экономист и литератор, вернувшись из эмиграции в конце 1920-х гг. в СССР, отмечал, что хотя Чернов и «не герой его романа», но все же являлся «самым достойным, ярким и интересным человеком» среди представителей российской эмиграции. «Мне думается, – писал он, – что из всех меньшевистских деятелей революции – это самая интересная для изучения фигура»¹.

Вплоть до самой смерти Виктор Михайлович оставался одним из активных деятелей российской политической эмиграции, международного рабочего и социалистического движения. Одновременно Чернов продолжал свои теоретические изыскания. Переосмысление причин политического поражения партии эсеров в годы гражданского противостояния и анализ опыта социалистического строительства в Советской России привели его к разработке теории конструктивного социализма, которая может рассматриваться как своеобразная альтернатива большевистской модернизации.

Изучение теоретического наследия Чернова эмигрантского периода позволяет историкам расширить представления об идейно-политической сущности неонародничества на заключительном этапе его развития, выявить имманентно присущие ему противоречия и тенденции.

Актуальность изучаемой проблемы не исчерпывается отмеченными аспектами. В современных условиях выявилось несоответствие либеральной модели модернизации страны российским реалиям. Это ставит перед наукой задачи изучения исторического опыта российской модернизации, особенно на советском этапе развития страны, и альтернативных программ, которые выдвигались деятелями политической эмиграции.

Не меньший интерес для современных исследователей представляют размышления Чернова о глобальных интеграционных процессах в мировом развитии, обозначившихся после первой мировой войны, и роли в них России. Его идеи о перспективах и основных направлениях развития демократии, распространении ее принципов на сферу социально-экономических и международных отношений, создании механизмов сдержек и противовесов в политической сфере не потеряли своей актуальности до сих пор.

Историография проблемы

В отечественной историографии в оценке эсеровской партии ощущалось сильное давление идейно-политических пристрастий. Представителей охранительного и право-либерального направлений объединяло категорическое неприятие революционно-социалистической ориентации эсеров. В годы революции и гражданской войны они не видели принципиальных различий между эсерами и большевиками, обвиняя Чернова в пособничестве последним.²

В 1918 г. в Петрограде вышла книга А.И. Спиридовича «Партия социалистов-революционеров и ее предшественники 1886-1916 гг.», богатая фактическим материалом. Основное внимание автор уделил

террористической деятельности партии, положив начало устойчивому представлению об эсерах как исключительно террористической организации. Спиридович подчеркивал выдающуюся роль Чернова в выработке программно-тактической линии партии и обращал внимание на его отрицательное отношение к методам аграрного терроризма.³

В либеральной историографии неоднозначно оценивались программно-теоретические установки эсерства. П.Б. Струве, М.Я. Герценштейн считали доктрину эсерства «чудовищным симбиозом» славянофильских и социалистических идей⁴, тогда как А.А. Кауфман и М.И. Туган-Барановский усматривали в программе эсеров ряд достоинств. По мнению А.А. Кауфмана, «народники оказались правы, настаивая на своеобразии русских экономических отношений».⁵

Один из авторов знаменитого сборника «Вехи» – Б.А. Кистяковский – высоко оценил попытки Чернова подойти к проблемам социализма с правовой точки зрения и ликвидировать досадный пробел в социалистической литературе в отношении правовых вопросов.⁶

Историки эсеровского направления идеализировали программу своей партии. Несмотря на то, что до революции вышло несколько работ по истории партии, создать целостную ее картину не удалось.⁷ Особое место среди работ этого направления занимает многотомное исследование Р.В. Иванова (Иванов-Разумник) «История русской общественной мысли» (СПб., 1907). Автор одним из первых попытался определить место Чернова в развитии отечественной общественной мысли. Историк весьма скептически оценивал попытки Виктора Михайловича модернизировать философско-теоретические установки народничества на основе эмпириокритицизма, полагая, что они «не дали всему народничеству того твердого философского фундамента, который необходим при постройке цельного и широкого мировоззрения».⁸

При жизни Чернова среди деятелей эсеровской партии можно было встретить разные оценки его роли в партии. Будучи добродушным по

характеру человеком, он стремился к сглаживанию конфликтов, примирению сторон. Его компромиссная позиция не всегда была уместна в конкретной политической ситуации, вызывая критику и возражение противоборствующих сторон. Как следствие – появлялись обвинения Чернова в лживости (Е.Ф. Азеф), хитрости, двуличии (Б.В. Савинков, Н.Д. Авксентьев).⁹

В марксистской литературе всячески подчеркивались идейные различия между эсерами и социал-демократами. В стремлении развести эти два направления социалистической идеологии сказались отголоски идейной борьбы народников и марксистов на рубеже веков.¹⁰ В.И. Ленин называл эсеровскую доктрину «мелкобуржуазным социализмом», «образцом мещанской апологетики». ¹¹ В ранних работах он не смог в полной мере оценить постановку Черновым проблемы особенностей капитализма в аграрных странах, отвергая все, что расходилось с марксистской схемой универсальности пролетарской революции. Только после Октябрьской революции Ленин вынужден был обратиться к идеям эсеровской аграрной программы, взяв их за основу «Декрета о земле».

Обосновывая причину заимствования основных принципов программы социализации земли, Ленин на III съезде Советов заявлял, что «есть здоровое, жизнеспособное, великое социалистическое зерно в учении тех, кто хотел крестьянство, в его трудовой части, присоединить к великому социалистическому движению рабочих всего мира». ¹² После окончания гражданской войны Ленин пересмотрел установки по аграрному вопросу периода военного коммунизма в духе эсеровских идей о кооперации. Лидер большевиков признал, что кооперирование крестьянских хозяйств есть своеобразный путь вrastания крестьянства в социализм. ¹³ Однако жесткое противостояние большевиков и эсеров в годы гражданской войны определило резко негативное отношение Ленина к эсерам.

Критическая оценка Лениным эсеровского руководства, в том числе и Чернова, была редуцирована в ранних работах советских историков. На

эсеров была возложена вся тяжесть вины за развязывание гражданской войны и иностранной интервенции. При этом игнорировались глубокие различия в позициях деятелей правого крыла партии и ее центра, возглавлявшегося Черновым, замалчивались факты участия эсеров в борьбе с белогвардейским движением. В трудах видных деятелей большевистской партии – В. Ватина-Быстрянского, А.В. Луначарского, В.Н. Мещерякова, С.П. Черномордика, Е.М. Ярославского – превалировал разоблачительный тон, давались жесткие политические оценки эсеров как «предателей народных интересов», контрреволюционеров.¹⁴ Дорога к краху эсеров в их изображении была фатально predetermined мелкобуржуазной сущностью эсерства. В истории эсеровской партии выделялись два этапа: первый до Февраля, когда они были «честными революционерами» и после – когда они стали «пособниками реакции».

Особняком среди работ этого периода стояли исследования Е.А. Мороховца и Ю.М. Стеклова, в которых критика эсеровской доктрины и тактики носила объективный характер.¹⁵ Хотя социалистическая доктрина эсерства оценивалась в целом как антинаучная, все же признавалось ее общедемократическое содержание. Наряду с этим деятельность эсеровской партии в послеоктябрьский период характеризовалась как контрреволюционная, способствовавшая разжиганию гражданской войны.

В 1930-1940-е гг., под влиянием сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», негативные акценты в оценке эсерства усилились. Изучение истории эсеровской партии было резко ограничено.

На рубеже 1950-1960-х гг. под воздействием позитивных процессов в общественно-политической жизни страны в советской историографии наметился поворот в изучении эсеровской партии. Заметно расширилась проблематика исследований, была сделана попытка отойти от крайностей в оценке деятельности эсеров, изучались социальная база партии, эволюция её программно-тактических установок, разнообразные формы деятельности среди народных масс. Однако в трактовке социальной сущности эсеровской

идеологи по-прежнему сохранялся принцип жесткой классовой детерминированности, она рассматривалась не иначе как мелкобуржуазная и контрреволюционная по своей сути.¹⁶ Естественно, что такой подход автоматически переносился и на характеристику политических воззрений и деятельности Чернова.

В 1970-1980-х гг. в проблематике изучения эсеровской партии наметилось смещение внимания историков от политической деятельности к исследованию идейно-теоретических основ программы партии. Представляют интерес в этом плане монографии В.Н. Гинева «Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.» (Л., 1977), «Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества 1902-1914 гг.» (Л., 1983). Автор выступает против упрощения теоретических воззрений идеологов неонародничества. Однако эсеровскую модель социализма Гинев определяет как разновидность «мелкобуржуазного кооперативного социализма», игнорируя ее многомерность.

Не потеряла значения коллективная монография «Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века» (М., 1978), отличающаяся целым рядом достоинств: фундаментальностью исследования, всесторонним теоретическим охватом основных социологических школ и направлений в русской социологии в конце XIX-XX веков. Однако предметом ее изучения не стало собственно эсеровское направление. Вклад, который внесли идеологи эсерства в социологическую науку России, остался не раскрыт авторами. Оценка философских воззрений Чернова как эклектических, антинаучных, на наш взгляд, несостоятельна.

Анализ экономической стороны социалистического идеала эсеров дается в работе М.В. Спириной «Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров» (М., 1987). По мнению исследователя, несостоятельность социалистической доктрины эсеров была предопределена непониманием марксистско-ленинского учения о

закономерностях развития капитализма и обусловлена социально-этическим подходом к экономической действительности. «Строя свою концепцию социализма, — пишет автор, — они не могли выяснить внутренних закономерностей и путей развития экономики, так как выделяли те стороны экономической жизни, которые соответствовали их этическому идеалу».¹⁷ Ошибочной и вредной, с точки зрения Спириной, была установка эсеров на мирное вращение социализма в капиталистический базис, поскольку она затемняла «революционное классовое сознание рабочих масс, развращая его реформизмом и отвлекая от настоящих путей революционной борьбы за социализм».¹⁸

На общем фоне ортодоксально-марксистского направления заметно выделялись работы В.Г. Хороса, в которых можно было наблюдать попытку отойти от историко-партийных шаблонов в изучении эсеровской идеологии.¹⁹ По мнению Хороса, идеи Чернова о преобладании разрушительных тенденций капитализма в странах, с опозданием вступивших на путь капитализма, реакционном характере национальной буржуазии и потенциальных альтернативах некапиталистической модернизации аграрных стран подтверждаются мировым историческим опытом.

Таким образом, несмотря на жесткие методологические рамки, историки 1970-1980-х гг. внесли значительный вклад в изучение роли партии эсеров и ее лидеров в политическом процессе России на рубеже веков. Однако определенное идеологическое давление, тяготевшее над исследователями, существенно ограничивало возможности объективного научного анализа роли и места партии и ее лидеров в политическом процессе России.

В 1990-е гг. в отечественной историографии явно обозначились черты кризиса марксистской методологической парадигмы. В этих условиях часть историков по инерции продолжали придерживаться устоявшихся стереотипов в оценке неонародничества как идеологии крестьянской

демократии, историческая прогрессивность которой была исчерпана уже на этапе буржуазно-демократической революции. С другой стороны, появились попытки пересмотреть ортодоксальные подходы, расширить проблематику исследования.

Именно в это время появились первые исследования, посвященные анализу деятельности и мировоззрения Чернова. В них уже не было «разоблачительного» пафоса, авторы признавали его выдающийся вклад в развитие российской общественной мысли, давалась высокая оценка программы социализации земли. Однако в работах этих лет встречались и рецидивы идеологизированного подхода.

Первой работой, посвященной непосредственно Чернову как лидеру эсеров, стал очерк Д.А. Колесниченко, опубликованный в книге «Россия на рубеже веков. Исторические портреты» (М., 1991). Автор дал высокую оценку программе «социализации земли» Чернова, так же как и его роли в качестве теоретика и лидера партии. Однако в работе Колесниченко продолжало сказываться давление прежних стереотипов, что проявилось в упрощенном редукционизме – выведении эсеровской идеологии из мелкобуржуазной классовой природы крестьянства.

Г.Д. Алексеева в монографии «Народничество в России в XX в. Идеинная эволюция» (М., 1990), рассматривая философско-теоретические основы эсеровской доктрины, считает их крайне эклектическими, указывая, что в них позитивизм сочетался с вульгарным материализмом, субъективный идеализм с социальным биологизмом и психологизмом, фальсифицированный марксизм с его критикой с позиций реформизма. В целом же, утверждает Алексеева, «эсеровская концепция социализма, как и другие составные части их идеологии, была разработана крайне слабо. Теоретики партии эсеров не смогли создать научной теории социализма, все их рассуждения носили абстрактный и примитивный характер».²⁰

В 1990-е гг. изучение эсеровской партии продолжил исследователь К.В. Гусев. В 1999 г. выходит его монография «В.М. Чернов. Штрихи к

политическому портрету», в которой автор пересматривает свои прежние оценки в отношении лидера и теоретика эсеров, признавая его важную роль в процессе становления и развития партии. Чернов, отмечал историк, «искренне стремился как убежденный демократ к достижению социальной справедливости и народовластия. Это был умный, высокообразованный политик... одна из наиболее значительных личностей среди российских социалистов».²¹ Автор обстоятельно остановился на деятельности Чернова в период первой российской революции и Февральской революции 1917 года. Но, уделяя внимание тактическим установкам эсеров, особенно террору, Гусев практически не затронул программно-теоретических вопросов. Эволюция мировоззренческих взглядов Чернова в годы последней эмиграции также осталась «за кадром».

Плодотворной, на наш взгляд, представляется попытка М.И. Леонова в цикле работ начала 1990-х гг. обосновать новые подходы к изучению эсеровской партии, альтернативные марксистской методологии. Историк дает высокую оценку роли Чернова как лидера партии, считая его «центральной фигурой генерального штаба эсеров», создателем теоретической концепции эсерства, автором программы и главным конструктором тактических установок партии. Вместе с тем ученый отмечает, что в тактических вопросах Чернов проявлял порой колебания и неуверенность, не отличался особой решимостью в принятии политических решений и, несмотря на то, что был признанным авторитетом в партии, до уровня вождя не дотягивал.²²

В монографии «Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 годы» (М., 1997) М.И. Леонов попытался отойти от традиционного в советской историографии противопоставления неонародничества и марксизма, рассматривая эти два разных идейных течения как отражение двух культур — традиционной крестьянской и индустриальной. Развитие капитализма в России привело к существенной корректировке народнических представлений о социализме в сторону сближения с

«технологическими концепциями», в первую очередь с марксизмом. Исходя из возможности совершенствования крестьянской цивилизации при одновременном индустриальном развитии, эсеровские теоретики пытались обосновать аграрно-индустриальный путь развития России, тогда как марксисты выступали за индустриальный путь.²³

Поиск новых методологических подходов нередко приводит историков к радикальной переоценке идейно-теоретических и программно-тактических основ политических партий. Так, Н.Д. Ерофеев в предисловии к сборнику «Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900-1907 гг.» (М., 1996) высказывает мысль о том, что эсеровская модель социализма, являясь альтернативой большевистской, была более демократичной. Эсеры ориентировались не на один класс, составляющий меньшинство населения, а на народ в целом. Причину поражения эсеров на политической арене России автор видит не только в стечении случайных обстоятельств, личных качествах лидеров партии, политической неопытности масс, но и в специфике исторических условий России начала XX века. Победила авторитарная модель большевиков, потому что она более адекватно отражала потребности страны в ускоренной индустриализации. «Эсеровская же идеология являлась аграрной утопией, недостаточно пригодной для решения проблемы модернизации».²⁴

Вместе с тем автор отмечает, что в начале XX в. в обеих социалистических партиях присутствовали эволюционные тенденции: «В то время как большевизм развивался от марксизма в сторону революционного народничества, эсерство эволюционировало от революционного народничества к западноевропейскому реформистскому социализму».²⁵ Такая позиция автора, на наш взгляд, не лишена противоречий. Если большевизм все более эволюционировал в сторону народничества, открыто заимствовал идеологические установки своих политических оппонентов и одновременно был более приемлемым вариантом модернизации России,

значит, и ряд важных положений народнической программы отвечали реальным условиям развития страны.

Заметным событием в современной историографии аграрного вопроса в России стала изданная в 1994 г. в Самаре работа П.И. Савельева «Пути аграрного капитализма в России. XIX в. (по материалам Поволжья)». В поисках выхода из методологического кризиса Савельев обращается к идее типологизации аграрно-капиталистической эволюции, изложенной в трудах Чернова. Основную заслугу идеолога эсерства автор видит в методологическом обосновании устойчивости и способности к прогрессивной эволюции крестьянского хозяйства. Савельев утверждает, что типологический метод Чернова представляет теоретический прорыв в решении аграрного вопроса. Он был блестяще подтвержден мировым опытом развития сельского хозяйства. По мнению автора, в результате теоретико-методологического прорыва, осуществленного Черновым, народническая доктрина обрела второе дыхание.

Разработка Черновым принципов и основных положений аграрной программы эсеров и его практическая деятельность на посту министра Временного правительства стали предметом диссертационного исследования О.В. Егоренковой «Разработка В.М. Черновым аграрной программы партии социалистов-революционеров как составной части теории крестьянского социализма» (СПб., 1995). Автор утверждает, что программа социализации земли была реальной альтернативой исторического развития России, но осуществить свою программу эсерам не удалось из-за ряда политических просчетов и ошибочной тактики партии в 1917 году.

Причину неудачной политической карьеры Чернова Егоренкова усматривает не только в «происках» большевиков, но в его интеллигентской позиции решать проблемы целого класса без тесных связей с самими классом.²⁶ Большевики не испугались сделать ставку на стихийное творчество масс, поэтому оказались у власти. И именно они смогли

претворить в жизнь эсеровскую социализацию земли. Разницу между эсеровским и большевистским вариантами земельной реформы автор усматривает лишь в «большей проработанной детализации» первого.

Существенный вклад в изучение экономической программы эсеров в период с октября 1917 по лето 1921 гг. вносит диссертация И.В. Маримовой «Социалистическая оппозиция большевизму по вопросам экономической политики (октябрь 1917 – лето 1921)». Автор утверждает, что эсеры раньше, чем меньшевики и большевики, пришли к идее многоукладной экономики, которая рассматривалась как экономическая основа переходного периода. Отдавая должное данной работе, считаем нужным внести уточнение следующего характера: не следует жестко привязывать начало работы эсеров над моделью переходной экономики к октябрю 1917 года. На наш взгляд, она началась немного раньше в период существования коалиционной власти, о чем свидетельствует Чернов в мемуарах «Перед бурей».

Книга В.В. Ишина «Социалисты-революционеры России, конца XIX – начала XX века» (Астрахань, 1995) посвящена анализу программно-теоретических установок и практической деятельности партии эсеров. Автор стремится дистанцироваться от марксистского подхода, но при анализе расстановки политических и классовых сил в стране непроизвольно к нему возвращается. Ишину также не удалось избежать упрощения экономических и политических взглядов эсеров. Признавая оригинальность эсеровского социализма, автор, в конечном счете, подменяет его теорией некапиталистической эволюции и программой социализации земли и считает эсеровскую модель социализма разновидностью кооперативного социализма. Анализируя теорию типов капитализма Чернова, Ишин фактически сводит на «нет» свою же позитивную оценку эсеровского социализма, считая, что «отсталость и неразвитость общественно-экономических отношений России эсеры превратили в "теорию", позволяющую объяснить ее самобытность». Характеризуя Чернова как

политического деятеля, автор отмечает его «робость перед массовым движением, неверие в его успех, колебания в определении партийной тактики» и полагает, что его качества сыграли определенную роль в поражении эсеров.²⁷

Плодотворным в методологическом плане представляется попытка К.П. Строжко (диссертационное исследование «Экономический гуманизм в концепциях государственных деятелей, политических партий и общественных движений России конца XIX – начала XX века», (Екатеринбург, 1996) выделить целое направление в истории российской экономической мысли, которое им классифицируется как «экономический гуманизм». Представителей этого направления, по мысли автора, отличает подход к изучению экономических процессов в рамках социально-этических приоритетов. К нему Строжко справедливо, на наш взгляд, причисляет и Чернова.

Однако нельзя согласиться с данной им общей оценкой эсеровской аграрной программы. Он утверждает, что упразднение частной собственности на землю в эсеровской аграрной программе основано на субъективном представлении Чернова и его соратников по партии о социальной справедливости, которое не отвечало историческим реалиям, и потому аграрная программа эсеров была утопичной. Во-первых, реальностью было именно неразвитость частной собственности в России, а во-вторых, упразднение частной собственности на землю отражало воззрения о социальной справедливости не только эсеров, но и многомиллионного российского крестьянства. И эти представления тоже являлись исторической реальностью, не считаться с которой для политических деятелей и было бы утопией.

Анализу политических взглядов Чернова до 1920-х гг. посвящена работа А.А. Федоренко «Политическая концепция В.М. Чернова» (М., 1999). Автор подходит к рассмотрению философско-социологических и программно-тактических установок Чернова с ортодоксально марксистских

позиций. Он повторяет оценку, данную в советской историографии, о принципиальном эклектизме мировоззренческих взглядов лидера эсеров, о «терминологической путанице и произвольном использовании» им разнородных понятий, полагает, что в представлениях Чернова о социалистическом обществе «отсутствовали ярко выраженные самобытные черты».²⁸ Историк в целом правильно отмечает тенденцию к сближению взглядов Чернова с позициями западной социал-демократии, ярко проявившуюся в годы эмиграции. Но, на наш взгляд, он напрасно отказывает Чернову в оригинальности. Взгляды Чернова периода эмиграции представляют органическое развитие его концепции о типах капитализма, особенностях капиталистической эволюции России.

Определенный интерес для выявления позиций Чернова по вопросам внутрипартийной борьбы имеют работы К.Н. Морозова, посвященные истории деятельности эсеровской партии. В монографии «Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг.» (М., 1998) Морозов рассматривает концепцию Чернова как своеобразный вариант модернизации страны, уникальность которого заключается в попытке соединить ценности западной цивилизации с ценностями традиционной культуры. Автор подчеркивает, что в стремлении к осуществлению варианта демократического социализма «эсеры, по сути дела, хотели "расконсервировать" демократический потенциал народа, обеспечить максимальное развитие приглушенных, но не подавленных до конца традиций народоправства».²⁹

В начале XXI в. ученые продолжают изучение партии социалистов-революционеров и идейного наследия Чернова на основе новых источников из отечественных и зарубежных архивных, библиотечных коллекций. В 2002 г. был издан сборник документов политического процесса над партией эсеров в 1922 г., подготовленный С.А. Красильниковым, К.Н. Морозовым и И.В. Чубыкиным. Сборник сопровождается солидным предисловием и комментариями. В предисловии авторы затрагивают и деятельность

Чернов в период подготовки и проведения процесса, а также его позицию по отношению к советской власти, террору в годы гражданской войны. Исследователи отмечают, что процесс консолидировал правые и левые группы эсеровской эмиграции, но ненадолго.³⁰

Эту тему К.Н. Морозов развивает в монографии «Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-1926): этика и тактика противоборства» (М., 2005). Автор подчеркивает, что, хотя процесс и можно назвать «кульминационным этапом» во взаимоотношениях эсеровской и большевистской партий, он все же «не стал последним годом существования эсеровского подполья в Советской России, и властям понадобилось еще несколько лет на его "добивание"». Поражение эсеров, как справедливо утверждает ученый, вовсе не означало «краха неонароднической идеологии и мирозерцания в целом». Речь нужно вести об уничтожении партии средствами государственного террора, которым противостоять не смогла ни одна политическая сила в Советской России. Власти применяли репрессивные меры не только против самих эсеров, но и против сочувствующих им и даже членов их семей.

В статье, посвященной политическому руководству партии эсеров в 1901-1922-х гг., К.Н. Морозов приходит к выводу, что Чернов в 1919 г. теряет лидерские позиции в партии, «к этому времени складывается новый "коллективный лидер", в котором Чернов уже на периферии, а лидеры его – А.Р. Гоц и Е.М. Тимофеев».³¹ На наш взгляд, такой вывод не бесспорен. Чернов никогда особо не претендовал на организационную роль в партии, оставаясь по преимуществу ее главным теоретиком и идеологом. Вплоть до организационного кризиса Заграничной делегации ПСР в 1926-1927-х гг. эту его роль в партии никто не оспаривал. Кроме того, до своего отъезда за границу в августе 1920 года. Чернов оказывал значительное влияние на принятие важных политических решений. Он являлся инициатором тактики «третьей силы» в 1919 г., под его идейным руководством проходила

сентябрьская конференция 1920 года. В марте 1921 г. он сыграл важную роль в организации помощи восставшему Кронштадту.

Плодотворной, на наш взгляд, является попытка саратовского исследователя А.П. Новикова представить биографию лидера эсеров в работе «В.М. Чернов: человек и политик: материалы к биографии», (Саратов, 2004). В ней впервые большое внимание уделяется эмигрантскому периоду жизни Чернова, отмечается важный вклад лидера эсеров в развитии теории и практики мирового социалистического движения. Новиков дает высокую оценку личным качествам лидера эсеров, позволившим ему сыграть важную роль в революционном движении. В научный оборот вводятся неизвестные до этого времени письма Чернова, отзывы о нем, написанные соратниками по эмиграции.

Об объективном интересе современных историков к изучению эсеровской партии свидетельствует обзорная историографическая работа А.А. Кононенко «Партия социалистов-революционеров в 1901-1922 гг. Проблемы историографии» (Тюмень, 2004).

Важным событием конца XX в. – начала XXI в. является выход в свет солидных энциклопедических изданий, учебников и сборников документов по истории политических партий в России, позволяющих систематизировать знания по истории партии социалистов-революционеров и ее политических лидеров.³²

Новым явлением в последнее десятилетие стало обращение историков к изучению российской эмиграции, что существенным образом позволило раздвинуть хронологические рамки и проблематику исследования истории партии эсеров и мировоззрения Чернова. Начальному периоду эмиграции Чернова посвящены страницы книги В. Костикова «Не будем проклинать изгнание. Пути и судьбы русской эмиграции» (М., 1990). Автор положительно отзывается о «конструктивном социализме» Чернова, обращает внимание на демократический характер его модели социализма, ставку на эволюционные методы строительства нового общества в

противоположность «деструктивному социализму» большевиков. «Социализм Чернова, – пишет Костиков, – отражал, прежде всего, взгляды крестьянства. Одной из центральных идей был «конструктивный социализм», иными словами, «эволюционный социализм», предполагающий возможность построения социалистического общества исключительно демократическими методами».³³

Практически первым отечественным диссертационным исследованием, посвященным эсеровской эмиграции, стала работа И.В. Чубыкина «Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы)», где автор подробно рассматривает организационные центры эсеровской эмиграции, деятельность «Внепартийного объединения» во главе с Административным центром. Определяя основные тенденции в развитии политических установок эсеровской эмиграции и характеризуя модель «конструктивного социализма» Чернова, историк приходит к выводу, что, несмотря на определенную утопичность, концепция Чернова «заключала в себе немало пригодных к использованию в условиях российской специфики ценных решений».³⁴

Продолжает изучение организационных центров эсеровской эмиграции И.А. Кукушкина в статье «Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918-1922)», опубликованной в сборнике «Русский исход» (СПб., 2004). Автор затрагивает важный вопрос об отношении Чернова к Административному центру, подчеркивает, что острая нехватка материальных средств обуславливала стремление Чернова найти компромисс между Центральным бюро ПСР, отрицательно воспринявшим создание «Внепартийного объединения» и Административным центром.³⁵

Эсеровским организациям на территории Эстонии и деятельности Чернова посвящены страницы коллективного исследования «Русское национальное меньшинство в Эстонской республике, 1918-1940».³⁶

Несомненно, к числу исследований, заслуживающих внимания, следует отнести работы Б.К. Ярцева. В статье «Чернов, эсеры и большевистский

режим» Ярцев рассматривает эволюцию взглядов Чернова на революционные события 1917 года. Автор утверждает, что в 1920-х гг. Чернов отошел от первоначальной резко отрицательной оценки Октябрьской революции.³⁷ Трансформация эсеровских оценок большевизма приводит автора к мысли, что если бы не сталинская коллективизация, эсеры, несомненно, повернули бы в сторону сотрудничества с большевиками. Верно отмечая общую направленность эволюции представлений Чернова о причинах, характере и значении Октября в сторону более взвешенного анализа, автор, на наш взгляд, не избежал упрощения его взглядов в период 1917 – начала 1920-х годов. Ярцев утверждает, что Чернов изначально считал октябрьский переворот контрреволюционным. Позволим себе не согласиться с этим утверждением. До весны 1918 г. – начала «горячей» гражданской войны в России – Виктор Михайлович и примыкавшие к нему левоцентристски настроенные эсеры все же не считали деятельность большевиков контрреволюционной и настаивали на тактике «мирного изживания большевистских иллюзий в массах». Возможность сотрудничества эсеров с большевиками в 1930-е гг. тоже была маловероятной, со стороны эсеров она могла быть обусловлена только демократизацией политического режима в СССР. Однако на этот счет они не питали особых иллюзий.

Темой исследования Б.К. Ярцева «Социальная философия В.Чернова» является социалистическая доктрина теоретика эсеров. Концепция социализма Чернова, по мнению автора, утопична, поскольку она исключала товарные отношения и централизованное государство. Ярцев считает, что в своих теоретических построениях Чернов недооценил позитивную роль капитализма в общественном развитии, чрезвычайно усложнил движение к социализму. Однако заслуги Чернова весомее его ошибок. Виктор Михайлович разработал модель демократического, сознательного, творческого социализма, в центре внимания которого стояла гармонически развитая личность.

В целом автор объективно подошел к анализу социалистической доктрины Чернова, хотя вновь не избежал ряда упрощений. Так, он делает попытку проследить эволюцию философских, аграрных и социалистических воззрений Чернова на основе его публикаций в 1920-1930-е гг., упуская из виду целый пласт работ дореволюционного и революционного периодов и времен гражданской войны. Отсюда его недооценка философско-социологических основ мирозерцания Чернова. Например, он ошибочно считает, что «проклятые вопросы философии», проблемы внутреннего мира человека эсер проигнорировал.³⁸

Важный вклад в изучение политической эволюции основных направлений российской эмиграции вносит исследование Н.А. Омельченко. В монографии «Политическая мысль русского зарубежья (очерки истории 1920 – начала 1930-х гг.)» (М., 1997) он выявляет взгляды консервативного, либерального и «альтернативного» (сменовеховство и евразийство) течений русского зарубежья на оценку русской революции, государственного строительства в большевистской России и перспектив развития страны после большевизма. Однако автор, на наш взгляд, существенно ограничил поле своего исследования, не уделив должного внимания социалистическому направлению российской эмиграции.

Компенсировать этот досадный пробел в отечественной историографии пытается К.Г. Малыхин в монографии «Большевистская модернизация России и русское зарубежье 20-30-х годов» (Ростов-на-Дону, 2000). В главе, посвященной эсеровской эмиграции, автор отмечает, что именно в эмиграции развернулся поразительный аналитический дар В.М. Чернова. «Он проделал колоссальную работу по исследованию проблем, с которыми столкнулась большевистская Россия».³⁹

Характеризуя разрабатываемую Черновым модель развития страны, ученый верно отмечает, что она «должна была строиться на принципах длительного сосуществования различных укладов в экономике России, при опоре на принципы рыночной экономики», демократических политических

устоев и носила по своей сути «вестернистскую направленность».⁴⁰ Автор доказывает, что в реальной ситуации ставка Чернова на инвестиционную поддержку стран Западной Европы была невозможна. «России предстояло развитие при опоре на собственные силы, – утверждает он, – что в тех условиях приводило к неизбежности сталинского варианта «деспотической варварской модернизации». Это сводило предложения эсера «в набор благих пожеланий». С другой стороны, К.Г. Малыхин подчеркивает, что демократические идеи Чернова во многом опередили свое время, «развитие современной цивилизации пошло по пути им предсказанном».⁴¹

Таким образом, автор достаточно объективно исследует отношение эсеров к большевистской модернизации и предлагаемые ими альтернативы развития. Однако ограничение источниковедческой базы исследования исключительно опубликованными материалами неизбежно сузило возможность полного и всестороннего изучения отношений Чернова к большевистскому опыту строительства социализма и оценке его варианта модернизации страны. За «кадром» остались взгляды Чернова на характер экономических и политических процессов в СССР в 1930-1940-е годы.

Первым шагом в этом направлении можно считать диссертационную работу Е.Г. Кривошеевой «Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период второй мировой войны», в которой она исследует пораженческое и оборонческое направления в российской эмиграции и уделяет основное внимание участию эмигрантов в фашистском и антифашистском движении. Объектом пристального внимания автора становятся позиции белой эмиграции, Власовского движения и движения Сопротивления во Франции. К сожалению, эсеровской эмиграции автор не уделяет должного внимания.⁴²

Таким образом, в конце XX – начале XXI вв. исследователи более взвешенно и конструктивно подходят к оценке роли Чернова и его творческого наследия. Но вместе с тем значительная часть работ Чернова

1920-1940-х гг. не введены в научный оборот и требуют дальнейшего осмысления.

Если интерес отечественных историков к идейному наследию Чернова отчетливо обозначился лишь в последнее время, то в зарубежной историографии внимание к нему проявлялось еще при его жизни.

С конца 1950-х гг. на Западе активизировалось изучение истории партии эсеров. Заметным явлением стали фундаментальные работы американского историка О.Г. Рэдке «The Agrarian Foes of Bolshevism: promise and default of the Russian Socialist Revolutionaries February to October 1917» (New-York, 1958), «The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the early months of Soviet Rule» (New-York, 1963). Оливер Рэдке, еще будучи студентом, с середины 1930-х гг. заинтересовался темой «Партия социалистов-революционеров в революции 1917 года». При посредничестве М.М. Карповича, бывшего сотрудника российского посольства в Вашингтоне, а затем профессора русской истории Гарвардского университета, он установил связи с С.П. Постниковым и В.М. Черновым. Чернов оказал ему помощь при написании докторской диссертации, которую Рэдке успешно защитил в 1939 году. В ней Рэдке, со слов М.В. Вишняка, дал «чрезвычайно высокую оценку» Чернову и «с сочувственным пониманием» отнесся к партии эсеров.⁴³

Однако в работах 1950-1960 гг. историк пересмотрел свои позиции. Как отмечал Вишняк, «автор взял на себя обязанности следователя и судьи»; в своих работах он «огорчается, издевается и негодует».⁴⁴

Вишняк обратил внимание на противоречивость оценок автора. Подчеркивая антибуржуазную направленность эсеровской аграрной программы, стремление отразить в ней чаяния крестьянства, Рэдке отмечал, что программа партии не вышла за рамки политических деклараций. Она была утопична в своем главном требовании – общественной собственности на землю. Социализация земли характеризуется автором как игра безответственных интеллигентов, и прежде всего «плодоносного мозга»

Чернова. Но вместе с тем он сетует на то, что эсеры отказались реализовывать свою программу в 1917 году.⁴⁵

По мнению Рэдке, поражение эсеров в 1917 г. и крах Февральского режима были обусловлены неудачным решением двух вопросов – о мире и о земле. В качестве оптимального варианта им рассматривался выход из войны в духе Циммервальда и проведение земельной реформы, предлагаемой Черновым в бытность министра земледелия.⁴⁶ Рэдке признавал, что Чернов пользовался огромной популярностью, был одаренным теоретиком с громадными интеллектуальными способностями, но ему не доставало организаторского таланта, способности убеждать в своей правоте и отстаивать свою точку зрения. Недостатки лидера эсеров сыграли важную роль в поражении эсеров, считает историк.

Чернов отказался от борьбы за свою программу, пойдя на компромисс с правым крылом партии. Оно стало определять политику партии в течение решающих летних месяцев, что фатально вело ее к катастрофе. Главной ошибкой правых Рэдке считал то, что они попали под влияние меньшевиков и кадетов, заимствовав у них концепцию буржуазной революции, тактику коалиции с буржуазией и установку на невозможность социалистической революции.⁴⁷

Рэдке отмечал, что ПСР была конгломератом противоречивых элементов, что негативно сказывалось на организационной структуре. Война еще более усугубила ситуацию, разделив партию на левое течение – сторонников Циммервальда и правое – выступающее за продолжение войны. По мнению Рэдке, партия совершила фатальную ошибку, отказавшись организационно оформить раскол.⁴⁸

Историк обвиняет эсеров в том, что они недооценили опасность большевизма и преувеличили роль кадетов. Другой причиной, по его мнению, определившей поражение эсеров, было то, что эсеровская партия, считаясь крестьянской, так и не смогла аккумулировать в себя крестьянские

массы и по сути дела осталась организацией «доктринеров-интеллигентов».⁴⁹

С начала 1970-х гг. количество исследований, посвященных эсеровской партии, резко возросло. В западной историографии наметилось два направления. Представители первого акцентировали внимание на утопичности концептуальных положений эсерства. Другие делали попытки выявить степень адекватности их позиций интересам трудящихся масс, возможности реализации представленной модели в специфических условиях России, обращали внимание на объективные и субъективные причины политического краха эсеров.

Особое внимание историки уделили разработке Черновым аграрной программы партии. М. Пери в лекции на тему «The agrarian policy of the Russian Socialist-Revolutionary Party from its origins through the revolution of 1905-1907», прочитанной в 1976 г., акцентировал внимание на той важной роли, которую сыграл Чернов в привлечении внимания к деятельности партии среди крестьянства. Большую роль в этом направлении, подчеркивал он, сыграло создание в Тамбовской губернии «Братства для защиты народных прав» и организация за границей «Аграрно-социалистической лиги».⁵⁰ Итальянский исследователь А. Вентури признает значительным вклад Чернова в процесс формирования идеологической доктрины партии эсеров.⁵¹

Работа финского исследователя Х. Иммонена посвящена сугубо теоретическим сюжетам разработки эсеровской аграрной программы. Выделяя «черновский», «вихляевский», «ракитниковский» этапы становления аграрной программы, он отдает первенство Чернову, который, по его мнению, задался целью «синтезировать идеи русского народничества и западноевропейского аграрного реформизма». Автор дает позитивную оценку этому направлению, видя в нем поступательное развитие эсеровской идеологии, выразившееся в освобождении от крайностей революционного радикализма.⁵²

В работах А. Гейфман рассматриваются предпосылки возникновения и распространения террора в Российской империи в начале XX века. Эсеровский террор вызван, по ее мнению, теми же обстоятельствами русской жизни, что и народовольческий. Вместе с тем, отмечает автор, в программных и тактических установках эсеровской партии он не занимает всеобъемлющего значения. На изменение представлений народнических мыслителей о роли и месте террора в политической борьбы большое влияние оказал марксизм. Под влиянием марксизма эсеры даже террор «привязывали» к развитию массового народного движения.⁵³

Немецкий историк М. Хильдермайер в книге «The Russian Socialist Revolutionary Party before the First world war» (New-York, 2000) не согласился с утверждением Рэдке, что история партии эсеров предстает в виде цепи субъективных ошибок. Неприемлем для него и вывод американского историка о том, что доктрина эсеров ничего, кроме «интеллектуальных фантазий», собой не представляла. В своих сочинениях он уделяет большое внимание теоретическим изысканиям социалистов-революционеров. По его мнению, Чернов, наряду с М.Р. Гоцем, Е.К. Брешко-Брешковской и Г.А. Гершуни, являлся ключевой фигурой в руководстве эсеровской партии на начальном этапе ее развития. Его роль в качестве теоретика партии была обусловлена неординарными литературными и интеллектуальными способностями, блестящим ораторским искусством и мощным интеллектом. Хильдермайер отмечает что, Чернов блестяще начал карьеру теоретика партии, синтезируя основные положения «субъективной школы» Н.К. Михайловского и постулаты марксизма.⁵⁴ Сравнивая доктрины социал-демократов и эсеров, он приходит к выводу, что если для первых отсталость России была «источником безнадежных противоречий», то для вторых — она превращалась в преимущество, поскольку в неразвитости капитализма эсеры видели своеобразный исторический шанс для торжества социалистических отношений.⁵⁵

Историю партии эсеров Хильдермайер рассматривает сквозь призму проблемы модернизации России. По его мнению, усиление организационных и идейных противоречий между различными течениями в эсеровской партии накануне первой мировой войны объективно отражало борьбу за различные пути модернизации России. Страна стояла перед выбором между двумя направлениями развития – либерально-буржуазным вариантом западного типа и «социально-трудовым». Правое крыло эсеров (группа «Почин») предпочла первый путь развития, левое – второй, отвечающий культурно-цивилизационным особенностям России. Таким образом, подчеркивает Хильдермайер, победа «центробежных тенденций в партии эсеров над центростремительными» была вызвана глубокими причинами модернизации страны и неизбежно должна была привести к утрате партией «синтетического характера» ее идеологии и движения.⁵⁶

Модернизация страны предполагала проведение кардинальных социальных преобразований. По мнению историка, их могли осуществить только две могущественные революционные силы – эсеры и большевики, разногласия между которыми олицетворяли раскол между аграрным и городским секторами экономики. Невозможность интегрировать город и деревню стала главной причиной неудач эсеров. Хильдермайер считает, что их программа, рассчитанная на реализацию варианта некапиталистического развития и сохранение большого удельного веса аграрного сектора экономики, не отвечала задачам форсированной индустриализации, которые диктовались исторической необходимостью.⁵⁷ Историк утверждает, что партия эсеров не смогла понять реалии современной России, не нашла оптимальный вариант собственной организационной структуры, позволившей ей эффективно руководить народным движением. Эсеры так и остались партией интеллигенции.

Рассуждения ученого перекликаются с выводами американского исследователя П. Холквеста. Он утверждает, что большевики победили потому, что первыми стали применять в политической практике России

популистские методы, опираясь на самостоятельность и активность народных масс, привлекая их на свою сторону и манипулируя в собственных политических целях, тогда как другие политические партии, в том числе и эсеры, оказались не способны встать во главе народной стихии и были сметены ею.⁵⁸

Диссертационное исследование С.Б. Сосинского, внука В. Чернова, «Page from the life and work of an SR leader a reappraisal of Victor Chernov» (Boston, 1995) является практически единственной фундаментальной работой, посвященной персонально Чернову. Автор исследует жизненный и творческий путь Чернова от гимназической скамьи до 1920 г., используя широкий круг источников, в том числе из коллекций Гуверовского архива при Стэнфордском университете США. Он подробно останавливается на становлении мировоззрения Чернова, дает целостную характеристику его философско-этическим взглядам. Автор полагает, что, несмотря на явные заимствования из философских теорий начала XX в., философская доктрина Чернова не лишена оригинальности и явилась фундаментом идеологии крупнейшей политической партии в России.

Анализируя воззрения революционера, С.Б. Сосинский отмечает противоречивое сочетание принципов гуманистической морали, с одной стороны, и политического утилитаризма – с другой. Это проявилось в оправдании террора как средства революционной борьбы. Противопоставляя политическую платформу эсера в 1917 г. большевизму, исследователь обращает внимание на приверженность Чернова демократическим ценностям, которую он пронес через всю жизнь. Причину поражения эсеровской партии ученый усматривает в стечении неблагоприятных исторических обстоятельств.

Американский историк М. Меланкон в статье «Чернов», опубликованной в сборнике статей «Critical companion to the Russian Revolution 1914-1921» (1997), указывает, что разработанная Черновым социальная концепция российской революции была более адекватна

русской реальности, чем марксистская. Историк считает, что теория Чернова единого трудового класса (состоящего из пролетариата, крестьянства и интеллигенции) как бы предвосхитила основы социального строя в СССР.

Автор полагает, что в 1917 г. Чернов получил уникальный шанс воплотить свою теорию на практике. Однако отсутствие у него политического чутья, умения проявить решительность, твердость в нужное время и в нужном месте, наряду со склонностью к политическому самопожертвованию, привели его к фатальному поражению как политического лидера.⁵⁹

В другой статье, посвященной партии эсеров в 1917-1920-х гг., представленной в этом же сборнике, М. Меланкон отмечает, что эсеровская партия в период Февральской революции столкнулась с рядом проблем. Одной из них стало несоответствие между прежними организационными формами и массовой базой, вызванное притоком новых членов в партию (мартовских эсеров). В результате массового пополнения партии партия становилась организационно и идеологически не управляемой. Руководство партии эсеров в Петрограде было представлено в основном приехавшими из-за границы прежними лидерами, политическая ориентация которых была весьма умеренна. Новые лидеры партии, занимавшие левые позиции, еще не успели вернуться из ссылки и мест заключения. Это привело к перевесу правых элементов в ЦК. Ошибка Чернова, ставшая роковой, по мнению автора, состояла в том, что он не сумел нейтрализовать во время влияние правого крыла в руководстве партии, и тем самым способствовал отчуждению от партии левых эсеров. По мнению М. Меланкона, этот выбор и обусловил политическое одиночество Чернова в решающие моменты революции.⁶⁰

Анализ позиций партии социалистов-революционеров в период Октябрьской революции и гражданской войны представлен на страницах работ В.Н. Бровкина «Behind the Front Lines of the Civil War Political Parties

and Social Movements in Russia» (Princeton, 1994), «The Bolsheviks in Russian Society: the Revolution and the Civil War Years» (New Haven, 1997). Автор обращает внимание на то, что после Октябрьской революции эсеры были вынуждены лавировать между большевиками и несоциалистическими силами. Если до мая 1918 г. они придерживались тактики легальной оппозиции власти, то весной вынуждены были перейти к открытой вооруженной борьбе с большевиками. По мнению В.Н. Бровкина, противостояние между социалистическими силами определило сущность первого этапа гражданской войны. Немаловажную роль в переходе эсеров к новой тактике сыграло заключение большевиками Брест-Литовского мира. В период открытого гражданского противостояния эсерам пришлось решать вопрос о сотрудничестве с несоциалистическими силами, что усилило разногласия в партии. Коалиция с либералами и создание Директории не спасло положения. Колчаковский переворот и окончание первой мировой войны в ноябре 1918 г. заставили эсеров вновь вернуться к тактике мирной оппозиции большевизму. Причины поражения эсеров Бровкин связывает с организационным кризисом партии, неспособностью соединиться с народным движением.⁶¹

Позиция эсеровской партии и взгляды Чернова в годы гражданской войны нашли отражение в общих работах зарубежных историков по истории революции и гражданской войны в России.⁶²

Ряд специальных исследований, посвященных изучению крестьянского движения, в той или иной степени позволяют выявить степень влияния эсеровской партии в массах.⁶³

В 1993 г. в Москве на русский язык была переведена книга известного голландского исследователя партии эсеров М. Янсена «Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров», в которой автор затрагивает вопросы, связанные с отношением Чернова к террору в годы революции и гражданской войны, дает общую характеристику эсеровской эмиграции в 1920-е годы.

В отличие от других разделов российской истории изучение эсеровской эмиграции еще не стало предметом специального научного исследования за рубежом. Это вызывает недоумение, поскольку в американских и голландских архивах находятся уникальные коллекции документов, свидетельствующие об активной политической и творческой деятельности Виктора Михайловича за рубежом.

Первой попыткой заполнить историографический вакуум можно считать публикацию на английском языке в 1990 г. (Нью-Йорк, Оксфорд), а затем и на русском в 1994 г. книги нашего соотечественника, эмигранта М.И. Раева «Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919-1939». Автор констатирует, что, несмотря на огромный массив источников, имеющихся по политической эмиграции за рубежом, историография темы оказалась несопоставимо мала.⁶⁴ По эсеровской эмиграции можно назвать лишь книгу Р. Абрагама, посвященной А.Ф. Керенскому.⁶⁵ Вместе с тем он также практически не уделяет внимание эсеровской эмиграции, сконцентрировавшись исключительно на изучение культурной жизни эмигрантов.

Работа Д. Глэда «Россия за рубежом. Писатели, историки, политики» (1999 г.) явилась еще одной попыткой изучения российской эмиграции. Автор пошел по пути расширения хронологических рамок исследования, начиная историю российской эмиграции с XVIII в. и доведя ее до конца советского периода. Однако эсеровской эмиграции в этом фундаментальном исследовании посвящены только две страницы.⁶⁶

Появление статьи еврейского историка В. Хазана «О поездке В.М. Чернова в Палестину» свидетельствует о пробуждении интереса зарубежных исследователей к эмигрантскому периоду деятельности эсеровской эмиграции и, возможно, будет «первой ласточкой» в расширении проблематики исследования российского эсерства за рубежом.⁶⁷

Таким образом, в изучении идейного наследия Чернова в отечественной и зарубежной историографии накоплен огромный положительный опыт. Но вместе с тем, следует отметить, что степень изученности мировоззрения Чернова вряд ли можно признать достаточной. Практически не исследованным остается период его последней эмиграции, оказавшийся очень плодотворным для разработки ключевых теоретических проблем политической и социально-экономической доктрины эсерства, основанной на анализе большевистского опыта модернизации страны в контексте мировых процессов. Без изучения этого этапа проблема эволюции мировоззрения Чернова, его роли и места в истории российского революционного и международного социалистического движения не может быть решена.

Методологическая основа исследования

Дальнейшее продвижение в изучении идейно-политической борьбы в России в эпоху революционных преобразований начала XX в. возможно при условии обновления методологической базы на основе творческого переосмысления теоретических подходов, которые дает современная историческая наука. Представляет интерес в этом плане концепция модернизации, позволяющая объяснить эпохальные изменения, происходящие в мире при переходе от традиционного общества к современному.

В отечественной литературе определились две позиции по проблеме модернизации. Сторонники классической версии рассматривают ее как процесс капиталистического развития, движения к ценностям западной цивилизации, охватывающей различные сферы общественной жизни.⁶⁸ Приверженцы второй точки зрения сводят модернизацию к достижениям индустриализации и научно-техническому прогрессу.⁶⁹

На наш взгляд, социально-экономические аспекты модернизации, неразрывно связаны с политической и культурной ее составляющей. Модернизация – это взаимообусловленный процесс индустриального

развития и раскрепощения общества от феодальных и сословных пут, сопровождавшийся ростом активности народных масс, формированием институтов гражданского общества.

Революционная ситуация начала XX в. продемонстрировала неспособность политической элиты самодержавной России аккумулировать энергию народных масс для реализации задач модернизации страны. Практически в годы революции и гражданской войны решался вопрос не только о победе определенных политических сил, но путей модернизации России.

Неэффективность и ограниченность либерально-буржуазной модели модернизации, с одной стороны, и патриархально-подданический тип политической культуры основной массы народа – с другой, способствовали торжеству большевизма. Большевистская политическая элита, используя различные экономические и политические рычаги управления, оказалась способной мобилизовать все ресурсы государства и общества для проведения форсированной индустриализации страны. Это определило своеобразие большевистской модернизации – ведущую роль государства во всех сферах общественной жизни и систему политической диктатуры. Большевикам удалось создать особую систему, нейтрализующую на определенном этапе противоречия модернизационного процесса и сочетающую традиционные культурно-исторические формы с инновациями технического прогресса.

Модель модернизации России, предлагаемая Черновым, представляет программу преобразований, альтернативную как либерально-буржуазному реформаторству, так и большевистской диктатуре. Пытаясь найти вариант модернизации страны, отвечавший особенностям ее культурно-исторического развития, Чернов старался сочетать приверженность к институтам и ценностям традиционного общества (кооперация, коллективизм, уравнительность) и стремление к утверждению новых общественных отношений, основанных на признании прав человека,

политической демократии. Программа модернизации страны Чернова эволюционировала под воздействием большевистского опыта в направлении признания важной роли государства в процессе социальных преобразований, но ставка на развитие правового государства и демократии оставалась для него неизменной.

В работе мы попытались отойти от старых методологических установок классового детерминизма, полагая, что мировоззрение человека представляет сложный синтез различных составляющих, оно обусловлено целым комплексом условий и не определяется лишь классовой принадлежностью индивида. Большое влияние на формирование общественно-политических позиций личности, наряду с социальным окружением, имеет морально-этическая мотивация. При анализе мировоззрения Чернова плодотворным, на наш взгляд, является комплексный, междисциплинарный подход, позволяющий продуктивно сочетать сравнительно-исторический метод и принципы объективизма и историзма с методами других общественных наук, таких как социология и политология, право, психология и экономика.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются идейно-политические процессы в российском обществе и эсеровской эмиграции в первой половине XX века.

Предметом – мировоззрение Чернова в эпоху революции, гражданской войны и периода последней эмиграции. Мы исследуем, прежде всего, его социально-экономические и политические представления о перспективах развития российского общества, оценку большевистского опыта построения социализма в контексте общемировых политических процессов.

Хронологические рамки исследования

Нижний временной рубеж исследования относится к периоду Февральской революции, когда четко проявились альтернативы исторического развития страны. Период от Февраля к Октябрю является кульминационным в политической карьере Чернова.

Верхняя грань исследования – рубеж 1940 – начало 1950 гг. – это заключительный этап активной политической и творческой деятельности Чернова, когда он подводит определенные итоги осмыслению опыта политической борьбы и изучению политических и социально-экономических процессов в СССР.

Цель и задачи исследования

Целью диссертации является изучение разработанной Черновым концепции социалистической модернизации России в неразрывной связи с критическим анализом большевистской теории и практики переустройства страны и основными тенденциями мирового политического развития.

В соответствии с целью определены основные задачи работы:

- изучить взгляды Чернова на характер и особенности революционного процесса в России;
- выявить его оценку экономической и политической сторон большевистской модернизации;
- определить концептуальные положения модели конструктивного социализма Чернова и предлагаемых им путей политического и экономического преобразования страны;
- рассмотреть основные принципы сравнительного анализа Черновым тоталитарных систем и режимов;
- проследить развитие взглядов Чернова на роль СССР в международных процессах 1930-1940-х годов.

Структура исследования

Решению основных задач исследования подчинена структура работы. В первой главе изучается разработка Черновым программно-тактических установок эсеровской партии в условиях начавшейся революции, выявляется его роль во Временном правительстве и позиции в годы гражданской войны.

Вторая глава посвящена исследованию взглядов эсера на экономические основы социалистического общества в неразрывной связи с осмыслением большевистского опыта модернизации.

В третьей главе рассматриваются оценки Черновым политического процесса в СССР, характеристика политической системы страны и концепция социалистической демократии.

В четвертой главе представлена сравнительная характеристика Черновым двух моделей тоталитарных государств: СССР и фашистской Германии, анализируются его взгляды на роль СССР в системе международных отношений накануне и в годы второй мировой войны и рассматриваются предлагаемые варианты послевоенного устройства мира.

Новизна исследования

Новизна исследования проявляется в комплексном подходе к изучению мировоззрения Чернова, которое рассматривается на всех его структурных уровнях, включая анализ идеологических компонентов, экономической и политической сторон общественного идеала. В диссертации впервые рассматривается эволюция взглядов Чернова по коренным вопросам социалистической доктрины со времени Февральской революции до начала 1950-х гг., что позволяет в должной степени раскрыть его роль как теоретика и лидера партии эсеров и крупной политической фигуры социалистической эмиграции.

Характеристика мировоззрения и социалистической доктрины Чернова основывается на анализе не использовавшихся ранее опубликованных трудов и архивных материалов из заграничных архивных коллекций.⁷⁰ Все это позволяет расширить и конкретизировать представление о его взглядах по коренным программно-теоретическим вопросам, по-новому оценить место Чернова в общественно-политической борьбе в России и истории мировой социалистической мысли XX века.

Практическая значимость работы

Полученные результаты исследования могут быть использованы для углубленной научной разработки проблем общественно-политической истории России начала XX века. Фактический материал и выводы могут быть полезны при изучении соответствующих спецкурсов по отечественной истории в системе вузовского обучения.

Апробация работы

Основные положения и выводы диссертации были апробированы на международных, всероссийских и региональных конференциях. Автор неоднократно выступала с докладами на международных конференциях в Кемерово, посвященных истории белого движения в Сибири (2003, 2005 гг.). Принимала участие во Всероссийской конференции выпускников Программы Фулбрайта на базе Томского университета в 2005 г. Была участником международной конференции, посвященной 180-летию М. Сперанского в Иркутске (2003 г.), а также неоднократно представляла доклады на международные, всероссийские и региональные конференции, проходившие в Красноярске. Базовые положения диссертации нашли отражения в 31 научных публикациях, объемом более 38 п.л. Работа обсуждена на заседании кафедры отечественной истории исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.

Источники

Для решения поставленных задач проработан значительный комплекс опубликованных и архивных источников. Его основу составляет творческое наследие самого Чернова.

Важную роль для изучения взглядов Чернова в период революции и гражданской войны имеет знакомство с его статьями в периодических эсеровских изданиях «Дело народа» и «Дело». Как правило, статьи писались «на злобу дня» по горячим следам и позволяют проследить эволюцию воззрений Чернова на самые яркие события революции и гражданской

войны. Особенно важны для историка в плане выявления его оценок большевистского режима статьи «Право революционной диктатуры», «Ленин против Каутского. Демократия и диктатура», опубликованные в 1918-1919 гг. в эсеровской газете «Дело».

Особый интерес для исследователя представляют два тома собрания сочинений Чернова, изданных в 1917-1918 гг. по решению ЦК ПСР. Первый том – «Земля и право» – включал в себя наиболее важные работы по аграрной тематике. Второй – «Основные вопросы пролетарского движения» – содержал труды Чернова по истории рабочего и профессионального движения в России и за рубежом. Проблеме соотношения демократии и диктатуры посвящены его статьи в эсеровских сборниках «Русский рабочий» (Пг., 1918), «Большевики у власти. Социально-политические итоги октябрьского переворота» (Пг., 1918). Определенный интерес в этом аспекте представляют рукописные тезисы Чернова о демократии, относящиеся к началу 1930-х гг., опубликованные автором диссертации в журнале «Исторический архив» (М., 2001. №4).

Работы Чернова периода гражданской войны и отрывки из начатой им истории партии эсеров представлены вместе с другими партийными документами в сборнике «Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года», изданном в 1989 г. в Амстердаме известным историком эсеровской партии М. Янсенем. Он подготовил также к изданию в Москве наиболее полную версию «Конструктивного социализма» Чернова.⁷¹ В ходе работы в фонде Чернова нами были выявлены фрагменты II тома «Конструктивного социализма», считавшегося до последнего времени утерянным. Они посвящены анализу аграрной проблемы.⁷²

В 2000 г. в журнале «Вопросы истории» (№7-10) американскими историками Ю.Г. Фельштинским и Г.И. Чернявским были представлены «Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июнь 1917 – март 1918 г.) с комментариями В.М. Чернова». В 2006 г. ими была опубликована статья

лидера эсеров «"Черновская грамота" и Уфимская Директория» (№2-4). Эти работы позволяют конкретизировать взгляды Чернова на события революции и гражданской войны.

В годы эмиграции Чернов продолжал работать над важнейшими программно-теоретическими вопросами. Особый интерес для исследователей в этом плане имеет знакомство с его статьями, опубликованными на страницах эсеровских заграничных изданий «Народное дело», «Революционная Россия», «Воля России», «Голос России».

Исключительно важное значение для изучения предлагаемой Черновым модели развития страны и анализа результатов большевистского опыта строительства социализма имеет первый том «Конструктивного социализма» (Прага, 1925). Чернов выступает здесь как убежденный сторонник эволюционного перехода к социализму через постепенное расширение социалистического сектора экономики и широкое развитие демократии. Работа «Рождение революционной России (Февральская революция)» (Прага, 1934) конкретизирует и обобщает взгляды Чернова на события Февральской революции. Дополненная и переработанная версия этого труда была переведена на английский язык профессором Йельского университета США Ф.Е. Мозели и опубликована в 1936 году.⁷³

В 1930 г. в США вышли семь номеров «Бюллетеня Американской Федерации ПСР», а в 1933 г. – два номера журнала «Пути», посвященные проблемам тоталитаризма в Германии и России. Значительную часть опубликованных в них материалов составляют статьи Чернова. С 1941 г. эсерам удалось организовать издание в Нью-Йорке журнала «За свободу». Представленные в нем статьи Чернова позволяют познакомиться с его взглядами на важнейшие события второй мировой войны и роль СССР в мировом противостоянии.

Существенно расширяют возможности исследования неопубликованные работы Чернова 1920-1930-х гг., сохранившиеся в его

личном фонде (5847) в ГАРФ и фонде (274) ЦК партии эсеров в РГАСПИ. Анализ социальных процессов в России представлен в его статьях «Черный передел 1918 г.», «Социальная структура послереволюционной России» и «Русская партия социалистов-революционеров и крестьянство».⁷⁴ Машинописный автограф брошюры Чернова «Итоги марксизма. Демократия, диктатура, социализм», подготовленный к 50-летию годовщины смерти К. Маркса, позволяет выявить его позиции в 1930-е годы.⁷⁵ В работе Чернов подводит итог идеологическим исканиям в марксизме. Он приходит к выводу, что реанимировать доктрину марксизма в современных условиях невозможно.

Наибольшую ценность для изучения истории эсеровской эмиграции представляет крупнейшая архивная коллекция Б.И. Николаевского из Гуверовского архива при Стэнфордском университете США.⁷⁶ Уникальность коллекции Б.И. Николаевского заключается в том, что там представлены материалы, охватывающие весь период существования партии социалистов-революционеров и эсеровской эмиграции, содержатся документы, дающие представление о деятельности и теоретических исканиях виднейших деятелей российского социалистического движения.

Более 40 объемных коробок этой коллекции содержат материалы Чернова. Наибольшую ценность в ней представляют неопубликованные работы Виктора Михайловича 1930-1940-х гг., посвященные анализу тоталитарных режимов в СССР и Германии, событиям второй мировой войны и периоду «железного занавеса».⁷⁷ Дело в том, что по материальным и идеологическим соображениям Чернову в эти годы не всегда удавалось опубликовать свои труды. Небольшой перечень изданных работ свидетельствует не только о том, что Чернов меньше писал и работал, но и об отсутствии возможностей для публикации. Кроме того, следует учитывать, что после приезда в США в 1941 г. он оказался в окружении правых эсеров. Сам Виктор Михайлович не всегда разделял взгляды своих товарищей по изгнанию, однако вынужден был считаться с ними и

подвергать свои статьи определенной корректировке. В этом плане знакомство с рукописями его работ позволяет более точно реконструировать взгляды Чернова по важнейшим проблемам современности.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. основным лейтмотивом работ, вышедших из-под пера Чернова, стало изучение внешней политики СССР и Германии, выявление геополитических причин, способствовавших развязыванию второй мировой войны. Этим вопросам посвящена одна из крупных, но так и не опубликованных работ Чернова «Муки родов "Новой Европы"» (Box134, f.8). Практически еще до того, как основные постулаты теории тоталитаризма были сформулированы американскими политологами К. Фридрихом и З. Бжезинским, Чернов в статьях «Старые и новые диктатуры» (Box 391, f.2), «Природа тоталитарного этатизма» (Box 391, f.14), «Этатизм, отесняющий социализм» (Box 391, f.22), «Встреча антиподов» (Box 391, f.26), «Как это произошло» (Box 391, f.9), «По ту стороны ошибок и ответственности» (Box 391, f.13) определил принципиальные черты сходства и отличия тоталитарных режимов правого и левого толков.

Фонды В.М. Зензинова и ПСР из Бахметьевского архива при Колумбийском университете США в определенной мере дополняют Гуверовскую коллекцию. Среди неопубликованных работ Виктора Михайловича периода второй мировой войны в коллекции Зензинова (box3, f. «Chernov») нами обнаружена статья «Демократия в войне», посвященная проблемам демократии и тоталитаризма.

Большой массив материалов по истории эсеровской эмиграции находится в коллекциях ПСР и Чернова в Международном институте социальной истории в г. Амстердаме. Личная коллекция Чернова включает 45 коробок, из которых наибольшую ценность представляют материалы, посвященные его поездке в Палестину (box 21-22), неопубликованные фрагменты второго тома «Конструктивного социализма» (box 8) и статьи о

гражданской войне (box 45). Среди неопубликованных материалов архива интересны письма Чернова, по наиболее актуальным событиям мировой политики 1930-х годов.⁷⁸ Основная часть коллекции ПСР микрофильмирована и передана в РГАСПИ (Ф.673).

Ценную информацию для воссоздания атмосферы идейной и политической борьбы эпохи содержат эпистолярные и мемуарные источники. Особую важность для нас представляют воспоминания самого Чернова – «Записки социалиста-революционера» (Берлин, 1922) и «Перед бурей» (Нью-Йорк, 1953), а также других видных представителей российской эмиграции.⁷⁹

Весь комплекс источников позволяет решить поставленные в диссертации задачи – исследовать альтернативную большевизму модель политической и экономической модернизации страны Чернова в тесной взаимосвязи с анализом большевистского опыта.

¹ Лутохин, Д.А. Зарубежные пастыри / Д.А. Лутохин // Минувшее: исторический альманах. Вып.22. – СПб., 1997. – С.75.

² Зайцев, А. 1918 год: Очерки по истории русской гражданской войны / А. Зайцев. – Париж, 1934; Гинс, Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т.1,2. / Г.К. Гинс. – Пекин, 1921; Мельгунов, С.П. Трагедия адмирала Колчака / С.П. Мельгунов. Ч.1,2,3. – Белград, 1930, 1931.

³ Спиридович, А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники / А.И. Спиридович. – Пг., 1918.

⁴ Струве, П.Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм / П.Б. Струве. – СПб., 1911. – С.10, 13-17, 56-58; Герценштейн, М.Я. Аграрный вопрос в программах различных партий / М.Я. Герценштейн // Аграрный вопрос. – М., 1907. – Т.2. – С.141.

⁵ Туган-Барановский, М.И. Национализация земли / М.И. Туган-Барановский. – Пг., 1907; Кауфман, А.А. Аграрный вопрос в России / А.А.Кауфман. – М., 1918; Цит. по: Леонов, М.И. Партия социалистов-революционеров / М.И. Леонов. – М., 1997. – С.7.

⁶ Кистяковский, Б.А. Государство правовое и социалистическое / Б.А. Кистяковский // Вопросы философии психологии. – 1906. – Т.85; Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С.158.

⁷ Кубов, А. [Аргунов А.А.]. Краткий очерк истории программы и устава П.С.-Р. / А. Кубов // Памятная книжка социалиста-революционера. – Париж, 1911. – Вып.1; Нечетный, С. [Слетов С.Н.]. Очерки по истории возникновения партии социалистов-революционеров / С. Нечетный // Социалист-революционер. – 1912. – №4; Слетов, С.Н. К истории возникновения партии социалистов-революционеров / С.Н. Слетов. – Пг., 1917.

⁸ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли / Иванов-Разумник. – М., 1997. – Т.3. – С.247.

⁹ См.: Городницкий, Р.А. Б.В. Савинков и судебнo-следственная комиссия по делу Азефа / Р.А. Городницкий // Минувшее: исторический альманах. Вып.18. – СПб., 1995. – С.211; Савинков, Б. Посмертные статьи и письма / Б. Савинков. – М., 1926. – С.24; Авксентьев, Н.Д. Письмо «К с.-рам юга России» от 31 октября 1919 г. / Н.Д. Авксентьев // Пролетарская революция. – 1921. – №1. – С.119; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. Т.3. Ч.2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М., 2000. – С.414.

¹⁰ Переписка П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. – Берлин, 1924.

¹¹ Ленин, В.И. ПСС. – Т.5. – С.213.

¹² Там же. – Т.35. – С.263.

¹³ Там же. – Т.45. – С.369-377.

¹⁴ Быстрянский, В. Меньшевики и эсеры в русской революции / В. Быстрянский. – Пг., 1921; Луначарский, А.В. Бывшие люди: очерк истории партии эсеров / А.В. Луначарский. – М., 1922; Мещеряков, В.И. Партия социалистов-революционеров / В.И. Мещеряков. – М., 1922; Черномордик, С.П. Эсеры / С.П. Черномордик. – Харьков, 1930; Ярославский, Е.М. Третья сила / Е.М. Ярославский. – М., 1932.

¹⁵ Мороховец, Е.А. Аграрные программы политических партий в России / Е.А. Мороховец. – М., 1929; Стеклов, Ю. Партия социалистов-революционеров (правых эсеров) / Ю. Стеклов. – М., 1922.

¹⁶ Гусев, К.В. Крах партии левых эсеров / К.В. Гусев. – М., 1963; Он же. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. Исторический очерк / К.В. Гусев. – М., 1975.

¹⁷ Спирина, М.В. Крах мелкобуржуазных концепций социализма эсеров / М.В. Спирина. – М., 1987. – С.13.

¹⁸ Там же. – С. 44.

¹⁹ Хорос, В.Г. Неонародническая идеология и марксизм / В.Г. Хорос. – М., 1972; Он же. Идейные течения народнического типа в развивающихся странах / В.Г. Хорос. – М., 1980.

²⁰ Алексеева, Г.Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции / Г.Д. Алексеева. – М., 1989. – С.48.

²¹ Гусев, К.В. В.М.Чернов. Штрихи к политическому портрету / К.В. Гусев. – М., 1999. – С.176.

²² Леонов, М.И. Указ. соч. – С.63.

²³ Леонов, М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907гг. / М.И. Леонов. – М., 1997. – С.102-103.

²⁴ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900-1907 гг. – М., 1996. – Т.1. – С.9.

²⁵ Там же. – С.8-9.

²⁶ Егоренкова, О.В. Разработка В.М. Черновым аграрной программы партии социалистов-революционеров как составной части теории крестьянского социализма : дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / О.В.Егоренкова. – СПб., 1995. – С.138, 124.

²⁷ Ишин, В.В. Социалисты-революционеры России. Конец XIX – начало XX века / В.В. Ишин – Астрахань, 1995. – С.62.

²⁸ Федоренко, А.А. Политическая концепция В.М. Чернова / А.А. Федоренко. – М., 1999. – С.132-133, 136.

²⁹ Морозов, К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. / К.Н. Морозов. – М., 1998. – С.12.

³⁰ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги : сборник документов. – М., 2002. – С.138.

³¹ Морозов, К.Н. Политическое руководство Партии социалистов-революционеров в 1901-1922 годах / К.Н. Морозов // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова. – М., 2005. – С.483-484.

³² История политических партий России. – М., 1994; История национальных партий России. – М., 1997; Политические деятели России, 1917 г.: биографический словарь. – М., 1993; Политические партии России: история и современность. – М., 2000; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. – М., 1996; Политические партии России. Документальное наследие (исследовательский проект издания документов политических партий). См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. Т.1: 1900-1907 гг. – М., 1996; Т.2: Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. – М., 2001; Т.3. – Ч.1: Февраль-октябрь 1917 г. – М., 2000; Т.3. – Ч. 2: Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М., 2000; Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. – М., 1995.

³³ Костиков, В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции / В. Костиков. – М., 1990. – С.82.

³⁴ Чубыкин, И.В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы) : автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / И.В. Чубыкин. – М., 1996. – С.24.

³⁵ Кукушкина, И.А. Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918-1922) / И.А. Кукушкина // Русский исход / отв. ред. Е.М. Миронова. – СПб., 2004. – С.79-105.

³⁶ Русское национальное меньшинство в Эстонской республике, 1918-1940. – Тарту, СПб., 2001. – С. 65-66.

³⁷ Ярцев, Б.К. Чернов, эсеры и большевистский режим / Б.К. Ярцев // Свободная мысль. – 1994. – №5. – С.95-98.

³⁸ Ярцев, Б.К. Социальная философия В.Чернова / Б.К. Ярцев // Был ли у России выбор? – М., 1996. – С.137, 139-140.

³⁹ Малыхин, К.Г. Большевистская модернизация России и русское зарубежье 20-30-х годов / К.Г. Малыхин. – Ростов-на-Дону, 2000. – С.82.

⁴⁰ Там же. – С.98-99.

⁴¹ Там же. – С.102.

⁴² Кривошеева, Е.Г. Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны : автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02 / Е.Г. Кривошеева. – М., 2003.

⁴³ Вишняк, М.В. Письмо о работах О.Редке, 15.11.1958 г. // Hoover Institution Archives (HIA), M.V.Vichniak Collection (VC), vol 8, f.D.

⁴⁴ Вишняк, М. К истории Февральской революции / М.Вишняк // Новый журнал. – 1958. – Кн.54. – С.201-202.

⁴⁵ Там же. – С. 203-204.

⁴⁶ Radkey, O. The Agrarian Foes of Bolshevism / O. Radkey. – New-York: Columbia University Press, 1958. – PP.212, 245, 318.

⁴⁷ Ibid. – P.467.

⁴⁸ Ibid. – PP.455, 457.

⁴⁹ Ibid. – P.20; Radkey, O. The Sickle under the Hammer. The Russian Socialist Revolutionaries in the early months of Soviet Rule / O. Radkey. – New-York: Columbia University Press, 1963. – PP.277, 481

⁵⁰ Perrie, M. The agrarian policy of the Russian Socialist-Revolutionary Party from its origins through the revolution of 1905-1907 / M. Perrie. – Cambridge, 1976.

⁵¹ Вентури, А. Русско-итальянская модель В.М.Чернова (1899-1902 гг.) / А. Вентури // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. – СПб., 1997.

⁵² Immonen, H. The agrarian Program of the Russian Socialist-Revolutionary Party, 1900-1914. / H. Immonen. – Helsinki, 1988.

⁵³ Geifman A. Thou Shalt Kill. Revolutionary Terrorism in Russia, 1894-1917 / A. Geifman. – Prinsenton, 1995; Гейфман, А. Революционный террор в России 1894-1917 / А. Гейфман. – М., 1997.

⁵⁴ Hildermeier, M. The Russian Socialist Revolutionary Party before the First world war / M. Hildermeier. – New-York: St. Martin's Press. – 2000. – P.45.

⁵⁵ Хильдермайер, М. Представления партии социалистов-революционеров о рабочем классе (1900-1914 гг.) / М. Хильдермайер // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. – СПб., 1997. – С.307, 308.

⁵⁶ Hildermeier, M. The Russian Socialist Revolutionary Party Before the First World War / M. Hildermeier. – New-York: St. Martin's Press. – 2000. – PP.338-340.

⁵⁷ Ibid. – PP.340-343.

⁵⁸ Holquist, P. What's Making War, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914-1921 / P. Holquist. – Cambridge: Harvard University Press, 2002.

⁵⁹ Melancon, M. Chernov / M. Melancon // *Critical companion to the Russian Revolution 1914-1921* / Edited by Edward Acton, Vladimir Cherniaev, Willian Rosenberg. – London, Sydney, Auckland, 1997. – PP.136-137.

⁶⁰ Melancon, M. The Socialist-Revolutionary Party (SRs), 1917-1920 / M. Melancon // *Ibid.* – PP.281-290.

⁶¹ Brovkin, V.N. Behind the Front Lines of the Civil War Political Parties and Social Movements in Russia / V.N. Brovkin. – Princeton, 1994; Brovkin, V.N. The Bolsheviks in Russian Society: The Revolution and the Civil War Years / V.N. Brovkin. – New Haven, 1997; см. также: Бровкин, В.Н. Гражданская война как социально-политический феномен / В.Н. Бровкин // *Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация.* – М., 1996. – Т.2. – С.58-117; Он же. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы / В.Н. Бровкин // *Вопросы истории.* – 1994. – №5. – С.27-28; Кононенко, А.А. Современная зарубежная историография партии социалистов-революционеров / А.А. Кононенко // *Вопросы истории.* – 2005. – №2. – С.156-158.

⁶² Перейра, Н. Сибирь: политика и общество в гражданской войне / Н. Перейра. – М., 1996; Шанин, Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. – 1917-1922 гг. / Т. Шанин ; пер. с англ. Е.М. Ковалев. – М., 1997; Dotsenko, P. The struggle for a democracy in Siberia, 1917-1920 / P. Dotsenko. – Stanford, California, 1983; Footman, D. Civil War in Russia / D. Footman. – New-York, 1961; Keep, J. The Russian Revolution. A study in Mass Mobilization / J. Keep. – New-York, 1976; Laqueur, W. The Fate of the Revolution. Interpretations of the Soviet History from 1917 to the present / W. Laqueur. – New-York, 1987; Liebman, M. The Russian Revolution / M. Liebman. – New-York, 1970; Lincon, W. Red Victory. A History of the Russian Civil War / W. Lincon. – New-York, 1999; Mawdsley, E. The Russian Civil War / E. Mawdsley. – London-Sydney, Wellington, 1987; Pereira, N. White Siberia. The Politics of Civil War / N. Pereira. – Montreal Kingston – London-Buffalo,

1996; Radkey, O. The unknown civil war in Soviet Russia / O. Radkey. – Stanford, California, 1976; Raleigh, D. Experiencing Russia's Civil War. Politics, society, and revolutionary culture in Saratov, 1917-1922 / D. Raleigh. – Princeton and Oxford, 2002; Smele, G. Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1818-1920 / G. Smele. – Cambridge, 1996; The Russian Revolution / Edited by M. Miller. – Blackwell, 2001.

⁶³ Ferro, M. October 1917. A social history of the Russian Revolution / M. Ferro. – London, Boston and Henley, 1980; Figes, O. A people's tragedy. The Russian Revolution: 1891-1924 / O. Figes. – New-York, 1998; Figes, O. Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in Revolution (1917-1921) / O. Figes. – Oxford, 1989; Gill, G. Peasants and Government in the Russian Revolution / G. Gill. – London, 1979; The Politics of Rural Russia, 1905-1914 / Edited by L. Haimson. – Bloomington and London, 1979; Society and Politics in the Russian Revolution / Edited by R. Service. – New-York: St. Martin's Press, 1992; Wcislo, F. Reforming Rural Russia. State, local society, and national politics, 1855-1914 / F. Wcislo. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1990.

⁶⁴ Раев, М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919-1939 / М. Раев – М., 1994. – С.24.

⁶⁵ Abraham, R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution / R. Abraham. – New-York, 1987.

⁶⁶ Glad, J. Russia Abroad. Writers, History, Politics / J. Glad – Hermitage, 1999. – PP.118-119.

⁶⁷ Хазан, В. О поездке В.М.Чернова в Палестину / В. Хазан // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы: материалы международной научной конференции. Москва, 8-10 декабря 2003 г. / под ред. О.В. Будницкого и др. – М., 2004. – С.324-332.

⁶⁸ Красильщиков, В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций / В.А. Красильщиков. – М., 1998; Малыхин, К.Г. Большевистская модернизация России и русское зарубежье 20-30-х годов / К.Г. Малыхин. – Ростов-на Дону, 2000.

⁶⁹ Дмитренко, В.П. Последние десять лет в контексте истории России XX века / В.П. Дмитренко (Куда идет Россия? 10 лет реформ. Заседание круглого стола) // Отечественная история. – 1995. – №4.

⁷⁰ В Приложении дается библиография опубликованных работ В.М. Чернова, составленная на основе архивных и библиографических разысканий. Она включает более 860 наименований и на данный момент является самой полной.

⁷¹ Чернов, В.М. Конструктивный социализм / В.Чернов. – М., 1997.

⁷² Чернов, В.М. Глава из рукописи II тома книги «Конструктивный социализм». 1920-е гг. / подготовила О.В. Коновалова // Исторический Архив. – 1997. – №5-6. – С.122-140.

⁷³ Chernov, V. The Great Russian Revolution / Translated and Abridged by Philip E. Moseley / V. Chernov. – New Haven: Yale University Press, 1936. – IX+446 P.

⁷⁴ ГАРФ, ф. 5847, оп.1, д.40, л.1-29; д.31, л.1-108; д.28, л.1-21.

⁷⁵ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.1-190.

⁷⁶ Благодаря финансовой поддержке Программы Фулбрайта (США) диссертанту удалось поработать в Гуверовском архиве Стэнфордского университета и Бахметьевском архиве Колумбийского университета США.

⁷⁷ НИА, В.И.Nikolaevsky Collection (NC), box 391, ff.2, 9, 13, 14, 22.

⁷⁸ International Institute of Social History (IISH), V.M.Chernov, box 18.

⁷⁹ Аргунов, А. Между двумя большевизмами / А. Аргунов. – Paris, 1919; Вишняк, М. Годы эмиграции, 1919-1969 гг. / М. Вишняк – Париж; Нью-Йорк, 1970; 2-е изд. – СПб., 2005; Вишняк, М. Дань прошлому / М. Вишняк. – Нью-Йорк, 1954; Дневник П.Н. Милюкова. 1918-1921. – М., 2004.

Зензинов, В.М. Пережитое / В.М. Зензинов. – Нью-Йорк, 1953; Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте / А.Ф. Керенский. – М., 1993; Керенский, А.Ф. Русская революция 1917 / пер. с фр. Е.В. Нетесовой. – М., 2005; Милуков, П.Н. Воспоминания: в 2 т. / П.Н. Милуков. – М., 1990; Церетели, И.Г. Воспоминания о Февральской революции : в 2 кн. / И.Г. Церетели. – Париж, 1963.

ГЛАВА I. В.М. ЧЕРНОВ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ В РОССИИ. 1917-1921 ГОДЫ

Первая мировая война ускорила назревание политического кризиса и вплотную подвела страну к революции. Политическая ситуация требовала её скорейшего переосмысления и выработки адекватной историческим условиям тактики партии. Чернов считал, что по размаху и сложности задач русская революция отличается от буржуазных революций, происходивших в Западной Европе, так как призвана разрешить целый комплекс назревших противоречий: между трудом и капиталом, центром и национальными окраинами, ликвидировать крепостнические пережитки в деревне, разрешить земельный вопрос, демократизировать политическую систему. Поэтому она не может ограничиться исключительно буржуазно-демократическими рамками. «Революция во имя гегемонии капитализма над всеми областями народного хозяйства в России невозможна», – заявлял он.¹

Вместе с тем эсер полагал, что она не будет и социалистической, поскольку «нет налицо той зрелости трудовых масс, того развития их способностей к хозяйственному самоуправлению, тех кооперативных навыков и той профессиональной самоорганизации рабочих, без которых о социализме не может быть и речи».² Потому эсеровский лидер квалифицировал ее как революцию переходного типа, призванную провести радикально демократические преобразования, которые качественно изменят современный экономический и политический строй и создадут предпосылки для построения фундамента социалистического общества. По движущим силам начавшаяся революция, по мнению Чернова, была «народно-трудовой».

В отличие от марксистов Чернов не связывал революцию с изменениями в способе общественного производства. Для него главным в революции являлся ее общественно-политический, социальный и духовный смысл. Революция для Чернова – это переход от одного общественно-

политического строя к другому, который знаменуется определенным перераспределением ролей между классами. Исход революционной или реформаторской альтернатив зависит, по его мнению, от соотношения различных социальных, экономических и политических условий. Оправдание революции, по Чернову, не в выигрыше времени и не в экономии сил, а в том, что «она является единственным способом двинуться вперед там и тогда, где и когда упорство и слепота господствующих, ... классов пытаются глухою стеною остановить мощное и неудержимое историческое движение».³

1.1. От Февраля к Октябрю

Чернов восторженно встретил Февральскую революцию. Он вернулся в Россию 8 апреля 1917 г. и сразу окунулся в бурную политическую жизнь.⁴ Виктор Михайлович был избран членом Исполкома и товарищем председателя Петроградского Совета, товарищем председателя ВЦИК и почетным председателем ЦИК Совета крестьянских депутатов, на III съезде партии (май-июнь) вновь вошел в ЦК, стал одним из редакторов газеты «Дело народа». Эсер С.П. Постников писал об этом периоде: «Приезд Чернова, самого талантливого и плодовитого с-ровского писателя, конечно, оживил газету. Он писал много и на разные темы. Но наиболее ударными... были темы об организации Совета крестьянских депутатов... внешняя политика министра иностранных дел Милюкова. Тогда же он начал выступать против Ленина...».⁵

В период Февральской революции в партии эсеров не было единства, в ней определились три направления – правое, левое и центристское. Правое крыло стало набирать силу после первой российской революции. В эмиграции оно было представлено группой эсеров, объединившихся вокруг журнала «Почин». Ее костяк составили Н.Д. Авксентьев, И.И. Фондаминский, Б.Н. Лебедев.⁶ Характеризуя идейную платформу

правых, Чернов отмечал, что они стремились к «перемещению партийной деятельности из сферы нелегальной в сферу легальную». В годы войны происходил процесс самоопределения правой группы. Встав на позиции оборончества, правые выступали за сохранение классового мира в стране. Развивая эти установки в годы Февральской революции, они стремились к сохранению коалиции с либеральными партиями.

Много лет спустя, осмысливая события этих лет, Чернов писал: «Люди правого крыла сначала вовсе отрицали право на революцию во время войны, потом, когда от революции отчураться не удалось, объявили ее революцией ради более успешного ведения войны. ... Коалиция с буржуазными партиями стала их палладиумом, плотиной против так называемого... «углубления революции», попыток дать голой политической форме упразднения монархии – широкое социальное содержание».⁷

Левое течение в партии, объединившее в межреволюционный период приверженцев эсеровского максимализма и революционного интернационализма, было представлено М.А. Натансоном, Б.Д. Камковым, В.А. Александровичем. Отношение левых эсеров к войне было выражено в выступлении Б.Д. Камкова на II Петроградской конференции ПСР, состоявшейся в начале апреля 1917 года. Оратор заявил, что «причины войны – империалистические со стороны обеих коалиций», поэтому основной целью провозглашается как можно скорее ликвидировать войну, перенести революционные движения во все страны, раздуть «тот "мировой пожар", в котором сгорело бы современное буржуазное общество, и создано социалистическое».⁸ По признанию самого Чернова, левых эсеров отличала тенденция к последовательному и постепенному развитию «к старому максимализму», логическим завершением которого стал союз с большевиками.⁹

Вопрос об отношении к войне явился точкой расхождения Чернова с левым течением в партии. С.П. Постников вспоминал, что вскоре после приезда Виктора Михайловича его отношение «с нашими крайними

левыми, несмотря на прежнее совместное сотрудничество в редакции «Заветов», сразу сделались холодными, так как он не шел так далеко в вопросах войны и в отношениях к Временному правительству, как они».¹⁰

Комментируя в 1930-е гг. суть разногласий между эсерами Чернов констатировал: «С.-р. центризм отрицательно сближало с правым крылом признание невозможности просто и кратко выбросить войну за борт (как хотели левые эсеры), а отделяло от правого крыла признание, что именно дальнейшее революционизирование страны должно стать своеобразным оружием ее обороноспособности».¹¹

Чернов рассматривал войну как схватку двух империалистических «трестов» и выход из нее связывал с объединением социалистов всех стран в «третью силу», которая должна заставить правительства воюющих стран прекратить кровавую бойню и заключить справедливый мир без аннексий и контрибуций. Для этого предполагалось воссоздать Интернационал и созвать международную конференцию социалистов. Однако признавалось, что пока силы трудовой демократии не победили в воюющих странах необходимо придерживаться оборонческой тактики.¹² Таким образом, Чернов пытался совместить идеи пацифизма, оборончества и защитить классовые интересы трудящихся.

Чернов отрицательно относился к идее сепаратного мира с Германией. Комментируя свою позицию по этому поводу на страницах «Революционной России» в середине 1920-х гг., он писал: «В 1917 г. я был противником сепаратного мира ... потому, что сепаратный мир мог бы быть оправдан – приемлем и для нашей собственной совести, и для союзников – лишь как самое последнее средство, после истощения всех других средств, и лишь ввиду полного истощения, полного надрыва нашей способности бороться за большее – за всеобщий демократический мир. А я утверждал и утверждаю, что возможности и средства такой борьбы у нас были. Я утверждаю, что не все они были нами использованы».¹³

Центристскую позицию Чернова в отношении войны разделял А.Р. Гоц, а на III съезде ПСР в мае 1917 г. она получила поддержку большинства эсеров. По этому поводу С.П. Постников отмечал: «Вообще партия в целом строго и последовательно проводила линию верности союзникам и продолжения войны до общего замирения».¹⁴ Условно оборонческая или, как удачно определил ее Б.Д. Камков, «социал-патриотическая позиция с интернациональным антуражем» Чернова в период революции, на наш взгляд, не дает ни малейшего повода для обвинения его в пораженчестве и предательстве интересов России. Эти обвинения были порождены, во-первых, неприятием правыми интернационалистических воззрений Чернова и его участием в Циммервальдской конференции. Во-вторых, являлись ответом на его антимилюковский демарш в апреле 1917 г. и предложения по демократизации армии.

Победа революции еще более остро поставила вопросы о войне и мире и проведении социальных преобразований. Если правые эсеры считали целесообразным отложить социальные реформы до завершения войны, то левые выступали за ее немедленное прекращение и проведение радикальных преобразований. Чернов пытался совместить крайности и найти третий путь, соглашаясь на условное принятие оборончества до победы социалистов в воюющих странах и демократического решения вопроса о мире. Социальные же преобразования необходимо проводить, по его мнению, не дожидаясь заключения мира. Чернов был убежден, что решение аграрного вопроса и передача земли крестьянству «поднимет энтузиазм серых шинелей, переодетых мужиков в окопах». Введение гарантированного минимума зарплаты и запрещение на время войны стачек позволит бесперебойно работать военной индустрии. Политика децентрализации и федерализации страны снимет остроту национального вопроса. Стремление к скорейшему заключению всеобщего демократического мира, вместе с раскассированием

прежнего командного состава армии и заменой их революционными вождями консолидирует армию и поднимет в ней боевой дух.¹⁵

Политическая стратегия Чернова предусматривала на первом этапе революции для создания основных демократических институтов страны широкий блок со всеми оппозиционными и революционными силами. В этот блок наряду с эсерами, трудовиками и народными социалистами предполагалось включить кадетов и социал-демократов. На следующем этапе – углубления демократических реформ и наполнения их реальным социальным содержанием – власть, по мысли эсеров, должна была перейти в руки блока социалистических партий.¹⁶

Первоначально Чернов, как и большинство членов Петросовета, выступал против вхождения социалистов в правительство, считая, что за ними нет сильного, организованного большинства и поэтому они не смогут иметь в правительстве достаточного влияния. Резолюция петроградской конференции ПСР, опубликованная 7 апреля в «Деле народа», гласила, что участие представителей партии в коалиционном министерстве недопустимо, так как «такое участие возлагает на партию ответственность за все меры правительства, не давая ей действительной власти, и тем самым парализует силы трудовой демократии».¹⁷

В этих условиях Чернов пытался возглавить левый центр партии для того, чтобы «форсировать натиск на министерские сферы и на советское большинство».¹⁸ В выступлении 20-21 апреля 1917 г. на собрании в Совете рабочих и солдатских депутатов он отмечал, что демократия сможет лишь тогда взять власть в свои руки, когда осознает все свои силы, и народ превратится в организованную, дисциплинированную массу.¹⁹ «Только при реальном ощущении своей организованной силы мы будем приветствовать коалиционное министерство», – заявлял он.²⁰

Первый кабинет Временного правительства, сформированный из состава Государственной думы, по мнению Чернова, «был явным анахронизмом». Он представлял собой видоизмененный вариант

правительства общественного доверия, разработанный Прогрессивным блоком еще в августе 1915 г., с той лишь разницей, что в него был включен представитель революционной демократии А.Ф. Керенский. В условиях начавшейся революции лидер эсеров считал состав правительства «слишком правым».²¹ Однако Чернов не осудил вхождение во Временное правительство А.Ф. Керенского, поскольку надеялся через него оказывать давление на власть.

Органом демократических сил, по мнению Чернова, являлся Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Лидер эсеров признавал его приоритетную роль особенно на первом этапе революции – с февраля по июль 1917 года. Однако не считал, как Ленин, сложившуюся в Петрограде ситуацию двоевластием. Чернов подчеркивал, что Петроградский Совет вовсе не был создан как второй властный центр для противодействия Временному правительству, хотя в дальнейшем непроизвольно выступал в качестве реальной правотворческой силы и функционировал как власть в решении целого ряда вопросов. Он осуществлял контроль за распределением продовольствия, руководил армией. Совет пытался создать органы народной власти на местах в лице районных комитетов с отрядами вооруженной рабочей милиции. Сосредоточив фактически в своих руках немалую власть и политическое влияние в массах, Совет, по заключению Чернова, стал своего рода предпарламентом, с которым вынуждены были считаться и военное командование Петрограда, и Временное правительство. Таким образом, «Совет превращался в единственный фактический источник власти», – подчеркивал эсер.²² Отношение между ним и правительством лидер эсеров определял следующим образом: с одной стороны – формальная власть без фактической силы, с другой – фактическая сила без формальной власти. «Бессильная власть и безвластная сила» – такова формула Чернова.²³

Поднимая вопрос о природе власти Временного правительства, эсер подчеркивал, что ее источником является революционное правотворчество.

«Первый акт, – пояснял он, – расчистивший дорогу новой власти, был силовой удар, нанесенный революционным пролетариатом Петрограда и революционной армией. Второй акт – овладение властью, выдвинул на первый план организационного представителя цензовой общественности – Временный комитет Государственной думы, выделивший из своей среды личный состав Временного правительства. Третьим и окончательным актом было соглашение об условном признании Временного правительства, произошедшее между Временным комитетом Государственной думы и Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, соглашение между думской и внедумской цензовой и демократией трудовой России». Таким образом, Временное правительство, по мнению эсера, является «властью, правящей на основе договора, заключенного между цензовой и рабочей Россией. ... Она правит пока этот договор остается в силе, пока соглашение не нарушено».²⁴

Чернов утверждал, что Советы, обладая реальной силой в начале первого периода революции, не только не выдвинули своих представителей во Временное правительство, но фактически уступили создание власти либеральной демократии. Размышляя о причинах этого, эсер отмечал, что дело было не только в том, что на второй день после свержения самодержавия в Совете возобладали меньшевики, сознательно проводившие линию на передачу власти буржуазии. Советская демократия, сама не осознавая того, выбрала линию наименьшего сопротивления, единственно возможную в тех трудных исторических условиях. Для образования правительства, по мнению эсера, деятелям Совета не хватило политического опыта.

Впоследствии Чернов признавал, что, отказавшись от всяких форм контроля за правительством и, предоставив вопрос о его составе на усмотрение буржуазии, члены Совета допустили непростительную ошибку. Формально Временное правительство всех составов не было ответственно ни перед каким народным представительством: ни перед цензовым

(думским), ни перед трудовым (советским). Даже Московское государственное совещание, Демократическое совещание и Предпарламент были лишь совещательными учреждениями и не имели законодательной власти. То есть формально Временное правительство, с точки зрения Чернова, было коллегиальным, но «бесхарактерным диктатором, практиковавшим диктатуру на холостом ходу».²⁵

Первый состав Временного правительства не оправдал ничьих надежд. Он не разрешил вопросов государственного строительства, проявил полную пассивность в решении самых злободневных социальных проблем. Его деятели проигнорировали соглашение между Петроградским Советом и предпринимателями о 8-часовом рабочем дне. В аграрном вопросе они не пошли дальше создания земельных комитетов для статистической работы над планом будущего землеустройства.

Объясняя причины кризиса Временного правительства первого состава, Чернов отмечал его отрыв от реально действующих и растущих в процессе революции сил.²⁶ Нота П.Н. Милюкова лишь ускорила наступление кризиса власти, поставив на повестку дня неотложную задачу – расширение ее социально-политической базы. К этому времени процесс консолидации всех политически активных сил заметно продвинулся вперед.²⁷

В этих условиях Чернов, опасаясь упустить политическую ситуацию из-под контроля, принял решение о вхождении социалистов во Временное правительство. В открытом письме к А.Ф. Керенскому он писал, что положение в стране осложнилось, силы трудовой демократии возросли и ей нельзя больше уклоняться от ответственного участия в правительстве. Во время переговоров о формировании коалиционного правительства Чернов настаивал на том, чтобы социалисты имели в нем преобладающее число мест. Свое участие в правительстве он оговаривал вхождением в него И.Г. Церетели. Вступление в коалиционное правительство санкционировала III петроградская конференция ПСР.²⁸ После принятия Петроградским Советом резолюции об образовании коалиционного правительства, в состав

которого вошли 6 министров-социалистов, Чернов занял пост министра земледелия и стал членом Главного земельного комитета.

Создание коалиционного правительства лидер эсеров расценил как победу трудовой демократии и полагал, что история дает России шанс решить важнейшие социально-политические вопросы реформаторским путем. В этих условиях он считал необходимым переориентировать тактику партии исключительно на легальные методы достижения цели. Особенно наглядно это было видно на примере решения аграрного вопроса. В дореволюционный период эсеры были решительными сторонниками явочного пути «овладения крестьянами землею», поскольку считали, что действовать через безвластную Думу или «парламент в участке» было бы бессильной и жалкой утопией. Они рассматривали аграрное движение как одну из возможностей вывести Думу из состояния «висения в воздухе». После революции Чернов был убежден, что сложилось совершенно иное положение. «Перед нами широкая, открытая дорога к правительству. ... Теперь наш лозунг – разрешение аграрного вопроса через Учредительное собрание. Движение деревни под этим лозунгом направлено будет в правильное, естественное организованное русло, вместо того, чтобы размывать берега и оставлять за собой разрушение и хаос», – писал он.²⁹

На I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов Чернов выступил против захватов земель помещиков, поскольку считал, что это приведёт к расширению мелкой частной собственности, что затруднит осуществление социализации земли. «Захват земли, с нашей точки зрения, с точки зрения людей, которые думают о справедливом устройении трудового землепользования, является вещью опасной», – предостерегал он.³⁰

Вместе с тем сложная социально-экономическая ситуация в России и обострение аграрного вопроса требовали осуществления преобразований до созыва учредительного форума. Переходные меры, предлагавшиеся эсерами, должны были способствовать сглаживанию социальных антагонизмов, решению продовольственной проблемы и преодолению

разрухи. К таким мерам Чернов относил передачу земли в ведение земельных комитетов, которые должны были заботиться о поддержании на надлежащем уровне сельскохозяйственного производства, равномерном распределении земли между отдельными трудовыми хозяйствами, развитии общественной и артельной обработки земли.³¹

Осуществление переходных мер и своевременный созыв Учредительного собрания, по мнению Чернова, закрепили бы демократические завоевания в стране, подвели прочный социальный фундамент под молодую российскую демократию и позволили избежать общественных потрясений. «Если этого не сделает власть, – предупреждал он, – то хотим мы этого или не хотим, а в этот вопрос самочинно вмешаются сами крестьяне, и не одни крестьяне тыла, но и крестьяне фронта».³²

Став министром, Чернов сделал все, чтобы приблизить момент реализации эсеровской аграрной программы. По его инициативе были приняты законы о прекращении земельных сделок и упразднении столыпинских землеустроительных комиссий. 29 июня 1917 г. им был внесен на рассмотрение правительства законопроект о передаче всех земель в ведение земельных комитетов. Однако как и законопроект, определявший их полномочия, он не был принят. Предложения Чернова по аграрному вопросу встречали ожесточенную оппозицию в правительстве. Законопроект о приостановлении земельных сделок кадеты называли «факелом, брошенным в страну, чтобы зажечь ее изнутри». Чернов был убежден, что отсутствие новых законов в деревне обостряет обстановку. Своевременное их принятие могло бы ввести жизнь деревни в новое прочное правовое русло и позволило бы предотвратить гражданскую войну. В выступлении на объединенном заседании исполкомов Советов 20 июля он предупреждал: «Чтобы предотвратить грозу... – единственный путь тот, который мы рекомендуем, ибо только слепцы не видят, что все те, которые будут идти другим путем, будут сметены...».³³

Оттягивание решения злободневных социальных и политических вопросов кадетским меньшинством, якобы, по причине недостаточной проработки правовой стороны предлагавшихся законопроектов вызывали у Чернова откровенное недоумение. Революция не может «ждать выполнения формальных норм права». Она сама есть «прорыв в праве». Революция и заключается в нахождении новых «источников права» и «правообразующих сил». Исходя из этого, Чернов предлагал передать землю в ведение земельных комитетов, он пытался отстаивать в правительстве принцип «низового правотворчества». После обнаружившейся неспособности Временного правительства выработать законы, очерчивающие это право, Чернов попытался сделать это путем «инструкционным» и пошел на опубликование «Инструкции» земельным комитетам за своей подписью. В правительстве даже возникла идея привлечь его к суду за самоуправство. Признавалось, что крестьяне немедленно хватаются за все предлагаемые Черновым законопроекты, «как будто они уже стали законами, и начинают применять их на деле».³⁴

Буржуазная пресса в период первого коалиционного правительства развернула активную кампанию против Чернова, но «свалить» его в июле не удалось. Выйдя 20 июля в отставку, чтобы дать возможность провести объективное расследование по опровержению клеветнических слухов о связи его с Германией, он 25 июля вновь вошел в состав правительства.³⁵ Однако кампания, направленная на то, чтобы поссорить между собой двух социалистических министров, противопоставив «душке» Керенскому «черта» Чернова, приносила свои плоды. Вопрос о взаимоотношениях между ними был задан Чернову на III-м съезде партии, однако он утверждал, что все противоречия мнимые и являются «происками буржуазии». Социалистические министры, по утверждению Чернова, составляют в правительстве «солидарную, организованную группу, которая периодически совещается о выступлениях кого-либо из своей среды».³⁶

Между тем на съезде произошел новый инцидент, способствовавший дальнейшему охлаждению отношений между Черновым и Керенским. Виктор Михайлович, выполнявший функции председателя, пошел на поводу ряда делегатов съезда и зачитал приказ А.Ф. Керенского о восстановлении смертной казни на фронте.³⁷ Это настроило аудиторию против А.Ф. Керенского, и он был забаллотирован на выборах в новый состав ЦК. Происшедшее было расценено правыми эсерами и кадетами как откровенный демарш Чернова против А.Ф. Керенского, хотя, по нашему мнению, было чистым недоразумением.³⁸

Однако Чернову становится ясно, что А.Ф. Керенский выступает «сам по себе», и ставка на него как на проводника решений партии является ошибочной. «Взаимоотношения между советской демократией и цензовой, — отмечал он позднее, — спутались окончательно в гордиев узел на министре, представлявшем Советы перед цензовиками и цензовиков перед Советами, находившимся в составе центрального органа тех и других и всегда считавшим себя вправе действовать вопреки воле обеих организаций, в которых он состоял».³⁹

Размышляя над феноменом керенщины в начале 1930-х гг., Чернов приходит к выводу, что ее суть не сводится к личной персоне Керенского. «Я не люблю выражение «керенщина» — это стертая монета, она прошла и проходит слишком много рук. Для какого-нибудь генерала старой формации керенщина — это невыносимое для военного самолюбия «глубоко-штатское» единство, обезьяничающее военные ухватки и претендующее указывать что-то военным. Для обывателя в 1917 г., молившегося на Керенского и втайне уповавшего, что он будет русским Оливером Кромвелем, керенщина стала символом обманувшего их надежды безволия, фанфаронства, актерства, словоизвержения вместо действий (зачем не поймал и не расстрелял Ленина, Троцкого, Стеклова и Зиновьева?») Для кадетов и кадетообразных керенщина есть нервное, из чисто персонального самолюбия проистекающее фрондирование против

"истинно-государственных людей" типа Милюкова и отсюда же берущее свое начало, противоестественное заигрывание с революцией», – писал он.⁴⁰

Для Чернова личные качества А.Ф. Керенского – это одно, а порок керенщины как системы – другое. Керенщина, по его мнению, неразрывно связана с особенностями политического сознания и культуры народа и приобретает системный характер. Чернов замечал, что в условиях, когда рушились привычные устои, люди искали спасение в харизматическом лидере. Керенщина в этом смысле отвечала стремлениям людей возвысить государственного «сверхчеловека» и поверить в то, что он «способен воплотить в собственной личности сверхличную мистическую сущность Государства как такового, имеющего свои высшие интересы и требующего подчинения ему интересов партийных, классовых, национальных». Правда, лично А.Ф. Керенский оказался в конце концов «неудачливым (калифом на час)» в воплощении этой потребности.⁴¹

На противоположном политическом полюсе такой харизматической личностью являлся В.И. Ленин. Чернов признавал, что лидер большевизма – «крупная по задаткам фигура», обладающая «импонирующей цельностью» натуры, большим боевым темпераментом и огромным запасом энергии, воли, незаурядным умом, преданностью революционному делу. Вместе с тем Чернов отмечает, что для Ленина характерен комплекс величия, каждым своим движением, каждым жестом он как бы говорит: «Революция – это я». «И в самом деле, считает себя таким... сосудом революции». Он наделяет его весьма несимпатичными чертами. «Ни излишеством моральной чуткости, ни чрезмерным тактом Ленин никогда, как известно, не отличался», – утверждал эсер.⁴²

Поначалу Чернов явно недооценил большевиков как потенциальных своих противников. Но к лету 1917 г. ситуация начала меняться, и большевики, воспользовавшись промахами Временного правительства, начали стремительно набирать влияние в массах. Первым пробным шагом большевиков стала подготовка к июньской демонстрации, на которой

предполагалось выдвинуть лозунги о недоверии Временному правительству и перехода власти Советам. Но из-за возражений I-го Всероссийского съезда Советов большевики вынуждены были отказаться от своих планов.⁴³

Анализируя политические действия большевиков в период подготовки к демонстрации, Чернов отмечал, что они, перехватив «из-под носа у анархистов массу», и объединив её в одно широкое движение под лозунгом перехода власти к Съезду Советов рабочих и солдатских депутатов, продемонстрировали поистине изумительную «тактическую приспособляемость». Они показали, что ради своей цели готовы идти на союз с революционной стихией. Чернов считал такой союз неискренним и рассматривал апелляцию большевиков к народу, как проявление демагогии и безответственности.⁴⁴

Новой пробой сил стали события 3-4 июля 1917 г., когда большевикам удалось организовать массовые антивоенные выступления. Эсеровское «Дело народа» давало жесткую оценку произошедшим событиям, рассматривая их как «покушение с негодными средствами на изнасилование воли Советов со стороны «охлоса», «черни», считая это проявлением «квазиреволюционного психоза».⁴⁵ Сам лозунг передачи власти в руки Советов эсеры считали провокационным, полагая, что его осуществление приведет к дискредитации советского большинства. Советы не смогут совершить чуда: немедленно одолеть разруху, дать хлеба и мира, на что рассчитывают «темные низы», поддерживавшие этот лозунг.⁴⁶

Вместе с тем эсеры обращали внимание и на другую сторону происходящего. Июльские события свидетельствовали, по мнению «Дела народа», о неуклонном росте недовольства Временным правительством и его политикой, охватывавшее все более и более широкие круги. Эта тенденция при дальнейшем бездействии правительства в области социальной политики может погубить революцию.⁴⁷ «Мы стоим перед альтернативой: гражданская война или революция», – писала газета.⁴⁸

Таким образом, по мнению эсеров, к лету 1917 г. в России определились две противоположные силы: контрреволюция справа, «объективно и субъективно стремящаяся затормозить движение революции и вернуть ее вспять», и контрреволюция слева, ведущая к господству толпы, неорганизованной массы, «черни, которая дезорганизует демос».⁴⁹ В этих условиях эсеры пытались оказать влияние на власть с целью побудить ее перейти от репрессивных мер к конструктивной социальной политике: передать земли в распоряжение земельных комитетов, прекратить земельные сделки. «Трудовое крестьянство должно получить гарантию, что земельный вопрос будет разрешен в его интересах».⁵⁰ Однако, как отмечал Чернов, приостановление «поступательного хода революции и умаление роли Советов» после июльских событий не позволили реализовать поставленные цели.⁵¹

В сложной ситуации экономической разрухи и надвигавшегося голода Чернов сделал ставку на достижение компромисса между буржуазией и рабочим классом, сглаживание социальных антагонизмов в деревне, надеясь решить злополучные вопросы о земле, мире, демократии. Пока крестьянство ждало от Временного правительства соответствующих законов и надеялось на созыв Учредительного собрания, призванного решить наболевшие вопросы в духе народных чаяний, социальная база политики Чернова была обеспечена. Но промедление с реформами, поляризация социально-политических сил привели к тому, что она стала стремительно размываться.

Опыт первого коалиционного правительства зародил у Чернова сомнения в эффективности такой формы организации власти, тем не менее он принял участие и во втором коалиционном правительстве, из которого вышел в августе 1917 г. обеспокоенный тем, что его политика окончательно дискредитирует партию эсеров. Фактором, способствовавшим политическому прозрению Чернова, стало корниловское выступление.

В статье «Подполье и "надполье" в подготовке корниловского движения» (1923 г.) Чернов называет корниловский мятеж «едва ли не самым драматическим моментом» Февральской революции. Он видит в нем предпосылки «социальной пугачевщины», развернувшейся в колоссальных масштабах после октябрьских событий, верно отмечая, что именно с корниловского выступления начинается новый этап в развитии революции, неразрывно связанный с возрастанием роли Советов и их большевизации.⁵²

Первоначально Чернов придерживался официальной версии заговора правой контрреволюции против Временного правительства и Советов. С публикацией документов по делу Л.Г. Корнилова для него становится ясно, что движение войск к Петрограду было согласовано с Временным правительством через комиссаров Б.В. Савинкова и М.М. Филоненко.⁵³ «Сложная политическая интрига с участием видных членов самого правительства – вот в каком виде рисуется все дело». Оказалось, что мятежники в свой список членов правительства включали и самого А.Ф. Керенского, предполагая таким образом, использовать остатки его популярности для «фирмы» новой власти и прикрытия «крутых мер», которые должны быть приняты для борьбы с большевиками. Сговор о превышении власти шел, таким образом, в недрах Ставки и Временного правительства. «Итак, общая картина: двоевластие! Но не двоевластие Временного правительства и Советов. ... Советы уже в загоне, Советы оттиснуты куда-то в уголок, на задний план, и торжествует двоевластие правительства и Ставки», – писал Чернов. Однако участие в заговоре представителей власти, убежден эсер, не снимает вопроса об ответственности обеих сторон, ведь с правовой точки зрения попытка сговора военных и штатских носителей власти об установлении диктатуры против демократии была. Она разразилась преждевременно «покушением с негодными средствами» на военный мятеж.⁵⁴

В связи с делом генерала Л.Г. Корнилова Чернов в статье «Корнилов и корниловщина» одним из первых поднял вопрос о личной роли и

ответственности А.Ф. Керенского в этих событиях.⁵⁵ В выпуске №145 «Дела народа» Виктор Михайлович публикует пять статей критического содержания, направленных против Временного правительства и его председателя. Он обвиняет А.Ф. Керенского в волюнтаризме, министерской чехарде.⁵⁶ Временное правительство, по его мнению, продемонстрировало творческое бесплодие, «щедрость на репрессивные меры», близорукость. «Вместе того, чтобы обезвредить Ставку, генерала Корнилова и связанное с ними ядро генерального штаба, – меры предупреждения и пресечения принимались под диктовку и под давлением их самих, этих темных, готовившихся к заговору сил», – писал Чернов.⁵⁷

Опубликованные статьи лидера эсеров произвели эффект разорвавшейся бомбы. В защиту Керенского выступила либеральная и правозэсеровская пресса. «Бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская на страницах «Воли России» обвинила Чернова в личной неприязни к А.Ф. Керенскому.⁵⁸ Реакция на статьи продемонстрировала Чернову, насколько болезненным может быть отсечение от партии правого крыла в лице Е.К. Брешко-Брешковской, А.Ф. Керенского и Н.Д. Авксентьева и вынудила продолжать держаться за эфемерную целостность партии. В докладе о текущем моменте на VII петроградской конференции ПСР в сентябре 1917 г. он, несмотря на серьезные разногласия с правыми эсерами, заклинал левых товарищей не идти по пути раскола, «не разрушать ломом то здание, которое мы... строили по камням».⁵⁹

После корниловского мятежа тактика коалиции, по мнению Чернова, окончательно исчерпала себя, пришло время перейти к однородному социалистическому кабинету, взять ответственность за управление страной в свои руки. «Только правительство Церетели-Чернова могло бы еще быть испытано, чтобы с развязанными руками проводить ту политическую линию, ради которой они и вступили в правительство Львова и Керенского», – констатировал Чернов. В отличие от правительства «широкой коалиции» новое должно было стать правительством «узкой

коалиции», состоявшим из эсеров, социал-демократов, трудовиков, народных социалистов, кооператоров.⁶⁰

В статье «Странички из политического дневника», подготовленной им в конце августа – начале сентября 1917 г., Чернов отмечал: «Коалиционная власть изображала из себя картину «бега на месте». А жизнь шла вперед, а события подвигались, а катастрофа назревала». Он доказывал, что пока массы тянутся к социалистическим партиям, не стоит оттягивать вопрос о создании однородного социалистического правительства до Учредительного собрания. «История ставит свои категорические императивы, и... социалистической демократии приходится наконец сказать: «если не мы, то кто же? И если не теперь, то когда же?». ⁶¹ Но такая позиция Чернова встретила активное сопротивление в руководстве партии, большинство которого делало ставку на коалицию с либералами.

Правая часть партии во главе с Н.Д. Авксентьевым, доминировавшая в ЦК, поддержала коалиционную политику Керенского, и Чернов вынужден был подчиниться решению большинства. Союз керенщины, за которой шло «все бесхарактерное партийное болото», с авксентьевщиной, по мнению Чернова, «угрожал идейной и политической деформацией партии, вызвал в качестве своей реакции контрдеформацию большевистского типа – левых с.р. интернационалистов». ⁶² Корниловские события ускорили двухстороннюю дифференциацию эсеровской партии – размывание центра и роста за его счет правого и левого крыла. В этом плане политика Чернова, пытавшегося предотвратить раскол партии в 1917 г., балансируя между правым и левым течениями, оказалась бесплодной.

Объясняя свою позицию в 1930-е гг., он отмечал: «ПСР мне казалась единственной крупной, центральной силой революции, с развалом которой разваливается революция. В свое время левые эсеры, откалываясь, долго не теряли надежды, что увлекут меня за собой». «Да, я мог бы ту левоцентрированную линию политики, которую не раз излагал в 1917 г., ... выразить гораздо яснее, конкретнее и выпуклее, чем то случилось. Если

удовно, этот упрек мною заслужен». Трагедия отхода была, признавал Чернов, но это был не отход лидера от партии, а лишь «отхода верхов партии от ее низов».⁶³ Разочарованные в верхах низы партии «уже скатывались к большевизму и левоэсерству». Лишь на IV-м партийном съезде точка зрения Чернова была признана правильной.⁶⁴

Политическое одиночество Чернова в решающие моменты революции сыграло роковую роль для эсеровской партии. Ко времени революции 1917 г. оборвалась жизнь двух сподвижников и единомышленников Чернова, сторонников центристской линии в ЦК – Г.А. Гершуни и М.Р. Гоца. Их смерть привела к ослаблению авторитета и влияния Чернова как лидера центристских элементов. В набросках к книге «Рождение революционной России (Февральская революция)» Чернов признавал, что их потеря была для партии невосполнима и особенно ощутима в смысле наступившего для него политического одиночества.⁶⁵

Однако причины политического одиночества Чернова, по нашему мнению, кроются не только в стечении обстоятельств, но и обусловлены предыдущей политикой лидера эсеров. Чернову не удалось, опираясь на левые силы, нейтрализовать правые элементы партии. Обеспечив в свое время кредит доверия правым эсерам, он тем самым сам блокировал возможность влияния на политику партии левых сил. Это привело его к политической изоляции и способствовало краху преобразовательской деятельности, с одной стороны и росту недовольства и выходу из партии левых эсеров – с другой.

Являясь лидером и идеологом партии социалистов-революционеров, Чернов по натуре был теоретиком. Он, несомненно, обладал смелостью, организаторскими качествами, но больше был ученым, чем политиком. Власть и политика для него не стали самостоятельной ценностью. В этом плане можно согласиться с оценкой, данной левой эсеркой Б.А. Бабиной: «Виктор Михайлович был сильным теоретиком..., но таланта вождя ему дано не было».⁶⁶

Впоследствии Чернов самокритично признавал, что его личные качества сыграли свою роль в постигших партию неудачах. Он никогда не хотел или не умел держать в своих руках партийный аппарат, довольствовался преходящей и поверхностной ролью на партийных съездах, конференциях, совещаниях, что чрезвычайно суживало его фактическое влияние на дела и жизнь партии.⁶⁷

Другой причиной, обусловившей политическое поражение эсеров, по мнению Чернова, являлся комплекс «властебоязни», проявившийся в нежелании руководства эсеровской и меньшевистской партий брать на себя ответственность за управление страной. В 1919 г. в статье «Ленин против Каутского» Чернов отмечал: «После падения старого строя социалистическая демократия, заключавшая в себе немало организованных талантов, ни за что не хотела взять на свои одинокие плечи всю тяжесть борьбы с наследием самодержавия и мировой войны – ... разрухой. ... Ее останавливал страх перед ответственностью, – страх, граничивший порой с трусостью. Он продиктовал утопию объединения "всех живых сил", коалиционизма во что бы то ни стало, приведшего к долгому томительному топтанию на одном месте, упряжки из лебедя, рака и щуки, – рвущегося в облака лебедя социалистической демократии, пятящегося назад рака земельного дворянства и высшей военщины, и тянущей в воду щуки спекуляции и плутократии. Много раз развязывалась упряжка; не раз "на земле валялась власть", которую стоило только нагнуться и поднять социалистической демократии».⁶⁸

Такое более чем осторожное отношение к политической власти у эсеров определялось целым рядом причин: сложностью момента, боязнью неумелыми действиями скомпрометировать дело социализма и демократии, но более всего – психологической и организационной неготовностью взять на себя груз ответственности за те или иные политические решения. Несомненно, что это была не столько «вина» социалистов, сколько их «беда». Чернов признал, что громадным недостатком молодой российской

демократии было отсутствие опыта конструктивной политической деятельности, навыков практического руководства. Для нее было характерно «больше умение бороться, свергать и разрушать, чем созидать и строить», отмечал он в 1917 г. в статье «Странички из политического дневника».⁶⁹

Чернов считал, что неразвитость конструктивных начал, необходимых для строительства новых гражданских и политических отношений, проявившаяся в одинаковой степени как в среде политической элиты, так и в народе, привела в конечном счете к охлократическому перерождению русской революции.⁷⁰ Воцарившаяся анархия стала следствием завышенных ожиданий в массах, уверовавших во всемогущество революционной власти и требовавших немедленных социальных улучшений, с одной стороны, и неспособности последней оперативно решать назревшие жизненные вопросы – с другой. Чернов вынужден был признать ошибки Временного правительства, которое слишком затянуло созыв Учредительного собрания, откладывало радикальные преобразования, опасаясь разрушить гражданский мир и компромисс с буржуазией.

В резолюции по текущему моменту, предложенной Черновым IV-му съезду партии, отмечалось: «затягивание застойного периода нашей общегосударственной жизни, обесплодившего реформаторскую работу центральной революционной власти в области социальных реформ, в особенности же в области аграрных отношений, и придавшего деятельности этой власти односторонний характер восстановления порядка, одиозного в глазах значительного большинства населения, способствовало потере партией лидирующих позиций, необходимых для спасения революции».⁷¹

Таким образом, в деятельности партии в революционный период проявилась специфическая черта тактических установок эсеров – стремление к широким коалициям с либеральными и революционными силами. При благоприятных условиях эта тенденция могла бы привести к образованию прочного и сильного левого блока. Но в условиях слабости и

рыхлости партийной структуры социалистов-революционеров она приводила к усилению разброда и шатания в партии и способствовала поражению партии на политической арене России.

1.2. Борьба за Учредительное собрание

Октябрьскую революцию Чернов встретил враждебно, увидев в провозглашенной большевиками диктатуре пролетариата главную угрозу демократии и свободе. В то же время он предостерегал от упрощенного взгляда на характер октябрьских событий. По его мнению, большевики, осуществляя государственный переворот, опирались не только на люмпенизированные элементы, но и на определенную часть рабочих и крестьян. Еще за месяц до большевистского переворота 27 сентября в передовице «Дела народа» с символическим названием «Предостережение» предупреждалось о росте большевизма, усилении его на заводах, в советах рабочих депутатов, волостных комитетах, городских думах. Наряду с этим, обращалось внимание на нарастание усталости и апатии народных масс, падение тиража социалистических газет.⁷²

В передовице от 7 ноября 1917 г. «Смысл происшедшего» по поводу большевистского переворота акцентировалось внимание, что получивший распространение в социалистической печати «взгляд на события 24-25 октября как на политическую авантюру, увенчавшийся успехом заговор» является упрощенным и поверхностным. «Отрицать народный характер большевистского движения было бы грубой политической ошибкой, слепотой лидеров в обострившейся партийной борьбе. Для нас не подлежит сомнению, что в большевистском восстании... мы имеем народный протест против затянувшейся войны, конвульсию народно-хозяйственного организма, не могущего долее выдержать высасывание из него войною всех живых соков».⁷³

Признавая, таким образом, что большевиков поддерживали определенные слои рабочих, Чернов на IV-м съезде партии в ноябре 1917 г., обосновывая тактическую позицию партии, предлагал отказаться от вооруженной борьбы с большевистской властью, сделать ставку на «мирное изживание большевистских иллюзий в среде пролетариата и трудового крестьянства» и созыв Учредительного собрания.⁷⁴ «Для гражданской войны – ни одного штыка! Ни одного солдата!», призывал Чернов в «Деле народа».⁷⁵ Одновременно он считал необходимым разоблачать большевистскую демагогию, «лживую фразу социалистических авантюристов», увлекавших за собой часть рабочей и солдатской массы, стоящих на низком уровне классового самосознания.⁷⁶

В каком направлении будут развиваться их политические способности, большевики показали осенью 1917 г., заимствовав у эсеров аграрную программу и умело расколов самую большую политическую партию, привлекая на свою сторону левых эсеров. Обращая внимание на суть происходящего, Чернов в докладе на X-й петроградской конференции в ноябре 1917 г. предупреждал бывших однопартийцев, что их союз с большевиками – «политиканский союз, союз с камнем за пазухой», «дружба на время». Левые эсеры наивно полагали, что заставили большевиков принять социализацию земли. Их «гордые претензии путем соглашения повлиять на большевиков» Чернов считал столь же несостоятельными как для «теляти волка поймать». Союз с левыми эсерами – это «мостик» для большевиков, формальное прикрытие «политикански-демагогической» кражи у эсеров популярного лозунга социализации земли на время выборов. Украсть лозунг – «не значит служить ему». Большевики все делают для успеха своего движения. Уступка крестьянству делается потому, что крестьянское движение слишком сильно и велико, но навстречу ему большевики идут, чтобы использовать его.⁷⁷ Другой целью такого шага для Ленина и большевиков, подчеркивал Чернов, являлось ослабление своих политических конкурентов.⁷⁸

Заклучив союз с партией левых эсеров-интернационалистов, отказавшись в их пользу от двух-трех мест в СНК и от предведательства на Учредительном собрании, большевики надеялись приобрести в нем большинство голосов и через него легализовать захват власти. Но расчеты правящей партии на то, что соблазнительность ее основных лозунгов вместе с рядом декретов об уравнительном перераспределении имущества даст ей большинство в Учредительном собрании, не оправдались. Фракция большевиков не превысила и трети его состава (22,5%).

Вместе с тем, итоги выборов в Учредительное собрание сами по себе были знаменательны. Торжество социалистических партий, получивших в центре и регионах около 80% голосов избирателей, и поражение либеральных партий свидетельствовали о том, что основная масса населения, принявшая участие в голосовании (около 50 млн. человек), не связывала перспективы развития страны с ее чисто буржуазным вариантом развития.⁷⁹ Последующее поражение белых правительств в ходе кровопролитной гражданской войны, с оружием в руках, только подтвердило и закрепило этот выбор народа.

Однако результаты голосования, продемонстрировавшие убедительную победу на выборах эсеровской партии (39,5%), практически делали эсеров основными конкурентами большевиков в борьбе за политическую власть. При создавшемся соотношении сил, отмечал Чернов в 1930-е гг., у большевиков было два пути – или уважать мнение всей страны и, значит, отказаться от власти, «или пойти на конфликт с народными избранниками, и в таком случае временную диктатуру переходного революционного периода заменить режимом тоталитарной диктатуры как нормальным строем тоталитарного государства».⁸⁰

С ноября-декабря 1917 г. большевики начинают наступление на права Учредительного собрания. В статье «Борьба с Учредительным собранием» в «Деле народа» отмечалось: «В борьбе с народным представительством они сначала испытали свои силы на партии народной свободы, арестовав

несколько их представителей, членов Учредительного собрания». Эти аресты выдали за борьбу с буржуазией. Затем они пригрозили изгнать из Учредительного собрания тех, кто не будет защищать в нем интересы народа. Позднее цинично заявили, что не допустят в Учредительное собрание всех, кто будет не с ними. «Защита Учредительного собрания уже рассматривается ими как преступление».⁸¹

Первоначально провозглашенное большевиками всевластие Советов предполагало одновременно «спасение Учредительного собрания от заговора против него» и проведение реальных демократических выборов. Результаты выборов в Учредительное собрание определили новый курс большевиков – на его дискредитацию и противопоставление Советам. Это не могло не вызвать определенного отклика у Чернова. В защиту Учредительного собрания и разъяснение принципов взаимоотношения между ним и Советами он выступает в статьях «Учредительное собрание и Советы», «Забывтая азбука» в декабре на страницах «Дела народа».

Советы, доказывал он, являются временным политическим институтом, они свойственны исключительно для революционного времени, являясь временным «эрзацем» профессиональной и политической организации рабочего класса. С появлением единой социалистической партии и сильного профессионального движения Советы должны исчезнуть с политической арены. В эпоху революционных неурядиц они вынуждены брать на себя функции управления, поскольку отсутствовало сильное авторитетное правительство. Делать ставку на Советы как на систему власти невозможно, поскольку они носят стихийный характер, выборы в них происходят хаотично, отсутствует четкая регламентация деятельности, они не обладают опытом государственной деятельности и не предназначены для повседневной деловой работы.⁸² Они являются, прежде всего, организациями, призванными объединять рабочих в борьбе за свои интересы.⁸³ Задачи Советов Чернов видел в том, чтобы пробуждать

классовое сознание, отстаивать интересы трудящихся, являться гарантом решений всенародно избранного Учредительного собрания.

Всенародному представительному форуму Чернов придавал особое значение, рассматривая его как воплощение идеи народного суверенитета. Его созыв означал, что Россия вступает в новую полосу своего развития, ознаменованную «политическим совершеннолетием» русского народа. Только Учредительное собрание, обладая всей полнотой власти, способно компетентно разрешить вопросы государственного и политического устройства, земельной реформы, войны и мира. Разъясняя значение Учредительного собрания на страницах «Дело народа», Чернов подчеркивал, что Учредительное собрание от парламента отличает то, что его права никем заранее извне не определены. Напротив, оно признано заново «учредить» все, необходимые для будущего строя «учреждения», определив круг их обязанностей и прав. «Учредительное собрание – есть полновластный демиург, творец новых начал общежития, принципиально осуществляющий революционный разрыв с прошлым. Веха, знаменующая начало новой эры».⁸⁴

Принципиальным отличием позиции Чернова в отношении Учредительного собрания было то, что для него оно являлось не только возможным средством утверждения того или иного политического порядка, но само по себе имело абсолютное значение – непосредственного и полного торжества народовластия. Это было не только проявлением революционного романтизма, как считает исследователь Л.Г. Протасов, граничащего с утопизмом, но и принципиальной позицией, вытекающей из общих демократических установок.⁸⁵

В целом тактическая позиция, направленная на мирное изживание большевистских иллюзий в массах, предлагаемая Черновым, оказалась успешной. Эсеры не только получили большинство мест в Учредительном собрании, но даже после его разгона большевиками победили на выборах в Советы почти по всем губерниям. Но ставка на мирный переход власти к

блоку социалистических сил оказалась иллюзорна. Большевики пошли не только на роспуск Учредительного собрания в январе 1918 г., но и разогнали Советы, в которых победили их политические противники.

Заключение Брестского мира и политика по отношению к Советам для эсеров и Чернова означали окончательный переход большевиков на антинародные позиции. «Сила заменяет всякое право, чернь распоряжается судьбами народа и его достоинством. Революция вырождается в пуговщину», заявил на VIII-м Совете партии Е.М. Тимофеев.⁸⁶ В докладе М.Я. Гендельмана говорилось: «большевистская тактика ничего не имеет общего с социализмом и по своим социально-политическим последствиям является вполне контрреволюционной».⁸⁷ VIII-ой Совет партии, состоявшейся в мае 1918 г., принял решение начать борьбу с советской властью. Эсеры провозглашают курс на организацию вооруженного движения против большевизма. Кардинальная смена тактики в отношении большевиков, таким образом, произошла только весной 1918 года.

Переход к активной борьбе с большевиками поставил эсеров перед необходимостью выбора союзников. Рассматривая большевиков, заключивших Брестский мир, как германских прозелитов, они предполагали, что «рано или поздно восстание против них натолкнется на вооруженные немецкие силы и поведет к восстановлению Восточного фронта мировой войны». И в этом случае «без военно-технической и материальной помощи союзников не обойтись».⁸⁸ При обсуждении этого вопроса на VIII-ом Совете партии было принято решение о том, что в случае вступления в войну Германии на стороне большевиков необходимо возобновить Восточный фронт и установить отношения с Антантой. Вместе с тем, остерегаясь необоснованного вмешательства союзников во внутренние дела России, эсеры определили ряд условий, при которых было возможно появление иностранных войск на территории страны. К их числу относились приглашение союзнических войск народно-революционным правительством, подчинение общему командованию, принятие обязательств

не участвовать в явных или тайных земельных захватах и невмешательство в политическую жизнь страны.⁸⁹ Весной 1918 г. эсеры начали переговоры с представителями союзнических миссий на территории Советской России. В переговорах принимал участие и Чернов.⁹⁰

Установка VIII-го Совета партии на необходимость возобновления войны с Германией определила политику партии в период Комуча – эсеровского правительства, сформированного после успеха антибольшевистского восстания в Самаре.⁹¹ Однако по этому поводу в партии не было единства. Правый эсер член штаба Народной Армии, товарищ военного министра В.И. Лебедев отмечал, что ставка на помощь союзников, выжидательная и преимущественно оборонительная тактика армии Комуча способствовали потере военно-политической инициативы. По мнению Лебедева, «момент наивысшего расцвета политического и военного могущества (август 1918 г.) Комуча не был использован. Он был принесен в жертву идее Восточного фронта».⁹²

Ставка на открытие Восточного фронта, как оказалось, была ошибочна. Отказ от необходимости повести решительную борьбу за власть в центре страны, использовать для этого все имеющиеся ресурсы можно считать крупнейшим политическим просчетом эсеров.⁹³ Правда, следует отметить, что в условиях 1918 г. эсеры были не одиноки в своих надеждах на помощь союзников как альтернативу немецко-большевистского господства. Значительные круги российской общественности, в том числе представители либерального и монархического лагеря, считали открытие Восточного фронта вполне реальной перспективой.⁹⁴

Другим противоречивым моментом в политике эсеров в 1918 г. являлась ставка на использование военной мощи чехословацкого корпуса в антибольшевистской кампании на Волге. Чехословацкий корпус сыграл важную роль в становлении фронта Учредительного собрания. Он стал практически «застрельщиком» сопротивления большевизму и первой ударной силой антибольшевистского движения. Вместе с тем согласно

поправке, внесенной Черновым в «Резолюции по международной политике» на VIII-ом Совете, партия не имела права «для восстановления народовластия» опираться на иностранную «хотя бы и союзную военную силу».⁹⁵ Это позволило впоследствии лидеру правых эсеров Н.Д. Авксентьеву в письме к эсерам юга России от 31 октября 1919 г., опубликованном большевиками в журнале «Пролетарская Революция», обвинить партию в лицемерии, «двойной бухгалтерии».⁹⁶

Чернов в этом вопросе встал на защиту партийных позиций. Он доказывал, что восстание чехословацкого корпуса было стихийно и неожиданно для самих эсеров. По мнению Чернова, оно было спровоцировано большевиками, «чехословаки стали жертвой этого конфликта». И, наконец, чехословаков лишь с большой долей условности можно назвать иностранной армией, поскольку они «и при царском режиме, и при мартовской революции были частью *русской* армии; и даже для большевиков до заключения Брестского мира они были потенциальной частью Красной Армии».⁹⁷

Намеченную IV-ым съездом и VIII-м Советом партии тактическую линию, исключавшую возможность коалиции с либеральными партиями, эсерам также провести не удалось. Как признавал Чернов, «в самые ответственные, критические моменты партии была навязана и от ее имени проводилась совершенно иная тактика: тактика коалиции направо, связывающая демократию по рукам и ногам компрометирующей связью с тайными и явными врагами демократии».⁹⁸ Под влиянием межпартийных объединений «Союза возрождения России» и «Правого центра» эсеры на Уфимском государственном совещании вступили в коалицию с кадетами и образовали Директорию.⁹⁹

Несомненно, были серьезные причины, толкнувшие партию к соглашению. Необходимость объединения военных, материальных, людских резервов в борьбе с большевизмом в период начавшегося поражения в первую очередь объясняет стремление части эсеров к тактике

«единого фронта». Стремление к открытию Восточного фронта объективно требовало объединения всех сторонников данной позиции и сил перед лицом союзников. Установка эсеров на возобновление борьбы с Германией объективно способствовала увеличению роли союзников в решении политических вопросов. Профессор М.А. Кроль вспоминал: «...в августе положение на фронте стало угрожающим, и союзники не только настойчиво потребовали скорейшего сговора между Комучем и Сибирским правительством, но поставили на очередь вопрос о создании по общему соглашению всех местных правительств всероссийской власти».¹⁰⁰

Эсеры столкнулись с определенными трудностями при организации системы управления на территории Комуча, поэтому ставка на составление политической комбинации, в рамках которой были возможны объединение политических государственно-мыслящих сил и создание эффективного механизма государственного управления, также являлась одним из лейтмотивов, способствовавших складыванию коалиции. Политическая коалиция должна была, как предполагалось, устранить недостаток однопартийности власти и способствовать расширению социально-политической базы антибольшевистских сил.

Немаловажную роль в создании Директории сыграли и личные амбиции некоторых эсеровских лидеров. Н.Д. Авксентьев, активно выдвинувшейся на лидерские позиции в партии и сыгравший немаловажную роль в сохранении коалиционной линии в 1917 г., претендовал на значительную роль в российской политике. Активно участвуя в политических союзах, создаваемых на личных основаниях, он рассчитывал на самые высокие должности в предполагаемом российском правительстве. Получив в ноябре 1917 г. от А.Ф. Керенского полномочия на составление нового правительства, он содействовал в свое время расстройству политической комбинации, предпринимаемой Викже-лем, ЦК и Общеармейским комитетом в Могилеве, предлагавшими создать однородное социалистическое правительство во главе с Черновым.

Для лидера правого крыла эсеровской партии Н.Д. Авксентьева, который явился душой новой коалиции и претендовал на роль главного руководителя партии, это был своеобразный «звездный час». Как отмечал в комментариях к Протоколам заседания ЦК партии эсеров Чернов, рост неудовлетворенного честолюбия «этого все более переоценивающего свои силы человека, мечтавшего унаследовать как теряемую Керенским популярность, так и его исключительное место по возглавлению революции, привел его в кресло председателя уфимской Директории».¹⁰¹ В идейно-политическом отношении, подчеркивал Чернов, Н.Д. Авксентьев продолжал «неокадетскую» линию поведения, стремясь объединить либеральные и революционные элементы теперь уже в борьбе с большевизмом. «Героиней его идейно-политических устремлений» становится реализация идеи коалиции.¹⁰²

Директория стала возможной, поскольку в эсеровской партии снова возобладали разногласия и верх взяли правые элементы. В период решения вопроса о создании Директории эсеры жаловались, что «в партии оказалось какое-то двоецентрие»: одни директивы получали от ЦК, другие – от бюро фракции Учредительного собрания. Бюро, с Рудневым во главе, в сущности, вело ту же линию, что и «Союз возрождения».¹⁰³ Члены «Союза возрождения» от эсеров и представители эсеровской фракции Учредительного собрания сыграли практически дезинтегрирующую, дезорганизирующую роль по отношению к партии при подготовке и проведении Уфимского совещания, внося в среду эсеров разногласия, подталкивая к принятию решений, противоречивших основным стратегическим партийным установкам.¹⁰⁴

«На нашу беду, – писал Чернов, – самые крупные силы из ЦК до последнего времени оставались по ту сторону фронта, а между тем налицо были в изобилии самые правые или за последнее время стремительно поправевшие члены нашей партии». В этом вопросе партии просто «систематически не везло».¹⁰⁵ На наш взгляд, дело было не столько в

невезении, сколько в определенной политике и деятельности «Союза возрождения». Как вспоминал С.П. Мельгунов, «Союз возрождения» весной-летом 1918 г. занимался тем, что «переправлял силы, главным образом на восток, отчасти на север, где ожидал десанта». При этом «контроль осуществлялся не только с точки зрения добросовестности, но и политический – с точки зрения ориентации».¹⁰⁶ Поэтому неудивительно, что на освобожденной от большевиков территории преобладающее влияние получили правые элементы эсеровской партии, тесным образом связанные с пресловутым Союзом.

Чернов добрался до Самары в двадцатых числах сентября 1918 г., когда вопрос о Директории был уже решен. По поводу причин его отсутствия на Уфимском совещании в партии были выдвинуты несколько версий. Лидер эсеров был глубоко убежден, что причины его опоздания кроются в исключительно неблагоприятном стечении обстоятельств и ни в коем случае ни в чьей-либо интриге.¹⁰⁷ Член ЦК ПСР М.И. Веденяпин утверждал, что В.И. Лебедев, приехав в Самару, заявил, что «ЦК партии постановил задержать В.М. Чернова в пределах Советской России и не пускать за Волгу».¹⁰⁸ Н.Д. Авксентьев по этому поводу писал, что «члены ЦК ПСР, бывшие на Уфимском совещании и по праву, данному им пленумом ЦК, представлявшие весь ЦК и партию, пользуясь всякими доводами, держали нашего косоглазого друга (В.М. Чернова. – К.О.) под спудом, не «допуская» его в Уфу. Он так туда и не явился, но под конец совещания все же оказался в Самаре».¹⁰⁹ Представитель левого фланга эсеровской партии М.Л. Коган-Бернштейн тоже был убежден, что отдельные члены ЦК «ровно ничего не делают для организации переезда председателя Учредительного собрания на территорию Учредительного собрания, что это не случайно, и что кому-то, очевидно, вовсе не улыбается появление в Самаре В.М. Чернова как сильной помехи для той сдачи партийных позиций, которая здесь готовится».¹¹⁰ Сомнительно, чтобы состав ЦК 4 июня 1918 г., постановив как можно быстрее переправить Чернова в район восстания,

сознательно ему мешал. Вместе с тем нельзя исключать и возможность того, что отдельные члены партии, примыкавшие к «Союзу возрождения», могли подать неверную информацию ЦК. В условиях военного времени для того, чтобы задержать Чернова на территории Советской России, не обязательно было «вставлять палки в колеса», достаточно было не оказать помощь при переходе через линию фронта. Так или иначе, отсутствие в Уфе среди эсеров сильных фигур, противостоящих политике «коалиции направо», сыграло немаловажную роль в заключении компромисса и образовании Всероссийского правительства.

Новая коалиция была построена не по партийному, а по персональному принципу. Как писал В.М. Зензинов, «члены правительства... должны были быть совершенно свободны и независимы в своей деятельности от партий».¹¹¹ Анализируя персональный состав Директории на основе имеющихся данных, в начале 1920-х гг. Чернов отмечал, что вопрос о кандидатурах в будущее российское правительство решался на заседаниях «Союза возрождения» и «Национального центра» летом 1918 года.¹¹² На Уфимском совещании победил «Союз возрождения». Из пяти членов Директории четыре – Н.И. Астров, генерал В.Г. Болдырев, Н.В. Чайковский и Н.Д. Авксентьев – являлись официальными кандидатами и членами этого союза, П.В. Вологодский по политическим взглядам оказался еще правее их.¹¹³

С приездом Чернова в Самару сложился кворум ЦК, позволявший созвать его пленум. Наряду с самими Черновым в ЦК входили Н.И. Ракитников, Ф.Ф. Федорович, В.А. Чайкин, М.Я. Гендельман, М.А. Веденяпин, Д.Ф. Раков, К.С. Буревои, Н.Н. Иванов и вошедший в состав Директории В.М. Зензинов.¹¹⁴ Пленум ЦК должен был дать оценку результатов Уфимского государственного совещания. Обсуждение ситуации членами ЦК началось в Самаре и затем продолжилось в Уфе.

На пленуме обозначились две точки зрения. Первую высказал член ЦК, главный руководитель в работе согласительной комиссии Уфимского

совещания со стороны социалистов-революционеров М.Я. Гендельман.¹¹⁵ Он полагал, что итоги совещания следует рассматривать как победу эсеров, отстаивших принцип действенности первого состава Учредительного собрания и получивших два персональных места во Всероссийском правительстве.

Вторая точка зрения была представлена Черновым. Итоги Уфимского государственного совещания, ограничивавшего полномочия Учредительного собрания, Чернов оценил как тяжелое поражение демократии, «прямо ведущее партию и демократию к неминуемому падению». «На путь, казавшейся мне самоубийственным, люди уже вступали и возврата не было», – вспоминал Чернов в середине 1920-х годов.¹¹⁶

По мнению Чернова, «принцип Учредительного собрания был не спасен, а сдан без борьбы». «Управление страной самодержавно и без Учредительного собрания, и вообще, без всякого народного представительства» значит, по его мнению, «против левой, красной диктатуры воздвигнуть такую же деспотическую, но только правую, белую диктатуру».¹¹⁷ Сама Директория рассматривалась им как последняя ступенька на пути к установлению единоличной диктатуры, которая являлась «не противоядием и не предохранительной мерой против военной диктатуры, а, напротив, естественной исторической ступенью к бонапартизму».¹¹⁸

Чернов полагал, что коалиция с кадетами в новых политических условиях неприемлема, поскольку окончательно дискредитирует партию в глазах народных масс и будет способствовать торжеству большевизма.¹¹⁹ Коалиция во власти без реальной коалиции в стране социальных групп, раздираемых противоречиями, висит на волоске. Она не может быть эффективной, так как между вступающими в коалицию силами существуют «антагонистические» противоречия. «Самара вела линию на развитие основных начал мартовской революции». Целью Омского правительства

стало восстановление дореволюционных порядков. «Омск стоял под знаком реставрации».¹²⁰

Что предлагал Чернов взамен Директории? Он понимал, что в условиях гражданской войны собрать Учредительное собрание в полном виде не удастся, но зато возможно созвать членов Учредительного собрания освобожденных местностей. На освобожденных от большевиков территориях будут создаваться местные комитеты членов Учредительного собрания, которые, объединившись в Учредительное собрание освобожденной местности, избирают центральную власть в виде временного правительства освобожденных территорий, ответственного перед своими избирателями. Как подчеркивал Н.И. Ракитников, эта ответственность не ослабила бы, а усилила правительство, давая ему гарантию широкой народной поддержки.¹²¹

Практически лидер эсеров в этом проекте отстаивал выдвигавшуюся ранее эсерами идею парламентской республики, но с тем отличием, что таким парламентом предлагал считать либо первый состав Учредительного собрания, либо вновь избранный – второй. Правда, при этом закономерно возникал вопрос: на каких принципах должно быть организовано ответственное правительство. Если в основу организации власти будет положен мажоритарный принцип, тогда правительство формирует победившая на выборах партия (эсеры), если пропорциональный – получается новый вариант коалиционного правительства. Известно, что к этому времени Чернов отрицательно относился к идее коалиции с кадетами, но не отвергал принципа коалиции вообще. «Если завтра же будут назначены новые выборы в местное Учредительное собрание Приуралья и Сибири, и Директория согласится признать себя перед ним ответственной, то мы защищать прав прежнего состава не будем», – такой своеобразный компромисс предлагал Чернов.¹²²

Насколько мог быть удачным предлагаемый таким образом черновский вариант организации власти в период гражданской войны? С точки зрения

соблюдения демократических принципов народовластия, представительства интересов территорий, яркой демонстрации приверженности эсеров демократическим принципам, наверное, он был оптимальным для того времени. Основная критика черновского проекта организации власти сводилась к тому, насколько целесообразно в условиях военных действий и жесткого противостояния создавать правительство, чьи возможности ограничены ответственностью перед избирателями. Трагедия Чернова и демократических сил в России заключалась в том, что в гражданской войне он, и примыкающая к нему группа эсеров, не могли встать на позицию признания принципов диктатуры, несмотря на, казалось бы, неизбежную целесообразность такого решения. Они интуитивно чувствовали, что такая установка, неминуемо вела к обезличиванию партии эсеров и растворению ее либо среди «белой» либо «красной» диктатур. Неизбежность первого варианта развития событий наглядно продемонстрировала судьба Директории.

На пленуме ЦК в октябре 1918 г. по инициативе Чернова было принято решение поддержать создание Директории, не отказываясь от права критики ее политики. Эта позиция была одобрена Съездом членов Учредительного собрания. Тактику, предложенную Черновым, Н.Д. Авксентьев назвал «политикой "постольку-поскольку"». По его мнению, такая линия поведения, не считаясь ни с соотношением сил, ни с необходимостью упорной и настойчивой работы, ослабляла власть и отдавала ее «на растерзание большевизму справа».¹²³ В принципе, на наш взгляд, лидер правых Авксентьев в этом случае явно преувеличивал отрицательные стороны позиции Чернова. Более того, для правых эсеров такое поведение Чернова было вполне предсказуемым. По-прежнему, как и в 1917 г., Чернов продолжал придерживаться центристских позиций. Полагая, что Директория – это ошибочный путь, он, тем не менее, не пошел по дороге открытого разрыва центристской части партии с правыми элементами, однозначного отрицания Директории, хотя на этом настаивали

левонастроенные деятели ЦК (М.Л. Коган-Бернштейн, В.А. Чайкин). Свою задачу он видел в сохранении партией занятой на Уфимском совещании позиции, полагая, что дальнейшие уступки правым силам будут способствовать потере партией социально-политической базы.

Вместе с тем, к октябрю 1918 г. то, чего опасался Чернов, стало осуществляться. Всероссийское правительство под председательством Н.Д. Авксентьева пошло на ряд существенных уступок Сибирскому правительству. Директория приняла решение перебраться в Омск, где целиком власть принадлежала Сибирскому правительству, вместо того чтобы выбрать Екатеринбург, где предполагалось находиться Съезду Учредительного собрания.¹²⁴ Современники отмечали, что в то время в Омске царила своеобразная атмосфера интриг, заговоров и «мексиканских» нравов, при которых «неудобные люди исчезали среди бела дня бесследно, похищенные или убитые неизвестно кем».¹²⁵ Решение Н.Д. Авксентьева переехать в Омск, да к тому же отказаться от помощи чехов в решении политических вопросов в этих условиях было просто самоубийственно. «Авксентьев, - по словам Чернова, - решил «двинуться прямо в логовище зверя», применяя тактику политического «обволакивания опасных для демократии элементов».¹²⁶

Под давлением Сибирского правительства Директория согласилась на образование Совета министров, куда вошли целиком, так называемый, Административный совет Сибирского правительства и министры Сибирского правительства. Таким образом, Сибирское правительство превратилось во Всероссийское. Ни один социалист не вошел в Совет министров. Состав министров был полной неожиданностью для Совета Управляющих (образованного вместо Комуча) и для ЦК эсеров.¹²⁷ Члены Директории взяли в свои министры Ивана Михайлова, замешенного в убийстве министра эсера Новоселова. «Хотя, – по словам Зензинова, – и понимали прекрасно, что Михайлов окажется для Всероссийского правительства роковым человеком, что он погубит Всероссийскую

власть».¹²⁸ Зензинов в своем дневнике писал: «Сибирский Административный совет решил взять нас измором и, взяв фактически в свои руки всероссийскую власть, превратить нас в декорацию».¹²⁹

Директория в вопросе организации военных сил встала на точку зрения Сибирского правительства, ратовавшего за возврат к порядкам старой армии – восстановление погон и дисциплины старого типа, запрещение политической работы в войсках.¹³⁰ Наконец, самой грубой политической ошибкой Директории Чернов считал роспуск всех областных правительств (Комуча, башкирского, киргизского, туркестанского, екатеринбургского) и Сибирской областной думы. Всероссийское правительство рубило сук, на котором сидело: с роспуском демократических правительств и думы оно теряло реальную силу и социально-политическую опору, становилось совершенно бессильным перед лицом Административного совета Сибирского правительства, готовившего колчаковский переворот.¹³¹

Указание всех ошибок и просчетов Директории нашло отражение в «черновской грамоте». По настоянию Чернова 22 октября 1918 г. ЦК ПСР издал циркулярное письмо к партийным организациям с критикой результатов Уфимского совещания и политики Директории, заявив, что последняя будет поддерживаться партией при условии, если будет носить последовательно демократический характер и в ее войсках будут созданы условия для свободной пропаганды эсеровских взглядов. Письмо ЦК ПСР было резко отрицательно встречено правыми эсерами, входившими в Директорию. Авксентьев назвал «черновскую грамоту» «последним гвоздем в гроб Директории». Призыв ЦК к вооружению членов партии для борьбы с реакционными силами он считал «лучшим подарком реакции».¹³² Монархические силы истолковали это письмо как призыв эсеров к вооруженному восстанию против Директории и использовали его как повод для переворота.

Чернов считал обвинения Авксентьева несостоятельными. «Возможно, что опубликование нашего документа несколько ускорило уже вполне

подготовленное выступление заговорщиков, желавших предупредить наши приготовления к отпору», признавал Чернов.¹³³ Судьба Директории была предопределена ее ошибками и просчетами. «Колчаковский заговор только спас Директорию от естественных последствий ее военной негодности. ... Но спас только в том смысле, что ее неминуемое поражение перенял на свои собственные плечи».¹³⁴

Установившаяся 18 ноября 1918 г. диктатура А.В. Колчака и начавшиеся репрессии против эсеров подтвердили предвиденье Чернова относительно перспектив Директории. Белогвардейская диктатура, опиравшаяся на реакционное офицерство, реставрировала монархические порядки.

Совершенно очевидно, ситуация в Сибири и без «черновской грамоты» привела бы к установлению военной диктатуры. Победившая на Уфимском совещании компромиссная позиция «Союза возрождения» не устраивала не только левоцентристских эсеров во главе с Черновым. Со стороны правых сил признание Съезда членом Учредительного собрания «государственно-правовым учреждением» рассматривалось как серьезное нарушение достигнутых ранее при образовании коалиционных союзов в Москве договоренностей.¹³⁵ А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» писал: «Ответственность коалиционного правительства перед партийным эсеровским собранием являлась актом политически несообразным и психологически чреватой опасностями. Установление ее вызвало глубокое неудовольствие во всех несоциалистических кругах, перенесенное на месте на личный состав правительства». Решение совещания воспринималось правыми силами как воссоздание власти, носящей партийный характер, и «отталкивало от нее всех, кто не способен был связывать надежды на возрождение России с эсеровским Учредительным собранием».¹³⁶

Бесперспективность политики Директории осознавали и сами члены Всероссийского правительства. В 1920 г. В.М. Зензинов писал: «Правы, увы, оказались те из социалистов, которые остались в меньшинстве и

предостерегали против коалиции с буржуазией, заранее убежденные в коварстве и измене последней, в неспособности понять глубокий смысл происходящих революционных событий. История оправдала их недоверие».¹³⁷

Апрельский пленум и IX-й Совет партии в июне 1919 г. осудили коалицию с кадетами. Для тщательного расследования причин отклонения от партийной тактики и для установления ответственных лиц на IX-м Совете партии была избрана специальная следственная комиссия.¹³⁸ «Уфимское совещание и тактика Директории вошли в сознание партии общепризнанным образцом того, как не надо вести партийную политику, а эсеровские деятели Директории лишились в партийной среде всякого авторитета», подчеркивал Чернов.¹³⁹

1.3. Тактика «третьей силы»

В условиях обострения классовой борьбы и начавшейся интервенции партия эсеров вынуждена была балансировать между противодействующими лагерями, избрав тактику «третьей силы». В рамках борьбы на два фронта эсерам в начале 1919 г. пришлось все же определяться если не с кем они, то хотя бы против кого. В январе 1919 г. Московское бюро ЦК ПСР, а затем и февральская конференция эсеровских организаций приняли решение приостановить вооруженную борьбу с большевиками и направить оружие против реставрационных сил. В обращении ко «Всем организациям юга России» ЦК ПСР, объясняя причины своего политического выбора, вынужден был признать, что, несмотря на схожесть диктаторских форм большевистской и белогвардейской власти («та и другая являются узкопартийными тираниями меньшинства над насилуемыми ими народами»), между ними существуют принципиальные различия. «Большевизм – есть безумная уродливая форма порыва бедноты к лучшему будущему, а деникинская диктатура – власть

старых, привилегированных и имущих слоев, жаждущих своего реванша над трудовыми массами».¹⁴⁰

Потенциальных союзников новой тактики Чернов видел в меньшевиках. Со стороны эсеров были предприняты некоторые шаги к сближению с ними, закончившиеся, однако, безрезультатно. На предложение ЦК ПСР устроить совместное заседание Центральных комитетов обеих партий по этому вопросу меньшевики ответили отказом.¹⁴¹ Несмотря на схожесть идейно-теоретических позиций меньшевиков и эсеров, им не удалось выработать общие тактические установки. В конечном итоге это способствовало окончательному поражению на политической арене обеих партий и торжеству большевизма.

Тот факт, что Чернов и примыкавшая к нему часть партии решительно отмежевались от белогвардейской диктатуры, позволяет пересмотреть устоявшееся в советской историографии мнение, согласно которому эсеровская партия выступала на стороне контрреволюции. Так, в обращении ЦК ПСР «К социалистическим партиям всех стран» от 15 июля 1919 г. признавалось, что среди двух борющихся за власть диктатур «диктатура буржуазно-помещичьей реакции... в лице старых царских генералов – Колчака, Деникина и др., поддержанная Антантой, представляет наибольшую опасность для независимости страны и свободы ее народов. Она несет в себе самую жестокую социально-политическую реставрацию, воскрешающую самодержавный режим, восстанавливающую дворянское, помещичье землевладение, ликвидацию свободы рабочего движения, уничтожение рабочего законодательства, утвержденного в России Февральской революцией».¹⁴²

Правда, отказавшись от «критики оружием» большевистской диктатуры, партия эсеров не намерена была отказываться «от оружия критики», пытаясь воздействовать на большевиков с целью демократизации режима. Убежденные в том, что большевистская диктатура и диктатура А.В. Колчака в Сибири «питают друг друга» и «не пользуются всенародным

признанием», о чем свидетельствовали непрерывные восстаний против обоих правительств, эсеры обращались к враждующим сторонам, призывая в интересах целостности России, «бросить оружие, передать спор на решение всенародного голосования». Со стороны эсеров эти призывы были, что называется, «криком души», ибо они понимали, что предлагаемое им решение неприемлемо ни для большевиков, ни для Колчака. «Ни первые, ни последние не хотят Учредительного собрания, отрицают всеобщее голосование», констатировалось в эсеровской газете «Дело народа» в марте 1919 года.¹⁴³

Время с лета 1919 г. по лето 1920 г. явилось уникальным периодом в истории гражданской войны в плане возможностей перехода от конфронтации к мирному политическому сотрудничеству социалистических партий. Большевики, окруженные со всех сторон белыми фронтами, пытались использовать партию эсеров в своих тактических интересах. Постановлением ВЦИК от 26 февраля 1919 г. большевики амнистировали все социалистические группы, отказавшиеся от вооруженной борьбы с Советской властью. Центр эсеровской партии переместился в Москву, возобновилось издание «Дела народа». Однако эпоха свобод для эсеров оказалась кратковременной, через месяц большевики снова возобновляют гонения на них. В марте 1919 г. Чернов нелегально прибывает в Москву и принимает активное участие в пропагандистской работе, призывая массы на борьбу с А.В. Колчаком и А.И. Денинкиным, одновременно пытаясь оказать воздействие на большевиков.

Эсеры предлагают вынести вопрос о власти на всенародный референдум и выборы в Советы. В июле 1919 г. ЦК ПСР издает публичное обращение «Ко всем», в котором призывает большевиков прекратить войну с демократией, вернуться к системе политических свобод, провести перевыборы в Советы. Эсеры соглашались свои разногласия с большевиками в вопросах о всеобщем избирательном праве и Учредительном собрании предоставить на суд Советов «как последней

легальной инстанции и лояльно подчиниться их решению».¹⁴⁴ Вспоминая об этом эпизоде, в 1925 г. Чернов отмечал, что если бы большевики были способны к демократическому перерождению, то эсеры «нашли бы в себе достаточно способности к государственному мышлению, чтобы ради блага страны отрешиться от инерции гражданских войн, перестать думать о сведении старых счетов, пойти навстречу этим уступкам и придать своей идейной борьбе против большевизма соответственные легальные и лояльные формы».¹⁴⁵ К этому располагала победа над Колчаком в Сибири, тактические позиции эсеров по отношению к возможным крестьянским выступлениям.

Принципиальные основы политики партии были сформулированы в прокламации «Ко всем партийным организациям» Московского бюро ЦК ПСР еще в январе 1919 г.: «Преступно-легкомысленно было бы теперь заниматься «вспышкопускательством». ... Всякие призывы к немедленному восстанию, вооруженной борьбе в настоящее время, до тех пор когда организованная демократия временно не явится действительной реальной силой, должны быть сняты с очереди», говорилось в обращении Московского бюро ЦК ПСР.¹⁴⁶ На Московской конференции в феврале 1919 г. акцентировалось внимание на том, что «свою положительную и основную задачу партия видит в преодолении апатии и распыленности трудящихся масс в городе и деревне, объединении их в крепкие классовые организации». Главное внимание уделялось пропагандистской и организационной работе в массах.¹⁴⁷

Тактические установки центристской части партии, с небольшими оговорками, признавала подавляющая масса эсеров в России, они были закреплены решениями IX-го Совета партии в июне 1919 года. «Общее направление работы должно быть далеко от всякого поверхностного вспышкопускательства, должно быть проникнуто стремлением беречь народные силы, избегать растраты их по частям и сохранить их для

назревающего общего движения, по условиям современной жизни исторически неизбежного».¹⁴⁸

Несмотря на широкие симпатии крестьянства в период революции, эсеры так и не успели создать свои ячейки в крестьянских низах. В годы гражданской войны они пытались восполнить этот пробел и преодолеть наметившийся разрыв между партией и крестьянством. В деревне предполагалось возрождать «чисто партийные крестьянские братства», территориальные союзы этих братств, которые «должны приучить крестьянство» терпеливо выжидать момента перехода «повсеместной борьбы за обратное завоевание отнятых прав в более решающую форму».¹⁴⁹ Для создания партийных крестьянских братств предполагалось использовать кооперативные и иные объединения.¹⁵⁰ В протоколе заседания ЦК ПСР от 10 декабря 1919 г. Чернову поручалось «преподать тт. из состава Съезда Советов директивы:

- а) организовать на местах партийные крестьянские ячейки;
- б) вести кампанию за захват местных Советов действительными избранными крестьянства;
- в) уклониться от инициативы организации беспартийного крестьянского союза, но в случае его создания в него войти».¹⁵¹

В 1920 г. судьба белых правительств и интервенции была предрешена. Однако в это время начинает нарастать крестьянское движение против большевиков, обусловленные политикой продразверстки. В связи с этим эсеры начинают прощупывать почву для новой тактической линии. В фонде ЦК КПСС в РГАСПИ сохранился протокол заседания Политбюро ЦК РКП (б) от 17 февраля 1920 г., на котором рассматривался вопрос о восстании крестьян в восточных губерниях страны и приводились факты установления связи эсеров и лично Чернова с видными башкирскими общественными деятелями. Из перехваченных ВЧК писем Виктора Михайловича большевики делали вывод, что эсеры рассчитывали на соединение сил

восставших из соседних Казанской и Уфимской губерний с башкирскими частями.¹⁵²

В письме секретаря ЦК ПСР Е.М. Тимофеева от 17 февраля 1920 г. Красноярскому комитету ПСР подчеркивалось, что «ставку на крестьянство как основной элемент для создания «третьей силы», безусловно, можно считать выигранной. «Крестьянство везде восставало против контрреволюции, но нигде не мирилось и не мирится с большевизмом», говорилось в нем.¹⁵³ В циркулярном письме ЦК ПСР от 13 мая 1920 г. «Ко всем местным организациям партии с.-р.» констатировалось, что сведения, поступающие с мест «рисуют тревожную картину крайнего ожесточения крестьянства против политики большевистской власти. Это ожесточение продолжает расти и грозит в недалеком будущем новыми кризисами и потрясениями». В этих условиях ЦК ПСР призывает эсеров направить протест крестьянства против большевиков в формах «мирных, открытых, легальных постановлений», «приговорного движения» и использовать все меры «до последней возможности», чтобы «удерживать крестьянство на этой почве».¹⁵⁴

Основными задачами эсеровской партии среди пролетариата в это время признавалось: защита самостоятельности и независимости всех рабочих организаций, противодействие превращению профессиональных союзов из органов классовой самообороны в органы технического надзора и администрации; отстаивание права рабочих на стачки и союзы; укрепление связи с крестьянством и противодействие политике большевиков, «увеличивающей антагонизм между городом и деревней и делающей в деревне пришлых рабочих ненавистными трудовому крестьянству организаторами «комбедов»» и средством проведения «большевистской политики выжимания соков из трудового крестьянства».¹⁵⁵

К 1920 г. большевики переходят к решительному наступлению на своих политических противников. Е.М. Тимофеев в письме Красноярскому комитету ПСР от 17 февраля 1920 г. сообщал: «Положение нашей партии в

Советской России прежнее, т.е. гонимое и нелегальное. Без перерыва идут аресты и обыски, организована провокация, организации громятся повсеместно. 4 члена ЦК находятся в тюрьме. На днях арестовали в качестве заложников семью В.М. Чернова, в том числе и 9-тилетнюю дочь его».¹⁵⁶

Политика продразверстки продолжалась, провоцируя массовые крестьянские выступления. Освобождение Сибири привело к распространению на этот регион продовольственной и мобилизационной политики большевиков. Если с осени 1919 г. по май 1920 г. на территории Сибири разрешалась торговля, запрещались принудительные меры к изъятию хлеба у крестьянства и курс власти по отношению к крестьянству определялся принципом «не сметь раздражать середняка», то с июня 1920 г., укрепив свои силовые и властные структуры, большевики переходят к силовым методам проведения продразверстки и мобилизации в армию.¹⁵⁷ Это провоцирует крестьян на массовые выступления и дезертирство. По всем губерниям Сибири объявляется военное положение.

Партия эсеров предпринимает попытки не допускать стихийные распыленные выступления крестьянства, а если таковые имели место, то по возможности им старались придать организованный и мирный характер. Даже в период одного из самых массовых крестьянских выступлений – тамбовского, как выяснили современные исследователи, местная организация эсеров продолжала призывать крестьян воздержаться от открытой вооруженной борьбы с большевистской властью. Тамбовский губком ПСР потребовал лично от А.С. Антонова, именовавшего себя «независимым эсером», прекратить называться эсером и подчиниться тактике партии. Когда на сентябрьской конференции ПСР в 1920 г. тамбовские делегаты настаивали на том, чтобы партия пошла навстречу стихийному крестьянскому протесту, возглавила его и ответила террором на большевистское насилие, эти предложения были отклонены конференцией.¹⁵⁸ Комментируя резолюции всероссийской сентябрьской

конференции партии 1920 г., ЦК ПСР в очередном обращении «Ко всем организациям партии с.р.» обращал внимание на то, что «большая политическая и организационная работа должна предшествовать моменту выступления активных сил».¹⁵⁹

В целом лидеры центристской части эсеров вместе с Черновым верно определяли основные тактические ориентиры в работе среди крестьянства. Ставка на крестьянство как основу «третьей силы», была правильной. Экономическая политика большевиков объективно вызывала недовольство значительной части российского крестьянства. Об этом упоминали и сами представители РКП (б). Так, в докладе председателя Енисейского Губисполкома Советов И.А. Завадского на пленарном заседании Губкома РКП(б) от 23 октября 1920 г. по поводу крестьянских выступлений в Енисейской губернии отмечалось: «в связи с последними мобилизациями и нажимом на разверстку мы имеем в губернии целый ряд вспышек, в результате которых сформированы в некоторых местах довольно значительные банды. ... Крестьяне знают, что они – сила... Партизанское население, вооруженное, хотя и советски настроенное, дает нам возможность опасаться, что в один не совсем прекрасный день это оружие будет обращено против Советской власти».¹⁶⁰

Но руководству эсеровской партии не удалось, на наш взгляд, верно оценить политическую ситуацию. Идеализация крестьянства питала иллюзию о возможности появления единого массового крестьянского движения против большевиков, которое эсеры могли возглавить. Эсеры не осознавали, что в крестьянстве отсутствует единство настроений и «общая готовность к жертвам для борьбы с советским правительством». Только позже, в 1920-е гг., они признали, что поведение крестьян можно объяснить тем, что «в общем и целом деревня просто напросто желала, чтобы ее оставили в покое».¹⁶¹ Крестьянству так и не удалось создать организационные формы для действенной защиты своих интересов, обеспечить единство своих действий, поэтому выступления его носили

обычно частичный, раздробленный характер и оставались нескоординированными.

Пока движение не приобрело организованный характер, партия считала восстание преждевременным. Это приводило к противоречию тактических позиций эсеров по отношению как к крестьянству, так и большевикам. С одной стороны, политическая и экономическая ситуация вынуждала крестьян с оружием в руках бороться с властью, они хватались за эсеровские лозунги и программы, но партия «открещивалась» от восстаний и призывала к мирным формам протеста. Интересно, что эту двойственность тактических установок эсеров по-своему оценили большевики на процессе 1922 года. По поводу тамбовского выступления они выдвинули против эсеров обвинения в том, что те, создавая «Союзы трудового крестьянства», тем самым участвовали в подготовке мятежа, несмотря на то, что повстанцы заимствовали эсеровские лозунги, эсеры бросили организованное ими движение на произвол судьбы, отдав в руки «первого попавшего проходимца».¹⁶²

С другой стороны, большевики не могли доверять «мирным» предложениям эсеров, поскольку полагали, что для них они носят временный характер, и как только крестьяне организуются и выступят против большевиков, эсеры их поддержат. Чернов на свидании с членами английской делегации 23 июня 1920 г., характеризуя позиции партии, сформулировал ее таким образом: эсеры стремятся «отклонить крестьянство от дезорганизованного выступления и ввести движение в русло мирного, организованного общего движения, но если разразится народное восстание – мы будем с народом, чтобы ввести его в организованное русло».¹⁶³ В резолюции сентябрьской конференции 1920 г. отмечалось, что политика большевиков, направленная на ликвидацию остатков народовластия, неизбежно приведет к широкому повстанческому движению народных масс. В связи с этим эсеры считали неизбежным «в будущем возобновление партией вооруженной борьбы с большевистской властью».¹⁶⁴

В этом плане проведение репрессивной политики большевиков против эсеров можно рассматривать как превентивные меры по обеспечению собственной безопасности в дальнейшем. В связи с многочисленными арестами членов ЦК ПСР в июне 1920 г. руководство партии перешло в 1921 г. в Центральное организационное бюро (ЦОБ). Репрессии обескровили и местные эсеровские организации. Так, сибирские власти констатировали: «единственные претенденты на роль крестьянских вождей – эсеры – являются совершенно разгромленными организациями, загнанными в безвыходный тупик идеологически. Нет оснований предполагать возможность серьезных попыток эсеров взятия в руки инициативы антисоветских выступлений».¹⁶⁵

Победа большевиков в войне и последовавшее за этим ужесточение репрессий заставили Чернова в сентябре 1920 г. выехать из России. ЦК партии поручил Виктору Михайловичу организовать за границей издание эсеровской литературы.¹⁶⁶ Сначала он поселился в Эстонии, – Юрьеве, а затем в Ревеле, где с декабря 1920 г. организовал выпуск периодического журнала партии «Революционная Россия», сыгравшего важную роль в обосновании программно-тактических позиций эсеровской партии в 1920-е годы.

В январе 1921 г. он принял участие в частном Совещании членов Учредительного собрания, созванном по инициативе правых эсеров для объединения антибольшевистских сил. Чернов первоначально негативно отнесся к организации такого Совещания, но, когда вопрос принципиально был решен, он согласился войти в эсеровскую фракцию с тем, чтобы помочь товарищам по партии «с наивозможно меньшим политическим ущербом выбраться из всего этого предприятия».¹⁶⁷ ЦК эсеров и местные партийные организации в России отрицательно отнеслись к этому мероприятию, полагая, что сотрудничество с либералами дискредитирует партию. Такой же точки зрения придерживались и меньшевики. ЦК ПСР настаивал на выходе эсеров из Исполнительной комиссии, созданной на Совещании, в

состав которой вошли правые эсеры и кадеты. Комиссия претендовала на представительство за границей интересов «подлинной России» в отличие от Советской России. Чернов пытался примирить правых эсеров и ЦК, обращая внимание на то, что Исполнительная комиссия не может рассматриваться как новый вариант коалиции с буржуазией. Кроме того, он убеждал членов ЦК, что раскол эсеровской эмиграции, потеря для партии ее правого крыла могут привести вообще к утрате возможности использовать материально-техническую базу эмиграции, контролируемую правыми. Впоследствии Чернов признавал, что все это мероприятие «в сущности – заграничное рукоделье от безделья, поверхностная рябь в мертвой заводи». «Пульс жизни, истинный пульс жизни не в этом и не здесь», – писал он.¹⁶⁸

Разногласия эсеров были прерваны начавшимся в России Кронштадтским восстанием. События в Кронштадте, на наш взгляд, сыграли ключевую роль не только в плане коренной перемены экономической политики большевиков, но и окончательно предопределили меры, направленные на устранение эсеровской партии с политической сцены. До кронштадтских событий вопрос об отношении к эсеровской партии не был решен. В руководстве большевистской партии и ВЧК даже рассматривались варианты возможной легализации партии и разрешения печатных изданий. Правда, наверняка утверждать, что большевики пошли по этому пути, если бы эсеры не поддержали кронштадтский мятеж, невозможно. Но верно, что после Кронштадта не только вопрос о легализации партии отпадал, но и возникла идея проведения судебного процесса над эсерами.

Восстание Чернов расценил как «начало конца большевистской диктатуры», тот самый момент организованного выступления народа, которого так долго ждали эсеры. «Кронштадт – самая крупная военно-морская база Советской республики, слава и гордость революции по диплому большевиков – восстал против большевиков, и его движение официально объявлено бело-эсеровским... занавес поднялся для нового акта

драмы», – писал Чернов из Ревеля в своем письме от 4 марта 1921 года.¹⁶⁹ Жестокая расправа большевиков с восставшими крестьянами, выступление моряков Кронштадта подтолкнули Чернова к переходу от позиции нейтралитета к резкой конфронтации с большевиками.

Во время Кронштадтского мятежа в марте 1921 г. Чернов развернул бурную деятельность по поддержке восстания, призывая «Внепартийное объединение» под руководством Административного центра организовать вооруженную, финансовую, информационную и продовольственную помощь восставшим.

Отношения Чернова и Административного центра складывались противоречиво. Организованное в 1920 г. под руководством правых и правого центра эсеровской эмиграции и состоявшее практически из эсеров «Внепартийное объединение», формально не считалось партийным. Оно создавалось с целью организации и сплочения демократических сил внутри России для восстановления демократической федеративной республики и занималось преимущественно организацией антибольшевистской агитационно-пропагандистской кампании, ориентированной на международную и российскую общественность.¹⁷⁰ Однако Особый отдел Административного центра специализировался на боевой работе. Административный центр пытался без ведома российского партийного центра войти в контакт со стихийно создававшимися повстанческими группами, но неудачно. Масштабы его деятельности оказались незначительны. На предложение вступить в члены «Внепартийного объединения» Чернов отказался, но поддерживал тесные контакты с этой организацией особенно в период Кронштадтского восстания.

«Все силы – сюда!», - призывал Чернов к объединению все сил и средств эсеровской эмиграции, - «во имя общего дела». Одновременно группа Чернова в Ревеле через радио и нарочных установила связь с кронштадтцами.¹⁷¹ Восставшие поблагодарили Чернова за поддержку, но отказались немедленно воспользоваться предлагаемой помощью, мотивируя

это тем, что все будет зависеть от дальнейшего хода событий. Балтийские матросы, являвшиеся на начальном этапе революции опорой большевиков, надеялись на достижение компромисса с властью.

Чернов рассчитывал, что кронштадтцы могут дать эсерам известие по условному коду радио о своем выступлении в направлении Красной горки, и тогда бы эсеры двинулись им на помощь. Он предлагал Административному центру, отправить на встречу восставшим 4 отряда по 300 человек, три через Эстонию (на Ямбург, Гдов, Псков) и один через Финляндию (для движения на Выборгскую сторону).¹⁷² «При серьезной фланговой опасности большевики ни за что не смогли бы форсировать Кронштадт штурмом», – считал он. По ходу движения революционных отрядов Чернов предполагал овладеть запасами оружия и вооружить им окрестное население. «Настроение прифронтовой местности (Псковской, Петроградской и Новгородской губерний), – отмечал он, – было более чем подходящее». «Крестьяне глухо волновались, но были безоружны. Надежных большевистских частей было немного. Равновесие было неустойчивое». В этом случае, считал эсер, «были все шансы, что заваруха прокинется очень далеко на Восток». Это расстроило бы большевистские коммуникации и свело бы на нет их ударную силу под Кронштадтом. При таком раскладе восставшим морякам удалось бы продержаться до того времени, когда лед перестал бы быть надежным. Тогда они стали бы неуязвимы и с помощью кораблей грозили всей линии от Ино до устья Нарвы.¹⁷³

Однако большевики подавили восстание. Лидер эсеров не снимал ответственности за поражение Кронштадта со своей партии. Эсерам не удалось оказать восставшим необходимую помощь. «Мы оказались абсолютно парализованными», – признавал он. Денег во время и в нужном количестве не нашлось, силы мобилизовать не удалось. «В общем и целом было бы с нашей стороны малодушием или трусостью не признаться самим себе, что в падении Кронштадта, ждавшем и не получившим своевременной

помощи, есть доля и нашей вины, и нашей ответственности. ... Мы получили суровый, тяжелый, но заслуженный урок».¹⁷⁴

Чернов видел несколько причин поражения восстания. Оно началось преждевременно, на месяц – полтора раньше, чем следует, а поэтому моряки не могли пустить в ход своей главной силы – кораблей. Скованные льдом корабли превратились в простые форты. Восставшие отказались от наступательной тактики, уступив с самого начала всю инициативу противникам (под лозунгом «мы не хотим крови, пусть нападают и несут ответственность за братоубийство большевики»).¹⁷⁵

Важную причину поражения лидер эсеров видел в том, что восставшие оказались в изоляции. «Россия, несомненно, при известиях о кронштадтских событиях начала раскачиваться. Но она раскачивалась медленно. Подходила весенняя распутица и стояли холода, не благоприятствующие мобилизации “зеленых”». Чернов отдавал должное стратегии и тактике большевиков. «Большевики действовали умело и более чем за неделю до действительного падения Кронштадта дали повсеместно радио, что Кронштадт уже сдался». Измена и военная хитрость ускорили падение Кронштадта. Повторными атаками, ценою страшных жертв, большевикам удалось истощить полуголодный гарнизон до самой последней степени.¹⁷⁶

После поражения восстания и расправы над восставшими надежды эсеров на эволюцию большевиков в сторону демократии исчезли. «Теперь ясно, что большевизм не способен ни к какой эволюции, ни к какому внутреннему самореформированию. Время, когда он уступками мог попытаться примирить с собой страну, прошло безвозвратно», – писал Чернов в «Революционной России» по поводу кронштадтских событий.¹⁷⁷ Эсеровская партия взяла курс на активную борьбу с господствующим режимом. Но при этом главным условием Чернов считал участие в ней самого народа, которое рассматривалось как необходимая предпосылка демократического возрождения. Эта тактическая линия была закреплена на X-м Совете партии в августе 1921 года.

В документах Совета отмечалось, что партия расценивала стихийные восстания против большевиков как «вынужденное средство самообороны доведенных до отчаяния масс».¹⁷⁸ Поскольку эсеры полагали, что эти выступления обречены на неудачу в силу неподготовленности, партия отказывалась делать на них ставку в борьбе с большевизмом. Основной акцент в деятельности эсеров был сделан на собирание сил и организацию масс посредством внедрения в народные организации. Совет поставил задачу – создать в деревне наряду с нелегальными партийными ячейками легальные общественно-политические крестьянские объединения – союзы трудового крестьянства. Основные программные лозунги партии оставались прежними: социализация земли, свобода и независимость кооперативных и трудовых объединений трудящихся и созыв Всероссийского Учредительного собрания.¹⁷⁹

Подводя итоги революции и гражданской войны в начале 1920-х гг., Чернов отмечал, что важные изменения произошли в социальной структуре российского общества. Старая буржуазия, дворянско-земледельческий класс и помещичье хозяйство полностью уничтожены.¹⁸⁰ Такая социальная трансформация, по его мнению, выбила социальную опору в России у монархических и либеральных партий, они практически прекратили свое существование в России, оказались «выброшены судьбой» за границу, стали раскалываться и дробиться.

Распыление и деморализация части городского пролетариата привели к превращению меньшевиков «фактически в научно-теоретический клуб, блюдуший чистоту старых форм учения Маркса от большевистских извращений», пытающейся находиться в рамках лояльной легальной оппозиции к большевизму. Серьезную социальную базу в лице крестьянства, по мнению Чернова, имела только партия эсеров, именно поэтому она являлась самым серьезным противником большевизма. Этим и объясняется тот факт, что на нее были направлены все новые и новые удары большевистских репрессий.¹⁸¹

Большевики разработали целую «военную стратегию» по отношению к своим политическим оппонентам. Разоблачая секреты этой политики в 1921 г. на страницах «Революционной России», Чернов отмечал, что все начинается с «заигрывания с оппозиционным меньшинством конкурирующей партии», оно делается предметом благосклонного внимания большевиков, ему сейчас же делается целый ряд крупнейших политических уступок. Для этой игры большевики тотчас же выдвигают свое собственное, правое крыло – когда нужно, раздуваемое в серьезную величину, и когда нужно, исчезающее. Политический флирт двух «крыльев» разгорается не на шутку. Правые большевики делают вид, что они могли бы всю большевистскую партию склонить к коренному изменению политического курса, если бы только в партии эсеров или меньшевиков взяло верх то меньшинство, с которым у них идут «соглашательские попытки».

Это провоцирует раскол в оппозиционной партии, меньшинство которой организационно оформляется в самостоятельную партию – сторонницу тесного союза с большевиками. После этого для новообразованной фракции или партии наступает «медовый месяц легализации» и сближения с правящей партией. Она освобождается от гонений, получает право легально выступать в печати с разоблачениями бывших однопартийцев, обрastaет «солидными связями в кругах партии господствующей». Все это развращающе действует на партию. Но в конце концов «быстро и весьма наглядно обнаруживается, что все послабления и привилегии «медового месяца» были лишь временной премией за раскол, за ту услугу, которую раскольники оказывали правящей партии, взрывая их конкурентов изнутри. Но как только это сделано – наступает очередь самих раскольников быть взорванными изнутри. ... И злостная партия или фракция оказывается в тупике; ни назад, ни вперед. Начинается ее тактическая агония... процессы мучительного разложения и распада».¹⁸²

Разоблачение раскольнической политики правящей партии со стороны Чернова не осталось без внимания большевиков. В записке председателю

ВЧК Ф.Э. Дзержинскому сотрудник данного ведомства указывал: «В 3 номере «Революционной России» Чернов, касаясь методов нашей борьбы с эсерами и меньшевиками и т.д., ясно и точно разгадал наш метод борьбы с ними. Он подвел итог тому, как путем разложения мы сваливаем на обе лопатки своих противников...». ¹⁸³

В связи с серией антибольшевистских восстаний в Тамбове, Кронштадте, забастовок в Петрограде и Москве в 1921-1922 гг. борьба с эсерами становится для большевиков вопросом выживания. В 1922 г. большевики организовали над эсерами политический процесс, основными целями которого были идейная и моральная дискредитация эсеровской партии, разрушение ее организационных структур. Чернов рассматривал процесс не только как кульминационный момент многолетнего противостояния большевиков и социалистов, но и как борьбу за пути дальнейшего развития страны, «великую историческую тяжбу между... демократическим социализмом и авторитарным коммунизмом». ¹⁸⁴

С юридической точки зрения процесс не выдерживал никакой критики. Как отмечает отечественный историк К.Н. Морозов, все стадии организации и проведения судебного процесса сопровождались серьезными процессуально-юридическими нарушениями. Большинство фактов, вменявшихся в вину эсерам, крайне тенденциозно интерпретировались, имела место и прямая фальсификация. ¹⁸⁵

Неприятными и неожиданными для большевиков стали объединительные процессы, начавшиеся между эсеровской эмиграцией и организациями в России, сближение и совместное выступление эсеров и меньшевиков, осуждение процесса европейскими демократическими социалистическими кругами. Эсеровской эмиграции удалось провести широкомасштабную протестную кампанию против процесса, которой были охвачены научные и общественные круги Западной Европы, социалистические организации и партии, II и Венский Интернационалы.

Активную роль в организации кампании сыграл Чернов. Он не только выступал в прессе с разоблачением мероприятий большевиков, был автором нашумевших обращений, заявлений, воззваний и меморандумов, исходивших от Заграничной делегации, но и пытался организовать за границей и контрпроцесс против пробольшевистской газеты «Новый мир» в лице ее редактора К. Керстена. Газета выступила с обвинениями Чернова и членов ЦК ПСР в сговоре с буржуазией и получении денег на совершение террористических актов против власти. Шаги по организации контрпроцесса, предпринятые лидером эсеров, вызвали определенные опасения в большевистском руководстве. В телеграмме наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, отправленной им 19 июня 1922 г. из Берлина в Наркомат иностранных дел РСФСР, по этому поводу отмечалось: «Процесс Чернова против «Нового мира» будет контрпроцессом, направленным против московского процесса эсеров. Для его дискредитирования будут разрабатываться те же вопросы, скажут, что в Москве правда затемнена, здесь она выясняется. Это серьёзный шаг. Обратите внимание ЦК».¹⁸⁶ Хотя контрпроцесса не получилось, большевики прекратили финансирование газеты, и она была закрыта, суд состоялся лишь в конце октября 1922 г., однако, и такой результат можно считать определенной победой Чернова, сыгравшей важную роль в срыве пропагандистских мероприятий большевиков за границей.

Предпринятые большевиками беспрецедентные меры безопасности свидетельствовали о том, что они реально опасались попытки эсеров отбить арестованных и террористических актов на видных советских и партийных работников. Эти опасения были не беспочвенны. Чернов, находившейся за границей, и ряд подсудимых, надеялись, что «процесс эсеров всколыхнет спящую массу, станет началом конца большевиков», но надежды не оправдались.¹⁸⁷ Процесс инициировал новый виток репрессий против эсеровского подполья и идейной дискредитации эсеров в большевистской прессе. Репрессивные меры касались не только самих эсеров и

сочувствовавших им, но даже членов их семей. Тем самым власть стремилась «вычистить» эсеровские группы. Партия эсеров уничтожалась средствами государственного террора, которым противостоять не смогла ни одна политическая сила в Советской России.

Государственный террор большевиков принципиально отличался от всех других предшествующих форм – дореволюционных и пореволюционных. Дореволюционный террор, по глубокому убеждению Чернова, носил сакральный характер и являлся защитной реакцией общества на вседозволенность власти. Суть сакрального характера террора проявлялась в готовности сознательно принести себя в жертву для того, чтобы покарать виновных в унижении народа и предотвратить еще большее зло. Для свершения террористических актов эсеровские боевики шли прямо «в львиную пасть», рискуя быть схваченными и повешенными прежде, чем им удастся просто увидеть тех людей, «за которыми они должны следовать зловещей черной тенью, призраком возмездия». Многие из них, подобно Е.С. Созонову, были убеждены, что они могут взять жизнь другого человека, «лишь отдавши свою».

В этом плане убийство Шарлотой Корде Марата, если отбросить его контрреволюционный характер, для Чернова являлось героическим поступком. «Она ненавидела террор якобинцев – и пошла на смерть, зная, что идет на смерть, и, зная, что сражает одного из действительных, а не мнимых, вдохновителей терроризма». По мнению Чернова, такой же священный характер носили покушения на М.С. Урицкого, В. Володарского, В.И. Ленина в 1918 г., когда в них «пошли стрелять, рискуя своей головой, не монархисты и не белогвардейцы, а одиночки-социалисты».¹⁸⁸

Высшим оправданием насилия и террора для большевиков стала цель – освобождение всего человечества от рабства и построение бесклассового социалистического общества. Ради достижения высокой цели они считали «нам все дозволено». Суть красного террора – не война против отдельных

лиц, а истребление буржуазии как класса. В этой новой большевистской этике Чернов видел «рождение специфического красного иезуитизма», провозгласившего – цель оправдывает средства.¹⁸⁹

Большевики не осознают, подчеркивал эсер, что, «задаваясь целью отравить враждебный лагерь, посеяв в нем семена измены и предательства, они, прежде всего, отравляют сами себя». Он предрекал, что все роковое значение лозунга «все позволено» еще будет почувствовано коммунистической партией, когда он будет приложен к междоусобной борьбе в ее собственных рядах. Полная потеря взаимного уважения и взаимного доверия, нравственный развал будет достойной карой за ту моральную гниль, которую с таким упоением культивируют ныне защитники советского строя в борьбе против его врагов. «Из святого святых большевистского Госполитуправления эта скверна и нечистота концентрическими кругами распространяется по коммунистической партии, заражая и разлагая весь организм».¹⁹⁰

Чернов рассматривал большевистскую революцию в 1920 г. как «контрреволюционный переворот». Октябрьский переворот «был преддверием эволюции Ленина-Пугачева к Ленину-Аракчееву... преддверием драпирующейся в красные цвета, но самой доподлинной контрреволюцией».¹⁹¹ Однако оценки Черновым революционного процесса в России не оставались неизменными.

В статье «Аккорды и диссонансы революции», опубликованной на страницах «Революционной России» в связи с десятилетним юбилеем октябрьских событий, Чернов заявлял, что «неприятие революции обычно есть в то же время отрыв от народной стихии: взаимным раздражением порожденный развод с собственным народом». Лидер эсеров подчеркивал, что неоднозначные, противоречивые оценки российской революции, объясняются ее сложным, двухсторонним характером. «Во всякой революции есть как бы два лика. Одним она обращена назад: это лик, искаженный судорогою гнева... Другим – вперед: это лик, просветленный

улыбкой надежды и взлетом чистого энтузиазма». «Солнце свободы равно будит – и человека в двуногом воле подъяремном, и зверя в человеке».¹⁹²

Причины массовой жестокости и насилия, которые в широких масштабах проявились в период революции и гражданской войны как со стороны белых, так и красных, Чернов призывал искать в особенностях российской истории. Он видел их в отсталости страны, веками накапливавшихся неразрешенных противоречиях, максимализме самой русской жизни, охлократическом вырождении революции, обуявшем общество военном психозе. «Из-за оргии расправ огосударствленных обездушенных казенщиной гильотины или чекистского подвала – не забудем другой оргии – оргии массовых самосудов... вполне, увы, народных». Большевизм лишь «концентрировал в себе известную сторону охлократических тенденций революции».¹⁹³ Еще более резко выразил эту точку зрения сподвижник Чернова по «Революционной России» Е. Шрейдер. В статье «Октябрь» он пришел к выводу, что Февраль и Октябрь – составные части единого революционного процесса. «Октябрь – это тот же Февраль, но доведенный до пароксизма, облеченный отчасти в психологическую форму вольницы».¹⁹⁴

В этом плане оценка Октябрьской революции, данная Черновым, перекликалась с рассуждениями Ю.О. Мартова, Д.Ю. Далина, Ф.И. Дана, опубликованными на страницах эмигрантского периодического журнала «Социалистический вестник». Они рассматривали большевистскую политику как продолжение революции, которая в условиях России приобретает особые недемократические черты. «Да, революция наша подчас мрачная, страшная и кровавая; свершая великое, она и низко падает. Но каждая страна имеет такую революцию, какую она заслуживает». «Революция буйная, кровавая, жестокая. Но она ведь наша, родная, русская революция, и не проклинять, а исправлять ее надо».¹⁹⁵

Анализируя развитие революционного процесса в России, Чернов выделяет несколько этапов. От падения самодержавия до октября 1917 г.

революция «балансирует между встречными требованиями унаследованной от самодержавия мировой войны и внутренней логикой самой революции». «С октября она сделала отчаянную попытку стряхнуть с себя путы внешней войны, превратив ее по формуле Ленина в войну гражданскую, и, все суживая свой социальный базис, довела до своего апогея в политике – режим диктатуры и террора, а в экономике – систему военного коммунизма». С 1921 г. с начала нэпа, она пробует медленный «спуск на тормозах», преодолевая в своей собственной среде все виды «левой оппозиции». С 1928 г. она пугается масштаба собственного «отступления» и, преодолевая в своей собственной среде все виды «правого эволюционизма», пробует стабилизироваться на своеобразном режиме «партийного абсолютизма», социальный смысл которого заключается в форсированной индустриализации страны во что бы то ни стало, хотя бы за счет всего остального народного хозяйства. С этого момента она наталкивается на растущее сопротивление деревни, и «развитие социальных противоречий революции вступает в новый фазис».¹⁹⁶ Таким образом, Чернов рассматривает социально-экономические и политические преобразования большевиков в 1920-1930-х гг. как составную часть революционного процесса, начавшегося в России в 1917 году.

Осмысливая в 1920-е гг. его особенности, Чернов признавал, что проявленная большевиками «воля к власти» была той специфической чертой, которая резко выделяла их из множества борющихся между собой партий.¹⁹⁷ Причину успеха большевиков Чернов связывал с их способностью учитывать революционную психологию масс и опираться на нее при осуществлении своей политики.¹⁹⁸ «Большевики забрали в свои паруса попутный ветер революции, по прямой линии – линии максимальной силы ветра. Мы пытались славировать боковыми парусами, и так увлеклись, что нас перевернуло», признавал он. «Мы были правы, когда прибегли к тормозам; идти вперед надо было на тормозах. Неправы мы были в том, что

испугались вообще движения вперед, и завили тормоза наглухо: они и сломались».¹⁹⁹

Важным фактором успеха большевиков явились, по мнению эсера, просчеты и ошибки демократических партий. Неправильная оценка ситуации, соответствующая ей тактика, вместе с неуверенностью в своих силах, привели демократические партии к поражению и способствовали торжеству большевизма. «Пока трудовая демократия шла вперед, от завоевания к завоеванию, большевики могли только бессильно фрондировать». Но вот наступила тяжелая заминка. Вместо движения вперед революционная демократия стала «топтаться на одном месте», отказалась возглавить революцию. Революционная волна перекадилась через ее головы и «вынесла на своем гребне к вершинам власти опьяненный неожиданным поворотом счастья большевизм».

Еще большим просчетом для эсеров, по мнению Чернова, было то, что эсеры оказались плохими учениками и не усвоили уроки Октября. На Уфимском государственном совещании и после него эсеры вернулись к тактике самоограничения, капитуляции и коалиции, в результате которой «очутились за бортом, а вся борьба против большевизма перешла в руки контрреволюции, для которой наши плечи послужили лишь ступеньками власти». «Таким образом, — заключал он, — дважды в истории нашей революции мы хорошо поработали на большевиков».²⁰⁰

Горечь поражения, чувство вины, недовольство правыми элементами, определявшими тактику эсеровской партии в самые ответственные периоды ее истории, на наш взгляд, не позволили Чернову беспристрастно посмотреть на причины поражения эсеров. Думается, что партия, исходившая из демократических принципов и нравственных норм, стремившаяся в своей внутренней организационной структуре и политических отношениях развивать установки плюрализма и демократии, увидевшая смысл своего политического существования в 1917 г. в предотвращении гражданской войны, «примирения непримиримого», по

своей сути не могла оказаться победительницей. Победить в исторических условиях России того времени для эсеров означало перестать быть самими собой, переродиться в большевиков или встать на сторону белого движения. Для основного костяка входивших в эсеровскую партию людей такая трансформация оказалась морально и организационно неприемлема.

Другими силами, ставшими «лить воду на мельницу большевизма», в годы гражданской войны Чернов считал белое движение и страны Антанты. Чем больше распоясывалась овладевшая антибольшевистским движением реакция, «чем нетерпеливее и откровеннее она стремилась вернуться к дореволюционным отношениям во всех областях жизни, тем чаще стали проявляться в народной психике рецидивы большевизма, дотоле казавшиеся невозможными». Вмешательство иностранных сил «под флагом борьбы с большевизма», оказавшихся «не способными отказаться от своих эгоистически-стяжательных планов», столь часто преследовавших «цели ослабления и раздробления России», привело к тому, что «большевизм, вопреки собственной природе и собственному прошлому – сделался волею судьбы... носителем национальной идеи, защитником государственной целостности России. Соединенные усилия белых диктаторов и Антанты извне сообщили большевикам такую силу, дали им такую опору, о которой они раньше не смели и мечтать».²⁰¹

Однако Чернов не сводил причины поражения партии лишь к тактическим просчетам. Главным уроком для него стала ревизия фундаментальных ценностей революционного мировоззрения, основанных на завышенном представлении о возможности управлять революционным процессом. Пережив годы революции, гражданской войны и эмиграции, Чернов признал, что революции не делаются революционерами, а происходят стихийно. «Самая страстная воля к вооруженной борьбе не даст ничего, кроме поверхностного «путчизма»... если только история не накопила стихийной массовой силы».²⁰²

¹ Чернов, В.М. Рождение революционной России. (Февральская революция) / В.М.Чернов. – Париж, Прага, Нью-Йорк, 1934. – С.237-238.

² Чернов, В.М. Уроки прошлого. К постановке вопроса / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1925. – №42. – С.15.

³ Чернов, В.М. Рождение революционной России... С.29.

⁴ Виктор Михайлович Чернов родился 25 ноября (7 декабря) 1873 г. в волжском городе Хвалынске, одном из уездных центров Саратовской губернии в семье уездного казначея Михаила Николаевича Чернова, женатого третьим браком на Анне Николаевне Булатовой. Мать Виктора умерла рано, когда ему не было и двух лет. Он рос с мачехой, как он сам писал впоследствии, «униженным и оскорбленным». С детства его окружала атмосфера, способствовавшая формированию особого душевного склада, обостренного чувства справедливости и сострадания к ближнему. Это во многом предопределило судьбу будущего революционера. Уже во время учебы в саратовской гимназии он вступил в народнический кружок. В 1893 г., будучи студентом юридического факультета Московского университета, активно участвовал в деятельности «Партии народного права», организованной М.А. Натансоном, одним из ярких деятелей революционного народничества 1870-х гг. За участие в деятельности партии Чернов в 1894 г. был арестован и приговорен к ссылке.

Во время отбывания заключения в Петропавловской крепости Чернов начал первую серьезную литературную работу «Философские изъясны доктрины экономического материализма». Часть ее под заглавием «Экономический материализм и критическая философия» появилась в журнале «Вопросы философии и психологии», а другая – «Типы психологического и социологического монизма» – в народническом издании «Русское богатство».

Тамбовская ссылка 1895-1899 гг. стала важным этапом в становлении Чернова как будущего теоретика и лидера партии эсеров. В этот период для

местных периодических изданий «Саратовский дневник», «Тамбовские губернские ведомости» и «Орловский вестник» им был написан цикл статей по вопросам социологии, в которых были заложены основные идеи, составившие позже теоретическую базу эсеровской доктрины. В Тамбове же определилось и ставшее впоследствии центральным направление его деятельности – работа с крестьянством и для крестьянства. При содействии Чернова в селе Павлодар появилась крестьянская организация «Братство для защиты народных прав», для которой он подготовил Устав. В Уставе впервые выдвигались требования ликвидации частной собственности на землю и перехода земли в руки всего трудящегося крестьянства.

Для более глубокого изучения философско-социологических и экономических вопросов Чернов в начале 1899 г. выехал за границу. С этого времени начинается второй важный этап в развитии научных взглядов будущего теоретика и идеолога эсерства. В Берне под руководством доктора философии Х.О. Житловского Чернов осваивает немецкую философско-социологическую литературу, слушает курсы по философии в Бернском университете. Знакомство с новейшими достижениями в области философской и экономической мысли, их творческое переосмысление позволили Чернову приступить к обоснованию своих теоретических позиций на страницах «Русского богатства».

В 1900 г. в Париже Чернов познакомился с «Группой старых народовольцев», возглавляемой П.Л. Лавровым. Виктор Михайлович убедил старших товарищей в необходимости работы среди крестьянства. Под его началом была организована Аграрно-социалистическая лига, целью которой была подготовка организационной и пропагандистской работы в деревни. Для лиги Чернов написал ряд программных работ: «Аграрно-социалистическая лига. Очередной вопрос», «Характер современного крестьянского движения», «Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве».

Публикация научных работ и активная организаторская деятельность Чернова за границей выдвинули его в ряды лидеров зарождавшегося эсерства. С 1902 г. он стал членом заграничного ЦК и вместе с М.Р. Гоцем редактировал партийную газету «Революционная Россия», на страницах которой в 1902-1905 гг. были опубликованы статьи Чернова по программно-тактической тематике, положенные в основу сборника «Социалистические этюды» (1908 г.).

При построении тактической линии партии Чернов исходил из расстановки классовых сил в стране, специфики социальной структуры. Он рассматривал крестьянство и пролетариат как единый рабочий класс. Эсер был убежден, что тяжелое экономическое положение, сословные пережитки неизбежно толкают крестьянство на борьбу с самодержавным режимом. Поэтому оно вместе с демократической интеллигенцией является надежным союзником пролетариата в борьбе за социализм. На противоположном полюсе российского общества, по классификации Чернова, стояли силы, являвшиеся опорой самодержавия, – дворянство, буржуазия и бюрократии. Эсер считал, что российская буржуазия чужда ценностям либерализма и не способна к последовательной борьбе за конституционные свободы. Либеральная идеология развивалась в России преимущественно как интеллигентское течение. Не случайно кадетскую партию, стоявшую на либерально-демократических позициях, Чернов не считал буржуазной. Этим определялась его тактика включения кадетов в левый блок.

Чернов был убежден, что самодержавие не способно на проведение глубоких реформ. Это исключало возможность его мирной эволюции в конституционном направлении. Перспективы развития России Чернов связывал с революцией. При разработке тактической линии партии Чернов исходил из критической переоценки народовольческого опыта, полагая, что вместо какого-то одного из направлений борьбы – политического террора,

агитации среди рабочих или крестьян, нужно перейти к одновременному их сочетанию.

Начавшаяся в 1905 г. революция в России позволила Чернову вернуться на Родину. Она дала возможность на практике проверить программно-тактические установки эсерства. После издания манифеста 17 октября Чернов предлагал приостановить тактику террора, не форсировать события, перенести центр тяжести с прямого давления на власть на соби́рание сил для закрепления достигнутых демократических преобразований. Декабрьское вооруженное восстание в Москве и введение явочным порядком на предприятиях 8-часового рабочего дня Чернов считал преждевременными мерами, приведшими к утомлению рабочих и торжеству реакции.

Пик популярности Чернова пришелся на время I съезда эсеров, состоявшегося в декабре 1905 г. – январе 1906 г., где он выступал в качестве основного докладчика, автором резолюций, аграрной программы и продемонстрировал уникальные способности по достижению политического компромисса. Попытка реализовать аграрную программу мирным путем была предпринята партией эсеров в период деятельности I и II Государственных дум. Вместе с П.А. Вихляевым, Н.Н. Сухановым, Н.И. Ракитниковым и М.Н. Шатерниковым Чернов входил в комиссию по разработке аграрного законопроекта, получившего название «проекта 104-х». Установившийся после третьеиюньского переворота политический режим заставил эсеров отказаться от реформистской тактики и снова встать на путь революционной борьбы. По мнению Чернова, Россия после третьеиюньского переворота являлась конституционной монархией лишь формально. Чернов был глубоко убежден, что использовать Думу для реальной законодательной деятельности невозможно, а превращать ее в трибуну для политической агитации, «не унижая собственного достоинства и

достоинства представляемых идей и принципов нельзя». Поэтому он выступал за бойкот III и IV Государственных дум.

В конце 1907 г. Чернов покинул Россию и находился в эмиграции вплоть до начала Февральской революции. Летом 1908 г. на I общепартийной конференции в Лондоне Чернов выступил с докладом об итогах первой русской революции и перспективах развития революционного движения. По его мнению, революция не решила поставленных перед ней задач и приняла затяжной характер, что позволяет надеяться на недолговечность наступившей реакции и неизбежность нового подъема. Основными тактическими задачами партии Чернов считал расширение деятельности в общественных организациях – профсоюзах, кооперации, возобновление тактики террора.

Организационный кризис в партии, усугубленный разоблачением Е.Ф. Азефа, репрессиями правительства, спадом рабочего движения не позволили эсерам полностью реализовать тактические установки, особенно в области террора. Дело Азефа Чернов воспринял как личную трагедию. Он долго не мог поверить в предательство человека, стоявшего у истоков создания партии. Не считая возможным находиться в ЦК после разоблачения Азефа, Чернов вместе с другими членами ЦК в мае 1909 г. подал заявление об отставке. В 1911 г. не согласившись с оценками деятельности ЦК, данными в «Заключении судебно-следственной комиссии по делу Азефа», он фактически отошел от партийно-организационных дел, занявшись литературно-публицистической деятельностью.

В 1910 г. он организовывал издание большого сборника «Вехи, как знамение времени», в котором большую часть составляли его статьи по философско-социологическим и политическим темам. В условиях нарастания общественного подъема позиция либеральных партий по аграрному вопросу, практически поддерживавших реформу Столыпина, заставила эсеров отмежеваться от либералов и сосредоточить усилия на

более тесном сотрудничестве с социал-демократами. С целью сближения народнических и марксистских партий было предпринято издание межфракционного журнала «Современник», внутренним отделом которого с апреля 1911 по октябрь 1912 гг. заведовал Чернов. Однако идейные разногласия и личные амбиции не позволили реализовать задуманное. Уже в октябре 1912 г. Чернов отошел от издания «Современника».

Для выхода из организационного кризиса партии он пытался объединить партийные силы вокруг издаваемого в Петербурге с 1912 г. журнала «Заветы». Развернувшаяся на страницах журнала дискуссия по проблемам террора, аграрного вопроса, перспектив развития народничества не только способствовала выявлению спектра мнений, но и содействовала привлечению новых сил в партию. Выступая на страницах журнала, Чернов развивал идеи о приоритете этики над политикой, защищал программу партии от усилившихся нападок со стороны правых элементов, корректировал роль общины в программных построениях эсеров. Осенью 1914 г., с началом первой мировой войны, журнал был закрыт, Чернов вернулся к партийной работе.

⁵ ГАРФ, ф.6065, оп.1, д.1, л.59.

⁶ См. подр.: Морозов, К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. / К.Н.Морозов – М., 1998. – С.587-600.

⁷ Чернов, В.М. Письмо Кляверу (около января 1932 г.) // International Institute of Social History (Amsterdam) (IISH), V.M. Chernov Collection, box 16.

⁸ Дело народа. – 1917. – №17, 6 апреля. – С.1.

⁹ IISH, V.M. Chernov Collection, box 16.

¹⁰ ГАРФ, ф.6065, оп.1, д.1, л.59.

¹¹ IISH, V.M. Chernov Collection, box 16.

¹² См.: Чернов, В.М. Война и «третья сила»: сборник статей / В.М. Чернов. – 2-е изд. – Пг., 1917.

¹³ Чернов, В.М. Уроки прошлого. – С.19,20.

-
- ¹⁴ ГАРФ, ф.6065, оп.1, д.1, л.65.
- ¹⁵ PSH, V.M. Chernov Collection, box16.
- ¹⁶ Чернов, В.М. Уроки прошлого. – С.15.
- ¹⁷ Резолюция петроградской конференции ПСР // Дело народа. – 1917. – №18, 7 апреля. – С.2.
- ¹⁸ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. – М., 1996. – С.679.
- ¹⁹ Дело народа. – 1917. – №29, 21 апреля. – С.1.
- ²⁰ Дело народа. 1917. – №30, 22 апреля. – С.2.
- ²¹ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.65, л.383об.
- ²² Чернов, В.М. Рождение революционной России. – С.227, 228, 229.
- ²³ Там же. – С.369.
- ²⁴ Чернов, В.М. О природе власти Временного правительства / В.М.Чернов // Дело народа. – 1917. – №37, 30 апреля. – С.1.
- ²⁵ PSH, V.M. Chernov Collection, box 16.
- ²⁶ Чернов, В.М. Рождение революционной России. – С.374.
- ²⁷ Кризис власти // Дело народа. – 1917. – №33, 26 апреля. – С.1.
- ²⁸ Дело народа. – 1917. – №56, 24 мая. – С.1.
- ²⁹ Чернов, В.М. Неотложное дело / В.М. Чернов // Дело народа. – 1917. – №22, 12 апреля. – С.1.
- ³⁰ Земельный вопрос. Доклады министра земледелия В.М. Чернова Всероссийскому Совету Крестьянских депутатов. – Пг., 1917. – С.31.
- ³¹ Там же. – С.43-45.
- ³² Чернов, В.М. Неотложное дело. – С.1.
- ³³ Дело народа. – 1917. – № 105, 20 июля. – С.3.
- ³⁴ PSH, V.M. Chernov Collection, box 16.
- ³⁵ В июле 1917 г. кадетская газета «Речь» выступила с обвинениями Чернова в использования немецких денег для организации пропаганды антивоенных взглядов в среде русских военнопленных. Чтобы отстоять

свою честь, Чернов 20 июля вышел из состава правительства и на правах частного лица потребовал расследования этого инцидента. См: Письмо В.М. Чернова к А.Ф. Керенскому // Дело народа. – 1917. – №106, 21 июля. – С.3. На страницах «Дела народа» были обнародованы ответы П.Е. Щеголева и В.Л. Бурцева, (тех лиц, на кого ссылались клеветники), которые не подтвердили клеветнические измышления. См.: Дело народа. – 1917. – №106, 21 июля. – С.3; №107, 22 июля. – С.3. В статье Н. Святицкого «Карты на стол», опубликованной в «Дело народа» 25 июля, автор подводит итог кампании против Чернова. Он констатирует, что ни одной копейки немецких денег, использованных лидером эсеров, не нашли, а сам факт рассылки и чтения газет российскими военнопленными – не является преступлением.

Но история с немецкими деньгами, как оказалось, была далека от завершения. В конце 1950-х гг. в опубликованных документах из архивов германского Министерства иностранных дел приводились факты, что в 1916 г. в круг общения Чернова входил некий эсер Цивин (Вейс), получавший деньги от германских властей и передававший их на революционные нужды эсерам. Но в материалах не содержалась информация о передаче денег Чернову на издание газеты «На чужбине» или на иные цели, более того, постоянно подчеркивалось, что агент очень старался, чтобы его партия не узнала «о происхождении денег, которые он предоставил в ее распоряжение». Николаевский, Б.И. Тайные страницы истории / Б.И. Николаевский / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. – М., 1995. – С.265. На основании представленных данных очевиден вывод о том, что Чернов ни в каких связях с германским правительством не состоял.

³⁶ Протоколы III съезда ПСР. – Пг., 1917. – С.193.

³⁷ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. Т.3. Ч.1: Февраль-октябрь 1917 г. – М., 2000. – С.492-493.

³⁸ См., напр.: Милюков, П.Н. История второй русской революции / П.Н. Милюков. – М., 2001. – С.444.

³⁹ Чернов, В.М. Рождение революционной России. – С.254.

⁴⁰ PSH, V.M. Chernov Collection, box16.

⁴¹ Там же.

⁴² Чернов, В.М. Ленин / В.М. Чернов // Дело народа. – 1917. – №26, 16 апреля. – С.1.

⁴³ См. подр.: Карр, Э. История Советской России. Кн.1. Большевицкая революция 1917-1923 / Э. Карр. – М., 1990. – С.89-90.

⁴⁴ Чернов, В.М. Анархистствующий бланкизм / В.М.Чернов // Дело народа. – 1917. – №73, – 13 июня. – С.1. См. подр.: Милюков, П.Н. История второй русской революции / П.Н. Милюков. – М., 2001. – С.171-184.

⁴⁵ Особый вид доверия // Дело народа. – 1917. – №92, 5 июля. – С.1.

⁴⁶ Демагогия – сестра провокации // Дело народа. – 1917. – №92, 5 июля. – С.1.

⁴⁷ Необходимые выводы // Дело народа. – 1917. – №95, 8 июля. – С.1.

⁴⁸ Момент обязывает // Дело народа. – 1917. – №93, 6 июля. – С.1.

⁴⁹ Надо размежеваться // Дело народа. – 1917. – №93, 6 июля. – С.1.

⁵⁰ К революционной работе // Дело народа. – 1917. – №95, 8 июля. – С.1.

⁵¹ Доклад В.М.Чернова о текущем моменте на VII-й петроградской конференции ПСР // Дело народа. – 1917. – №152, 12 сентября. – С.3.

⁵² Чернов, В.М. «Подпольное» и «надпольное» в подготовке корниловского движения: (По поводу «Очерков русской смуты» генерала Деникина) / В.М.Чернов // Воля России. – 1923. – №3/4. – С.40. Он возвращается к этому вопросу более подробно в английском варианте своей книги, посвященной русской революции: Chernov, V. The Great Russian Revolution / V. Chernov / Translated and Abridged by Philip E. Moseley. – New Haven, 1936. – PP.323-366.

⁵³ Еще один документ // Дело народа. – 1917. – №172, 5 октября. – С.1.

⁵⁴ Там же.

-
- ⁵⁵ Дело народа. – 1917. – №145, 3 сентября. – С.1.
- ⁵⁶ [Чернов В.М.] Курс зигзагов // Там же; [Чернов В.М.] Мед и деготь // Там же.
- ⁵⁷ [Чернов В.М.] Орган демократического контроля // Там же.
- ⁵⁸ См. об этом: Лункевич, В. Вынужденный ответ / В.Лункевич // Дело народа. – 1917. – №150, 9 сентября. – С.1; Милюков, П.Н. История второй русской революции. – С.444.
- ⁵⁹ Дело народа. – 1917. – №152, 12 сентября. – С.1.
- ⁶⁰ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.69, л.490.
- ⁶¹ РГАСПИ, ф. 274, оп. 1, д.40, л.91, 89.
- ⁶² PSH, V.M. Chernov Collection, box 16.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Краткий отчет о работе IV съезда ПСР. – Пг., 1918.
- ⁶⁵ ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.6, л.577.
- ⁶⁶ Бабина, Б.А. Февраль 1922 / Б.А. Бабина // Минувшее: исторический альманах. – М., 1990. – №2. – С.22.
- ⁶⁷ Протоколы Центрального комитета Партии социалистов-революционеров с комментариями В.М. Чернова // Вопросы истории. – 2000. – №8. – С.4-5.
- ⁶⁸ Чернов, В.М. Ленин против Каутского / В.М.Чернов // Дело народа. – 1919. – №1. – С.2; См. также: Чернов, В.М. Конструктивный социализм / В.М. Чернов. – М., 1997. – С.189-190.
- ⁶⁹ РГАСПИ, ф.274, оп.1. д.40, л.88.
- ⁷⁰ Чернов, В.М. Рождение революционной России. – С.26-27.
- ⁷¹ Краткий отчет о работе IV съезда ПСР. – Пг., 1918. – С.123.
- ⁷² Предостережение // Дело народа. – 1917. – №165, 27 сентября. – С.1.
- ⁷³ Смысл происшедшего // Дело народа. – 1917. – №202, 7 ноября. – С.1.
- ⁷⁴ Чернов, В.М. Вопросы тактики. Из итогов прошлого опыта / В.М.Чернов // Революционная Россия. – 1921. – № 23. – С.4.

⁷⁵ Чернов, В.М. История повторяется / В.М. Чернов // Дело народа. – 1917. – №229, 10 декабря.

⁷⁶ Три силы // Дело народа. – 1917. – №228, 7 декабря. – С.1.

⁷⁷ Чернов, В.М. Доклад на X петроградской конференции ПСР (15 ноября 1917) / В.М. Чернов // Дело народа. – 1917. – №212, 17 ноября. – С.2.

⁷⁸ Чернов, В.М. Их тактика / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1921. – №3. – С.3-4.

⁷⁹ Протасов, Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели / Л.Г. Протасов. – М., 1997.- С.164.

⁸⁰ Чернов, В.М. Фрагменты черновых записей // Hoover Institution archives (HIA), B.I.Nikolaevsky Collection (NC), box 386, f.21.

⁸¹ Дело народа. – 1917. – №236, 19 декабря. – С.1.

⁸² Чернов, В.М. Рождение революционной России. – С.224 – 226.

⁸³ [Чернов В.М.] Советы и демократия. Центральный комитет ПСР. Тезисы для партийных агитаторов и пропагандистов, №4 // Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 г. Документы из архива ПСР / собр. М. Янсен. – М., 1989. – С.68.

⁸⁴ Чернов, В.М. Учредительное Собрание и Советы / В.М. Чернов // Дело народа. – 1917. – №238 – 21 декабря. – С.1.

⁸⁵ Протасов, Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. – С.18.

⁸⁶ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. Т.3. Ч.2: Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М., 2000. – С.374.

⁸⁷ Там же. – С. 381.

⁸⁸ Чернов, В.М. Перед бурей / В.М. Чернов. – Нью-Йорк, 1953. – С.369, 371.

⁸⁹ Чернов, В.М. Иностранная интервенция и русский большевизм / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1922. – №24-25. – С.19-20.

⁹⁰ В.М. Зензинов упоминает, что разговоры о высадке десанта на севере России и на Дальнем Востоке велись официально и неоднократно. В своих воспоминаниях он отмечает, что от имени ЦК ПСР через сербов вел с союзниками переговоры В.М. Чернов, с французами – Е.М. Тимофеев и он. Союзники не только обещали помощь, но и участвовали в разработке конкретных планов военных действий. Со слов Зензинова, генерал В.Г. Болдарев и представители французской военной миссией рассматривали план «создания общими усилиями русских и союзников волжско-уральско-северного фронта». Впоследствии в личных беседах с А.Ф. Керенским осенью 1918 г. официальный Лондон и Париж категорически отрицали наличие таких планов и участие в их разработке представителей союзников. Но факт остается фактом, переговоры велись, обещания давались, и эсеры делали свою политическую ставку исходя из возможной военной помощи в борьбе с большевиками и немцами со стороны союзников. В воспоминаниях 1919 г. Зензинов отмечал, что «мы тогда вполне доверяли обещаниям союзников и на этих обещаниях строили свои планы, в которые ангажировали многие тысячи людей. Десанты на севере России и на Дальнем Востоке, близкая возможность активной борьбы с Германией и большевиками вместе с союзниками – все это было для нас вполне реальными возможностями, на которых мы строили и свою общую политику». Зензинов, В. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 году. – Москва-Самара-Уфа-Омск, 1919 // НИА, NS, box 8, f.24.

⁹¹ Майский, И.М. Демократическая контрреволюция / И.М. Майский. – М., 1923. – С.69-70.

⁹² Лебедев, В.И. Лучше поражение, чем измена или капитуляция / В.И. Лебедев // Воля России. – 1928. – №8-9. – С.210-211. Позицию В.И. Лебедева поддержал позднее В.В. Сухомлин. См.: Сухомлин, В.В. Политические заметки / В.В. Сухомлин // Воля России. – 1928. – №10-11. –

С.164; Он же. «Антигосударственность» и «Антипатриотизм» социалистов-революционеров // Воля России. – 1931 – №1-2. – С.170.

⁹³ В этом плане представляет интерес отношение эсеров к мятежу их бывших однопартийцев – левых эсеров в Москве 6 июля 1918 года. В.М. Зензинов отмечает, что соблазн воспользоваться растерянностью большевиков в этот момент был велик, но эсеры «предпочли воздержаться от выступления, боясь скомпрометировать себя союзом с левыми с.-р-ами. Для нас борьба левых с.-р-ов с большевиками была чисто партийной борьбой и в лице левых с.-р-ов мы видели таких же врагов народовластия, какими были большевики. Вступать с ними в союз ради достижения общенациональных задач – казалось нам чистейшим абсурдом». НИА, НС, box 8, f.24.

⁹⁴ Мельгунов, С.П. Воспоминания и дневники / С.П. Мельгунов / сост., примечания и подготовка текста Ю.Н. Емельянова. – М., 2003. – С.331.

⁹⁵ VIII Совет партии социалистов-революционеров (7-16 мая 1918 г. Москва). // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. Т.3.Ч.2: Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М., 2000. – С.391.

⁹⁶ Пролетарская революция. – 1921. – №1. – С.119; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – Т.3.Ч.2. – С.414.

⁹⁷ Чернов, В.М. Иностранная интервенция и русский большевизм. – С.20; ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.2 (16), л.2,3.

⁹⁸ Чернов, В.М. Из итогов прошлого опыта / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1922. – №23. – С.5.

⁹⁹ Межпартийные объединения «Союз возрождения России» и «Правый центр» были образованы в марте 1918 г. для организации антибольшевистского движения. Построенные по «персональному принципу» через голову партийных центров они состояли из представителей кадетов, народных социалистов, членов правого крыла эсеровской партии и беспартийных из числа военных, торго-

промышленных кругов и кооператоров. Основные положения программы коалиционных союзов включали создание на контролируемой территории сильной власти в виде Директории, при этом не исключался созыв Учредительного собрания, полномочного лишь санкционировать созданную власть. Фактически эта программа и была реализована в сентябре 1918 г. на Уфимском государственном совещании. Эсеровский ЦК относился отрицательно к вступлению членов партии в коалиционные организации, но прямого запрета на вступление не наложил. Как пояснял свою позицию Чернов, ЦК и он в это время были введены в заблуждение и считали «Союз возрождения» «невинным политическим клубом». (Чернов, В. Из итогов прошлого опыта / В. Чернов // Революционная Россия. – 1922. – №23. – С.7). Однако при первом обсуждении вопроса о взаимоотношении партии и Союза летом 1918 г. в Самаре была принята резолюция, в которой заявлялось, что официальных представителей партии в Союзе нет и быть не может и партия не несет ответственности за действие отдельных членов, вступивших в эту организацию без ее ведома. В сентябре 1918 г. по инициативе Чернова ЦК ПСР была принята резолюция, осуждающая эсеров, принимающих участие в деятельности «Союза возрождения России».

¹⁰⁰ НИА, М.А. Krol Collection, box 1.

¹⁰¹ Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июнь 1917 – март 1918 г.) с комментариями В.М.Чернова // Вопросы истории. – 2000. – №7. – С.7-8.

¹⁰² Чернов, В.М. Н.Д. Авксентьев в молодости / В.М. Чернов // Новый журнал. – Нью-Йорк. – 1943. – №5. – С.351.

¹⁰³ Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июнь 1917 – март 1918 г.) с комментариями В.М. Чернова // Вопросы истории. – 2000. – №9. – С.11.

¹⁰⁴ Чернов, В.М. На фронте Учредительного собрания // ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.2, л.40, 29; Веденяпин, М.А. Отчет ЦК ПСР // ГАРФ, ф.144, оп.1, д.21, л.21.

¹⁰⁵ ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.2, л.30.

¹⁰⁶ Мельгунов, С.П. Воспоминания и дневники / С.П. Мельгунов / сост., прим. и подготовка текста Ю.Н. Емельянова. – М., 2003. – С.334-335.

¹⁰⁷ ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.2, л.32.

¹⁰⁸ ГАРФ, ф.144, оп.1, д.21, л.14.

¹⁰⁹ Пролетарская революция. – 1921 – №1. С.117; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – Т.3. Ч.2. – С.413.

¹¹⁰ Цит. по: Чернов, В.М. На фронте Учредительного собрания // ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.2, л.32. М.Л. Коган-Бернштейн выступил с этим обвинением членов ЦК на страницах пробольшевистского органа «Свободное слово», выходящего в Самаре. Этот инцидент привел к расколу образовавшейся в Самаре коллегии ЦК ПСР и устранению от работы в ЦК М.Л. Коган-Бернштейна. Удрученный таким поворотом событий в знак протеста против решения ЦК и политики, проводимой в Уфе, он решил вернуться на территорию Советской России. При переходе фронта был расстрелян большевиками. Впоследствии Чернов по этому поводу писал, что день исключения из ЦК М.Л. Коган-Бернштейна был одним из самых «черных» дней в истории партии, «который бы хотелось зачеркнуть». ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.2. л.35. См. также: Буревой, К. Распад / К. Буревой. – М., 1923. – С.46-47.

¹¹¹ Зензинов, В.М. Правда о неправде / В.М. Зензинов // Общее дело. – 1919. – 22 апреля; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – Т.3. Ч.2. – С.407.

¹¹² Чернов, В.М. Из итогов прошлого опыта. – С.8-9.

¹¹³ PSH, V.M. Chernov Collection, box 45 (e).

¹¹⁴ Там же; Чернов, В.М. Перед бурей / В.М. Чернов. – Нью-Йорк, 1953. – С.374.

¹¹⁵ PSH, V.M. Chernov Collection, box 45 (e).

¹¹⁶ Чернов, В.М. Историк или истерик? (О г. Мельгунове) / В.М. Чернов // Воля России. – 1925. – №3. – С.108.

¹¹⁷ ИШН, V.M. Chernov Collection, box 45 (e).

¹¹⁸ Чернов, В.М. Перед бурей / В.М. Чернов. – Нью-Йорк, 1953. – С. 376-377, 378-379; Чернов, В.М. Историк или истерик / В.М. Чернов // Воля России. – 1925. – №3. – С.108.

¹¹⁹ Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июнь 1917 –март 1918 г.) с комментариями В.М.Чернова // Вопросы истории. – 2000. – №7. – С.8.

¹²⁰ ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.2, л.28.

¹²¹ Ракитников, Н. Временное Правительство / Н. Ракитников // Дело народа. – 1918. – №2 (5 октября). – С.1.

¹²² ИШН, V.M. Chernov Collection, box 45 (e); Чернов, В.М. Перед бурей / В.М. Чернов. – Нью-Йорк, 1953. – С.378-379.

¹²³ Письмо Н.Д. Авксентьева к с.-р. юга России (Париж, 31 октября (1919 г.) // Пролетарская революция. – 1921 – №1. – С.116-117; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – Т.3. Ч.2. – С.413.

¹²⁴ В качестве реальной альтернативы выдвигались города Томск – научно-культурный центр, где заседала Областная Дума, Иркутск – большой промышленный центр с сильным рабочим классом, либерально настроенный Екатеринбург.

¹²⁵ ИШН, V.M. Chernov Collection, box 45 (e). См. о нравах в Омске до переворота Колчака: Допрос Чрезвычайной Следственной Комиссии б. Верховного Правителя России адм. Колчака: Стенографический Отчет. – Иркутск 27.I-6.II. 1920 г.– Допр. №7 и №9; Вишняк, М.В. На Родине / М.В. Вишняк // Современные записки. – 1921. – №3. – 284-285.

¹²⁶ ИШН, V.M. Chernov Collection, box 45 (e); См. также об этом: Гуревич, В. Реальная политика в революции / В. Гуревич // Воля России. – 1923. – №14. – С.18.

¹²⁷ ГАРФ, ф.144, оп.1, д.21, л.28-29.

¹²⁸ ИШН, V.M. Chernov Collection, box 45 (e). О такой позиции В.М. Зензинова говорит Г.К. Гинс. См.: Гинс, Г.К. Сибирь, союзники и Колчак / Г.К. Гинс. – Пекин, 1921. – С.265-266, 274-275.

¹²⁹ ГАРФ, ф.144, оп.1, д.21, л.30.

¹³⁰ Ко всем партийным организациям. Обращение ЦК ПСР 22 октября 1918 г. // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – Т.3. Ч.2. – С.394.

¹³¹ ИШН, V.M. Chernov Collection, box 45 (e).

¹³² Авксентьев, Н.Д., Письмо к с.-р. юга России (Париж, 31 октября (1919 г.) // Пролетарская революция. – 1921 – №1. – С.116-117; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – Т.3.Ч.2. – С.413.

¹³³ Чернов, В.М. Перед бурей / В.М. Чернов. – Нью-Йорк, – 1953. – С.390.

¹³⁴ ИШН, V.M. Chernov Collection, box 45 (e).

¹³⁵ Мельгунов, С.П. Н.В.Чайковский в годы гражданской войны (Материалы для истории русской общественности: 1917-1925 гг.) / С.П. Мельгунов. – Париж, 1929. – С.152.

¹³⁶ Там же. – С.153-154.

¹³⁷ Зензинов, В.М. Немножко истории (К вопросу о коалициях) / В.М. Зензинов // Воля России. – 1920. – №67 (1 декабря). Цит. по: Чернов, В.М. Историк или истерик / В.М. Чернов // Воля России. – 1925. – №3. – С.108.

¹³⁸ Чернов, В.М. Из итогов прошлого опыта / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1922. – №23. – С.5; ИШН, V.M. Chernov Collection, box 45 (e).

¹³⁹ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.69, л.433.

¹⁴⁰ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – Т.3. Ч.2. – С.505.

¹⁴¹ РГАСПИ, ф.274, оп.1, д.2, л.88об.

¹⁴² Там же. Л.83-83об.

¹⁴³ Прекращение гражданской войны // Дело народа. – 1919. – № 8, 28 марта. – С.1.

¹⁴⁴ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – Т.3. Ч.2. – С.650.

¹⁴⁵ Чернов, В.М. Историк или истерик / В.М. Чернов // Воля России. – 1925. – №3. – С.111,112.

¹⁴⁶ ГАРФ, ф.5910, оп.1, д.470, лл.4, 5.

¹⁴⁷ Современный момент в оценке партии социалистов-революционеров. – Париж, 1919 // ГАРФ, ф.5910, оп.1, д.470, л.2об. Резолюции, принятые конференцией 8 февраля были опубликованы: Дело народа – 1919. – №1, 20 марта; См. также: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – Т.3. Ч.2. – С.420-424.

¹⁴⁸ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – Т.3. Ч.2. – С.459.

¹⁴⁹ Там же. – С.465-466.

¹⁵⁰ Южным организациям партии с.-р. (Обращение ЦК ПСР в связи с наступлением Добровольческой армии Деникина. 18 сентября 1919 г.) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – Т.3. Ч.2. – С.486.

¹⁵¹ Там же. – С.599.

¹⁵² РГАСПИ, ф.17, оп.3, д.62.л.1; д.63, л.13.

¹⁵³ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – Т.3. Ч.2. – С.543.

¹⁵⁴ Там же. – С. 637-638.

¹⁵⁵ Там же. – С.463.

¹⁵⁶ Там же. – С.544.

¹⁵⁷ Доклад члена Сибревкома В.М. Косарева на заседании ответственных работников Омской городской организации РКП (б) (14

декабря 1919 г.) // Сибирская Вандея. 1919-1920. Документы: в 2 т. / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.И. Шишкин. – М., 2000. – Т.1. – С.17, 25.

¹⁵⁸ Есиков, С.А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX в. (1900-1921 гг.): дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / С.А. Есиков. – Тамбов, 1998. – С.330-334.

¹⁵⁹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – Т.3. Ч.2. – С.653.

¹⁶⁰ Сибирская Вандея. – С.450.

¹⁶¹ Гуревич, В. Крестьянское движение и организация крестьянства в период гражданской войны / В. Гуревич // Революционная Россия. – 1927. – №57-58. – С.33.

¹⁶² Голинков, Д.В. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн.2. / Д.В. Голинков. – М., 1978. – С.76.

¹⁶³ Партия социалистов-революционеров Документы и материалы. – Т.3. Ч.2. – С.649-651.

¹⁶⁴ РГАСПИ, оп.1, д.1, лл.61, 62.

¹⁶⁵ Сибирская Вандея. – С.451.

¹⁶⁶ По материальным и политическим соображениям Чернов вынужден был покинуть Прибалтику в апреле 1922 г. и переехать в Берлин, а затем в конце 1923 г. в Прагу. В 1920-е гг. эсеровская эмиграция переживала трудные времена. Если первая половина десятилетия была ознаменована консолидацией партийных и эмигрантских сил в связи с политическим процессом 1922 г., проведением I-го съезда заграницных групп в ноябре 1923 г., то со второй половины усиливаются дезинтеграционные процессы. В мае 1925 г. большевиками был разгромлен руководящий эсеровский центр – Центральное бюро ПСР в России. Поиски причин провала вызвали разногласие в Заграничной делегации и привели в 1926 г. к ее расколу. В 1927 г. группа Чернова выступила с инициативой создания «Социалистической лиги нового востока» (СЛНВ), организации интернационального характера, построенной по персональному принципу,

объединившей представителей социалистических партий республик, входивших в состав СССР. Программа СЛНВ была истолкована в партийных кругах как предложение по расчленению Советского Союза и воспринята отрицательно. В 1928 г. был образован Заграничный союз ПСР, группа Чернова вышла из состава Заграничной делегации. Деятельность СЛНВ прекратилась в 1929 г. с отъездом Черновым в США. Основной целью поездки Чернова в США в 1929-1930 гг. был сбор средств для издания «Революционной России» и поиск политической поддержки. Виктор Михайлович успешно прочитал цикл лекций, принял участие в создании Американской федерации ПСР, но необходимую сумму для издания не собрал.

В Праге наряду с политической работой Чернов много занимался научными изысканиями. Он возглавил социально-политический отдел Института изучения России и занял должность профессора по кафедре социологии и социальной политики в Украинском социологическом институте, где ему была присуждена степень доктора социологических наук. Особое место в ряду научных работ, написанных Черновым в пражский период, занимает исследование «Конструктивный социализм» (1925 г), где он выступал сторонником эволюционного перехода к социализму через постепенное расширение социалистического сектора экономики и через широкое развитие демократии. В 1934 г. Чернов по приглашению ЦК Еврейской рабочей партии побывал в Палестине. В сельских организациях еврейских киббуц, организованных по трудовому, коллективному принципу «интегральных коммун» и активно участвующих в процессе кооперирования сельского хозяйства он увидел живые ростки конструктивного социализма и реальное воплощение в жизнь своей аграрной программы.

В 1934 г. в Праге вышла еще одна фундаментальная работа Чернова «Рождение революционной России», которая в 1936 г. была дополнена и переиздана на английском языке. В ней Чернов обстоятельно

останавливается на социальных и политических аспектах Февральской революции, ее характере, причинах поражения российской демократии.

Угроза оккупации Чехословакии заставила Чернова осенью 1938 г. покинуть Прагу и переехать в Париж. Оттуда уже в начале 1940-х гг. виднейшие представители эсеровской партии вынуждены были эмигрировать в США. 21 июня 1941 г. в США прибыл и Чернов. В последние годы Виктор Михайлович наряду с политической продолжал активно заниматься литературно-публицистической деятельностью. Его статьи о русской литературе печатались в издаваемом в Нью-Йорке «Новом журнале». В 1948 г. вышла его книга на идиш «Еврейские лидеры в партии социалистов-революционеров». Он много работал над мемуарами, закончить которые, к сожалению не успел. Умер Виктор Чернов 15 апреля 1952 г. в Нью-Йорке. В 1953 г. опубликованы его воспоминания «Перед бурей».

¹⁶⁷ Цит. по: Чубыкин, И.В. Парижское межпартийное совещание членов Учредительного собрания 8-21 января 1921 г. / И.В. Чубыкин // Политические партии России. Страницы истории. – М., 2000. – С.131.

¹⁶⁸ Письмо В.М. Чернова от 4 марта 1921 г. из Ревеля // ГАРФ, ф.5893, оп.1, д.130, л.9.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ См. подр.: Чубыкин, И.В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / И.В. Чубыкин. – М., 1996.

¹⁷¹ Очередное измышление // Революционная Россия. – 1921. – №8. – С.3-4. См. подробнее: Новиков, А.П. В.М. Чернов в годы третьей эмиграции: эстонский период (1920-1922) / А.П. Новиков // www.socialist.memo.ru (Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года.). Член Ревкома Кронштадта В.А. Вальк – социал-демократ, меньшевик, – по этому поводу рассказывал: «13 марта Петриченко (Председатель Кронштадтского ВРК) доложил на пленуме «ревкома» о том,

что от Виктора Чернова получилось из Ревеля письмо с предложением вооруженной помощи (на собрании в дебатах упоминалась потом цифра отряда в 500-600 чел.). Чернов, обратившийся к «ревкому» как председатель Учредительного собрания, предложил свои личные услуги в качестве руководителя движением и просил дать ему возможность приехать в Кронштадт. Петриченко доложил, что он дал Чернову ответ, в котором он поблагодарил его за приветствие, но отклонил его предложение о вооруженной помощи. «Ревком» согласился с содержанием ответа, сделанного Петриченко». Вардин, И. Черновский курьер в Кронштадте // Правда. – 1921 – №75, 7 апреля; ГАРФ, ф.6772, оп.1, д.79, лл.7-9.

¹⁷² Чернов, В.М. Письмо к членам Административного центра «Внепартийного объединения» от 7 марта 1921 г. // ГАРФ, ф. 5893, оп.1, д.130, лл.15-16 об.

¹⁷³ Чернов В.М. Письмо к членам Административного центра «Внепартийного объединения», апрель, 1921 г. // ГАРФ, ф.5959, оп.2, д.102, лл.9-10.

¹⁷⁴ Там же. Л.11.

¹⁷⁵ Там же. Л.9.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Чернов, В. Уроки Кронштадта / В. Чернов // Революционная Россия. – 1921. – №5. – С.2.

¹⁷⁸ История политических партий России / под ред. А.И. Зевелева. – М., 1994. – С.345.

¹⁷⁹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. – Т.3. Ч.2. – С.777-779.

¹⁸⁰ Чернов, В.М. Социальная структура послереволюционной России // ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.31, л.67; Чернов, В.М. Разложение и новообразование классов в послереволюционной России // Международный институт социальной истории (МИСИ). Архив ПСР. 1037.

¹⁸¹ МИСИ. Архив ПСР. 1037.

¹⁸² Чернов, В.М. Их тактика / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1921. – №3. – С.3-4.

¹⁸³ РГАСПИ, ф.17, оп.84, д.271, л.23. Фрагмент этой машинописной копии опубликован в книге Гусев, К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова) / К.В. Гусев. – М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – С.170.

¹⁸⁴ Чернов, В.М. Лицом к лицу / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1922. – №20. – С.31.

¹⁸⁵ Морозов, К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-1926): этика и тактика противоборства / К.Н. Морозов. – М., 2005.

¹⁸⁶ Шифротелеграмма Г.В. Чичерина в Наркомат иностранных дел от 19 июня 1922 г. // Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. – С.277.

¹⁸⁷ Морозов, К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние. – С. 337.

¹⁸⁸ Чернов В. Оба хуже // МИСИ. Архив ПСР. 1037.

¹⁸⁹ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.14, л.4-26.

¹⁹⁰ Чернов, В.М. Подражатели Судейкина / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1924. – №35-36. – С.14.

¹⁹¹ Чернов, В.М. Революция или контрреволюция / В.М. Чернов // Приложение к №1 «Революционной России». – 1920. – С.8.

¹⁹² Чернов, В.М. Аккорды и диссонансы революции / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1927. – №62. – С.7-8.

¹⁹³ Там же. – С.10-13.

¹⁹⁴ Шрейдер, Е. Октябрь / Е. Шрейдер // Революционная Россия. – 1927. – №61. – С.25.

¹⁹⁵ Далин, Д. Большевизм и революция / Д. Далин // Социалистический вестник. – 1928. – №10. – С.10.

¹⁹⁶ НИА, NS, box 384, f.19.

¹⁹⁷ Чернов, В.М. Большевистский эксперимент и марксизм / В.М.Чернов // Революционная Россия. – 1922. – № 16/18. – С.38.

¹⁹⁸ Чернов, В.М. Стихия революции и политические трезвенники / В.М.Чернов // Революционная Россия. – 1921. – №12-13. – С.4-5.

¹⁹⁹ PSH, V.M. Chernov Collection, box №16.

²⁰⁰ Чернов, В.М. Гипноз успеха / В.М.Чернов // Народное дело. – 1920. – №104. – 5 декабря. – С.2.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Чернов, В.М. Рождение революционной России. – С.19.

ГЛАВА II. КОНСТРУКТИВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ В.М. ЧЕРНОВА И БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ВАРИАНТ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ

Начало XX в. в истории мировой социалистической мысли ознаменовалось кризисом марксистской идеологии. Выявленные К. Марксом основные тенденции социально-экономического и политического развития, характерные для XIX в., не отвечали новым реалиям. Это подтолкнуло деятелей социалистического движения к пересмотру социалистической теории и выработке новых программ и тактики социалистического движения. В центре внимания оказались вопросы исторической перспективы капитализма, его типологии и национальных особенностей, своеобразия задач политической борьбы в странах с отстающим типом развития, приближения социалистической теории к практическим требованиям борьбы трудящихся. Выход из идейного кризиса виделся в синтезе новейших достижений общественно-политической мысли, в том числе и немарксистского направления.

Революционный кризис в России обострил стоящие перед деятелями социалистического движения вопросы теории и практики, потребовав разрыва с прежними догмами. Заслуга Чернова в этих условиях состояла в том, что он обосновал оригинальную концепцию типов капиталистического развития и возможность некапиталистического развития для аграрно-индустриальных стран.¹ Типологическая теория Чернова явилась методологической основой для изучения модернизационных процессов в России, в том числе и на советском этапе.

2.1. В.М. Чернов о хозяйственной политике большевиков в 1917-1920-х годах

В современной историографии экономический курс большевиков первых послереволюционных лет рассматривается с разных позиций. С советских времен широкое распространение получило представление о военном коммунизме как целенаправленной, сознательной, принципиально отличной от дореволюционного курса прежних правителей политике большевистской власти, направленной на создание основ нового общественного строя. В этом плане советские историки пытались найти равнодействующую между двумя оценками В.И. Лениным военного коммунизма – как начального периода строительства социализма и вынужденной меры, обусловленной условиями мировой и гражданской войн.

В зарубежной и отечественной литературе начиная с 1990-х гг. доминирующим является утверждение о том, что политика военного коммунизма своими истоками уходит в начальный период первой мировой войны. С приходом большевиков к власти она, таким образом, получила лишь закономерное продолжение и завершение. Регулирование цен на продовольствие, усиление роли государства в социально-экономической и политической сферах – общие тенденции в развитии всех воюющих государств. Большевики были вынуждены приспосабливаться к создавшимся условиям.

Взгляды Чернова на причины, характер и результаты экономической политики коммунистической власти со временем также претерпели большие изменения: от жестких и негативных оценок в период гражданской войны, вызванных накалом политической борьбы, резкой конфронтацией между социалистическими партиями, к более взвешенному и объективному анализу этой политики в середине 1920-1930-х годов.

Одним из первых шагов, сделанных большевиками в преобразовании экономики, стало введение рабочего контроля. В ранних работах, относившихся к 1917-1920-м гг., Чернов резко критиковал политику большевиков в этом вопросе, направленную, как он считал, на развязывание революционной стихии. По оценке эсера, она носила не конструктивный, а демагогический характер, потакала анархическим настроениям рабочих.² Контроль над производством, по глубокому убеждению Чернова, должен основываться не на классовом принципе, а на создании предпосылок для последующего проведения социализации промышленности. «Рабочий контроль – это не вылазка с простой целью дезорганизации врага, а деловая школа, предполагающая старательную органическую работу», – писал он.³

По замыслу Чернова, политика введения рабочего контроля должна быть постепенной и продуманной. Контроль над производством требует создания целой сети специальных учреждений, позволяющих охватить все звенья общественного производства – от мастерской до гигантских трестов. Создание такой системы требует определенных экономических и правовых предпосылок и поэтому не может быть разрешимо в одночасье.⁴ Рабочие через профсоюзы постепенно станут втягиваться в управление производством. Получая соответствующее образование, они последовательно будут знакомиться вначале с коммерческой, а затем с организационной сторонами производственного процесса. В результате рабочие из «бывших подданных» превратятся в «полноправных граждан предприятия», а бывший хозяин сменится выборным из среды этих граждан «президентом – заведующим». Но этот процесс нельзя форсировать. Промежуточной ступенью между режимом «фабричного самодержавия капиталиста» и созданием «фабричной республики» должна явиться, по мнению Чернова, фаза «фабричного конституционализма» и соответствующий ей режим «внутризаводской конституции».

Раскрывая сущность «внутризаводской конституции» в «Проекте экономической программы» в 1920 г., эсер отмечал, что при ней изменится

внутренний режим на фабрике. Отношения между рабочими и предпринимателями будут строиться на основе договоров, закрепляющих права и обязанности сторон. На социализированных предприятиях для разрешения конфликтов между администрацией и профсоюзами должны были образовываться третейские суды.⁵ В целях повышения трудовой дисциплины и заинтересованности рабочих социализированных отраслей Чернов предлагал знакомить их с финансовой деятельностью предприятий, делать их участниками получения чистой прибыли.

Разработанная Черновым модель хозяйственно-правовых отношений должна была способствовать сглаживанию социальных конфликтов и постепенному введению рабочих в аппарат управления производством. Несомненно, такая альтернатива, основанная на «правильной постепенности и организованности», была рассчитана на длительный период, а поэтому была оптимальна для мирного времени и практически не реальна в условиях революционной эпохи. Вместе с тем идеи Чернова о роли государства в подготовке и проведении общественного контроля весьма интересны и заслуживают внимания.

Серьезной ошибкой большевиков Чернов считал меры по национализации банковской системы. Момент для этого, по его мнению, был выбран крайне неудачно. Для восстановления разрушенного войной хозяйства нужна была отлаженная система банковского кредита, тогда как кардинальная ее перестройка в критический для всей экономики момент лишь усугубила общий кризис. Хотя Чернов и соглашался с тем, что жесткий контроль над банками необходим, поскольку именно спекуляции в банковской сфере, «расцветшие махровым цветом» в годы первой мировой войны, были одной из причин паралича общественного производства. Он считал необходимым «обуздать» частные банки путем подчинения их единому государственному банку, чтобы прекратить безудержную биржевую спекуляцию, провоцирующую кризис в промышленности и торговле. Таким образом, саму идею национализации банков Чернов в принципе признавал

правильной, но большевистские методы «штыком и наскоком» считал неуместными.⁶ Банковская система – чрезвычайно сложная и «деликатная» сфера, где поспешность и радикализм могут только спровоцировать панику, «бегство» капитала и как следствие чудовищную инфляцию, закрытие промышленных предприятий, безработицу и пр.

Продолжая развивать идею установления общественного контроля над банковской сферой, Чернов подчеркивал, что социализация кредита – длительный процесс. Наряду с государственной кредитной системой необходимо развивать кооперативный и частный виды кредита. При этом в правления крупных частных банков наряду с собранием акционеров самого банка, составляющим одну треть от общего числа, должны войти представители от союзов предпринимателей, работников банковского дела, кустарных, ремесленных и сельскохозяйственных кооперативов. Третью часть членов правления целесообразно назначать государством. Такой механизм управления, по мнению Чернова, должен обеспечивать общественный контроль за деятельностью банков и способствовать притоку капиталовложений в производство. Окончательное обобществление банковского дела Чернов связывал с переходом к плановому хозяйству.⁷

Политика рабочего контроля и национализация банков практически привели большевиков к необходимости национализации промышленности. В этом вопросе большевики, считал Чернов, оказались заложниками созданной им ситуации. Процесс национализации промышленности в значительной степени оказался стихийным, «галопирующим секвестрованием предприятий снизу».⁸ В 1918 г. Чернов резко отрицательно отнесся к курсу форсированной национализации, взятому большевиками, считая, что такая политика провоцирует глубокий кризис экономики, и без того ослабленной за годы первой мировой войны. Он называл первые декреты большевиков «лихорадочной игрой в распределительный социализм», не видя в них ничего творческого. «Какой-то жалкий, нищенский, поверхностный, распределительный, реквизиционный,

потребительский социализм»! – с горечью восклицал он. Эти меры носят деструктивный характер, окончательно добывая «весь капитал национального производства». «Худших врагов социализма, чем эти самодурные и неумелые его друзья, поистине, трудно даже придумать», – считал Чернов. Большевистские эксперименты опасны не только для экономики, не меньший вред, по мнению эсера, они наносят делу социалистического движения, компрометируя его в общественном сознании. В этом смысле он называет большевистскую экономическую политику «иудиным поцелуем делу социализма в России».⁹

Однако к концу 1920-х гг. Чернов заметно смягчает прежние категорические оценки. Он вынужден признать, что национализация промышленности в значительной степени явилась вынужденной мерой, предпринятой большевиками в ответ на действия буржуазии. В ходе революции отечественная буржуазия проявила эгоизм, своекорыстие, неспособность осознать общенациональные интересы. Она не только не приложила усилия в борьбе «с начавшимся хозяйственным разложением страны», но и задолго до Октябрьской революции начала переправлять свои капиталы за границу. После революции бегство капиталов резко ускорилось. Оставление фабрикантами предприятий подтолкнуло рабочих к их захвату, а большевики, придя к власти, пытались с помощью декретов направить этот стихийный процесс в организованное правовое русло.¹⁰

Национализация промышленности носила противоречивый характер. С одной стороны, большевики изымали у буржуазии собственность, а с другой – они вынуждены были инкорпорировать в состав государственного чиновничества служащих всех частных предприятий, осуществив тем самым универсальную бюрократизацию всех культурных и хозяйственных функций. Бюрократический аппарат превысил численность дореволюционной бюрократии более чем в 3 раза, значительно возросла степень его централизации.¹¹ Персональное обновление бюрократического аппарата сопровождалось качественным его изменением. Отличительной

чертой советской бюрократии стала безудержность «в дерзком экспериментировании над живым телом страны и народа» при полнейшей некомпетентности и самонадеянности, что вынудило большевистскую власть «пуститься снова в погоню за разогнанными специалистами».¹² Такая масштабная бюрократизация, по мнению Чернова, противоречила сути социалистического производства, основу которого, даже если исходить из марксистского и большевистского понимания социализма, должна была составлять общественная собственность. Он предвидел, что общественная собственность в СССР неизбежно превратиться в фикцию. Реально она будет сосредоточена в руках партийно-хозяйственной номенклатуры.

Национализация промышленности имела, по мнению Чернова, слишком высокую цену – почти полное уничтожение промышленности. Промышленное производство снизилось на 84%.¹³ Кроме того, национализация обанкротившихся предприятий ложилась тяжелым грузом на государственный бюджет, еще более усугубляя экономическую ситуацию. Ошибочные действия большевиков, способствовавшие разрушению промышленного производства, привели к оттоку капитала в сферу обмена. При этом капиталистическое накопление не исчезло, а возвратилось к самым низшим и примитивным формам. В условиях разрушения финансово-кредитной системы страны, широкие масштабы приобрело развитие «подпольного капитализма» и спекуляции. По данным Чернова, в 1918-1919 гг. 42% продукции, поступавшей в города и рабочие поселки, шло через Компрод, а 58% – через мешочников. В деревне эти цифры составили соответственно 34,8% и 65,2%. «Таким образом, – заключал эсер, – под громкой вывеской социалистической и чуть ли не коммунистической республики идет сплошное мелкобуржуазное развращение людей труда, начиная с «мешочников», солдат тыловиков и кончая всем и каждым».¹⁴

Разрушение промышленности привело к бегству пролетариата из индустриальных центров в деревню. Перед большевиками, подчеркивал эсер, маячила опасность «потерять под ногами почву и остаться с

диктатурой пролетариата, но без самого пролетариата». С 1918 г. по 1921 г. число фабрично-заводских рабочих сократилось в 2 раза (с 2,486 млн. до 1,228 млн. человек). Это заставило власть перейти к политике удержания части пролетариата путем поддержки предприятий в прямой убыток государству и фактическому прикреплению рабочих к определенным заводам.¹⁵ Но эти меры не остановили процесс общей деморализации рабочего класса. Рабочий был то осужден на роль мелкого торговца и спекулянта, то превращался в «государственного содержанца» или «узаконенного грабителя деревни» в рядах продовольственных отрядов.¹⁶

Процесс распада рабочего класса сопровождался ликвидацией гражданских структур, защищавших его интересы, и, прежде всего, это касалось профсоюзного движения. Лучше всего отношение большевиков к профсоюзам, по мнению Чернова, определил один из активных защитников профсоюзного движения в рядах самой большевистской партии – М.П. Томский. На IX съезде РКП в марте-апреле 1920 г., выступая с критикой политики партии по руководству профсоюзным движением, он констатировал: «С одной стороны, говорят, что любят профсоюзы. Да, любят и каждый по-своему. Тов. Ленин так их любит, что от большой любви трясет их, и у них голова болтается. Тов. Троцкий обнимает за шею так, что глаза вылезают. Тов. Рыков чуть не выдавил кишки». Будущий генеральный секретарь красного Профинтерна А. Лозовский однажды проговорился, что уже теперь часто неясна «грань, где кончается чрезвычайка, и где начинается профсоюз».¹⁷ Характеризуя профсоюзную политику правящей партии, Чернов утверждал, что большевики фактически превратили профсоюзы в один из «приводных ремней» в механизме политической диктатуры. Профсоюзы стали «резервуаром, из которого черпала власть вышколенных исполнителей-чиновников или поставщиков закомиссарившихся рабочих».¹⁸

Лидер эсеров убедительно раскрывает механизм огосударствления профсоюзов. Это происходит в результате замены принципа

индивидуального и добровольного членства коллективно-принудительным, бюрократизации профверхушки, введения нового порядка уплаты членских взносов, которые стали вычитать из зарплаты, перехода на государственное финансирование. Большую опасность Чернов видел в том, что в результате этих изменений профсоюзы из ячеек гражданского общества, призванных защищать интересы трудящихся, превращаются в органы государственного контроля за дисциплиной труда и организации рабочих для выполнения всевозможных государственных повинностей вроде вербовки ударных отрядов на фронт, в продотряды и т.д.¹⁹ Политика огосударствления профсоюзов, по мнению Чернова, означала, таким образом, ликвидацию «ростков нового трудового правосознания», разрушение элементов нарождавшегося гражданского общества, нарастание тенденций к бюрократизации общественной жизни.

Последствия этой практики не заставили себя долго ждать, отмечал эсер, при системе финансирования сверху естественно развивалась полная организованная зависимость низших профорганов от высших, система мелочной опеки над профсоюзами со стороны партийных организаций «зажимала каждую профорганизацию в тиски». Даже после возвращения к принципу добровольного членства в годы нэпа профсоюзы так и не смогли оправиться после нанесенного им в период огосударствления непоправимого урона. Независимые лидеры профсоюзов были «вычищены», а воспитание новых в условиях политической диктатуры стало практически невозможным. «Во главе всех профсоюзов на хорошо насиженных местах сидели прочные правительственные котерии», – убежден Чернов. При таких условиях возвращение к добровольному членству для власти было с точки зрения благонадежности профсоюзов совершенно безопасным.²⁰

Огромная популярность программы социализации земли в среде российского крестьянства и необходимость скорейшего разрешения земельного вопроса в России заставили партию большевиков, пришедшую к

власти, провозгласить своей очередной задачей реализацию эсеровской аграрной программы. Это не могло не вызвать определенного отклика со стороны Чернова. Однако на его оценке аграрной политики большевиков в годы гражданской войны не могли не сказаться определенные политические пристрастия, амбиции и обиды.

Чернов отказывался признавать, что большевики дали крестьянам землю. «Фактически крестьянин с первых дней Февральской революции принялся выкуривать помещика из деревни», – писал он в 1920-м году. Большевизм только сорвал земельную реформу как организованную и планомерную. «Черный передел» был шагом назад от продуманной программы социализации земли. «Объективная задача перед революцией стояла определенная: заменить помещичье хозяйство трудовым на началах, способствующих повышению производительности земли, росту национального богатства. Переворот в том виде, как он произошел при большевиках, по их собственному признанию, сопровождался регрессом сельского хозяйства».²¹

В дальнейшем Чернов вносит конструктивные коррективы в свои прежние оценки, сохраняя в целом их общую критическую направленность. Так, он считал, что большевики, позаимствовав у эсеров их программу социализации земли, свели ее лишь к переделу земли вместо создания экономических условий для роста производительных сил в деревне.²² В то же время он вынужден признать, что крестьянство «очень много выиграло в первые периоды революции, значительно увеличив площадь своего землепользования, избавившись от дани в пользу помещиков и фактически перестав платить какие бы то ни было налоги». Оно стало однороднее, так как вобрало в себя снова выделившихся хуторян и отрубников и пустило в уравнительный передел все земли. «Русская революция, – подчеркивал он, – была, прежде всего, аграрной революцией и «смела с лица земли все виды землевладения, кроме трудового крестьянского». В результате дворянско-земледельческий класс и помещичье хозяйство были полностью

уничтожены в России. Даже «землевладельцы новой формации оказались слишком слабы, чтобы доказать крестьянам свою полезность для них в политическом или культурно-экономическом отношении».²³

Однако недостаточная проработка правовых и экономических механизмов осуществления социализации земли привела большевиков к тому, что они оказались в положении власти, лишившей себя основных налоговых поступлений. Это заставило их в условиях разрушения товарно-денежных отношений и продуктообмена между городом и деревней перейти к продовольственной диктатуре и приступить к изъятию «излишков» из деревни. Деревня ответила на это сокращением запасов и упразднением понятия «излишек». Началась своеобразная борьба города с деревней. Советская власть принялась конфисковывать все хлебные запасы и объявила государственной повинностью засев полей. Крестьяне расценили это как возврат к государственной барщине. В деревне заговорили о «советском крепостном праве».²⁴

Чернов занял резко негативную позицию в оценке большевистской политики продразверстки, форсированного насаждения коллективных форм хозяйствования (совхозов и коммун). Под его непосредственным влиянием в 1920 г. на партийной конференции эсеров была принята резолюция, осуждавшая политику большевиков в аграрном вопросе: «Основывая свою экономическую, классовую и продовольственную политику на конфискации продуктов крестьянского труда в условиях полного политического бесправия широких масс трудового крестьянства, большевистская власть не только ничего не достигла в смысле создания новых прогрессивных социальных отношений, но систематически дезорганизует крестьянское хозяйство – последнюю опору народного хозяйства России».²⁵

Главным, что кардинально разделяло эсеров и большевиков, было их отношение к крестьянству. Для большевиков крестьянство являлось не «субъектом, а пассивным объектом политики», которым манипулируют в собственных целях.²⁶ Такое отношение к крестьянству, по мнению Чернова,

вытекало из фундаментальных основ марксистской доктрины, «индустриоцентричной» по духу. Для эсеров крестьянский вопрос представлялся центральной осью всей социально-экономической политики и одновременно главным рычагом социалистических преобразований. Чернов был убежден, что только проведение земельной реформы, нацеленной на поднятие производительности труда земледельческого хозяйства и осуществление основ народовластия, создаст естественный фундамент для дальнейших социалистических преобразований.

В 1920 г., подводя итоги экономической политики большевиков в годы революции и гражданской войны, Чернов приходит к заключению, что она представляет полный контраст с их действиями в области политической. Если в борьбе за власть они проявили недюжинные творческие способности и исключительную волю, мастерски владея стратегией и тактикой политической борьбы, то в области хозяйственно-организационной работы по строительству нового общества оказались «редкой бездарностью».²⁷

Неразвитость созидательного, конструктивного элемента в большевистской программе Чернов объяснял тем, что в марксизме – теоретической основе большевизма – не уделялось должного внимания разработке экономической программы переходного периода от капитализма к социализму. Основные надежды возлагались «на объективную логику самого хозяйственного эволюционного процесса». Марксу представлялось, что задача рабочего класса заключалась лишь в освобождении заключавшейся в недрах самого буржуазного строя тенденции естественного развития. «Вот почему как раз тот переходный период, который требовал от рабочего класса максимального творчества, сознательного социально-организующего строительства – в марксистской школе проходилась скороговоркой», – замечал Чернов.²⁸

Негативная оценка экономического опыта большевиков стимулировала эсеров к разработке своего варианта экономического курса.²⁹ Весной 1918 г. на VIII-м Совете партии были сформулированы принципиальные основы

экономической доктрины переходного периода: многоукладность экономики, признание важной роли государства в организации и регулировании производства и распределения.³⁰ В материалах апрельского пленума ЦК ПСР 1919 г. уже были представлены основные положения программы объединенной трудовой демократии на период переходного времени. Она включала следующие пункты:

1) «локализацию капитализма», то есть ограничение его такими сферами хозяйственной жизни, в которых в наибольшей мере проявляются его творческие, конструктивные, и в наименьшей – разрушительные стороны;

2) социализацию земли, усиленное налогообложение надельных излишков, обращение в общую пользу дифференцированной ренты;

3) создание благоприятных условий для последующего кооперирования крестьянского хозяйства;

4) расширение функций кооперации в городе для контроля над потреблением, государственное регулирование снабжения и распределения в производстве;

5) принудительное синдицирование в ведущих промышленных отраслях и постановку производства под контроль государства;

6) постепенное расширение сферы государственного, земского и муниципального хозяйства за счет частнокапиталистического;

7) уничтожение всевластия капиталистов на фабриках и развитие начал рабочего самоуправления.³¹

Задачи переходной эпохи предусматривали также выработку новых правовых норм, регулирующих отношения между администрацией предприятия и рабочими, развитие системы «фабричного конституционализма». Все эти меры были нацелены на постепенное вытеснение частного капитала организованной хозяйственной демократией, созданной путем «органического развития инициативы общественности».³²

Более детальный план экономических преобразований под названием «Проект экономической программы» был представлен Черновым на рассмотрение ЦК партии весной 1920 г. как альтернатива большевистской политике «военного коммунизма». Известно, что проект был размножен и разослан по организациям как материал для внутрипартийной дискуссии и впоследствии опубликован за границей на страницах «Революционной России». Его общие положения были включены Черновым в проект новой партийной программы, представленной на обсуждение сентябрьской конференции эсеров в 1920 году. Хотя Чернов лично не присутствовал на конференции (накануне он выехал из страны), он принимал активное участие в разработке резолюций, подготовке основного доклада.³³

При разработке проекта экономической программы Чернов исходил из возможной перспективы экономического и политического краха большевистской власти и появления шанса прихода к власти эсеровской партии. Поэтому главными требованиями к составлению экономической программы явились точное знание реальной экономической ситуации, учет положительного и отрицательного опыта большевиков. «Большевистское наследие есть жизненный факт, некоторыми своими корнями настолько вросший в почву, что вырвать их раньше, чем оздоровились общие условия и чем создались на смену новые формы хозяйственного бытия, значило бы лишь увеличивать общий хаос и хозяйственную разруху», – писал он в 1921 г. в статье «На второй день после ликвидации большевизма».³⁴

Экономический строй, установившийся в Советской России, Чернов не считал социалистическим. Он квалифицировал его как разновидность государственного капитализма. В намеченном весной 1920 г. «Проекте экономической программы» Чернов выделял такие его черты, как бюрократическая централизация управления экономикой; рутинность, неэластичность, бесхозяйственность; обилие злоупотреблений; чрезмерное усиление власти и силы государства по отношению к обществу и личности.³⁵

Главными целями программы эсеры провозглашали выведение страны из тяжелейшего экономического кризиса, обеспечение экономического роста, оздоровление финансовой системы, упорядочение земельных отношений, создание предпосылок для последующей модернизации. Чернов планировал после краха большевизма сохранить управление важнейшими отраслями промышленности в руках государства, вместе с тем денационализировать среднюю и мелкую промышленность, либерализовать цены, провозгласить свободу торговли, активно привлекать иностранный капитал для восстановления промышленности. Главная ставка в экономическом проекте Чернова была сделана на многоукладность. Эсер предполагал, что в деревне будут развиваться некапиталистические отношения, а в городской промышленности допускалось сосуществование общественного и частного секторов.

В реформировании общества Чернов отдавал приоритет эволюционным методам. Он полагал, что преобразование экономических отношений, создание нового правового механизма функционирования общественного производства – это длительный процесс хозяйственной эволюции и его не заменить какими-либо скороспелыми юридическими актами. Новые хозяйственные формы не могут возникнуть из ничего, они постепенно трансформируются из находящихся в эмбриональном состоянии элементов новых отношений, содержащихся в недрах старых хозяйственных форм.

Проекты социализации промышленности разрабатывались в этот период не только в России. Так, в Австрии представителем школы австрийского марксизма Отто Бауэром был разработан детальный план социализации промышленности. Заимствуя для своей программы ряд положений австромарксизма, Чернов мотивировал это так: «у Отто Бауэра формально-организационная сторона социализации индустрии разработана, действительно, с наибольшей полнотой и чисто немецкой отчетливостью, и было бы странно нам не воспользоваться ею в полной мере».³⁶ Вместе с тем он вносит в него коррективы, исходя из специфики исторических условий

страны. Можно говорить о создании Черновым российской модели смешанной экономики. В отличие от современных программ смешанной экономики, которые базируются на достаточно высоком уровне развития капитализма, вариант Чернова учитывал тяжелое экономическое положение страны, неразвитость «творческих», «положительных» сторон капитализма при избытке «разрушительных».

Рассматривая условия осуществления социализации промышленности, он подчеркивал, что это колоссально сложная задача, для разрешения которой потребуется не только время, но и высокий уровень развития производительных сил и правосознания общества. Социализация индустрии не тождественна передаче собственнических прав коллективам рабочих. Она предполагает установление нового типа правовых отношений между хозяйственными субъектами – индивидами, общественными организациями и государством, при котором частная собственность уничтожается и формируется правовой механизм взаимного контроля и взаимной ответственности. По мнению эсера, обобществлению в первую очередь подлежат железнодорожный и водный транспорт, шахты, рудники, нефтяные и торфяные разработки, металлургическая, машиностроительная, сахарная и винокуренная промышленность.

Во главе социализированной отрасли Чернов предполагал поставить коллегия, состоящую из представителей профсоюзов, организаций служащих, населения и государственных чиновников. В компетенцию коллегии, по замыслу Чернова, входило решение кадровых вопросов, внедрение передовых промышленных технологий, расширение и сокращение отдельных предприятий, заключение коллективных договоров с профсоюзами и т.п. Общее руководство и контроль управления социализированными отраслями производства должен был осуществлять Высший совет народного хозяйства, состоявший из представителей коллегий, руководителей предприятий и народных депутатов, в полномочия которого должны войти разработка законопроектов по всем вопросам

хозяйственной политики, организация статистического учета по изучению потребительского спроса и производственных возможностей, составление общих производственных планов по отдельным отраслям экономики.³⁷

В отраслях производства, недостаточно подготовленных к социализации, предполагалось проведение подготовительных мероприятий, в частности принудительное синдицирование отрасли. Синдигированные отрасли производства являлись как бы огромными акционерными компаниями, в которые руководители предприятий входили как пайщики в доле, соответствующей величине их предприятий.³⁸ Контроль принудительно синдигированных отраслей предполагалось осуществлять путем введения в правление на паритетных с хозяевами началах представителей тех же трех сторон, из которых составляются правления социализированных предприятий. Таким образом, основными чертами представленной Черновым схемы управления социализированными отраслями народного хозяйства являлись выборность основного руководящего состава и широкий демократический контроль.

Чернов предусматривал передачу ряда важнейших предприятий местного значения в муниципальную собственность. За муниципиями закреплялись, главным образом, функции управления местным транспортом, организации продовольственного обеспечения, решения жилищной проблемы.³⁹ Наряду с социализированными и муниципализированными предприятиями эсеровская программа переходного периода предполагала сохранение в системе многоукладной экономики и частнохозяйственного сектора, прежде всего в сфере легкой, перерабатывающей промышленности, строительстве и сфере услуг.

Принципиальные основы предлагаемой Черновым экономической программы были созвучны поискам меньшевистских теоретиков. Отличие можно усмотреть только в области регулирования земельных отношений. Если Чернов продолжал отстаивать необходимость «правильного осуществления программы социализации земли», то меньшевики ратовали

за создание условий выхода из общины, предоставление права владения и распоряжения землей отдельным домохозяевам при регулировании этих процессов органами местного самоуправления. Остальные требования (развитие всех видов кооперации, согласование интересов государственных, муниципальных с интересами крестьянства и т.д., государственное регулирование арендных сделок, защита наемного труда) были общими с эсеровскими установками. Большевики соглашались оставить в руках государства железнодорожный транспорт, почту, телеграф, предприятия военной промышленности, крупнейшие предприятия в топливной, металлургической промышленности. В руки муниципий предполагалось передать водоснабжение, канализацию, электричество, газ, трамвай, телефон, дорожное дело, общее регулирование частной индустрии.⁴⁰

Таким образом, программа Чернова предусматривала восстановление частной собственности, известную свободу рыночных отношений при сохранении ведущей роли государства. Она, по сути, предвосхищала основные мероприятия большевистского нэпа. Однако следует отметить, что многие положения проекта экономической программы Чернова носили общий характер. Функционирование экономического механизма и системы управления народным хозяйством были прописаны неконкретно и нуждались в дальнейшей детализации. Несомненно, здесь сказалась отстраненность эсеровской партии от реального участия в государственном управлении страной.

Предлагаемый Черновым вариант постепенной, эволюционной, модернизации общественно-экономических отношений не учитывал особенности не только революционного периода в России с его ставкой на чрезвычайность и кардинальность перемен, но и задачи социально-экономического развития страны. Стремление ограничить роль государства в процессе управления экономикой, переложив её на общественные организации, в условиях острого социально-политического кризиса и экономической разрухи было явно утопическим.

Корректируя свои оценки политики военного коммунизма в конце 1920-х гг., Чернов признавал, что экономическая политика большевиков была порождена объективно-историческими обстоятельствами, вызванными гражданской войной. Советское государство, окруженное со всех сторон белыми фронтами, оказалось в положении «осажденной крепости». «Всем осажденным крепостям знаком своеобразный военный коммунизм – своего рода «коммунизм отчаяния», – писал он. «Закон самосохранения диктует здесь беспощадное изъятие... запасов в один «общий котел» и потом самое скупое их рационализирование». Утверждая, что политика большевиков – это «ложный коммунизм простого дележа», Чернов был вынужден признать, что он являлся не только рациональным выходом из создавшегося положения, но и единственным шансом на спасение. «Этот особый вид коммунизма отчаяния был бы вероятно психологически почти невозможно сносить, если бы творцы его путем лихорадочно-напряженной субъективной иллюзии не сумели его превратить в его собственную противоположность: в коммунизм веры». Без этого утешения у власти не было другого выхода, «кроме самоубийства», заключал Чернов.⁴¹

Рассуждения Чернова о политике военного коммунизма в какой то степени перекликались с высказываниями В.И. Ленина, признавшего в 1921 г., что военный коммунизм нельзя рассматривать как «столбовую дорогу» к коммунизму. Он был временной мерой, обусловленной отчаянным положением советской страны, труднейшими условиями войны и разрухи. «Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой».⁴²

Таким образом, Чернов пришел к осознанию объективных причин политики военного коммунизма, но в то же время продолжал считать, что содержательная ее сторона была определена предыдущими социально-экономическими мероприятиями большевиков. «К режиму военного псевдокоммунизма их (большевиков – К.О.) влекла не только логика военного положения, не только примеры из практики мировой войны, ... но

и непредвиденная ими логика их собственной тактики до захвата власти и тотчас же после него».⁴³

2.2. Альтернативы нэпу

Провозглашение большевиками нэпа было встречено эсерами настороженно. Цель большевистского нэпа эсеры и Чернов первоначально увидели только в стремлении сохранить власть. «Цель ясна – надо сохранить власть в своих руках. Для этого можно вступать в соглашения с мировым капиталом, продавать душу черту, лгать, изменять, притворяться». Отмечая противоречия нового курса на страницах «Революционной России», эсеры не жалели красок, подчеркивая, что «большевистские изменения – не эволюция, продиктованная опытом, твердым убеждением и честным сознанием конечной цели, а беспринципная попытка быстрым отступлением на заранее заготовленные позиции сохранить возможность новой атаки».⁴⁴

В. Суровцев в «Воле России», развивая эти идеи, писал не об эволюции большевистской власти, а о маневрировании и отступлении под давлением крайней необходимости. Социальное содержание большевистской диктатуры постепенно выветривается, несмотря на стремление большевиков «не дать возрождающейся буржуазии снова экономически и политически поработить русский пролетариат». Для автора совершенно очевидно, что «метод полицейской опеки в атмосфере бесправия и произвола... может привести к противоположным результатам» – восстановлению самодержавия ведомств, усилению эксплуатации рабочих. Главным противоречием нэпа Суровцев считал сохранение диктатуры пролетариата – в новых условиях она теряет свою социальную сущность, превращаясь в самодовлеющую бюрократическую машину.⁴⁵

Е.А. Сталинский видел опасность нэпа в том, что новая буржуазия может использовать в своих целях рычаги экономического давления на

власть. По его мнению, это приведет к перерождению государства из диктатуры пролетариата в диктатуру буржуазии. «В эпоху большевистского термидора новая буржуазия является действительно господствующим классом России, у нее сила и мощь капитала. И если у нее нет еще политических прав, то она подкупом и взятками, развращая и покупая отдельные органы власти, может влиять, и влияет на них и заставляет их служить своим целям», – писал он.⁴⁶

Эти рассуждения были созвучны мыслям Чернова. Анализируя социальные процессы в России, он в 1922 г. приходит к аналогичным выводам. В период нэпа, утверждает он, практически происходит узаконение «подпольного капитализма». Победа большевиков над буржуазией в годы гражданской войны «оказалась лишь победой над старой буржуазией». Она вызвала к жизни новую, более жизнеспособную, закаленную невзгодами, гонениями и преследованиями, рекрутировавшуюся отовсюду, не исключая и рядов правящей коммунистической партии. Характеризуя новую буржуазию, Чернов отмечал, что «она энергична до авантюризма, предприимчива до дерзости и приспособляема». Ей не хватает солидности, положительности и выдержки старой буржуазии, культурный уровень ее ниже, и, поскольку практически по самому существу своего рода занятий она составляет часть криминального мира, ей не знакома «самая элементарная коммерческая мораль».⁴⁷

Чернов также видит в нэпе черты большевистского термидора. Он полагал, что капитализм всегда существовал в Советской России, вопреки коммунистической вывеске, и новая экономическая политика только открыла шлюзы накопившейся неудержимой потребности к восстановлению свободного производства, распределения и потребления. Утверждение Ленина, что нэп – это временная передышка в борьбе с капиталом, по выражению Чернова, «шито белыми нитками» и является «дешевым самоутешением» для покладистой интеллигентской совести.⁴⁸

С развитием нэпа критика эсеров становится более объективной. Оценивая большевистский экономический курс, Чернов находит его принципиальное сходство с политикой С.Ю. Витте. «Современный курс этой политики является как бы псевдокоммунистическим вариантом политики Витте». Он выделяет её сильные и слабые стороны. К числу первых эсер относил «настойчивый и обдуманный протекционизм, ускорявший капиталистическое накопление»; развитие налоговой системы за счет бумажной инфляции; сбалансирование бюджета; поощрение экспорта в целях достижения активного торгового баланса и накопление в стране валюты и золота, обеспечение денежного курса рубля золотым содержанием. Слабой стороной системы Витте, по мнению Чернова, было то, что созданная им «цветущая, оборудованная порою по последнему слову техники городская индустрия и величественная надстройка мощного государственного бюджета, дававшего возможность увеличивать армию и флот», всю свою тяжесть давили на немощный фундамент отсталого крестьянского хозяйства. Фундамент не выдержал такой нагрузки и стал «трещать по швам». Первым предостережением явились аграрные беспорядки 1902 года. Вторым – грозный 1905 г., третьим и последним – катастрофы 1917-1918 годов. «Война показала, что мощь самодержавия была стальным колоссом на глиняных ногах».⁴⁹

Экономическая политика большевиков, по мнению Чернова, еще более противоречива. Установление государственного руководства частными предприятиями ведет к тому, что их собственники оказываются в неопределенном положении, являясь «и не хозяевами, и не государственными приказчиками своих предприятий». Характеризуя формально-юридическую сторону сложившихся связей между государством, трестами и комбинатами в период нэпа, эсеры подчеркивали, что она напоминает систему феодального вассалитета. «Черный передел» главков и центров произошел таким образом, что за государством

«сохранилось верховное право суверена», а за трестами – основные финансовые и экономические функции.⁵⁰

Экономическую систему в период нэпа Чернов продолжал считать системой государственного капитализма, только освобожденной от чрезвычайных условий гражданской войны. «Если до нэпа был «государственный капитализм» абсолютистски централизованный, то после нэпа – это государственный капитализм децентрализованный, раздробленный, феодализированный». «Как любое частное капиталистическое предприятие, возглавленное социалистом, от этого не перестанет быть капиталистическим предприятием, так и система государственного капитализма от простого перехода власти к социалистической партии еще не перестанет быть системой государственного капитализма», – утверждал Чернов. «Ибо дело не в том, чтобы отдельного буржуа (или буржуазию), злого хозяина, заменить социалистом (или социалистической партией), добрым хозяином, дело в том, чтобы изменить социальный тип хозяйства».⁵¹

В социалистической системе, убежден эсер, принцип организации производства должен быть противоположен капиталистическому. Новое общество, по его представлению, будет основано на гармоничном согласовании интересов рабочих, организаторов производства и потребителей, т.е. высшем синтезе трех основных «живых факторов производства», которые при капитализме разъединены. Потому, доказывал эсер, «никакая даже социалистическая бюрократизация управления народным хозяйством не является его социализацией».⁵²

Субъектом эксплуатации в СССР оставалось коллективное юридическое лицо – государство, а если точнее, то «правлящая партия в режиме диктатуры». Совокупность управляющих, крепко сбитых в правящую партию, есть истинный суверен госпромышленности. Обладая монополией на власть, коммунистическая партия фактически распоряжается

промышленностью. «Олигархия в области управления госпромышленностью и есть государственный капитализм».⁵³

Характерной чертой системы государственного капитализма Чернов считал формирование особой социальной структуры, при которой общество делится на управляющих и управляемых. «В России системою монопольной партийной диктатуры проведена глубочайшая социальная борозда. Страна резко дифференцирована на управляемых и управляющих», – писал он.⁵⁴ «Красная бюрократия на деле выполняет то, что у бюрократии белой жило лишь в мечтах: она самый социализм использует в интересах деспотизма.... Русский рабочий горьким опытом познал всю тяжесть двойного ярма государственного социализма, двойной диктатуры над пролетариатом: политической диктатуры в стране и экономической диктатуры на фабрике».⁵⁵

Основным рычагом воздействия государства на управление промышленностью является монополия внешней торговли. Эсеры признавали, что теоретически «монополия внешней торговли является самым сильным орудием государственной политики».⁵⁶ В разработанном Черновым в начале 1920-х гг. «Проекте экономической программы» также предполагалось ограничить импорт на продукцию социализированных отраслей, предоставить льготы на импорт Высшему совету народного хозяйства, земско-общественным и кооперативным организациям, ввести государственную монополию на оптовую торговлю наиболее существенными предметами потребления.⁵⁷

Чернов отмечал, что после войны Советская Россия была вынуждена долгое время сохранять пассивный торговый баланс. Эта суровая необходимость, с которой должно считаться любое правительство, находящееся у власти, независимо от партийной принадлежности и идеологических позиций. Поэтому, чтобы данное «неизбежное зло ввести хотя бы в некоторые границы», всякое правительство будет стремиться ввозить в страну только товары производственного потребления,

максимально ограничить вывоз стратегических товаров, необходимых для восстановления хозяйства, экономно использовать транспорт исключительно для важных перевозок.

Однако в экономической политике большевиков монополия внешней торговли «была сведена не только к нулю, но даже и к отрицательной величине». Забюрократизированный аппарат Внешторга с его «ненужной волокитой, взяточничеством и спекуляцией» в годы нэпа практически утратил способность конструктивно регулировать внешнюю торговлю. В этих условиях, считал Чернов, лучше дело могли бы повести «просто частные лица и кооперативы». Таким образом, признавая важность монополии внешней торговли в будущей рациональной системе экономического восстановления России, эсеры все же полагали, что в конкретных условиях аппарат этой монополии неэффективен, работает «впустую».⁵⁸

После того как ставка на развитие мировой революции по большевистскому образцу оказалась несостоятельной, (попытки коммунистов прийти к власти в Болгарии и Германии не увенчались успехом), большевикам ничего не оставалось делать, кроме как открыть дорогу в Россию иностранному капиталу. Основную задачу в этом направлении эсеры видели в привлечении в страну крупного капитала, который, как предполагалось, придет на смену «мелко-хищническому, торгово-спекулянтскому».

Чернов понимал, что одним из важных условий притока иностранных инвестиций является восстановление экономических и дипломатических отношений Советской России с капиталистическими странами. Преодолевая в этом вопросе сопротивление в рядах собственной партии, он настаивал на необходимости признания большевистского правительства в качестве реального, способного представлять интересы страны на международной арене. «Мы не признаем большевиков нашей народной властью, – писал он. – Мы с ними боремся и будем непримиримо бороться, пока не заставим их

капитулировать или пока они не будут свергнуты. Но признание *de jure* в международных отношениях ныне лишено всякого привкуса моральной санкции. Это – дипломатическая условность, необходимая для всякого «худого мира», который все же лучше даже "доброй ссоры"». Он доказывал, что в сложившихся условиях возможны лишь два пути: или полное игнорирование России в международных отношениях, или возобновление их через советскую власть. «Если признание советской власти есть зло, то мировой дипломатический бойкот России на все время ее существования есть зло еще большее».⁵⁹

Сомнения в том, что большевистская капитуляция перед Европой будет означать экономическое порабощение страны, превращение ее в колонию для иностранного капитала, Чернов также считал неосновательными. Приток иностранного капитала, несмотря на определенные издержки, чрезвычайно необходим экономике страны. «Россия без внешней помощи не может придти сколько-нибудь быстро к хозяйственному восстановлению. Ей нужен кредит из-за границы... кредит, разумно затраченный на производительные нужды, даже при очень высоком проценте, обогащает не только кредитора, но и пользующегося кредитом. Пока нет нормальных взаимоотношений и связей России с Европой, нашу родину может посещать лишь хищнический капитал, лишь спекулянты и «рвачи»... По восстановлению нормальной политической связи России с Европой впервые станут возможны более для нас полезные виды хозяйственной интервенции». Таким образом, заключает эсер, признание Советской России неизбежно, «оно назрело, и это надо понять»⁶⁰.

В черновике статьи «Оба хуже», написанной в связи с убийством монархистами в 1923 г. в Лозанне советского посла В.В. Воровского, Чернов подчеркивал, что большевики «ныне бесспорно возглавляют собою Россию и представляют перед миром ее интересы». «Конечно, интересы правительства и интересы страны не идентичны, не покрывают друг друга. Но... далеко не во всем, конечно, но во многом большевикам – особенно в

области внешней политики – приходится делать то же самое, что на их месте дело бы *всякое* другое правительство: социалистическое, либеральное, монархическое». ⁶¹

Точка зрения Чернова в этом вопросе была созвучна взглядам деятелей меньшевистской эмиграции. Заграничная делегация РСДРП и Бунда в лице Л. Мартова и Р. Абрамовича 17 ноября 1920 г. обратилась к социалистическим партиям и профессиональным союзам всех стран, призывая «в интересах русской революции... во имя гуманности по отношению к истерзанному голодом и гражданской войной народу, во имя его суверенного права самому установить формы своего политического бытия, немедленно признать советское правительство, прекратить интервенцию и восстановить экономические связи с Советской Россией». ⁶² Иной позиции придерживались правые эсеры и кадеты. Они полагали, что международное признание и финансовая помощь Европы лишь укрепят положение большевиков, и всеми силами стремились дискредитировать их перед европейским общественным мнением.

Однако вопрос о признании СССР, как оказалось, еще не означал автоматического притока иностранного капитала в страну, на что надеялись большевики и предполагали эсеры. Как отмечала «Революционная Россия» в 1925 г., «признание пришло, а деньги... продолжают спокойно пребывать в нескораемых шкафах капиталистов, не проявляя не малейшей склонности переключиваться в большевистские карманы». ⁶³ «Солидный капитал не соблазнился перспективами «всерьез и надолго» вложиться в русскую хозяйственную жизнь. ... В Советскую Россию охотнее всего устремлялись коммерческие «рвачи», сниматели пенек с поверхности экономической жизни. Срубить и вывезти лес, выкачать известное количество нефти. Вообще браться за операции, где оборотный капитал неизмеримо преобладает над основным, – таковы были ухватки пошедшего в Россию авантюристского капитала». ⁶⁴

Объясняя причины того, что иностранный капитал не стремится в советскую экономику, Чернов указывал на ряд обстоятельств. Во-первых, на Западе после окончания первой мировой войны ощущается дефицит свободных капиталов. Во-вторых, западную буржуазия отталкивает политический курс большевиков на мировую революцию. «Линия Коминтерна, – писал Чернов, – это линия взрывания стабилизации Европы. ... Нельзя взрывать стабилизацию Европы, если хочешь черпать в ней ресурсы для собственного хозяйственного возрождения и стабилизации».⁶⁵

Действительно, летом 1924 г. на V-м конгрессе Коминтерна большевики заявляли о необходимости большевизации зарубежных компартий путем формирования массовых партийных организаций, готовых к грядущим классовым битвам, дальнейшей борьбы с социал-демократией и идейным реформизмом. Они оказывали материальную помощь пролетариату капиталистических стран. Так, только бастующим английским горнякам к концу 1926 г. были переданы 11,5 миллиона рублей, что составляло 61% общей суммы, полученной английскими рабочими из разных стран.⁶⁶

Одну из важных причин отказа большевикам во внешнем займе Чернов видел в том, что коммунистическая власть в то время не могла предоставить никаких реальных гарантий по возврату кредитов. В свое время она отказалась от выплаты долгов царского и Временного правительств. Кроме того, у инвесторов не было уверенности в том, что предоставленные суммы будут расходоваться на развитие экономики, а не на содержание Коминтерна или поддержку коммунистического и рабочего движения в капиталистических странах. Все это исключало возможность осуществления модернизации страны за счет внешних источников финансирования, что существенно ограничивало маневренность большевистской власти.

Внимательно наблюдая за развитием советской экономики в условиях нэпа, Чернов не мог игнорировать положительных результатов. Он признавал,

что за эти годы пролетариат снова стал работником за плату. Его численность к 1925-1926 гг. увеличилась до 2,300 млн. человек, что составило 76% от 1917 г. Отказ от военного коммунизма знаменовал собой улучшение материального положения рабочих. Вместе с тем менялась ситуация на биржах труда; в отличие от предыдущего этапа, когда безработица полностью отсутствовала, в новый период предложение труда значительно обгоняло спрос и число безработных в 1924 г. составляло уже 19% от числа занятых. Чернов подчеркивал, что вопрос о безработице прямо упирается в проблему аграрной перенаселенности страны и без увеличения емкости сельскохозяйственных территорий по отношению к затратам труда и капитала ее разрешить невозможно.⁶⁷

Развитие социальной структуры советского города Чернов связывал с результатами конкурентной борьбы между государственным и частным секторами экономики. На ее первом этапе крупные успехи над государством одержал частник. Чернов объяснял эту победу неопытностью руководителей госпредприятий, отсутствием разветвленного аппарата сбыта при низкой покупательной способности населения и крайнем недостатке оборотных средств наряду с исчезновением организованного кредита. Уже с 1923-1924 гг., отмечал он, «начинается полоса реваншей государственно-кооперативной торговли», и роль частника, по данным промысловой статистики, начала медленно, но верно сужаться в плане сокращения удельного веса в национальном доходе страны. Конечно, это еще относительное сужение, подчеркивал эсер, поскольку оно уживалось с абсолютным ростом. По данным налоговой статистики, доход «нетрудовых» городских элементов с 1922 г. по 1926 г. вырос на 1 млрд. рублей при численности плательщиков прогрессивного налогообложения 1.250 млн. человек. Победу госпредприятий над частными Чернов объясняет налоговой государственной политикой, смычкой их с кооперацией.⁶⁸

Таким образом, по мнению Чернова, в период нэпа определилось преимущество кооперативных, государственных форм труда над частными. Но вместе с тем в отличие от большевистских теоретиков, отождествлявших рост государственного сектора экономики с развитием социализма, эсер подчеркивал, что по своему характеру государственные предприятия еще не являются социалистическими. В лице хозяйственно-командного элемента госпредприятий, численность которого, по справочнику ЦСУ 1925 г., составляла около 145 тыс. человек, отмечал он, «мы имеем дело с потенциальной буржуазией».⁶⁹

Важные изменения претерпевала и российская интеллигенция. В своей основной массе, отмечал Чернов, она оказалась оппозиционна большевистскому режиму, практически его бойкотировала и организовала пассивное сопротивление. Интеллигенция чувствовала разрушительную силу большевизма и пыталась противостоять ей.⁷⁰ Но в борьбе с новой властью, по мнению эсера, она «не могла не потерпеть полного поражения». Во-первых, она потеряла былые источники заработков. Во-вторых, трудовая мобилизация эпохи военного коммунизма интегрировала ее в сеть советского чиновничества. Политика сокращения штатов и денационализация в годы нэпа снова «выбросила ее на улицу». В такое жалкое и экономически безвыходное состояние, в каком оказалась российская интеллигенция, отмечал Чернов, «еще никто не впадал». «Нищая, помятая, деморализованная, опростившаяся, изголодавшаяся, разочарованная, аполитичная, потерявшая самоуважение и веру в себя, она привыкла гнущаяся в три погибели и приспособляться, забыв из-за заботы о куске черствого суррогатного хлеба все широкие перспективы». Конечно, и в рядах русской интеллигенции сохранялись элементы, чей моральный закал под ударами судьбы только окреп, но все же в подавляющей массе старая интеллигенция, по убеждению Чернова, деградировала.

В то же время он вынужден признать, что за относительно короткое время в Советской России удалось сформировать новую интеллигенцию

рабоче-крестьянского происхождения. Она обладала необыкновенной живучестью в борьбе за существование и под довольно поверхностной культурной оболочкой таила в себе много элементов психологически «здорового варварства».⁷¹

Таким образом, в ходе кардинального изменения социальной структуры российского общества в революционный период, ценою огромных издержек и жертв, приходит к выводу Чернов, был ликвидирован многовековой раскол российского общества по социально-культурному признаку между народом и интеллигенцией. Это привело к консолидации общества, устранению пережитков сословной архаики и создавало определенные условия для дальнейшего модернизационного процесса. Демократизация интеллигенции явилась залогом будущего культурного и технического рывка, базой для которого стал синтез интеллигентской по своим истокам западной культуры с национальными традициями российского народа.

В годы нэпа политика большевиков по отношению к интеллигенции меняется. По мнению Чернова, это было обусловлено не только переменами в среде самой интеллигенции, но и осознанием властью необходимости возрождения и восстановления промышленности, которое оказалось невозможно без квалифицированных специалистов. Большевики обратили внимание, прежде всего, на техническую часть интеллигенции: высоко поднимали ей планки жалованья; включали в состав правления главков и трестов представителей крупного технического персонала. Власть стремилась привлечь интеллигенцию не только материальными благами, но и предложениями грандиозных технических программ, таких как электрификация страны и т.п.⁷² Но по отношению к интеллигенции гуманитарной, отмечал эсер, подлинное развитие которой невозможно без свободы и творчества, большевики продолжали прежнюю политику «завинчивая гаек» и преследования инакомыслящих.

После того как «две большевистские ставки» – на мировую социальную революцию и на «акул мирового капитализма», не пожелавших участвовать в восстановлении российского хозяйства – оказались биты, власть делает третью ставку – на крестьянина и поворот «лицом к деревне».⁷³ Проведение нэпа в деревне, полагал эсер, было вынужденной мерой. Большевики отказались от прежней политики, поскольку «казенная утопия регламентации сверху всего крестьянского хозяйства» оказалась несостоятельна и привела к неслыханной голодной катастрофе. В этом противостоянии города и деревни победа осталась за деревней вследствие «живучести крестьянского хозяйства, вернувшегося к натуральной фазе».⁷⁴ Приветствуя отмену одиозных декретов периода военного коммунизма, Чернов, однако, в мерах советского правительства, направленных на поддержку индивидуального крестьянского хозяйства (запрещение переделов в общине, поощрение аренды и наемного труда), увидел угрозу общине, своеобразное «неостолыпинство», «смену вех» в аграрной политике большевиков.⁷⁵ Лидер эсеров предвидел, что резкие повороты в аграрной политике могут спровоцировать в политических верхах рост антикрестьянских тенденций.

Чернов подчеркивал, что экономическая система в СССР в период нэпа держится, прежде всего, на производственной силе деревни. Но улучшение положения крестьянства в этот период происходит за счет вынужденной замены производительного потребления непроизводительным – «прилива в деревню предметов комфорта», «в то время как негде было купить новую телегу, лошадь или плуг». Анализируя статистические данные советского экономиста С.Г. Струмилина о средней продолжительности труда в год на душу в крестьянской и рабочей семьях, Чернов пришел к выводу, что приблизительно равное количество затраченного труда свидетельствует о том, что основным источником дохода крестьянства, как и пролетариата, выступает труд.⁷⁶ Это, по его мнению, подтверждает правильность его концепции единого рабочего класса, состоящего из пролетариата и

трудового крестьянства. Вместе с тем, обращает внимание эсер, при равном количестве затраченного в год труда отношение дохода крестьянина к доходу рабочего составляет 1 к 2,5.

Причину такого неравенства Чернов видел в «ножницах» цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Диспропорцию цен эсер объяснял не столько сложной экономической ситуацией, сколько сознательной хозяйственной политикой большевиков, направленной на создание «дополнительного источника прибыли посредством вздувания цен, неэквивалентного обмена с хозяйственно неорганизованным мелкобуржуазным, мужицким окружением».⁷⁷ Таким образом, пресловутые «ножницы цен» Чернов рассматривал как проявление классовой политики большевиков, направленной против деревни.

В статье «Невольные самообличители» он указывал, что большевики применяют в своей практике две пары ножниц, «стригущих деревню, как колонию»: разрыв в два с лишним раза между индексом цен на сельхозтовары и промтовары и разницу между оптовыми и розничными ценами. Он приводит примеры, как в государственной и кооперативной торговле искусственно завышали цены, воспользовавшись товарным голодом, в результате чего в этом секторе по сравнению с довоенным уровнем выросли в 2,5 раза.⁷⁸

Внимательно изучая динамику экономических процессов в СССР, эсеры пришли к заключению о том, что нэп в прежнем своем объеме исчерпал себя. Первые признаки нараставших противоречий они видели в кризисе хлебозаготовок. Основными его причинами эсеры считали:

- 1) недостаточное снабжение внутреннего рынка промтоварами;
- 2) невыполнение экспортных планов;
- 3) диспропорцию цен на сельскохозяйственные и промышленные товары;
- 4) значительное уменьшение частного капитала.⁷⁹

Большевики в 1926-1927-х гг. попытались справиться с ситуацией с помощью снижения цен на промышленные товары. В эсеровской эмиграции это было встречено с пониманием. Однако эсеры отмечали, что снижение цен было лишено необходимых экономических предпосылок: роста промышленной продукции и уменьшения ее себестоимости. В результате оно привело к избыточной денежной эмиссии и как следствие росту инфляции. Таким образом, политика власти привела к уменьшению доходов населения и в конечном счете к торможению хозяйственного и культурного развития страны.⁸⁰

Чернов считал, что деятельность большевиков по восстановлению промышленности нельзя признать удовлетворительной. Разве можно считать успехом пуск заводов или фабрик, работающих в убыток. Даже советские экономисты признавали, что себестоимость промышленной продукции была на 79-100% выше довоенной.⁸¹ Причины низкой эффективности советской экономики эсеры видели в огромных издержках, которые шли на содержание административного аппарата управления. Кампании, направленные на снижение издержек производства, которые пыталась проводить власть, как правило, сводились не к сокращению непроизводительных расходов на аппарат, а к уменьшению затрат на социальную сферу (отмене проездных выплат рабочим, денежных пособий на лечение и т.д.).⁸²

Другим фактором, способствовавшим повышению стоимости промышленной продукции, по мнению эсеров, являлась система поставок сырья предприятию и продуктов потребителю. Стоимость сырья, поступавшего от крестьянина на фабрику, пройдя все бюрократические инстанции, возрастала примерно в 1,5 раза. На следующем этапе произведенный на фабрике продукт поступал на склад, проходя через ряд приемочных комиссий; потом он шел со склада фабрики на склад соответствующего треста также через ряд контрольных пунктов. Далее его путь лежал на склад кооператива и, наконец, через лавку – потребителю. В

результате этой многоступенчатой системы промежуточные расходы настолько возрастали, что цена товара в конце концов увеличивалась в 2-4 раза.⁸³

Чернов и эсеры предлагали два пути выхода из этого лабиринта: либо отдать сбыт товаров частнику, либо возродить «живую кооперацию». Та кооперация, которая сложилась в годы военного коммунизма, была фактически подчинена государству, превратившись, по выражению Чернова, «в участковый орган собирания и распределения реквизированных продуктов крестьянского хозяйства», а кооператоры – в типичных советских служащих».⁸⁴ С переходом к нэпу кооперативам было предоставлено право ведения торгово-обменных операций под руководством Губсоюзов, это должно было существенно изменить дело. Однако на деле кооперация так и не стала свободной. Она не получила возможность самостоятельно формировать ассортимент товаров, а вынуждена была сбывать товары, предоставленные ей трестами и Наркомпродом. Столкнувшись с кризисом сбыта товаров, она фактически оказалась лишенной оборотных средств и не смогла успешно конкурировать с частником. Последний, как правильно отмечал Чернов, «успел проникнуть в глубь крестьянства, сумел накопить средства не по кооперативному, и стал не только «конкурентом «потребилки», но и хозяином экономического положения деревни». «Частный торговец начал исправление советской экономики, вследствие чего положение кооперативных организаций в значительной степени ухудшилось».⁸⁵

Отказ от принципа «дарового государственного кредитования» и переход на более гибкую систему государственного регулирования также не улучшили ситуацию в кооперации. Анализируя причины такого явления в 1929 г. в статье «Кооперативные мытарства», Чернов отмечал, что кооперация «до сих пор лишена всякой свободы движения. «Ее "регулируют" всякий, кому только не лень, ее регулируют "до бесчувствия"». «Принудительное снижение цен на товары, реализуемые

потребкооперацией в целях экономии средств, приводит ее к нерентабельности, принудительное навязывание ассортимента товаров – к неэффективной деятельности».⁸⁶ «Самым страшным» злом в кооперативной практике Чернов считал советское «назначенство» на все ответственные должности вопреки воле низов. В «раскрепощении кооперации от назначенства и от принудительности» он видел залог ее будущего.⁸⁷

Подводя основные итоги восстановительного процесса в сельском хозяйстве, Чернов отмечал, что общей тенденцией является расширение посевной площади, требующей увеличения материальных и энергетических затрат, и одновременное понижение урожайности продукции. В черновике письма к А.И. Рыкову (около 1926 г.), Чернов акцентировал внимание на том, что «при безостановочном росте населения и потребления эти данные означают надвигающийся общий хлебный кризис для страны, гордившейся еще недавно именем "житницы Европы". Поэтому главный экономический вопрос, который необходимо решать, – это вопрос состояния наших производительных сил в деревне». «Вот тот вопрос, впереди всех других, который властно стучится к нам в ворота», – писал он.⁸⁸

По мнению Чернова, основной причиной промышленных и финансовых затруднений в СССР являлся кризис сельского хозяйства. Недостаток собственных сырьевых материалов, хронически недопроизводимых сельским хозяйством, сокращение заграничного импорта этих продуктов, благодаря отсутствию валютных средств, заставляют сжиматься обрабатывающую промышленность и разрушают государственный бюджет, утверждали эсеры.⁸⁹ Политика большевиков, нацеленная на вливание финансов исключительно в индустрию за счет перекачивания средств из земледелия, еще больше может усугубить ситуацию в народном хозяйстве. «Чем ускореннее идет этот процесс, тем «усерднее подпиливается сук, на котором она (индустрия – К.О.) сидит – деревенский внутренний рынок», – заключал Чернов.⁹⁰

Лидер эсеров был убежден, что большевики повторяют ошибки, совершенные в свое время С.Ю. Витте. Итогом хождения «по заколдованному кругу Витте» может быть только сокращение рынка для промышленности, кризис финансовой системы и невозможность создать сколько-нибудь серьезных новых расширяющихся источников государственных доходов». «В конце концов, – предрекал эсер, – наступит момент, когда падение покупательной силы деревни загонит в тупик и без того чахлая государственная промышленность, а нищенски сокращенный государственный бюджет все же становится непосильной тяжестью для разоренной деревни».⁹¹

Платежеспособность населения в условиях капиталистических отношений, действительно, выступает одним из важных факторов стабильности хозяйственной системы, поэтому ее низкий уровень в России в начале XX в. явился немаловажной причиной несостоятельности индустриальной политики Витте. У большевиков в отличие от их предшественника было большое преимущество: максимальное сосредоточение всех экономических ресурсов и власти, что позволяло хотя бы отчасти нейтрализовать издержки индустриализации.

Для Чернова индустриализация за счет деревни являлась совершенно неприемлемым вариантом. Он считал оптимальным складывание равноправного союза между городом и деревней, который должен обеспечить безболезненную модернизацию. Для этого необходимо, считал он, отказаться от активной внешней политики, перейти к политике мира и разоружения, безжалостно уничтожить все непроизводительные расходы, разорвать со всеми дорогими и блестящими утопиями от универсальной электрификации России вплоть до накопления мертвого золотого запаса.

В хозяйственном строительстве приоритет должен быть отдан развитию «хозяйственной основы русского народного хозяйства» – земледелию, которое необходимо «ценою каких угодно жертв в кратчайшее время оборудовать возможно более дешевым инвентарем, дать ему

одновременно максимум сельскохозяйственных знаний и улучшенных средств производства». И только по мере создания в деревне крепкого, устойчивого, платежеспособного внутреннего рынка можно на этом фундаменте возводить дальнейшие индустриальные и финансовые постройки.

Чернов призывал осуществить «полный переворот в области хозяйственной политики». Для этого было необходимо кардинально пересмотреть статьи импорта и вместо станков и оборудования для тяжелой промышленности ввозить из-за границы сельскохозяйственную технику, расплачиваясь на первых порах вывозом сырья. Он считал, что опасность в этом случае «стать придатком мировой системы капитализма не меньше той, которую несет в себе большевистская утопия обособленного замкнутого хозяйства». Такая политика неизбежно, по его мнению, приведет страну к экономической изоляции, в которой она потом будет задыхаться.⁹²

В подобных рассуждениях, безусловно, есть логика, однако предлагавшаяся Черновым альтернатива большевистской модернизации, на наш взгляд, являлась еще большей утопией. Историческая реальность была такова, что возможности выбора оптимального пути модернизации страны были предельно сужены: либо развитие тех секторов экономики, которые были связаны с потреблением и обменом, и постепенное накопление ресурсов для индустриализации, либо форсированное развитие тяжелой индустрии в ущерб остальным секторам экономики.

Первый путь был фактически невозможен, потому что у страны не было необходимого запаса времени. Уже в 1920-е гг. международная обстановка складывалась так, что перспектива новой мировой войны становилась все очевидней. При этом у Советской России было мало надежд на использование внешних займов, необходимых для накопления ресурсов и проведения индустриализации. Изоляционизм не был сознательным выбором большевиков. Даже если бы они отказались от поддержки

коммунистического движения, чтобы заслужить доверие иностранных инвесторов, как предлагал Чернов, то и тогда это не изменило бы ситуацию, поскольку неизбежно потребовало бы кардинальной либерализации всей экономической и политической системы, что было равносильно для большевиков отказу от власти.

Второй путь, выбранный новой властью, хотя и был сопряжен со многими экономическими и социальными издержками, что совершенно верно подметил Чернов, все же позволил в относительно короткий срок создать мощную индустриальную базу. Именно это стало решающим условием, обеспечившим победу СССР в Великой Отечественной войне и предотвратившим куда более масштабный геноцид населения страны.

Эсеры признавали, что в среде коммунистической партии «есть проблески реализма в политике», выразившиеся в стремлении подчинить внешнюю политику всецело интересам внутреннего развития России, углубить нэп и продолжить отступление от социализма с перспективой «поступаться все новыми и новыми правами и прерогативами государства в пользу капитализма». В этом направлении эволюционировало правое крыло большевистской партии – Л.Б. Красин, Г.В. Чичерин, Х.Г. Раковский, вокруг которых группировались большинство полпредств, торгпредств и немало хозяйственников.⁹³

К нему приближались И.В. Сталин, Н.И. Бухарин и А.И. Рыков, представлявшие центр партии. Причем Бухарин развитие социализма связывал со смычкой государственной промышленности с крестьянской кооперацией. Такую позицию эсеры квалифицировали как «комнародническую».⁹⁴ Принципиальное ее отличие от эсеровских установок они видели в отрицании самостоятельной ценности кооперации и убежденности в мелкобуржуазной природе крестьянского хозяйства. «Комнародничество Бухарина, – подчеркивали они, – остается насквозь бюрократическим». Новый теоретик большевизма даже не додумался до того, чтобы отвести кооперации самостоятельную роль. В его проектах кооперация предстает в образе «пассивной баржи», взятой на буксир

«пролетарским пароходом госпромышленности». Между тем в этом, как считали эсеры, весь корень вопроса. Или признавать, что кооперативное движение по логике его собственного развития имеет тягу к высшим формам, и тогда надо дать ему возможность автономно и спонтанно развивать все свои потенции, или считать его инертным телом, способным двигаться только с помощью внешней силы – «буксирного парохода».⁹⁵

Правым и центру оппонировало левое крыло и сложившийся позже блок сверхиндустриализаторов в лице Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и Л.Д. Троцкого. Они выступали за ускоренное развитие тяжелой промышленности путем выкачивания с помощью налоговой политики и цен средства из деревни. Левые предлагали свернуть нэп и начать новое наступление социализма в рамках одной страны, не смущаясь капиталистическим окружением извне, не отказываясь при этом, вопреки логике, от идеи мировой революции.

Однако представители как правого, так и левого крыла коммунистической партии оставались едиными в вопросе о мелкобуржуазной природе крестьянства. В этом плане позиция бухаринцев, считали эсеры, выглядела весьма противоречивой. Признав все крестьянство сплошь мелкобуржуазным, неспособным на самостоятельную эволюцию в смысле прогрессивного обобществления труда и собственности снизу, «бухаринцы готовы уверовать в ту же самую некапиталистическую эволюцию... под действием могучего «социалистического» магнита госпромышленности и госторговли». Смогут ли возглавляемые Бухариным «центристы» при этом раскладе действительно признать историческую правомерность некапиталистической, кооперативно трудовой эволюции – остается еще вопросом.⁹⁶

Раскол большевиков на комменьшевиков – троцкистов и комнародников, комэсеров – бухаринцев Чернов считал не случайным. В большевизме он усматривали амальгаму марксистского и народнического течений. Меншевизм ратовал за чисто пролетарский облик социалистического движения. Эсерство основывалось на идее союза двух

равноправных сторон – трудового крестьянства и пролетариата. Большевизм пытался идти по «третьему пути», выстраивая свою политику на союзе пролетариата с крестьянством при определяющей роли первого. «Эта амальгама, пережив бесконечное количество метаморфоз и вылившись в чрезвычайно усложненные формы, ныне начинает распадаться на свои составные элементы. В этом – смысл собрания вокруг Троцкого «меньшевикообразных» коммунистов, а вокруг Бухарина – коммунистов «эсерообразных», – заключал Чернов.⁹⁷

Анализируя политический расклад в партии в 1926 г., эсер отмечал, что ситуация весьма неопределенна, «никто вполне не обрел самого себя, а если кто и обрел, то не смеет открыто казаться тем, чем внутренне уже стал. ... Все, не исключая даже Красина, останавливаются на полдороге. ... И, конечно, не могут победить Зиновьева те, в которых столько «внутреннего Зиновьева».⁹⁸ Развернувшаяся в среде коммунистической партии дискуссия о сущности госкапитализма и социализма, по мнению эсеров, носила неконструктивный характер. На самом деле суть спора была не в этом, считали они, а в том, что «на деле подводят итоги всей полосе нэпа, и сами себя спрашивают: что же дальше?».⁹⁹

2.3. В.М. Чернов о сталинской модернизации и экономической системе в СССР

В борьбе по вопросу о путях социалистического строительства, развернувшейся в коммунистической партии, возобладало центристское течение во главе со Сталиным. Оно пошло по равнодействующей разных уклонов, дав сильнейший крен в сторону «сверхиндустриализаторов». В связи с этим «Революционная Россия», комментируя ситуацию конца 1920-х гг., отмечала, что практически политика «добрых сталинцев» ничем не отличалась от политики «злых троцкистов».¹⁰⁰ Тот факт, что сталинизм оказался «без пяти минут троцкизмом», осуществляющим практически

программу форсированной индустриализации за счет деревни, только без самого Троцкого, – стимулировало эсеров к выяснению причин такого поворота.¹⁰¹

Пытаясь объяснить эту метаморфозу, они полагали, что к этому Сталина подтолкнула логика политической борьбы. Чтобы лишить оппозицию ее наиболее выигрышных карт, сталинское большинство, одерживая над ней победы, вслед за этим «тотчас же выполняло значительную часть ее демагогических требований».¹⁰² Часть эсеров объясняла поворот Сталина к форсированной индустриализации тем, что он в силу своей одиозности вообще был не способен к выработке собственного курса, и поэтому просто позаимствовал программу Троцкого.

Чернов в этой дискуссии занял особую позицию, утверждая, что Сталин не просто пошел путем, предложенным Троцким, а искусно маневрировал, пробуя «и правый хозяйственный курс, от которого Троцкого кидало в истерику, и все крайности левого курса, на которые, судя по оппозиционной коммунистической прессе, не пошел бы и Троцкий». «При всей своей ограниченности и всем своим упрямстве Сталин все же практически более гибок и реалистичен, чем Троцкий, ибо более беспринципен, менее отягощен грузом теорий и доктрин», – писал эсер.¹⁰³

Чернов правильно отмечал, что приоритет самой идеи индустриализации как составной части программы построения социализма принадлежал Ленину, который сформулировал ее еще на IV конгрессе Коминтерна в 1922 году. Однако Ленин, по мнению Чернова, не был склонен к крайностям в этом вопросе. Для него тяжелая промышленность была «также нужной наряду с легкой промышленностью и сельским хозяйством».

При Сталине дело стало принимать другой оборот. Упрощая поставленную Лениным задачу, новый вождь коммунистической партии уже на XIV съезде ВКП (б) в декабре 1925 г. в заключительной речи

поставил цель «превратить страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование». Эта идея была положена в основу экономической политики партии.¹⁰⁴

Научно-теоретическую основу под курс индустриализации подвел известный советский экономист С.Г. Струмилин, предложивший планировать экономику, исходя из развития ее ведущего звена – тяжелой промышленности, перестраиваемой на базе электрификации. По его мнению, финансовые вливания в одно ведущее звено – тяжелую индустрию – автоматически посредством взаимосвязи между отдельными элементами народнохозяйственного механизма должны будут способствовать развитию всей экономики.¹⁰⁵

Признавая правильность самого курса индустриализации страны как направления экономической политики, Чернов возражал против путей и способов его осуществления, предлагавшихся большевиками. Он считал, что концентрация всех ресурсов в тяжелой промышленности неизбежно приведет к диспропорции в экономике. Лидер эсеров доказывал, что темпы и масштабы производства средств производства определяются не чем иным, как возможностями их применения, т.е. темпом развития тех отраслей народного хозяйства, которые они должны обслуживать. Ускоренное развитие отраслей тяжелой промышленности может привести к «омертвлению» огромных экономических ресурсов. Никому ненужная техника, орудия труда и т.д. превратятся в балласт, что, в конечном счете, приведет к «иммобилизации значительной части народного труда и капитала».¹⁰⁶

В докладе о пятилетке, прочитанном 1 декабря 1929 г. в Нью-Йорке в Русском студенческом обществе, Чернов выделял три вида планирования: трестовое, плановое хозяйство военного времени и социалистическое. Основной целью планирования в милитаризованном государстве является

увеличение внешней мощи, для которой население обязано жертвовать всем, при этом потребности масс отступают на задний план. Планирование в условиях капиталистической экономики исходит из принципа самодовлеющего производства ради производства для извлечения прибыли. Эти два вида планирования, по убеждению эсера, идут путями, противоположными социалистическим и приводят к казенной, бюрократической централизации всей производительной жизнедеятельности страны.¹⁰⁷

Чернов был уверен, что большевики просто перенесли методы планирования, использовавшиеся царским и Временным правительством в период первой мировой войны, на мирное время. Именно этим он объяснял «опекунско-бюрократический» характер их плановости и стремление навязать народному хозяйству план сверху в порядке распоряжений центральной власти. Для большевистских теоретиков планирование являлось не завершением социалистического строительства, а его преддверием, и носило директивный, обязательный характер, неизбежно порождая эксплуатацию массового потребителя, и поэтому, по своей сути, как считал Чернов, не являлось социалистическим.

Он полагал, что основным принципом планирования в социалистическом обществе должен стать принцип соразмерности производства с потребностями трудящихся масс. Плановость изначально должна иметь выборочный рекомендательный характер и в своей основе опираться на статистический учет потребностей и производственных возможностей социализированных отраслей. Плановый механизм должен был развиваться постепенно от элементов частичного планирования к «интегральной плановости законченного социалистического хозяйства».¹⁰⁸

На первом этапе переходного периода предполагалось тщательно изучить и освоить капиталистический опыт планирования, применявшийся трестами и синдикатами, а затем через механизм потребительской

кооперации приступить к изучению потребительского спроса по отраслям промышленности. Социализация отдельных отраслей индустрии, позволяющая рационализировать производственный процесс и систему управления наряду с развитием службы статистики и расширения «заказнической» функции потребительской кооперации, даст возможность разрабатывать производственные планы по отдельным секторам экономики. Плановость приобретет характер «шахматной игры» с неорганизованной стихией. Овладение ключевыми позициями народного хозяйства – кредитом, внешней торговлей, крупной индустрией, транспортом, смычка городской потребительской кооперации с сельскохозяйственными кооперативами по сбыту позволят оказывать реальное влияние на земледельческое производство. И, наконец, завершение процесса социализации промышленности, которое идет параллельно отмиранию рыночных механизмов и замене их государственным и кооперативным распределением, будет ознаменовано, по мысли Чернова, созданием «подлинно планового хозяйства», которое характеризуется соразмерностью развития отдельных отраслей производства, балансом между тяжелой и легкой промышленностью, индустрией и сельским хозяйством, гармоничной связью между производством и потреблением, учетом спроса потребителей и созданием единого общехозяйственного плана. Таким образом, плановое хозяйство, по проекту Чернова, предполагало, что общество уже сможет свободно перераспределять рабочую силу и производственные ресурсы. Плановое хозяйство «есть увенчание здания социализма». «Им социалистическое строительство не подготавливается и не начинается, а завершается», – заключал эсер.¹⁰⁹

Предлагаемый Черновым вариант развития плановой экономики, таким образом, основывался на принципах постепенности, соразмерности и больше похож на так называемое индикативное планирование, характерное для современных западноевропейских государств. Чернов верно отмечал, что большевистская модель в этом плане принципиально иная,

приближающаяся к военно-мобилизационному типу. Но в условиях необходимости ускоренной модернизации российской экономики индикативное планирование Чернова не смогло бы способствовать решению задач в том объеме, который обеспечил бы большевикам их директивный вариант, и прежде всего реализацию стратегической цели – создание тяжелой индустрии.

Характеризуя суть сталинской коллективизации, лидер эсеров отмечал, что она подчинена политике индустриализации, для успешной реализации которой власть переходит к принудительной пролетаризации деревни, практически объявляя войну «мужицкому самостоятельному трудовому земледелию».¹¹⁰ «Социальный смысл взаимоотношений между городом и деревней в советском режиме определился совершенно недвусмысленно, – писал он, – городская диктатура коммунизма над трудовой деревней».¹¹¹ Это неизбежно должно повлечь за собой рост сопротивления в деревне и переход революционного процесса в новую фазу.¹¹² В связи с этим Чернов считал, что совершенно не случайно в официальную идеологию была «запущена» идея об усилении классовой борьбы в период развернутого строительства социализма.

Чернов утверждал, что большевистская власть фактически развязала против крестьянства гражданскую войну. В ответ на действия власти деревня ответила «малой войной» не потому, что рассчитывала на успех, а потому, что «иначе уже не могла». Первоначально формы этой войны были преимущественно мирные – убой скота, порча инвентаря, бегство «куда глаза глядят». Потом появились и первые человеческие жертвы – результаты «массового самосуда над комсомольцами, убийств из-за угла партийных активистов», стихийной партизанской войны.¹¹³

Несмотря на все старания советской власти, сведения о массовых выступлениях крестьян против политики коллективизации «неведомыми путями» дошли до эсеровской эмиграции. Чернов в письме к членам эсеровской организации в США от 1 февраля 1932 г. сообщал о

возобновлении связи с Россией и возможности «поделиться свежими вестями оттуда». Судя по всему, сведения о масштабах крестьянского движения в период коллективизации, которыми располагал Чернов, были довольно близки к истине. Не случайно по степени опасности он сравнивал создавшуюся в деревне ситуацию с той обстановкой, которая сложилась накануне перехода к нэпу. В одном из своих писем Чернов сообщал, что большевистские власти вынуждены, чтобы не упустить ситуацию в деревне из-под контроля, предпринять «такую же бешенную мобилизацию коммунистов-ударников, как во время Кронштадтского восстания».¹¹⁴

Лидер эсеров предвидел, что власть в этих условиях может пойти на уступки. Именно так он рассматривал знаменитую статью Сталина, содержащую критику «перегибов на местах». Чернов констатировал, что коммунистический лидер, таким образом, вынужден был признать, что «его коллективизация сверху есть динамитная бомба, которая грозит взорвать все его здание государственного капитализма под фирмой ВКП».¹¹⁵ Однако уступки власти он не считал принципиальными, полагая, что они не повлияют сколько-нибудь серьезно на темпы коллективизации, так как процесс принял необратимый характер. «Сталин – уже не властелин над общим течением вещей. ... Он вызвал духов, и не ему их заковать», – писал Чернов.

По мнению эсера, и власти на местах также «захвачены неудержимым ходом... механизма работы». «Их уносит не только инерция раз взятого темпа движения, в несколько раз ускоренная Генсеком, который вонзал в них шпоры дисциплинарных взысканий за недостаток усердия, но и железная закономерность, вытекающая из объективных последствий того, что выполнено и получило независимое от воли создателей материальное существование». «Колосс государственной индустриализации на глиняных ногах заживо убиваемого мужицкого самостоятельного трудового земледелия повинует своим собственным законом тяготения, сцепления и распада», – с горечью признавал Виктор Михайлович.¹¹⁶

Чернов рисовал мрачную картину перестройки деревни. «Половина домов заколочена. Часть отсутствующих раскулачены и угнаны на север (большей частью на лесозаработки). Часть пустилась в города. Часть разбрелась неведома куда. Большинство оставшихся – в колхозах, процентов пять-десять оставшихся – крепкие единоличники, способные давать товарный хлеб, но сознательно ограничивающие свое хозяйство прожиточным минимумом, чтобы не попасть в кулаки и избежать налоговых или экспроприаторских репрессий».¹¹⁷

Нормальные коммерческие отношения крестьянина и государства сменили «контракции». Крестьянин обязан был из будущего урожая, величина которого была неизвестна, поставить государству по указанной цене определенное количество продуктов сельского хозяйства. Только при исполнении этого заказа подчиненная государству кооперация снабжала крестьян средствами производства, а по возможности и продуктами потребления в пределах плана снабжения района и села. В таком договоре, как считал Чернов, ни о каком равноправии сторон речи быть не могло – одна сторона вне зависимости от урожая или неурожая должна дать, что назначено, по чужой расценке, другая дает лишь «по возможности», «в пределах собственного плана по собственной расценке даваемого». Поэтому неудивительно, что основой для функционирования подобных договорных отношений стала принудительная система.

Чернов отмечал, что в 1929 г. была введена коллективная ответственность всех членов производственных объединений и земельных обществ, заключивших договор о контрактации. Тем самым большевистская власть практически воскрешала «старинную принудительную круговую поруку», совместив ее с элементами продразверстки. Если крестьянство не идет на контрактацию, или, по мнению власти, сдает государству недостаточно хлеба по указанной цене, пускается в ход другое средство: кооперативным органам вменяется властью в обязанность бойкотировать неисправных крестьян или группы крестьян, прекратив снабжение их

солью, сахаром, керосином, тканями и т.д.¹¹⁸ Занесенные в «черные списки» крестьянские общества обрекались, таким образом, на вымирание.

Обострение политической ситуации в СССР, связанное с последствиями коллективизации, вновь породило в среде эсеровской эмиграции надежды на крах большевистской диктатуры. Чернов считал, что организованная властью война против крестьянства создала взрывоопасную ситуацию в стране. «Глубокий деревенский тыл стал передовой линией фронта», – писал он. Оценивая ситуацию, лидер эсеров полагал, что шансы на победу могут быть только при условии поддержки крестьянского движения со стороны городского пролетариата, армии, состоявшей в основном из крестьянства, и активной позиции советской интеллигенции.¹¹⁹ Однако надежды в очередной раз не оправдались. Анализируя причины устойчивости большевистской власти, которая каждый раз выходила из кризиса еще более окрепшей, Чернов видел их в слабости общества, оказавшегося неспособным к консолидированному выступлению против власти.

Пролетариат, по мнению эсера, «задерган и сбит с толку», а поэтому безучастен к крестьянским выступлениям. Интеллигенция также проявила полное равнодушие, потому что перестала быть таковою, а превратилась в «служилое сословие» или класс, так называемых спецов, для которого характерны полная экономическая зависимость от власти и политическая лояльность. В СССР выросло новое «служилое сословие», утверждал Чернов, куда более обширное, чем старое, ибо захватывает администрирование не только полицейское, но и хозяйственное и культурное.¹²⁰ «Закрепощенная государством, затянутая в железный корсет технической специальности, российская интеллигенция переживала какой-то обморок духовный, от которого она пока не очнулась». Армия не поддержала крестьян, потому что она оказалась, по выражению Чернова, «вовремя вычищена».¹²¹

Как очевидно, Чернов смотрел на проблему в заданном ракурсе, расценивая социальные процессы в СССР только как деструктивные: пролетариат дезорганизован и деморализован, потому что государство уничтожило независимые профсоюзы; интеллигенция утратила свое независимое положение в обществе, крестьянство в ходе коллективизации было обескровлено. И над всем обществом стоит чудовищная, аморальная по своей сути власть, подавляющая всякое проявление общественной самостоятельности и недовольства. Таким образом, он перекладывает всю ответственность за разрушительные тенденции в социальной структуре и низкое моральное состояние общества на власть.

Нельзя не признать, что такая позиция лидера эсеров не лишена предвзятости и субъективизма. Он не учитывал всей многомерности и сложной противоречивости социальных процессов в советском обществе. Рабочий класс не был безучастен и деморализован. В нем за период индустриальных пятилеток произошли серьезные количественные и качественные изменения, связанные с повышением материального, образовательного и культурного уровня. Власть нашла новые формы, в которые была канализирована гражданская активность пролетариата (ударническое движение), она всячески поддерживала его моральный дух, провозглашая рабочих в своей пропаганде передовым отрядом строителей нового общества. Поэтому рабочий класс, особенно в лице рабочей молодежи, становится социальной опорой новой власти.

Дополнительную прочность советскому обществу предавала эффективная система вертикальной мобилизации. С помощью образования, ставшего доступным широким демократическим слоям, тысячи талантливых и энергичных представителей рабочих и крестьян смогли подняться вверх по социальной лестнице, пополнив ряды советской элиты. Это консолидировало советское общество вокруг власти, поскольку именно с ней в общественном сознании связывались эти позитивные изменения.

Однако, несмотря на в целом негативную оценку опыта социалистического строительства в СССР, Чернов не поддерживал настроений, распространенных в кругах российской политической эмиграции и выраженных в лозунге «назад к капитализму».¹²² Такую точку зрения защищала группа правых эсеров, объединившихся вокруг журнала «Современные записки», и единомышленники А.Ф. Керенского, издававшего газету «Дни».

Чернов призывал «чрезвычайно осторожно и бережно» относиться к социально-экономическому наследию советской системы. В случае прихода к власти в России демократических сил он призывал сохранить «хозяйственно рентабельные и социально выгодные учреждения и предприятия кооперативного и государственного сектора, которые продемонстрировали свою жизненность и эффективность и могли бы послужить твердым отправным пунктом дальнейшей восстановительной и преобразовательной работы».¹²³

Альтернативу колхозному строю Чернов видел в постепенном, добровольном кооперировании крестьянства. «В этом процессе, – писал он, – лучше действовать, как говорил Ленин, «лучше меньше да лучше». Пусть будет коллективизирована, к примеру, 1/10 часть крестьянских хозяйств, зато эту одну десятую можно снабдить улучшенными семенами, и тракторами, и сеялками, и косилками, а скоро на очередь и комбайн поставить. Тогда колхозы перестанут быть экономически убыточными и кредитоваться за счет государства и будут для крестьян «убедительны вместо того, чтобы быть пугалом».¹²⁴

Таким образом, он полагал, что, несмотря на огромные издержки большевистской политики, в них есть конструктивное, важное для народа социальное начало. Не случайно при осуществлении своего курса власть опирается на «неподдельный, искренний энтузиазм к делу советского строительства».¹²⁵ На страницах «Революционной России» признавалось, что большевиков «спасает до сих пор от падения учуянная ими

историческая необходимость идти в направлении к социализму».¹²⁶ «Этим магическим словом «для будущего» все зачарованы. Индустриализация, накопление, строительство у этих людей – партийных и беспартийных – как-то оторвались от всего остального и сами себя довлеют».¹²⁷ Не признавая большевистский эксперимент социалистическим, Чернов, тем не менее, вынужден был согласиться с тем, что большевикам удалось максимально использовать при проведении своей политики веру народа в светлое будущее.

В программном проекте, разработанном в 1930-е гг. для Американской федерации ПСР, Чернов выступал сторонником социализации земли, широкого развития кооперации как необходимых условий осуществления индустриализации страны. Одновременно он считал целесообразными проведение денационализации части промышленности, сосуществование капиталистических и коллективных форм хозяйствования, установление эквивалентного обмена между городом и деревней. Чернов также продолжал настаивать на том, что задача восстановления производительных сил страны не может быть решена без участия иностранного капитала.¹²⁸

Осмысление противоречивых результатов большевистской модернизации вызывали разногласия среди социалистической эмиграции. Во второй половине 1930-х гг. на страницах эмигрантских социалистических изданий разгорелась дискуссия о характере и типе экономического строя в СССР. В ходе полемики определились две принципиальные позиции. Меньшевик Ф.И. Дан и эсер В.В. Сухомлин утверждали, что, поскольку в СССР ликвидирована буржуазия, а значит, уничтожены и капиталистические отношения, советский строй правомерно рассматривать как социалистический. Такая позиция перекликалась с установками теоретика австрийской социал-демократии О. Бауэра, который еще в 1920-х гг. признал большевистский эксперимент в России социалистическим. По его мнению, СССР и восточные народы идут к социализму через диктатуру, а западные страны – путем свободы и

демократии.¹²⁹ Однако большинство участников дискуссии придерживались точки зрения Чернова, высказанной им еще в 1920-х гг., согласно которой экономическая система, сложившаяся в СССР, рассматривалась как разновидность государственного капитализма.

В 1939-1940-х гг. к обсуждению этого вопроса подключился известный лидер австрийской и германской социал-демократии Р. Гильфердинг, давший новое направление развернувшейся полемике. В статье «Государственный капитализм или тоталитарное государственное хозяйство?», опубликованной в «Социалистическом вестнике» в 1940 г., он высказал идею о формировании экономической системы особого типа, характерной чертой которой является тотальное огосударствление всей хозяйственной жизни. К этому типу он относил экономику СССР, Германии и Италии. Гильфердинг утверждал, что спор о характере хозяйственной системы СССР беспредметен. Она не является ни капиталистической, ни социалистической, а представляет собою «нечто третье» – «тоталитарное государственное хозяйство».¹³⁰

Эта идея стала отправной точкой для последующих рассуждений Чернова. Он вновь обращается к анализу исторических предпосылок формирования советской экономической системы, усматривая ее истоки в особенностях капиталистической эволюции страны. Дело в том, подчеркивал Чернов, что по целому ряду исторических причин капитализм не выполнил своей исторической миссии – индустриализации страны. Незавершенность и противоречия политики форсированной индустриализации, которую до революции проводило царское правительство, привели к нарастанию экономического отставания страны, что и проявилось с особой остротой в годы первой мировой войны. «Экзамена мировой военной катастрофы он не выдержал и крахнул», – заключал Чернов.

Коммунистическая партия, придя к власти, хотя и «отменила капитализм декретом», однако была вынуждена продолжить то, что не довершило

прежнее государство. Не случайно один из самых честных, по мнению Чернова, коммунистических теоретиков – Е.А. Преображенский, признавал, что задача большевистской диктатуры – создание основного капитала за счет «систематического урезания жизненного бюджета всего трудового населения России, вычета из его личного потребления для нужд потребления производительного». Таким образом, утверждает Чернов, советской власти пришлось взять на себя «черную работу неудачницы буржуазии». Однако у советского государства не было тех источников накопления, которые использовала западноевропейская буржуазия. А поэтому вместо использования экономических ресурсов колоний пришлось изыскивать другие источники. Такую роль «внутренней колонии», по словам эсера, и сыграло российское крестьянство. Таким образом, Чернов к концу 1930-х гг. вынужден был признать, что у большевиков не было иной альтернативы, кроме индустриализации за счет крестьянства, она была исторически предрешена. Не случайно, индустриализация стала «душой советской экономической политики».¹³¹

С этой точки зрения он уже по-новому смотрит и на политику нэпа, предшествовавшую переходу к индустриализации. Чернов усматривает принципиальную взаимосвязь между нэпом и политикой ускоренной индустриализации. «Виттеанская политика большевиков в годы нэпа, ориентированная на выкачивание средств из деревни для проведения индустриализации страны, увлекала их все больше и больше «по наклонной плоскости своим историческим роком».¹³² В отличие от С.Ю. Витте большевикам не удалось разрешить вопрос о внешних источниках финансирования модернизации. Это неудача определила основные тенденции советской хозяйственной политики в дальнейшем: форсировать внутреннее накопление страны и его капитализацию, стремясь к сосредоточению их в руках советского государства.¹³³

Таким образом, процесс сворачивания нэпа был неотвратимым и закономерным, обусловленным железной логикой экономического развития.

Он был так же неизбежен, как формирование административно-командной системы или, как называл ее Чернов, «системы государственного военного капитализма», передающей все стратегические рычаги управления экономикой в руки государства. «Большевики не виноваты, что не остановились перед таким эпилогом. Они сами были жертвою истории, жертвою обстоятельств, но прежде всего – жертвою собственного предприятия. Захват тоталитарной диктатуры в экономике и политике для разрешения досоциалистических и несоциалистических задач мстит за себя жестоко *s'étart la fatalite*», – заключал он.¹³⁴

К 1930-м гг., по мнению Чернова, определились принципиальные особенности советской экономической системы, покоившейся на государственной собственности и тотальном государственном регулировании всей хозяйственной жизни. Сравнивая советскую систему государственного хозяйства с экономикой Германии и Италии, где государственное регулирование также имело место, эсер отмечал, что в СССР власть государства, по сути, безгранична. Оно не только регулирует экономические процессы, используя рычаги Госплана, но и является субъектом собственности. Советское государство, таким образом, является «единым и единственным Всехозяином, Государством-предпринимателем». Поэтому, подчеркивал Чернов, «советский экономический режим от других режимов отличается своим собственным методом пользования прибавочным трудом, прибавочным продуктом и прибавочною стоимостью».¹³⁵

В отличие от капиталистического советское государство рассматривает рабочего как свою собственность, произвольно и независимо от него определяет размеры «восстановительной цены» рабочей силы, сокращая тем самым «расходную рубрику» своего бюджета и уменьшая себестоимость товара. В этом плане власть пользуется тем, что рабочие не могут обратиться для защиты своих экономических интересов в профсоюзы, поскольку независимые профсоюзные организации перестают существовать

и «превращаются в аппараты трудового дисциплинирования рабочей силы». Стачка же против «Всехозяина-государства» невозможна, так как признается государственным преступлением.

Но прибавочная стоимость в советской экономической системе получается не только в процессе производства с рабочего, но и в торговом обороте - с потребителя – при продаже ему товара по цене, нарочито вздутой сверх его "нормальной" трудоемкости, отмечал Чернов. «Оградив себя монополией внешней торговли и не боясь ничьей конкуренции, оно (государство – К.О.) может диктовать потребителю цены вне какой либо однозначной связи с себестоимостью».¹³⁶ В этом аспекте, подчеркивал эсер, «государственный капитализм большевиков есть самый законченный вид монополистического капитализма», который имеет возможность навязывать потребителю принудительные ассортименты и вообще его просто напросто третировать.¹³⁷ Таким образом, секрет возрастания финансовой мощи советского государства – сосредоточение в своих руках не только власти, но и предпринимательской, и торговой прибыли, и ренты.¹³⁸

Давая характеристику в 1935 г. экономической политике в СССР, Чернов отмечал: «инфляция и косвенные налоги – вот в какие два кнута заставляет эта власть подъяремное население тащить колесницу государственной мощи и государственного богатства». В цену товаров включается налог с оборота и всецело перекладывается на плечи потребителя. Косвенные налоги сделались «основным коньком Всесоюзной Советской власти». Из всех товаров национализированной промышленности всего удачнее и прибыльнее власть промышляет ничем иным, как хлебом. В настоящее время единой цены на хлеб в Советском Союзе не существует. В одном и том же районе и в одно и то же время существуют целых пять различных одинаково законных цен на хлеб. Беря эти цены в порядке их последовательного нарастания, начиная с самой дешевой, Чернов представляет следующую градацию:

«1. Твердые заготовительные цены, по которым хлебные излишки сдаются государству.

2. Цены закрытой торговли, по которым производится отпуск нормированных продуктов целому ряду наиболее покровительствующих категорий населения.

3. Конвенционные цены, по которым ведут свои децентрализованные заготовки кооперация и разные отдельные управленческие учреждения и органы.

4. Цены открытой продажи в государственной и кооперативной торговле.

5. Цены независимой колхозной торговли».¹³⁹

Кроме того, государство, монопольно диктуя цены, посредством инфляции и дефляции получает возможность так отмеривать каждому его дозу реального вознаграждения, что «одна и та же денежная единица имеет разную покупательную силу». Одна в руках советского служащего, другая – в руках рабочего, и третья – самая низкая – в руках крестьянина, кустика, ремесленника. По степени покупательной способности в СССР существуют различные рубли: рабочий рубль, крестьянский рубль и т.п. Контрольные цифры Госплана намечают такую маневренность сектора распределения, которая парализует влияние индекса частных цен на рабочий рубль. Но эта «маневренность» для деревни прямо противоположна: обесценение крестьянского рубля и подъем покупательной силы казенного (хлебозаготовительного) рубля.¹⁴⁰

Чернов утверждал, что главная цель советского планирования состоит в том, чтобы обеспечить государству дополнительные источники прибыли посредством неэквивалентного обмена с крестьянским хозяйством.¹⁴¹ При помощи директивного плана, вводимого свыше и нисходящего от верховных экономических органов в порядке хозяйственно-бюрократической иерархии, осуществляется система централизованного управления экономикой. План определяет размеры необходимых

инвестиций в той или другой отрасли производства, качество технического оборудования в связи с количеством рабочих, которые должны найти в предприятии заработок, размер зарплаты, калькуляция соответственных всем этим условиям товарных цен.¹⁴²

Возвращаясь к этому вопросу в 1947 г. в статье «Задачи пятилетки и задачи века», опубликованной на страницах эсеровского журнала «За свободу», Чернов подчеркивал, что оборотной стороной усиления мощи государства является грандиозное увеличение всех хозяйственных масштабов. Инвестиционные возможности власти, располагавшей всеми хозяйственными ресурсами страны, становятся практически неограниченными, а непосредственная рентабельность — совершенно необязательной. Отсюда тенденция к хозяйственному гигантизму. Хозяйство имеет тенденцию совершенно оторваться от непосредственных потребностей трудящегося населения. Это, в свою очередь, приводит к «уродливой гегемонии ... тяжелой индустрии над легкой, самодовлеющему производству средств производства над производством средств потребления». Курс на приоритет тяжелой промышленности в советской экономике сохранялся практически более двадцати лет и даже был положен в основу четвертой послевоенной пятилетки.¹⁴³

Другой чертой советской экономики, неразрывно связанной с предыдущей, по мнению Чернова, является гипертрофия машиностроения. «Можно было надеяться, - пишет он, - что эта особенность советской промышленности объясняется просто потребностью наверстать изношенность русского фабрично-заводского оборудования во время первой мировой и гражданской войн». Однако, даже когда этот вопрос был разрешен, нормальное соотношение между легкой и тяжелой промышленностью так и не было установлено. Об этом свидетельствуют, по мнению Чернова, цифры развития доли машиностроения ко всему объему российской промышленности: 1932, 1937, 1940, 1941 гг. — соответственно

21,1%, 28,8%, 35,2%, 37,5%. «Ненормальность, прямо режущая глаза», – «слоновая болезнь», поразившая этот сектор советской экономики».¹⁴⁴

Чернов верно связывал эту тенденцию не только с потребностями модернизации страны, но и со стратегическими задачами советской внешней политики. Считая СССР основным виновником развязывания «холодной войны», он подчеркивал, что даже после окончания второй мировой войны для советской власти не потеряло свою актуальность оснащение вооруженных сил СССР новейшей техникой с целью сделать их еще более сильными и могучими. Поэтому задачи четвертой пятилетки направлены не на развитие международного сотрудничества, а продолжение курса изоляционизма и милитаризма.¹⁴⁵

Признавая, с одной стороны, что политика индустриализации большевиков была обусловлена историческими потребностями развития страны, Виктор Михайлович, тем не менее считал, что ее методы не только неприемлемы в нравственном плане, но и являлись экономически неоправданными и неэффективными. Осуществляемая за счет ограничения потребления населения, неразвитости отраслей легкой промышленности и сельского хозяйства, такая модернизация страны не только обостряет социальные противоречия в стране, но и ведет к существенному снижению общего культурного уровня народа.¹⁴⁶ Идея жить для будущих поколений, взятая за основу большевиками для оправдания политики «затягивания поясов», ограничение личного потребления, убежден Чернов, «насквозь фальшивая и вредная». Втаскивая на «экономическую Голгофу» нынешнее поколение, якобы, в интересах поколения грядущего, большевики, по его глубокому убеждению, нарушают закон исторического прогресса, заключающейся в непрерывности развития человеческих потребностей, которые и мотивируют активную творческую деятельность человека. Их «подмораживание» не остается без вреднейших последствий для будущего.¹⁴⁷

Характеризуя идеологические установки большевизма в 1930-е гг., Чернов подчеркивал, что они являются «определенной смесью наполеонизма, петроградизма и ницшеанства». В сознании большевиков, на его взгляд, произошла подмена цели и средств политики. Индустриализация страны из средства для достижения благополучия личности и общества превратилась в самоцель, а человек – в средство для достижения этой цели. «Не производство для народа, а народ для производства» – такова их цель, утверждает лидер эсеров.¹⁴⁸ Типичным результатом политики «индустриального гигантизма» большевиков он считал перекосы в экономике и социальной сфере. «На нашей родине с рекордною быстротою рождаются на пустом месте целые города, – писал он, – но в них подолгу не бывает ни воды, ни бань, ни отделов пищевкусового треста, ни сколько-нибудь похожих на людские жилищных условий».¹⁴⁹

Большевики, по мнению Чернова, игнорируют известное положение марксизма о том, что и сам человек является органическим элементом экономической системы, забывая при этом, что не последнее место среди «средств производства» занимает сам человек. Его физическое и духовное здоровье, культурное развитие важны не только с гуманистических позиций, он сам в качестве рабочей силы является составной частью экономического процесса. Большевики, стремясь сберечь как можно больше сил и средств для воздвижения «Хеопсовых пирамид тяжелой индустрии и электрификации», забывают самого человека. «На уничтожении человека нельзя построить "возвеличивание новой культуры!"», – заключает свои рассуждения Чернов.¹⁵⁰

Отмечая, что экономический курс коммунистической власти определяется политическими и идеологическими установками, он в то же время признавал, что в отдельных вопросах большевики широко применяют такие «мещанско-капиталистические» методы, как премиальная система, дифференцированная зарплата, зависящая от уровня образования и специализации, привлечение иностранных специалистов.¹⁵¹ Однако такие

меры не меняют, по его мнению, сущность самой советской экономической системы. Ее фундаментальные основы базируются на методах внеэкономического принуждения. При этом Чернов имел в виду не только систему Гулага, но и рабочее законодательство, которое жестко регламентировало условия труда, ссылаясь на известный указ от 26 июня 1940 г., согласно которому увеличивался рабочий день, отменялись выходные дни, вводились жесткие наказания за нарушение трудовой дисциплины.¹⁵²

Подводя итоги экономического развития СССР к началу 1940-х гг., Чернов пришел к заключению, что тяжкие жертвы, которые понадобились для восстановления промышленности и индустриализации в СССР, пока не окупались подъемом жизненного уровня населения. «Имея экономику, стоящую на уровне германской, СССР имеет рабочего, содержимого гораздо хуже, чем в гитлеровской Германии».¹⁵³

Безусловно, в пессимистической оценке Черновым результатов экономического развития СССР на довоенном этапе не могла не сказаться определенная предвзятость идейно-политического и личного характера. Он больше обращал внимание на теневые стороны процесса индустриализации, хотя и не отрицал, что к началу второй мировой войны СССР превратился из аграрно-индустриальной страны в мощную промышленную державу. Темпы экономического развития в СССР превысили темпы дореволюционного периода. Конечно, лидер эсеров прав в том, что это было достигнуто ценой больших жертв со стороны советского народа, нарушения объективных законов экономического развития. Но ведь он и сам вынужден был признать, что этот путь для большевиков не являлся свободным выбором, а в значительной степени был задан предшествующим историческим развитием российского государства.

Определить тип хозяйственной системы советского хозяйства — не простое дело, считал Чернов. Экономическую систему СССР нельзя считать социалистической. Социализм для Чернова означал общество с высоким уровнем производительности труда, в котором торжествует плановое

начало, устраняются классовые антагонизмы, утверждается новое трудовое правосознание, основанное на сотрудничестве, солидарности, коллективизме, удовлетворяются потребности, обеспечивается всестороннее и гармоническое развитие каждой личности, человеческое сознание эмансипируется от религиозных и метафизических догм, на все человечество распространяются общепринятые нравственные нормы. «Истинный расцвет всех потенций, всех сил, всех способностей каждой отдельной личности будет только там, в свободной планомерной организации», – писал он в 1922 г. в «Записках социалиста-революционера».¹⁵⁴

Социалистический строй, с одной стороны, являлся для Чернова определенным нравственным идеалом, прекрасным будущим человечества. С другой стороны, эсер был убежден, что элементы социалистического будущего зарождаются в настоящем. Социализм – это процесс постепенного становления и развития новых общественных отношений. В этом плане формы социализма «подвержены закону вечного движения, непрерывной, перманентной эволюции».¹⁵⁵

Чернов еще в период первой мировой войны признавал, что «между буржуазным прошлым человечества и его идеальным социалистическим будущим» не может не лежать продолжительного исторического переходного периода. Поэтому фундаментальное положение марксистской доктрины о неизбежном торжестве социализма, наступление которого грядет вслед за капитализмом, Чернов принимал с существенными оговорками. Оценивая тенденции развития капитализма в начале XX в. как кризисные, он тем не менее был убежден, что говорить о торжестве социалистических отношений в этих условиях преждевременно.¹⁵⁶

Развивая эти идеи в 1930-1940-е гг., он пришел к выводу, что между стадией «организационного, регулируемого» империалистического капитализма и социализмом в XX в. появляется новый качественный этап – «гиперимпериализм», государственный капитализм или этатизм,

отличительными чертами которого являются усиление роли государства в общественной жизни, сращивание финансовой олигархии с государственным аппаратом, обострение противоречий между индустриально-развитыми и аграрно-сырьевыми странами. В странах, поздно вступивших на капиталистический путь, с незавершенными процессами первоначального накопления и индустриализации, этатизм приобретает особые тоталитарные формы.

Продолжая развивать идеи Р. Гильфердинга, в статье «К познанию советской экономики» в 1942 г. Виктор Михайлович отмечал: «Советский строй нельзя назвать ни капиталистическим, ни социалистическим, ни переходным этапом – смешанной экономикой, это нечто третье – государственный капитализм – или этатизм ... с собственными законами внутреннего равновесия и собственной тенденцией развития во всю более зрелую, типическую и законченную форму». Чернов квалифицировал его как «тоталитарный хозяйственный этатизм», базирующийся на монополии внешней торговли, строжайшем протекционизме, плановых началах.¹⁵⁷ Большая доля национального дохода превращается в государственный доход, быстрейшая капитализация ресурсов нации и страны осуществляется за счет потребителей через установленные монопольно цены и эксплуатацию рабочей силы. Следствием этого является огосударствление профсоюзов и кооперации. Власть с самозабвением отдается делу форсирования производства; повсюду процветает ненормальный производственный «гигантизм» и гипертрофия тяжелой индустрии за счет легкой, на первое место выходит «производство средств производства», и в частности машиностроения. Это приводит к росту в недрах тяжелой промышленности военной индустрии и способствует обострению международной обстановки.¹⁵⁸ Схожесть экономической системы СССР с экономиками Италии и Германии позволила Чернову говорить о формировании в эпоху этатизма особых типологических моделей – тоталитаризма левого и правого толков.

Из концепции Чернова следует, что тоталитарные государства, несмотря на принципиальные различия с экономическими системами демократических государств, все же имеют общую с ними «формационную основу». Такая теоретическая посылка позволяет объяснить возможность быстрой адаптации к «новым» экономическим формам стран фашистского тоталитаризма и особенности экономического этапа развития современной России. С другой стороны, теоретические установки Чернова придают совершенно иной оттенок «теории тоталитаризма», лишая ее былой «идеологической остроты» и подводя под нее определенный экономический базис.

«Тоталитарному хозяйственному этатизму» в СССР соответствует, по мнению Чернова, особая политическая форма – «тоталитарное однопартийное государство».¹⁵⁹

¹ См. подр.: Коновалова, О.В. Преодоление народнических догм. В.М. Чернов о типах капиталистической эволюции / О.В. Коновалова // Свободная мысль – XXI. – 2001. – №4. – С.58-69; Она же. Разработка программы экономических преобразований партии социалистов-революционеров в трудах В.М. Чернова / О.В. Коновалова. – Красноярск, 2000.

² [Чернов В.М.] Большевики и «рабочий контроль». Центральный комитет ПСР. Тезисы докладов для партийных агитаторов и пропагандистов, №9 // Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года / сост. М. Янсенс. – Амстердам, 1989. – С.87-91; Чернов, В.М. Повторный курс старой демагогии / В.М. Чернов // Воля России. – Прага, 1924. – №8/9. – С.129; Чернов, В.М. Конструктивный социализм / В.М. Чернов. – М., 1997. – С.245; Hoover Institution archives (HIA), В.И. Nikolaevsky Collection (NC), box.384, f.19.

³ Чернов, В.М. Конструктивный социализм. – С.240.

⁴ Чернов, В.М. Повторный курс старой демагогии. – С.123.

⁵ Чернов, В.М. Проект экономической программы / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1921. – №5. – С.10.

⁶ Национализация банков // Дело народа. – 1917. – № 234. – 16 декабря. – С.1.

⁷ Чернов, В.М. Проект экономической программы. – С.14; РГАСПИ, ф.274, оп.1, д.7, л.67.

⁸ НИА, NS, box.384, f.19 (Черновик статьи В.М. Чернова).

⁹ Чернов, В.М. Окарикатуренный социализм / В.М.Чернов // Дело. – 1918. – №2. – 24 января. – С.1.

¹⁰ Чернов В.М. Социальная структура послереволюционной России // ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.31, л.67.

¹¹ Если по переписи 1897 г. число чиновников подходило к 500 тыс., то по данным ЦСУ 1925 г. число служащих госучреждений составило 1.604.415 человек, а это значит, что в период военного коммунизма их было еще больше. При этом численность руководящего аппарата возросла менее чем вдвое с 4564 человек в царский период до 8276 человек – советский. (ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.31, лл.77-78).

¹² Чернов, В.М. Разложение и новообразование классов в послереволюционной России // Международный институт социальной истории, (МИСИ), Архив ПСР. 1037.

¹³ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.31, лл.68-69.

¹⁴ Чернов, В.М. Обобществление спекуляции / В.М.Чернов // Дело. – 1918. – №5, 27 января. – С.1.

¹⁵ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.31, лл.93-94.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Чернов, В.М. Сугубо деловой съезд / В.М. Чернов // Воля России. – 1924. – №18/19. – С.175, 176.

¹⁸ Там же. – С.177.

¹⁹ Там же. – С.178-179.

²⁰ Там же. – С.181.

²¹ Чернов, В.М. Революция или контрреволюция / Чернов В.М. // Приложение к №1 «Революционной России». – 1920. – С.4.

²² Чернов, В.М. Аграрный «Нэп» и полинявшее народничество // Революционная Россия. – 1923. – № 28-29. – С.7; Чернов, В.М. Конструктивный социализм. – С.412-413, 430-431.

²³ МИСИ. Архив ПСР. 1037.

²⁴ Там же.

²⁵ РГАСПИ, ф.274, оп.1, д.1, л.60.

²⁶ РГАСПИ, ф.274, оп.1, д.40, л.39.

²⁷ Чернов, В.М. Капитуляция и деморализация / В.М. Чернов // Народное дело. – 1920. – 18 декабря. – №115. – С.2.

²⁸ Чернов, В.М. Большевистский эксперимент и марксизм / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1922. – №16-18. – С.40-41.

²⁹ См. подр.: Коновалова, О. В. «Смешанная экономика»: вариант Виктора Чернова / О.В. Коновалова // Свободная мысль – XXI. – 2002. – №3. – С.100 – 108; Она же. Разработка программы экономических преобразований партии социалистов-революционеров в трудах В.М.Чернова.

³⁰ РГАСПИ, ф.274, оп.1, д.1, лл.26--34об; Там же. Д.5, лл.52-52об.

³¹ Там же. Д.2, л.21об.

³² Чернов, В.М. Рождение революционной России (Февральская революция) / В.М. Чернов. – Париж, Прага, Нью-Йорк, 1934. – С.238-239.

³³ Чернов, В.М. Пересмотр партийной программы / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1921. – №3. – С.8-15; Он же. Проект новой партийной программы // Революционная Россия. – 1924. – № 33-34. – С.11-16.

³⁴ Чернов В. На второй день после ликвидации большевизма // Революционная Россия. – 1921. – № 4. – С.8.

-
- ³⁵ Цит. по: Чернов, В.М. Краткий смысл пространных споров / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1926. – №46. – С.1.
- ³⁶ Чернов, В.М. Стихия революции и политические трезвенники / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1921. – №12-13. – С.7.
- ³⁷ РГАСПИ, ф.274, оп.1, д.59, л.59.
- ³⁸ Чернов, В.М. Проект экономической программы / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1921. – № 5. – С.11.
- ³⁹ Там же. – С.12.
- ⁴⁰ Партийная платформа // Социалистический вестник. – 1924. – №12-13 – С.6.
- ⁴¹ НИА, NC, box.384, f.19.
- ⁴² Ленин, В.И. ПСС. – Т.43. – С.220.
- ⁴³ НИА, NC, box.384, f.19.
- ⁴⁴ В.Р. Эволюция или беспринципность? // Революционная Россия. – 1921. – №9. С.2-3.
- ⁴⁵ Суровцев, В. Эволюционируют ли большевики? / В. Суровцев // Воля России. – 1922. – №7. – 18 февраля. – С.1-4.
- ⁴⁶ Сталинский, Е. Пути революции / Е. Сталинский // Воля России. – 1922. – №15 (15 апреля). – С.7, 10.
- ⁴⁷ МИСИ. Архив ПСР. 1037.
- ⁴⁸ Чернов, В.М. О большевистском термидоре / В.М. Чернов // Голос России. – 1922. – №905. – 2 марта. – С.1-2.
- ⁴⁹ [Чернов В.М] Коммунистические виттеанцы // Революционная Россия. – 1923. – №33-34. – С.2; ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.24, л.25-25об.
- ⁵⁰ Революционная Россия. – 1923. – №33-34. – С.3-4.
- ⁵¹ Чернов, В.М. К теории госкапитализма и социализма / В.М. Чернов // Революционная Россия – 1926. -№47. – С.12-13.
- ⁵² Там же. – С.13.
- ⁵³ Чернов, В.М. Краткий смысл пространственных споров. – С.4-5.

-
- ⁵⁴ Чернов, В.М. К теории госкапитализма и социализма. – С.12-16.
- ⁵⁵ Чернов, В.М. Краткий смысл пространственных споров. – С.5.
- ⁵⁶ Регулирование внешней торговли // Голос России. – 1922. – №927, 28 марта. – С.1.
- ⁵⁷ Чернов, В.М. Проект экономической программы. – С.11.
- ⁵⁸ Регулирование внешней торговли. – С.1.
- ⁵⁹ ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.24, л.25, 25 об.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ МИСИ. Архив ПСР. 1037.
- ⁶² Социалистический вестник. – 1921. – №1 (февраль). – С.8.
- ⁶³ Двойная игра // Революционная Россия. – 1925. – №42. – С.1.
- ⁶⁴ Чернов, В.М. Безысходное противоречие / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1925. – №43. – С.13.
- ⁶⁵ Там же. – С.14-15.
- ⁶⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Т.4. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР 1921-1937 гг. Кн.1 (1921-1929 гг.). – М., 1970. – С.347, 435.
- ⁶⁷ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.31, лл.97, 100.
- ⁶⁸ Там же. Л.70-71.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ МИСИ. Архив ПСР. 1037.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. Л.104-106.
- ⁷³ Двойная игра. – С.1.
- ⁷⁴ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.31, л.104-106.
- ⁷⁵ Чернов, В.М. Аграрный «Нэп» и полинявшее народничество. – С.11-12.
- ⁷⁶ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.31, л.90-91.

⁷⁷ Чернов, В.М. Большевистская теория планового хозяйства / В.М.Чернов // Революционная Россия. – 1928. – №69. – С.18.

⁷⁸ [Чернов В.М.] Невольные самообличители // Революционная Россия. – 1927. – №55-56. – С.4-5.

⁷⁹ Верещак, С. Госзаготовки и госснабжение / С. Верещак // Революционная Россия. – 1926. – №51-52. – С.30-34.

⁸⁰ Зильберберг, Е. К началу 1927-1928 хозяйственного года / Е. Зильберберг // Революционная Россия. – 1927. – №61. – С.13-15.

⁸¹ Верещак, С. О восстановительном процессе в СССР / С. Верещак // Революционная Россия. – 1926. – №53. – С.33-36.

⁸² Архангельский, В. «Экономия» и рабочий класс / В. Архангельский // Революционная Россия. – 1926. – №49-50. – С.13-14.

⁸³ Верещак, С. Учеты, расчеты и вечные просчеты / С. Верещак // Революционная Россия. – 1926. – №49-50. – С.15-16.

⁸⁴ Наблюдатель. Советская кооперация // Революционная Россия. – 1924. – №42. – С.28.

⁸⁵ Там же. – С.28-29.

⁸⁶ Ненарком [Чернов В.М.]. Кооперативные мытарства / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1929. – №70-71. – С.21-24.

⁸⁷ Наблюдатель. Советская кооперация. – С.31.

⁸⁸ Чернов, В.М. Письмо А.И. Рыкову (черновик) // ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.75, л.51.

⁸⁹ С.В. Деревенские мотивы // Революционная Россия // 1926. – №51-52. – С.35.

⁹⁰ [Чернов В.М.] Уроки хозяйственных осложнений // Революционная Россия – 1927. – №57-58. – С.3-5.

⁹¹ [Чернов В.М.] Коммунистические виттеанцы. – С.4.

⁹² [Чернов В.М.] Уроки хозяйственных осложнений. – С.3-5.

⁹³ Новая дискуссия и комнародничество // Революционная Россия. – 1926. – №46. – С.9.

⁹⁴ Там же. – С.10-11.

⁹⁵ Там же. – С.11.

⁹⁶ Там же. – С.12.

⁹⁷ Чернов, В.М. В мире переотражений / В.М. Чернов // Революционная Россия. – №63-64. – С.6.

⁹⁸ Чернов, В.М. Безысходное противоречие / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1925. – №43. – С.15-16.

⁹⁹ Новая дискуссия и комнародничество. – С.7.

¹⁰⁰ В мире диспропорций // Революционная Россия. – 1928. – №69. – С.3.

¹⁰¹ Чернов, В.М. Очередь за правыми / В.М. Чернов // Бюллетень Американской федерации ПСР. – 1930 – №2-3. – С.2.

¹⁰² Северянин, Гр. Уроки прошлого хозяйственного года / Гр. Северянин // Революционная Россия. – 1927. – №63-64. – С.9.

¹⁰³ Чернов, В.М. Очередь за правыми. – С.2.

¹⁰⁴ Чернов, В.М. Задачи пятилетки и задачи века / В.М. Чернов // За свободу. – 1947. – №17. – С.71-72.

¹⁰⁵ Там же. – С.72-75.

¹⁰⁶ Чернов, В.М. Большевистская теория планового хозяйства / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1929. – №69. – С.19-20. Акцентируя внимание на тех издержках, к которым привела эта тенденция в экономике, ученый в письме к американским товарищам в 1932 г. отмечал: «После завершения первой пятилетки, на пороге второй, с небывалой четкостью вырисовывалась уродливость советского строительства. Ценою невероятных напряжений, ударных «мобилизаций» денежных и личных ресурсов населения на общем фоне истощения, обнищания и голодания высятся как будто из другого мира перенесенные производственные гиганты, не сросшие с общей экономикой страны и требующие совершенно иных бытовых и культурных

условий; для них не хватает, прежде всего, кадров обученных рабочих и инженеров, а затем – бесперебойного снабжения всем необходимым для производства; вместо полнокровной жизни и деятельности они используются лишь в какой то небольшой части, а порою недоделанные и недостроенные, влечат бездейственное существование то наполовину, то всецело «на консервации»; надежды на то, что они все же пригодятся в каком то отдаленном будущем, иногда сомнительны, в виду того, что необыкновенный быстрый рост современной техники делают оборудование недолговечным, т.е. быстро устаревающим; а потому во многих случаях форсированное строительство, для использования которого неподготовлены все необходимые условия, оказывается бесплодным, антихозяйственным расточением народных ресурсов». Чернов, В.М. Письмо к членам Американской федерации ПСР // ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.24, лл.184-189; НИА, NC, box.12, f.19. Опубликовано: В.М. Чернов: человек и политик. Материалы к биографии / сост., автор биограф очерка, библиографических указателей и комментариев А.П. Новиков. – Саратов, 2004. – С.98-109.

¹⁰⁷ Чернов, В.М. Доклад о пятилетке // Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1929. – 5 декабря; НИА, NC, box.10, f.14.

¹⁰⁸ Чернов, В.М. Плановое хозяйство и большевизм / В.М.Чернов // Революционная Россия. – 1928. – №68. – С.12.

¹⁰⁹ Там же. – С.11.

¹¹⁰ Цит. по: Керенский, А. В.М. Чернов и «светлые явления» / А. Керенский // Дни. – 1930. – №94. – С.3.

¹¹¹ Чернов, В.М. Крестьянин в советской экономике / В.М. Чернов // Бюллетень Американской федерации ПСР. – 1930. – №4. – С.2-4.

¹¹² НИА, NC, box.384, f.19.

¹¹³ Чернов, В.М. Границы предгрозя / В.М.Чернов // Бюллетень Американской федерации ПСР. – 1930 – №1. – С.1-3.

¹¹⁴ Чернов, В.М. В энтузиазме строительства (Письмо из Москвы). Рукопись ок. 1929 г. // ГАРФ. Ф.5847, оп.1, д.30, лл.36-37.

-
- ¹¹⁵ Чернов, В.М. Границы предгрозя. – С.2.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Чернов, В.М. Письмо к членам Американской федерации ПСР // ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.24, лл.184-189; НИА, НС, box.12, f.19; В.М.Чернов: человек и политик. – С.98-109.
- ¹¹⁸ Чернов, В.М. Крестьянин в советской экономике. – С.3.
- ¹¹⁹ Чернов, В.М. Границы предгрозя. – С.3.
- ¹²⁰ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.30, лл.42-43.
- ¹²¹ Чернов, В.М. Границы предгрозя. – С.3.
- ¹²² Проект платформы Американской федерации ПСР (принятый объединенным собранием эсеров Нью-Йорка) // Бюллетень Американской федерации ПСР. – 1930 – №1. – С.7.
- ¹²³ Там же. – С.8.
- ¹²⁴ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.30, лл.36-37.
- ¹²⁵ Там же. Л.41.
- ¹²⁶ Красная сказка и сумрачная жизнь // Революционная Россия. – 1929. – №72. – С.4-5.
- ¹²⁷ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.30, л.42.
- ¹²⁸ Проект платформы Американской федерации ПСР. – С.7 – 8.
- ¹²⁹ Обсуждение этого вопроса встречается в письме П. Аксельрода от 7 января 1926 года // НИА, НС, box.29, f.11.
- ¹³⁰ Социалистический вестник. – Нью-Йорк, 1940. – №8. – С.119.
- ¹³¹ Чернов, В.М. Природа советского народного хозяйства // ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.34, лл.291-292 об.
- ¹³² [Чернов В.М.] Коммунистические виттеанцы. – С.4.
- ¹³³ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.60, л.852 (Черновик статьи В.М. Чернова, около 1932 г.).
- ¹³⁴ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.34, л.287.
- ¹³⁵ Чернов, В.М. К познанию советской экономики / В.М.Чернов // За свободу. – Нью-Йорк, 1942. – №6-7. – С.12-13.

-
- ¹³⁶ Там же. – С.13-14.
- ¹³⁷ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.34, л.286.
- ¹³⁸ Чернов, В. М. На путях этатизма / В.М. Чернов // За свободу. – 1942. – №8-9. – С.40.
- ¹³⁹ Чернов, В.М. Советский бюджет на полном ходу (1935 г., рукопись) // ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.30., лл.58-63.
- ¹⁴⁰ Чернов, В.М. Крестьянин в советской экономике. – С.3-4.
- ¹⁴¹ Чернов, В.М. Большевицкая теория планового хозяйства. – С.18.
- ¹⁴² НИА, НС, box.391, f.14.
- ¹⁴³ Чернов, В.М. Задачи пятилетки и задачи века / В.М.Чернов // За свободу. – 1947. – №17. – С.76 – 81.
- ¹⁴⁴ Чернов, В. М. На путях этатизма. – С.41.
- ¹⁴⁵ Чернов, В.М. Задачи пятилетки и задачи века. – С.70-81.
- ¹⁴⁶ В мире диспропорций // Революционная Россия. – 1928. – №69. – С.1-4.
- ¹⁴⁷ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.30, лл.48-49.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Чернов, В.М. Задачи пятилетки и задачи века. – С.78.
- ¹⁵⁰ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.30, лл.48-49.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Чернов, В.М. Задачи пятилетки и задачи века. – С.78.
- ¹⁵³ Чернов, В.М. На путях этатизма. – С.41.
- ¹⁵⁴ Чернов, В.М. Записки социалиста-революционера / В.М. Чернов. – Берлин, 1922. – С.236.
- ¹⁵⁵ Чернов, В.М. Тезисы о демократии / В.М. Чернов // Исторический архив. – 2001. – №4. – С.9-10.
- ¹⁵⁶ Чернов, В.М. Проблемы империализма и аграрный мир востока / В.М.Чернов // Революционная Россия. – 1923. – №31. – С.4; Он же. Интернационал и война. – Пг., 1917. – С.65; Чернов, В.М. Фазы социализма / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1920. – №1. – С.11.

¹⁵⁷ Чернов, В.М. К познанию советской экономики. – С.16; Чернов, В.М. На путях этатизма. – С.37-38; Чернов, В.М. Этатизм, оттесняющий социализм // НИА, НС, box.391, f.22; Чернов, В.М. Природа тоталитарного этатизма // НИА, НС, box.391, f.22 (Две последние статьи опубликованы: Коновалова, О.В. Политические идеалы В.М. Чернова: взгляд через годы / О.В. Коновалова. – Красноярск, 2005. – С.196-202).

¹⁵⁸ Чернов, В.М. На путях этатизма. – С.37-38.

¹⁵⁹ НИА, НС, box 391, f.14.

ГЛАВА III. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ В.М. ЧЕРНОВА И СОВЕТСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Бурные события 1917 г. и гражданской войны стали важными вехами в судьбах российских социалистических партий. Они окончательно развели эсеров по одну, а большевиков – по другую стороны баррикад. Однако победа большевиков в этом противостоянии и определенные позитивные итоги социалистического строительства, которые обозначились уже в первое десятилетие существования советского государства, заставили бывших идейных оппонентов пересмотреть не только прежние оценки политической сущности большевизма, но и взгляды по кардинальным вопросам социалистической доктрины.

Ожидания политической эмиграции, что большевистский режим скоро рухнет под тяжестью порожденных им противоречий, не оправдались. Пытаясь объяснить причины его устойчивости, одни видели их в исторической преемственности с политическими формами и методами самодержавия, другие вынуждены были признать, что в большевизме тесным образом переплетались демократические и антидемократические тенденции.

В разгоревшихся дискуссиях о сущности советской демократии активное участие принял и Чернов. Его взгляды на проблему претерпели сложную эволюцию: от категорических обвинений большевиков в узурпации власти и попрании народной воли, выраженной в итогах выборов в Учредительное собрание, до признания того, что большевизм отражал определенные чаяния русского народа – желания социального чуда, чуда освобождения, «немедленного социализма», прорыва к новой жизни, светлому будущему любой ценой.¹

3.1. В.М. Чернов о феномене большевизма и перипетиях политической борьбы в 1920-е годы

Свержение самодержавия в феврале 1917 г. послужило катализатором политических процессов в России. В результате образования двух центров власти – Временного правительства и Петросовета – в стране сложилась ситуация неустойчивого политического равновесия. Вхождение социалистов в правительство при сохранении антидемократического курса его политики стало для них роковой ошибкой, которой и воспользовались большевики для оттягивания эсеровского электората на свою сторону. Это и привело к идейной и политической конфронтации между двумя партиями. Именно к этому времени относятся резкие выпады Чернова против большевиков.

В статье «Анархистствующий бланкизм», опубликованной в июне 1917 г. в эсеровской газете «Дело народа», он дал резкую характеристику не только тактике большевиков, направленной на разжигание революционной стихии в массах, но и пытался рассуждать о большевизме как об определенном типе политической субкультуры. Название статьи Чернова очень точно отражает понимание им глубинной диалектики природы большевизма – соединения в нем культа революционной стихии и стремления железной рукой направить ее в нужное для партии русло ради захвата власти. Большевик не боится сокрушающей все на своем пути анархической массы. Ему чужды интеллигентская рефлексия и моральные колебания в борьбе за власть. Власть для большевиков становится целью, позволяющей осуществить квазиидею – построение социализма с помощью силы государства. Чернову кажется такое представление слишком примитивным, но он вынужден признать, что именно в этом примитивизме источник своеобразной цельности, которая обеспечивает преимущество большевиков над своими политическими противниками.

Чернов явно демонизировал большевиков, не жалея для этого сильных выражений, например «властолюбивые фанатики, слепо убежденные в чудодейственной спасительности власти».² Но в то же время он понимал, что идейная убежденность и монолитная цельность их рядов делает большевистскую партию фактически единственной силой, способной не только взять, но и удержать власть в сложной политической ситуации, тогда как другие партии страдают «властебоязнью». Анализируя уже после гражданской войны причины победы большевиков над своими политическими противниками, он вновь признавал, что в самые опасные моменты партия подтвердила свою способность к ответственному отношению к власти.

Причины упрочения власти большевиков после гражданской войны Чернов связывал с особыми качествами, проявленными правящей партией в политической борьбе. Большевики, по его мнению, являются «величайшими оппортунистами». «Они готовы быть гибкими до самой последней степени, приспосабливаться ко всяким обстоятельствам». Эта гибкость в политике парадоксально контрастирует с другими чертами партии, такими как полная неспособность к компромиссам и коалициям, крайняя централизация и вождизм, склонность к авантюризму и социальному экспериментированию, принципиальный политический аморализм. Виктор Михайлович объяснял это тоталитарной природой большевизма, исторические корни которого уходят в эпоху самодержавного деспотизма. В условиях постоянных преследований, чтобы выжить как политическая организация, партия была вынуждена «сохранять, во что бы то ни стало абсолютное единство и железную дисциплину».³

Однако по мере укрепления большевиков у власти и ослабления внешней и внутренней опасности монолитность в партийных рядах начала ослабевать. Проявлением кризисных явлений стала начавшаяся дискуссия о профсоюзах и возникновение «рабочей оппозиции» во главе с А.Г. Шляпниковым и А.М. Коллонтай. Чернов правильно отмечал, что

вопрос о профсоюзах был лишь частностью, а, по сути, спор шел об основах военного коммунизма. Он увидел в предложениях оппозиции наряду с явными просчетами и «здоровую сторону». Предполагая сузить социальный базис советской власти до «чисто пролетарского ее источника», она хотела в пределах этого базиса осуществить особую «пролетарскую демократию», суть которой – в своеобразном разделении труда между собственно политической и экономической сторонами государственного управления.

В первой сфере партия властвует через Советы. Во второй – сознательная часть пролетариата через профессиональные союзы управляет промышленностью. Рядом с Всероссийским съездом Советов предполагалось создать вторую палату – Всероссийский съезд производителей. Правда, оппозиционеры совершенно упускали из виду интересы потребителей и крестьян. Чернов оценивал предложения оппозиции как стремление к установлению принципа разделения властей или, по его выражению, к «функциональной демократии», хотя и в урезанном виде.⁴

Анализируя расстановку сил в партии, сложившуюся в ходе дискуссии, Чернов выделял левых во главе с Л.Д. Троцким, ленинскую группу как центристскую и рабочую оппозицию. Между ленинской группой и группой Троцкого он поместил «какую-то промежуточную и эклектическую буферную группу» во главе с Н.И. Бухариным, а между ленинской группой и «шляпниковцами» – группу «демократического централизма». Первая тщетно пыталась помирить партийную диктатуру с «производственной демократией» профсоюзов. Вторая, чуждаясь анархо-синдикалистского уклона Шляпникова, требовала демократического переустройства самой партии, ратуя за переход к внутрипартийной демократии, предусматривавшей широкую свободу дискуссий, право на образование фракций.⁵

Ленину удалось одержать победу над оппозиционерами и консолидировать партию, благодаря своим лидерским качествам и

разобщенности оппозиции. Но причина поражения оппозиции, по мнению Чернова, не исчерпывалась отмеченными аспектами. Она была намного глубже и заключалась в принципиальном противоречии их исходных концептуальных установок. «Встав на наклонную плоскость признания диктатуры меньшинства, люди пытались в рамках этого меньшинства создать оазисы идеальной пролетарской демократии. Демократия внутри для диктаторствования вовне – такова, в сущности, была их не сформулированная формула», – утверждал он.⁶

Лидеры рабочей оппозиции, как и последующие организаторы «новой оппозиции», не понимали, что требования демократизации партийной жизни в условиях партийной диктатуры – утопия. «Диктатура имеет свою логику, она представляет собою обязательно ряд концентрически суживающихся кругов и в последнем счете предполагает единоличного фактического диктатора», – пророчески предрекал Чернов. Возлагать надежды на рабочую оппозицию не имеет смысла, подчеркивал он, ее фронда поверхностна и беспредметна. «Она сама – лишь симптом общего разложения, омертвления, деморализации большевизма». Но это, по его мнению, только начало процесса, его «цветики, ягодки будут впереди».⁷

Победа, одержанная Лениным в профсоюзной дискуссии, сыграла, как считал Чернов, важную роль в формировании партийного единства при переходе к нэпу. Радикально меняя экономический курс, большевики продемонстрировали способность отказаться от доктринальных догм ради требований жизни. Переход большевиков к нэпу многие современники Чернова, от монархистов до «сменовеховцев» и социалистов, считали большевистским «термидором». Чернов соглашался с этим лишь частично. «Русский термидор самобытен», – подчеркивал он. Термидор во Франции – «символ торжества упадочных настроений в революции, ее истощение и хода на убыль», тогда как большевики не утрачивают своего победоносного духа. «Напротив, большевистский термидор созрел именно в голове самого кремлевского Робеспьера, – пишет Чернов, – и он сам погнался к нему свою,

еще порою недоуменно упирающуюся паству». Поэтому Чернов считал ошибочным расчет «сменовеховцев» на то, что с переходом к нэпу большевистская партия перестанет быть «орудием, тараном нарастающей русской и мировой революции». Он был убежден: преждевременно рассчитывать на то, что большевики сожгли за собой корабли и готовы «безоглядно ассимилироваться с мещанской реакцией».⁸

История доказала, что в этом споре Чернов оказался прав. Если можно говорить вообще о термидоре как об определенной стадии в развитии революционного процесса, то, на наш взгляд, в начале 1920-х гг. в России мы имеем дело с попыткой его осуществления в экономической сфере. Экономическая и политическая стороны термидора в нашей стране оказались разорванными во времени. Политический термидор, неразрывно связанный с победой в политической борьбе Сталина и физической расправой над лидерами большевистской партии, начался тогда, когда экономический эксперимент потерпел фиаско.

Нэп провоцировал появление различных течений внутри большевизма. Причины его Чернов видел в противоречиях между политической и экономической составляющими большевистского режима. Устранить его можно было двумя путями: либо вслед за новой экономической политикой повести столь же либеральную политическую линию, либо, оставаясь верными прежней политике, вернуться на старые экономические пути.⁹

Чернов считал, что в противоречиях между правой оппозицией, левым и центристским направлениями в партии сказался также скрытый антагонизм между партаппаратом и госаппаратом. В госаппарате огромную роль играли специалисты, рассматривавшие все вопросы под углом «пользы и нужды» дела. Сработавшиеся с ними, коммунисты становились на ту же «специвидную» точку зрения. У совбюрократии, таким образом, развивалась «профессиональная гордость и ревнивая тяга к сохранению своей самостоятельности, самозащите от назойливой опеки «однобоких партийцев». Особенно часто это проявлялось у хозяйственников. Не

случайно именно они становятся типичными фигурами в рядах правой оппозиции.

Вполне определенная программа развития страны в начале 1920-х гг., по мнению Чернова, была только у Л.Б. Красина. Она предполагала последовательное проведение курса на развитие частной инициативы, привлечение иностранного капитала, мирное сотрудничество с капиталистическим окружением Советской России. Правые выступали за смягчение террора, введение ВЧК в правовые рамки, строгое соблюдение советской конституции. Логическим развитием этого направления, по мнению Чернова, могло бы стать распространение нэпа на политическую сферу, расширение демократии, примирение с умеренными социалистическими партиями, формирование единой социалистической коалиции. Но правые не обладали достаточной смелостью и влиянием в партии. Красин, на взгляд Чернова, больше «спец», чем политик.¹⁰ А.И. Рыков также «слеппен не из того теста, из которого лепятся лидеры».¹¹

Характеризуя левое крыло партии, Чернов пришел к выводу, что и его лидеры не представляют сколько-нибудь значительной силы, способной изменить курс партии. Левые распылены на мелкие группировки. Так, бухаринская буферная группа окончательно растворилась в ленинском центре, троцкисты сжились с утратой военного коммунизма, «демократические централисты» подавлены, старая рабочая оппозиция выродилась в преходящую склоку между профессиональной и партийно-советской бюрократией. Рабочая оппозиция была обезглавлена, оставлена своими теоретиками, потеряла ту немногочисленную партийную интеллигенцию, которая вместе с ней фрондировала против верхов, стала исключительно низовым движением, «выражением бурливого недовольства рабочего плебса и рабочего охлоса, низведенного с высот максималистических обещаний и чаяний на низины нэповского минимализма».¹²

Роль «плебейско-оппозиционного лидера» Чернов отводил Г.И. Мясникову. После исключения из партии он организовал конспиративную «Рабочую группу», выступавшую против нэпа, за пролетарскую демократию. Она вызывала бы сочувствие, замечал Чернов, если бы ее требования не были слишком ограничены. Ратуя за осуществление контроля пролетариата над партией, свободы слова и печати для пролетариев, сторонники Мясникова даже не понимали, что юридически определить пролетария не так просто. «Что делать с их детьми или теми людьми непролетарского происхождения, которые стоят во главе правящей партии?», – задается вопросом Чернов. В ликвидации этой группы он видел проявление «своего рода исторической Немезиды». Такие, как Мясников, принимавшие непосредственное участие в репрессиях, поистине «заслужили свою участь».¹³

Определенные симпатии лидера эсеров вызывала группа «Рабочей правды», которая, по его признанию, «была тем высшим, до чего в понимании происшедшего возвысилась рабочая оппозиция внутри компартии». Ее лидером был А.А. Богданов, а основной контингент составляли «пролеткультовцы». Они, по мнению Чернова, реально оценивали ситуацию, убедившись в том, что в стране нет предпосылок для социалистического строительства. Логика их рассуждений неизбежно вела к тому, чтобы потребовать ухода компартии от власти и перейти в оппозицию в рамках какого-то «полубуржуазного» строя. Это позволило бы снять с партии ответственность за «чужой лик» нэповского уклада.¹⁴ Однако Чернов не питал иллюзий насчет того, что представители этой группы способны потребовать отказа от партийной диктатуры и передачи власти в руки народного представительства. Но для него был важным сам факт нарастания разногласий внутри большевиков как отражение глубинных процессов в политической жизни страны.

В то же время он был вынужден признать, что, несмотря на утрату монолитности в большевистских рядах, партия в целом сохраняла свою

жизнеспособность, «переступая попеременно с левой ноги на правую».¹⁵ В значительной степени Чернов связывал это с лидерскими качествами вождя партии – В.И. Ленина. Он называл его «некоронованным королем», «двуликим Янусом большевизма». В Ленине, по мнению эсера, проявлялись как бы два лика – фанатика и великого оппортуниста. «Умение из догматика, начетчика, фанатического гипнотизера масс внезапно превращаться в «скользкого угря» было присуще Ленину в величайшей степени», – писал Чернов. Сравнивая Ленина с «блестящим фехтовальщиком», который орудует на политической арене с фантастической быстротой, неутомимостью, почти инстинктивным чутьем опасности, Чернов подчеркивал, что главная черта Ленина, обеспечивающая ему поддержку масс, – непреклонная вера в победу.¹⁶

Продолжая следить из эмиграции за всеми перипетиями политической борьбы в Советской России, Чернов особенно внимательно присматривался к выделившейся в связи с болезнью Ленина «тройке» в составе Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и И.В. Сталина. В статье «Вокруг советского "Центра Центров"», опубликованной в «Революционной России» в 1923 г., он рассматривал их как наиболее вероятные кандидатуры на роль лидеров партии в случае смерти Ленина.

Анализируя состав «тройки», Чернов отмечал, что наименее привлекательной фигурой является Зиновьев. Он долго не пользовался среди большевиков «ни любовью, ни авторитетом», и только благодаря стараниям Ленина был «проташен» в ЦК, а затем и в председатели Коминтерна. Не обладая высокими моральными качествами, он тем не менее, как считал Чернов, был «удобен» для остальных членов «тройки» тем, что являлся весьма покладистым и шел с ними в ногу.

Каменев из числа триумвиров был наиболее гибким и «политичным». Он не обладал сильным характером и всегда придерживался линии наименьшего сопротивления. «Словом, это вполне законченный тип опытного политикана, с несколько женским, не лишенным коварства

характером, и с большой склонностью играть в политической шахматной игре роль "дамы приятной во всех отношениях"», – заключал Чернов.

Самым ярким из «тройки» Чернов считал Сталина. Он превосходил всех силой характера, «резко очерченной индивидуальностью». «Менее одаренный внешними талантами, он обязан своим возвышением выдержке, настойчивости и большей персональной ловкости». Лидер эсеров видел в нем типичные черты «восточного политика». Он хитер, настойчив, упорен, умеет и незаметно подчинить своему влиянию, и действовать явным напором. Самолюбивый и знающий себе цену, этот «человек с планом», не чуждавшийся авантюризма, обладал большим темпераментом и личной смелостью. Таким образом, по мнению Чернова, Сталин в начале 1920-х гг. являлся вполне перспективным советским политиком.

Одним из сильных соперников Сталина в партии Чернов считал Троцкого. Пытаясь еще при Ленине отстаивать самостоятельную линию в партии в вопросе о выходе России из первой мировой войны и дискуссии о профсоюзах, он оба раза вынужден был отступить и сдаться перед авторитетом Ленина. С тех пор он стал настолько осторожнее, что даже не сделал попытки использовать болезнь Ленина, чтобы занять его место. В партийных кругах Троцкого побаивались и не любили за амбициозность, злопамятность, заносчивость, зато он был популярен в кругах «военспецов» тем, что ввел железную дисциплину в армии.

Роль теоретика партии Чернов отводил Н.И. Бухарину. Хотя он признавал, что тот не лишен даровитости, однако подчеркивал, что Николай Иванович все же сильно уступал в этом качестве Ленину. По характеру, отмечал эсер, Бухарин «бурливый, развязный и бесцеремонный, но работающий и неглупый». В быту и привычках – демократ, неприхотливый, не имеющий никакой привязанности к житейским благам.

Другой яркой фигурой большевиков Чернов считал Ф.Э. Дзержинского. Давая ему характеристику, Чернов отмечал, что руководитель ВЧК обладал исключительными организаторскими способностями, лично абсолютно

бескорыстен и честен, персонально ни к кому не питает злобы. В общении – привлекателен, утонченно корректен, по-польски рыцарственен. Но в то же время «он зловеще неумолим, как бездушная машина, как судьба, как рок». «Чувствуется, что он в жизни многое претерпел, «духом ожелезился», внутри него что-то сломалось, и «недостаток какого то винтика сделал из него нечеловечески зловещую фигуру... – коммунистического Торквемады, святого палача, белоснежно-чистого проливателя крови».¹⁷

Подводя итог анализу расстановки политических сил в начале 1920-х гг., лидер эсеров констатировал – надежды на раскол большевистской партии и возможности мирной эволюции от диктатуры к демократии «не имеют под собой никакого основания». «Внутри большевистской партии нет силы, способной коренным образом преобразовать ее». Могучий инстинкт самосохранения заставляет людей «жаться» друг к другу и подсказывает, что «перерождение невозможно без раскола, а раскол означает гибель. Раскола не будет. Будут лишь отколы. Все самостоятельное, все, осмеливающееся на серьезную оппозицию, будет подавляться еще в зародыше и беспощадно отсекается».¹⁸ Верность прогноза Чернова продемонстрировал дальнейший ход внутрипартийной борьбы.

Самоопределение политических сил в большевистской партии привело к складыванию блока левых коммунистов (Г.Л. Пятаков, Е.А. Преображенский, Л.П. Серебряков и др.) и «демократических централистов» (Н. Осинский, Т.В. Сапронов и др.). Левый блок 15 октября 1923 г. подал за сорока шестью подписями заявление в ЦК РКП (б) с критикой руководства партии за политику нэпа, отступление от планов мировой революции, бюрократизм, зажим внутрипартийной демократии. Оппозицию ободряло возможное поведение Троцкого, который, как предполагалось, будет держаться в стороне. По требованию оппозиции правящая «тройка» согласилась созвать пленум ЦК и ЦКК для переговоров по спорным вопросам, но тщательно подготовилась к нему таким образом,

что, когда он был созван, имела там подавляющее большинство и превратила его в суд над оппозицией. Резолюция с осуждением оппозиционеров была принята большинством в 102 голоса при двух против и десяти воздержавшихся.

Создавшееся положение вынудило Троцкого отступить от позиции нейтралитета. В своем выступлении он практически согласился с критическими замечаниями оппозиционеров. Такого скорого и решительного выступления Троцкого «наверху» не ожидали и растерялись, но сообразили провести на пленуме резолюцию о запрещении фракционной дискуссии и оглашении внутривнутрипартийных разногласий. Оппозиция подчинилась решению пленума.¹⁹

Эсеры отдавали должное мастерству правящей «тройки», признавая, что она действовала против оппозиции по всем правилам ленинской политической науки. Успех ее, по мнению Чернова, был обеспечен тем, что Сталин с товарищами перехватил у оппозиции наиболее популярные лозунги — демократизации партийной жизни и разработки плана восстановления экономики. Одновременно они пустили в ход все средства для дискредитации оппозиционеров, обвинив их в заговоре против партии, стремлении захватить власть, мелкобуржуазном уклоне. Однако триумф «тройки» был омрачен тем, что в армии оставалось немало сторонников Троцкого. В этом Чернов усматривал опасный сигнал для советской власти и правящей партии. «Впервые коммунистические круги Красной Армии и ГПУ оказались по разные стороны баррикад», — замечал он.²⁰

Размышляя о судьбе Троцкого, Чернов признавал, что «вычищение» его из рядов руководящего состава партии «не было чисткой ни влево, ни вправо». «Это собирательные посредственности устраняли возможного соперника — яркого и талантливого *parvenu*». «Для правоверных большевиков Троцкий, когда-то с Мартовым редактировавший первую платформу меньшевизма, есть, конечно, чужак и пришелец». Чернов обращал внимание на то, что из тогдашних триумфиров, Сталин менее

других был беспощаден в расправе с побежденным. Зиновьев еще настойчивее, чем Каменев, требовал ареста Троцкого и даже предлагал вывести Троцкого «в расход», чтобы избежать попыток переворота в его пользу. Но Сталин трезво оценил положение, предвидя, что смилившийся Троцкий ему еще сможет понадобиться против его же союзников.²¹

Новый этап в развитии внутрипартийной борьбы в 1925-1926-х гг. Чернов связывал с проявившимися противоречиями нэпа. Особенности политической борьбы на этом этапе, по мнению Чернова, сказались в том, что разногласия затронули самую сердцевину партии. О перерождении партии заговорили такие столпы большевизма, как Каменев и Зиновьев. Однако их «прозрению», по мнению Чернова, «немало помог властный характер и втихомолку сложившееся «засилье» одного из триумвиров - Сталина, прибравшего к своим рукам организационный аппарат партии».

К 1926 г. роль Сталина заметно возросла. Немалую роль в этом процессе, считал эсер, сыграли его организаторские способности. В качестве главного секретаря партии он стал истинным наследником и преемником покойного Я.М. Свердлова. Все организационные нити в его руках. Сталин умеет «подтягивать» работников, может быть жестким и суровым. Он довольно удачно сумел найти себе «идеологическое дополнение» в лице Бухарина. В лице Рыкова Сталин присоединил к себе представителя, так называемых, «хозяйственников», не такого крайнего, как Красин, и потому более подходящего. Таким образом, приходит к выводу Чернов, «под рукой у Сталина была подготовлена в зародыше новая «тройка», более походящая для его видов, чем прежняя.²²

С такой перегруппировкой сил не мог смириться Зиновьев, выступив с обвинениями против партийного руководства в отступлении от ленинского курса. Причины острого накала политической борьбы, по мнению Чернова, крылись глубже, чем столкновение личных амбиций. Ее суть он видел в логическом развитии самой политической системы диктатуры пролетариата. Как любая диктатура, она неизбежно требует диктатора. И в

этой связи становится понятным, почему соперничество за власть принимает чрезвычайно острые и жесткие формы личной борьбы претендентов.

В оппозиции к руководству партии оказались ее видные деятели Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, К.Б. Радек, Г.Я. Сокольников, А.Г. Шляпников, А.М. Коллонтай, Г.Л. Пятаков, Е.А. Преображенский, Н. Осинский. Они решительно оспаривали успехи социалистического строительства в СССР, говорили о реставрации буржуазных начал, потере пролетариатом завоеванных им ранее позиций и мелкобуржуазном перерождении самой партии. Позитивную программу оппозиции Чернов не мог принять по причине ее ярко выраженного «крестьянофобского духа». Лидеры оппозиции, убежденные в мелкобуржуазной природе крестьянства, считали необходимым отказаться от ставки на середняка, опереться на бедноту и начать поход против кулака. Одновременно они требовали через налоговую систему и повышение цен приступить к систематическому перекачиванию ресурсов из сельского хозяйства в государственную промышленность. Таким образом, за счет деревни должна быть проведена операция «первоначального социалистического накопления» для развития промышленности.²³

По мнению лидера эсеров, это можно рассматривать как возвращение к вульгарному марксизму старых времен, к планам превратить деревню во внутреннюю колонию. Поэтому для него «осередняченная» программа Сталина и Бухарина – «гораздо реалистичнее, приспособленнее к жизни, лучше понимает трудовую природу крестьянского хозяйства». Суть ее Чернов видел в признании возможности мирного сосуществования буржуазной Европы и СССР, отказе от ставки на мировую социалистическую революцию. Внутри страны – это курс на продолжение нэпа, взаимоприспособление с мужицким окружением и создание в деревне своеобразного «мужицко-кооперативного мира».

Если социально-экономическую часть программы оппозиции эсеры считали реакционной, то критику внутрипартийной жизни признавали «наиболее выигрышным её пунктом». Чернов внимательно прислушивался к предложениям представителей оппозиции, направленным на поиск путей ослабления политической монополии большевистской партии. Так, в свое время Г.Е. Зиновьев предлагал создать фракцию «честных беспартийных некоммунистов», стоящих на платформе советской власти и готовых поддерживать коммунизм. Он готов был дать им даже право издавать свою газету. Г.Я. Сокольников шел еще дальше, видя выход в легализации социалистических партий. Я.А. Оссовский возобновил предложение Сокольникова, «подвергнув его иезуитской переделке в зиновьевском духе, и предложил легализовать не их, а нечто на них похожее и подобное, т.е. перейти к зубатовской политике приручения» эсеров и меньшевиков. Л.Д. Троцкий развивал идею внутрипартийной демократии, свободы группировок и фракций.

Рассматривая все эти предложения, Чернов был не склонен воспринимать их как признак принципиальных изменений в идейно-политической платформе большевизма. Оппозиционеры сохраняли верность идеи диктатуры пролетариата и монополии на власть своей партии. В резкой конфронтации объединенной оппозиции и правящей верхушки он видел проявление закономерностей диктатуры. «Партия задыхается в своей собственной политической монополии. Отдушины не дано ни вне партийных рамок, ни внутри их. Такова логика диктатуры», – констатировал он. В этом плане Сталин совершенно прав, полагая, что для удержания власти необходимо загнать глубоко внутрь все колебания, споры, разногласия и разномыслие. «В этом и заключается, однако наигорший приговор партии над самой собою», – заключал Чернов.²⁴

Изучая перипетии политической борьбы, Чернов пытался разобраться в причинах поражения оппозиции. Он отмечал, что ей не удалось использовать демагогические обещания увеличения зарплаты рабочим,

потому что их перехватила правящая группировка. М.П. Томский, который еще недавно брал на себя неблагодарную задачу убедить рабочих в том, что увеличивать их заработки не следует ради их же собственной пользы, стал обещать увеличение зарплаты немедленно. «Национал-государственные» большевики – достаточные оппортунисты, чтобы во время вырвать из-под ног своих противников почву посредством фактической перемены своей позиции на их позицию», – замечал Чернов.²⁵

Одна из причин поражения объединенной оппозиции, по мнению Чернова, крылась в функционировании механизма партийной диктатуры и бюрократической инерции. Партийная масса живет изо дня в день, правильно получая от центра директивы, инструкции, организационные «открытые» и «закрытые» письма. Все идет заведенным порядком. Тем временем в партийной верхушке «люди бьются над задачей квадратуры круга»: как сделать, чтобы из нэпа и партийного абсолютизма в сумме получился коммунистической строй. После неудачи, взаимных обвинений и ссор чувствуется потребность выйти из четырех стен, позвать кого-нибудь в судьи. В ударном порядке созывается какое-нибудь широкое партийное совещание. Гролом с ясного неба над головами рядовых партийцев разражается шумиха неожиданной дискуссии. «Сбитые с толку, растерянные рядовые члены прибегают к партчиновничеству... с просьбой, чтобы оно разъяснило им, в чем дело и как надо думать о споре. Из оргбюро Сталин посылает на место шпаргалки, на случай надобности подкрепляя их посылкою надежных эмиссаров, и вот на местах проходят единообразные, по изготовленному в оргбюро шаблону, резолюции и императивные мандаты, посылаемые на совещания и съезды делегатам. В таком скорострельном порядке прошедшая на местах подготовленная дискуссия никаких глубоких следов не оставляет». Остается только чувство недовольства и досады, которая обращается на виновников дискуссии, из-за которых все были выбиты из колеи, теряли время и силы без всякой видимой пользы, чего и добивалась правящая фракция.²⁶

Исследуя причины поражения оппозиции, Чернов обратился к анализу численного состава партии. В черновике статьи «Коммунистическая партия в цифрах» (1928 г.) он рассматривает выпущенные в свет статистическим отделом ЦК Компартии восемь выпусков материалов всесоюзной партийной переписи за 1927 год. По опубликованным данным, численность членов партии составляла 789.353 человек, кандидатов – 403.105, итого – 1.192488 человек. Из них «ветеранов партии (участников революции 1905 г.) немногим более 0,5%. «Партийные середняки», вступившие в партию после первой русской революции и вступившие в партию до декабря 1917 г., составляли только 4,4% ее личного состава. Таким образом, ветеранов и середняков в партии вместе только 5 %, остальные 95% – приставшие к ней уже после победы.

Приток новых членов происходил волнообразно. Трехлетняя волна 1918-1920 гг. дала партии сразу почти 30% всех оставшихся в ней к 1927 г., т.е. около 230 тыс. человек, «в которых уже тонут» около 40 тыс. их предшественников. В трехлетие 1921-1923 гг. «верхи партии берутся за тормоза»: прием сокращается, проводятся чистки вновь принятых. Зато в 1924-1926 гг. вновь «распахиваются ворота» и в партию вливаются более 455 тыс. новых членов. В результате массового приема в партию «старая гвардия и середняки сходят на "нет"». ²⁷

На их место приходит новая «служилая молодежь». «К старой проблематике коммунизма она совершенно равнодушна, для нее существует лишь проблематика власти, организации, администрирования, аппарата, эффективности разных способов нажима на населения. В Сталине и его верных адептах это поколение новой властительной касты видит своих естественных вождей и обеспечивает им победу над всеми видами оппозиции». ²⁸ Как утверждает Чернов, для них живая история большевизма в лице традиционных адъюнктов Ленина – ничего или очень мало, а живая современность, в виде умело подобранного и дисциплинированного Сталиным аппарата – все. Для громадного большинства этих новобранцев –

дело не в теориях, а «дело в деле», в практике управления, администрирования и хозяйствования. «Оппозиция представляет теоретическую романтику большевизма, уже многократно побитую и снова неизбежно побиваемую жизненной прозой, Сталин и его «окружение» – прозаики большевизма».²⁹

Размышления Чернова о романтике и прозе большевизма вызвали полемику в эсеровской эмиграции. Один из правых теоретиков – М.В. Вишняк понял утверждение Чернова буквально, анализируя перестановку большевистских кадров, он пришел к выводу о том, что «ни о какой победе реализма в большевистской партии говорить не приходится».³⁰ Однако Чернов имел в виду не реализм курса партии, а общую психологическую атмосферу в ней. В этом смысле его замечания перекликаются с признаниями самого Троцкого, который связывал причины своего поражения с новыми настроениями в партии – на смену романтике революционной борьбы пришла проза повседневной, рутинной работы. «Когда напряжение прошло и кочевники революции перешли к оседлому образу жизни, в них пробудились, и развернулись обывательские черты, симпатии и вкусы самодовольных чиновников... Новая верхушка чувствовала, что я не подхожу к этому образу жизни.... Вот в чем состояла потеря мною власти», – отмечал он.³¹

Кульминационным этапом борьбы левой оппозиции с центром и правыми стал 1927 г., когда оппозиция перешла к активным действиям – организации уличных выступлений и петиционных компаний, обращений к Коминтерну. Это поставило правящую группировку перед необходимостью ответных действий. Но Сталин не спешил переходить в наступление. Снисхождение, проявляемое им к лидерам оппозиции, было не понятно для эсеровской эмиграции. Они пытались найти объяснение в том, что в условиях поредения старой гвардии большевизма, вырождения примазавшихся элементов «ужасающее безлюдье удручает вождей большевизма и откол таких нотаблей, как Троцкого, Зиновьева и Каменева,

невольно зароняет своего рода тоску одиночества, сознание своей изолированности в стране».³²

Организованные оппозицией митинги на улицах Москвы и Ленинграда в канун Октябрьской революции переполнили чашу терпения правящей группы, и на ноябрьском пленуме ЦК и ЦКК 1927 г. Троцкий и Зиновьев были исключены из партии. После XV-го съезда партии, состоявшегося в декабре 1927 г., начинается «так долго откладывавшейся административно-полицейский разгром оппозиции». Для Чернова и его товарищей по эмиграции это не стало неожиданностью. «Оппозиция является ныне жертвой того порядка вещей, над установлением которого всего больше потрудились сами же ее главари, пожинающие теперь, что посеяли, создавая систему большевистской диктатуры», – заключал Чернов. Ирония состоит в том, замечал он, что история поступила с ее главарями особенно жестоко, приурочив час возмездия к десятилетнему юбилею их торжества.³³

Для Чернова их поражение закономерно, иного не могло быть, так как для победы им было бы нужно опереться на здоровые силы страны и вывести движение за рамки партии. Это означало отказ от самой сути советской политической системы, в которой партия имела монополию на власть. Противоречия между экономической и политической частями программы оппозиции не позволили найти в обществе те социальные силы, на которые она могла опереться. «Отклика, решающего отклика не было. Шум, поднятый вышедший на улицы оппозицией, остался – бурей в стакане воды», – замечал он.³⁴

По мнению Чернова, выжидать современной оппозиции уже было нечего. Благоприятный момент не впереди, а позади ее. Следует признать, однако, что лидер эсеров оказался прав лишь отчасти – персонально лидерам оппозиции рассчитывать действительно было не на что. Но ее идеи не остались незамеченными. Она своим выступлением «сигнализовала о наличии существенного противоречия между экономическим фундаментом, социальным строением России и большевизмом... между складывающимся

соотношением классовых сил и условием необходимости для сохранения командных высот». ³⁵ Излюбленный сталинский метод борьбы с оппозицией, когда одной рукой наносились ей удары, а другой – присваивался целый ряд выдвинутых ею мероприятий, приводил к значительному полевению самого правящего сталинского центра, переосмыслению программных предложений оппозиции и, возможно, предопределил пути сворачивания нэпа.

Судьба левых оппозиционеров была различной. Зиновьев и Каменев признали, что с утверждением о перерождении партии они поторопились, и пошли на все унижения, чтобы «выудить, вызмеить» себе прощение. Лев Троцкий не пошел на поклон, «остался горд и был приговорен к политической смерти». Его посчитали настолько политически конченным человеком, что после ссылки выпустили за границу. Чернов был убежден, что Сталин рано списал Троцкого со счетов, Троцкий не сломлен духовно и жаждет реванша. Чернов предвидел дальнейшие метания Троцкого. Его единственный шанс, отмечает он, встать во главе левых элементов Коминтерна, создать какое-то подобие «мирового троцкизма». Но все это, по его мнению, в конечном счете бесплодно. «Время Троцкого прошло». ³⁶

Наблюдая за уничтожением большевистской оппозиции, Чернов полагал, что оно не может пройти бесследно и для правящей группы. Ее политические перспективы неразрывно связаны с новой дифференциацией. Уже в ходе борьбы в ней наметились два крыла: центристское во главе со Сталиным и правое, группировавшееся вокруг Рыкова. Перед лицом общего внутрипартийного врага слева сторонники обеих линий держались сплоченно. После разгрома оппозиции стало возможным самоопределение позиций. Для рыковцев победа над оппозицией означала возможность нового решительного витка нэпа, «без вечной оглядки на левую демагогию». Это не могло не вызвать противоречия с более «осторожной, консервативной, скупой отмеряющей вынужденные уступки логике жизни и духу времени» линией Сталина. ³⁷

Чернов признавал, что у правой оппозиции потенциально имелась «чрезвычайно реалистическая, соответствующая требованиям истории» программа изживания системы партийного абсолютизма, расширения политической базы советского строя и прав трудящихся. Реализация этой программы логически могла бы привести к превращению трудового населения из объекта социалистического строительства в его субъект, приспособлению строительства к нуждам и потребностям трудовых масс. Но способность реализовать эту программу нейтрализовалась одним из основных недостатков правой оппозиции – ее неспособностью к объединению. В этом плане выводы Чернова предвосхитили основные положения современных исследователей.³⁸

Причину разобщенности оппозиции Чернов видел в ее разнородном составе. В ряды оппозиции входили представители профсоюзов, кооперации, «красной профессуры» и Красной Армии. Советская кооперация, несмотря на все меры, направленные на ее бюрократизацию, по мнению Чернова, оставалась в значительной степени рупором народной массы, передатчиком ее настроений. Профсоюзы, сохраняя известную самостоятельность, являлись своеобразным предохранительным клапаном для выпуска скопившихся паров рабочего недовольства. Не случайно их лидер Томский смелее всех пошел на конфликт со Сталиным. Красная профессура, несмотря на то, что была «туго зашнурована в корсет ленинской интерпретации марксизма», не могла не видеть противоречий между теоретическими установками и реальной практикой советского строительства. Красная Армия была представлена в оппозиции К.Е. Ворошиловым, который ощущал на своих плечах ответственность за «преобладающий мужицкий характер» армейских низов.

Неоднородность правой оппозиции приводила к тому, что «профсоюзники имели один уклон, хозяйственники, воевавшие с ними из-за заработной платы, – другой, кооперативные элементы, воевавшие и с теми и с другими за пропорцию между аграрными и промышленными ценами, –

третий». Комакадемики, по выражению Чернова, были слишком заражены «мыслебоязнью» и не смогли обосновать программу нового «большевистского народничества». Сталин использовал это обстоятельство, разбивая всех по одиночке.³⁹

После поражения левой оппозиции и наступления на правых сущность политики Сталина вскрылась с исчерпывающей ясностью. «Если вчера он вместе с правыми смирял левых, то ныне, обезглавив левую оппозицию, он пытается осиротевшие кадры ее отечески примирить с собою и объединить вокруг себя – для того, чтобы так же точно смирить и «беспокойных» справа». Единственным шансом оппозиции на победу могло стать, как считал лидер эсеров, обращение к общественности, союз с беспартийными и «инопартийными элементами против дирижеров партии». Но он не надеялся на это. Сталин уже «распространил вокруг себя пространство: он распылил, разгромил, деморализовал и по ветру развеял почти всю старую гвардию большевизма».⁴⁰

В марте 1929 г. в передовице «Революционной России» были подведены итоги внутрипартийной борьбы в СССР: «На большевистском Олимпе неладно: боги передрались. Они не начали еще посылать друг друга на казнь, но успели уже в такой степени оклеветать друг друга в глазах народа взаимными обвинениями в примиренчестве, измене коммунизму, контрреволюции, что, когда начнется период их физического самоистребления, вряд ли они найдут много приверженцев для защиты».⁴¹

Смещение Бухарина со всех постов, отъезд за границу Томского, снятие некоторых обязанностей с лидера советских хозяйственников Рыкова – все это в глазах Чернова было признаками, того что в Советской России медленно, но верно создается «личный режим Сталина». Закончившийся в июле 1930 г. XVI-й съезд партии, объявивший взгляды правой оппозиции несовместимыми с принадлежностью к ВКП (б), стал «плачевным бенефисом правого уклона».⁴²

Равнодушие к судьбе левой и правой оппозиции со стороны широких масс для Чернова показательно. В письме к американским товарищам 1932 г. он отмечал, что в глазах народа эти люди «все одним миром мазаны». «Никого из бывших низверженных вождей там не жалеют и ни на кого, чей черед быть низвергнутыми, не возлагают абсолютно никаких надежд. Зато и к персонально Сталину особой ненависти не ощущают. Часто даже злорадствуют по поводу того, что от него уже сильно потерпело столько коммунистических вельмож. Сосредоточенная ненависть персонально к Сталину встречается, скорее, в некоторых более узких кругах партийцев-оппозиционеров, уверенных, что Сталин губит партию и что его падение или смерть могли бы еще привести ее к возрождению. Но чем убедительнее они это доказывают, тем равнодушнее население к их жалобам на Сталина».⁴³

В условиях диктатуры оппозиция вождю невозможна, приходит к выводу Чернов. «Вождь олицетворяет гранитное единство воли партии. Борьба против вождя превращается в борьбу против партии». Поэтому легальных средств у оппозиционеров нет. Перейти на нелегальное положение тоже невозможно. Это сразу дает основание правящим кругам подключить к борьбе с оппозицией репрессивный аппарат ГПУ. Поэтому оппонентам приходится таиться, ощупью осторожно нащупывая единомышленников и союзников. Отсюда вместо открытой борьбы и противостояния — «фальшь и двурушничество», плетение «паутины дворцовых интриг», провоцирование на ложные шаги, ожидание удачного момента для нанесения «коварного удара в спину. «Котерийная мелочная чиновничья оппозиция самодержавно-чиновничьей власти» — таково настоящее и будущее коммунистической партии. Выход из этой ситуации может быть только один — апеллирование к обществу, которое возможно только в условиях раскрепощения от тоталитарного государства.⁴⁴

Таким образом, накал политической борьбы в правящей партии в 1920-е гг., по мнению Чернова, был не случайным, а закономерным явлением. Он

был обусловлен противоречиями между социально-экономическими процессами в стране, приводящими к развитию капиталистических отношений, дальнейшей дифференциацией общества и коммунистической диктатурой. Логика развития диктатуры, эволюционировавшей от партийной олигархии к власти диктатора, особенности политической системы, важной чертой которой являлся дуализм партийной и государственной власти, поиск оптимальной модели модернизации страны предопределили остроту личного соперничества за власть.

Исход политической борьбы зависел от наличия в правящей партии силы, способной апеллировать к общественности и пойти на раскол партии. Наиболее близко к этому подошла в 1927 г. объединенная левая оппозиция. Но существенные противоречия между социально-экономической частью программы оппозиции, предусматривавшей практически возврат к модели военной мобилизационной экономики времен военного коммунизма, с одной стороны, и политической, с ее ставкой на внутрипартийную демократию, – с другой, не позволили ей опереться на определенные социальные силы в стране и предопределили ее поражение. Разгром левой оппозиции, слабость правого крыла партии, оказавшегося неспособным учесть промахи и ошибки левых, привели, по убеждению Чернова, к складыванию в стране режима личной диктатуры Сталина.

3.2. Советская политическая система в трудах В.М. Чернова

Проблема сущности и характера советской политической системы всегда вызывала неоднозначные оценки в научной литературе. В советской историографии утверждалось, что она являлась новой формой демократии, принципиально отличавшейся от буржуазного парламентаризма, так как наиболее полно выражала общенародные интересы. В зарубежной литературе этот вопрос рассматривался через призму концепции тоталитарного государства. Ее авторы, отмечая наличие общих черт в

политических системах СССР, Германии, Италии перед второй мировой войной (сращивание партийного и государственного аппарата, монополия на власть одной партии, контроль государства над всеми сферами развития общества, культ личности вождя, единая и обязательная для всех идеологии, феномен видимости единства партии и народа, создающие иллюзии активного участия народа в общественной жизни, наличие сильного репрессивного аппарата и органов политического сыска), утверждали, что все они относятся к тоталитарному типу. Но в зависимости от господствующей идеологии дифференцировали их на левый и правый тоталитарные подвиды.

Идеологическая предвзятость этой концепции, наиболее явно проявившаяся в период «холодной войны», является одной из главных причин, по которой ряд отечественных и зарубежных историков считают ее несостоятельной. На наш взгляд, дело не столько в идеологической ангажированности этой концепции, сколько в том, что ее сторонники исходят из формального сходства ряда внешних признаков политических систем этих государств. Они не учитывают глубоких отличий в цивилизационных основах и исторических предпосылках, в условиях которых они сформировались. Учитывая спорность и актуальность этого вопроса для современных исследователей,⁴⁵ небезынтересно будет обратиться к изучению альтернативных концепций тоталитаризма, одна из которых представлена в трудах Чернова.

Большая роль в разработке данной проблематике, наряду с Черновым, принадлежала Г.И. Шрейдеру – специалисту по правовым вопросам в группе «Революционной России». Юрист по образованию, бывший городской голова Петрограда, утвержденный в 1925 г. членом Заграничной делегации партии, он после ее раскола остался ближайшим соратником Чернова. Близка к позициям коллектива «Революционной России» оценка политических процессов в СССР группы «Воля России», ведущим теоретиком которой являлся Е.А. Сталинский.⁴⁶ В эсеровской эмиграции

этим двум центристским группам оппонировали правые эсеры, объединившиеся вокруг журнала «Современные записки» и газеты «Дни». Среди правых большой вклад в разработку политико-правовой проблематики внесли М.В. Вишняк и А.Ф. Керенский.

Несомненно, ценным качеством теоретических построений Чернова являлось стремление автора разобраться в исторических и политических предпосылках, определивших формирование советского государства. Чернов небезосновательно связывал его генезис с первой мировой и гражданской войнами. «Война требует диктатуры, требует единоначалия, властно создает право полководца над жизнью и смертью граждан, делает гражданина пушечным мясом, на место всяких прав ставит Приказ и Подчинение», – писал он в 1928 г. в статье «К вопросу о диктатуре и демократии».⁴⁷

Сложившаяся и окрепшая во время войны идеология большевизма насквозь была пропитана воинственными мотивами. Участие большевиков в Циммервальде сформировало за рубежом ложное представление об их миролюбии и пацифизме. Чернов утверждал, что хотя большевики и выступали против войны, но они имели в виду не войну как способ борьбы, а ее буржуазную классовую оболочку. Они восставали против войны не во имя мира, а во имя превращения империалистической войны в гражданскую войну пролетариата и буржуазии.

Поэтому и сама Октябрьская революция, с точки зрения Чернова, явилась «законным детищем войны», более того – ее непосредственным продолжением, ее перенесением с внешних границ страны внутрь ее. Естественным, что революция унаследовала от войны ее милитаристский дух. Большевики перенесли в практику политической жизни «целиком все методы войны» и военные способы управления обществом. Особенно явно, по мнению Чернова, это выразилось в деятельности ВЧК.⁴⁸

Однако милитаристский дух большевизма – не только порождение первой мировой войны, на взгляд Чернова, его истоки следует искать в глубинных исторических пластах самодержавного строя России. «Вековое

господство самодержавия врезалось в психологию, коварно впивалось жалящими когтями в души самих революционеров, делало втайне их духовными автократами», – писал он. На это «тайное родство» указывает даже остроумно подмеченное Черновым известное выражение Ленина о советской власти как о «самодержавии народа».⁴⁹

Большевики поняли, что демократическое воспитание масс в стране, где веками народ отучали от всякой самодеятельности, «отшибали у него всякое помышление о свободе – дело долгое и сложное», и решили перескочить через него самым простым образом. Они сделали ставку на вековую привычку народа к рабству и решили вогнать его в социализм «дубинкой Петра Великого».⁵⁰ В этом плане провозглашенная большевиками диктатура пролетариата на самом деле являлась диктатурой над пролетариатом.

Диктатура класса, по убеждению Чернова, есть внутренне противоречивое понятие, реально она существовать не может и неизбежно превращается в диктатуру партии, выступающую политической формой организации класса.⁵¹ При этом он ссылается на высказывания самого Ленина, который не раз замечал, что весь рабочий класс управлять государством не может, это дело только его самой авангардной части, вступившей в ряды коммунистической партии.

Процесс «диктаториального» перерождения правящей партии и всей политической системы Советской России происходил постепенно. Начало было положено декретами, ограничившими избирательные права нетрудового населения. Чернов считал эту акцию абсурдной в политическом отношении, утверждая, что бессмысленно урезать политические права меньшинства населения, если большинство населения – трудящиеся, которые, используя демократический механизм, могут с таким же успехом отстаивать свои позиции на выборах.⁵²

Правовые основы новой власти закрепляла «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Она провозглашала Советы

высшей формой власти. Чернов, являясь сторонником парламентской демократии, тем не менее был готов признать Советы первой ступенью на пути к парламентской республике. Ограниченность советской системы он видел в том, что она носила узко классовый характер и выражала интересы, только трудящегося класса, тогда как остальные слои общества не имели представительства в ней. В результате нарушались важнейшие принципы демократии – права и свободы человека и права меньшинства. Но Чернов полагал, что если бы советская система, которую он называл «эргократией», получила возможность для свободного функционирования, то со временем она неизбежно эволюционировала к демократии.⁵³ Именно на это и была нацелена тактика эсеровской партии в годы гражданской войны – согласиться на время отставить лозунг Учредительного собрания и перенести вопрос об организации власти в Советы.

В годы гражданской войны тенденция бюрократизации Советов усилилась. Большевики перенесли центр тяжести местного управления в исполкомы, а Советы фактически превратились в совещательные органы. Причину такой трансформации эсеры видели не только в диктаториальных притязаниях большевиков, но и в природе самих Советов. Чернов и эсеры рассматривали Советы как своеобразный симбиоз профессиональной и политической организации рабочего класса, полагая, что в условиях несформировавшейся партийной системы и отсутствия развитого профессионального движения они временно выполняют их функции и представляют на данный момент «высший тип организации рабочей общественности».⁵⁴ Но постепенно, как только партии и профсоюзы наберут силу, Советы, выполнив свое предназначение, сойдут с политической сцены. Эсеры были уверены, что, несмотря на то, что в революционный период Советы фактически брали на себя властные полномочия, к систематической управленческой работе они не способны. Не случайно предоставление Советам несвойственных им функций приводит к их кризису.

Правильно, на наш взгляд, связывая причины установления власти Советов с неразвитостью институтов гражданского общества в России, Чернов ошибался в определении перспектив их развития. В условиях ожесточенной классовой борьбы и раскола общества в стране наметился принципиальный разрыв между тенденциями «буржуазного парламентаризма» и представительством интересов трудящихся, неразрывно связанным с Советами. Советы и парламентская демократия, по очень точному выражению современного исследователя С.Г. Кара-Мурзы, оказались «на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации».⁵⁵ Советы стали не просто классовыми организациями трудящихся, а тем политическим институтом, который способен представлять их интересы и проводить в жизнь. Ленин и большевики, провозгласив в 1917 г. курс на всевластие Советов, интуитивно почувствовали это их новое назначение.

Если централизация власти и политика военного коммунизма в годы гражданской войны взаимно дополняли друг друга, то с переходом к нэпу логика жизни требовала внесения корректив в систему государственного управления. Эсеры считали, что нэп поставил большевиков перед дилеммой: либо сохранение коммунистической диктатуры, либо отказ от нового социально-экономического курса. В период нэпа большевикам пришлось пожинать плоды своей предыдущей политики огосударствления профсоюзов и бюрократизация Советов. Массовые забастовки рабочих, совершенно не предвиденные руководством профсоюзов и Советов, свидетельствовали о наметившемся отрыве этих организаций от рабочей массы. Рост политической активности народа на фоне экономического подъема создавал для большевиков две непосредственные, но весьма серьезные опасности – «быть «выжатыми» начисто из деревни и остаться без всякой «смычки» с пролетариатом в городе». Это порождало в среде эмиграции определенную надежду на то, что «безысходность побудит большевиков освободиться от тяжких пут собственной диктатуры».⁵⁶

Действительно, большевики вынуждены были пойти на расширение слишком «узкого русла» политической системы при строгом сохранении власти в руках партии. Эсеры назвали это началом «советской демократии». В городе она предусматривала демократизацию профсоюзов, отказ от методов командования, назначенства, формального членства. В деревне – речь шла об активном привлечении в Советы беспартийных крестьян. Итак, диктатура наверху, «демократия» внизу – такова формула намечавшихся перемен.⁵⁷

Весьма значимой уступкой крестьянству в этом направлении, по мнению эсеров, было принятие нового положения о сельсоветах от 16 октября 1924 г., признавшего сельский Совет «подчиненным исполнительным органом сельского схода». Действительно, в ст. 4 «Положения» отмечалось, что сельский Совет созывает общие собрания граждан (сходки); выполняет все законные постановления общих собраний граждан; отчитывается перед гражданами в своей деятельности. Практически положение подводило определенную черту в семилетнем противостоянии сельсоветов и мирских сходов. Принимая новое положение, Советская власть, таким образом, признала торжество мирского начала в деревне.

Одержанная победа крестьянского мира в области местного сельского управления имела, по мнению эсеров, огромное значение. Новое положение о сельсоветах принципиально расходилось со ст. 60 советской Конституции 1918 г., провозглашавшей Советы «высшей в пределах данной территории властью», пробивало, таким образом, существенную брешь в советской системе и выдвигало на повестку дня вопрос о пересмотре Конституции.⁵⁸ Поворот «лицом к деревне» произошел одновременно с введением в жизнь Конституции РСФСР (11 мая 1925 г.). Правда, в правовом положении крестьян Конституция мало что изменила. По-прежнему, по сравнению с рабочими, крестьяне были ограничены в политических правах;

представительство сельского населения в органах местного управления не доходило дальше волостного съезда.

Некоторые представители эсеровской эмиграции (Е.А. Сталинский и др.) восприняли эти меры как «начало политического нэпа».⁵⁹ С надеждой они следили за ростом политической активности крестьянства, проявившейся на выборах в местные Советы, полагая, что завоеванием исполкомов местных Советов крестьянство не удовлетворится и неизбежно «протянет руку за центральной властью».

Сам Чернов и близкие к нему эсеровские деятели не разделяли оптимизма товарищей по партии. Они полагал, что не следует возлагать больших надежд на свободно избранные волисполкомы. Являясь формально органами самоуправления, на деле они – составная часть бюрократического аппарата СССР. «30.000 членов волисполкомов – это 30.000 советских чиновников, действующих по приказу свыше, а не по директивам представителей населения», – писал Г.И. Шрейдер. Волостной съезд, представляющий интересы крестьян, является по отношению к волисполкому не распорядительным, а только совещательным органом. Он не имеет правовой и финансовой самостоятельности: от него не зависит ни установление доходов, ни распределение и производство расходов, ни вообще план волостного финансового хозяйства. Если учесть, что вышестоящие органы в СССР имеют право в отношении нижестоящих: налагать дисциплинарные взыскания на должностных лиц, распускать выборные органы, отменять и изменять их постановления, давать им предписания, то получается, что волисполкомы – это «не органы самоуправления, а органы подчинения».⁶⁰ Подводя итог размышлениям, Г.И. Шрейдер заключал, что подлинное демократическое самоуправление в рамках коммунистической диктатуры не возможно.

Эсеры оказались правы в своих прогнозах о том, что все шаги большевиков по оживлению Советов (установление обязательности созыва их пленумов, предоставление отчетов избирателям, организации секций,

комитетов и т.д.) не смогут изменить ситуацию. Абсентеизм и индифферентизм крестьянского населения продолжали нарастать. «Бытовым явлением во множестве мест была и есть – сдача крестьянами людей "в коммунисты" иной раз чуть не по жребию – ради заполнения ими сельсоветов и волисполкомов, потому что иначе пришлют сверху настоящих».

В области профсоюзного движения большевиков ждали такие же результаты. Все предпринимаемые меры по демократизации профсоюзов не увенчались успехом. «Развивать активность рабочих в рамках казенных профсоюзов – задача неразрешимая», – подчеркивал Е.Г. Шрейдер. Поэтому большевикам ничего не остается делать, как создавать суррогаты рабочей общественности.⁶¹

Даже В.М. Молотов в докладе на общегородской конференции ленинградского профактива в 1927 г. вынужден был признать, что одной из причин несостоятельности политики по оживлению Советов и общественных организаций является отсутствие вокруг Советов «открытой борьбы политических партий». Это, по его мнению, ведет к усыплению бдительности не только масс, но и партийных организаций. Однако пойти на введение многопартийности в СССР большевики не могут, ибо это означало бы, по его признанию, искусственное возрождение буржуазно-парламентского строя.⁶²

В статье «Советское управление и коммунистическая партия», опубликованной на английском языке в журнале "Foreign Affairs" в 1929 г., Чернов, характеризуя советскую политическую систему, подчеркивал, что Советы только формально являются высшими в государстве. На самом деле они лишь инструменты в руках Центрального Комитета партии. ЦК через Политбюро фактически осуществляет надзор за государственными институтами, а также имеет право толкования советской Конституции в вопросах разграничения полномочий различных советских органов. На первый взгляд, такие полномочия партии кажутся антиконституционными.

Однако они не противоречат статье 1 Основного закона, провозглашающего Конституцию гарантом диктатуры пролетариата.

Таким образом, заключает Чернов советская Конституция не «акт, самоограничивающий диктатуру», а, наоборот, гарант неограниченной диктатуры особого вида – партийной. Советская Конституция не упоминает коммунистическую партию, ее ЦК и Политбюро, т.е. те органы, которые реально осуществляют диктаторскую власть, а только описывает вспомогательный механизм, через который они управляют сложной государственной системой. «Конституция – основная часть законов продиктованных партией для всех остальных, но не для себя». В этом и находился, по мнению Чернова, ключ к пониманию сущности системы советского управления.

Подчеркивая особую роль партии в политической системе СССР, Чернов для сравнения приводит пример из государственной жизни фашистской Италии. Там Большой Совет фашистской партии в конце 1920-х гг. официально был признан высшим органом власти, определены его юрисдикция, фиксировано членство. По мнению Чернова, введение этого органа в правовое поле существенно ограничивало его компетенцию. Большевики не пошли на формальное признание Политбюро частью государственной машины. Оставаясь вне правовых рамок, партия, таким образом, была свободна в своих решениях и фактически являлась «высшим источником права» в стране. Достаточно вспомнить, что именно партийный съезд и партийная конференция, а не Съезд Советов, определил принципиальные основы нэпа в 1921 году.⁶³ Именно уполномоченные партией лица наделяются правами оценивать деятельность государственных и местных чиновников, снимать их с должностей и предавать их суду.⁶⁴ Таким образом, для Чернова, как и многих его единомышленников, советская политическая система не только не могла рассматриваться как демократическая, но даже и в сравнении с фашистскими режимами

характеризовалась абсолютно неограниченным всевластием партийной бюрократии.

Важной вехой в эволюции взглядов Чернова на характер политической системы в СССР стала дискуссия, которая разгорелась в среде эсеровской эмиграции на рубеже 1920-1930-х годов. Поводом для неё стало обострение политической обстановки в стране в период насильственной коллективизации. Она сопровождалась ростом массового недовольства в деревне, и на этом фоне в кругах эмиграции вновь появились надежды на падение власти большевиков. В этих условиях для разработки стратегии и тактики социалистических сил требовалось определить роль Советов в процессе будущего переустройства страны.

Наиболее категоричное неприятие системы Советов продемонстрировал М.В. Вишняк. Хотя он признавал, что Советы возникли раньше большевистской диктатуры, однако указывал на их глубокое родство. По мнению Вишняка, они взаимодополняют друг друга, создавая единство и целостность советской политической системы. Надежды на то, что свободные выборы изменят советский строй, нереальны. «Советы свободно избранные, Советы без коммунистов – политически лишены смысла, представляют собою политический нонсенс», заключал он. Поэтому он считал бессмысленным связывать не только стратегические, но даже тактические задачи социалистов в России с Советами.⁶⁵ А.Ф. Керенский занимал по этому вопросу менее жесткую позицию, полагая, что следует выдвинуть лозунг «свободных Советов» хотя бы для того, чтобы завоевать поддержку масс в борьбе с большевиками.⁶⁶

Особый интерес вызывает позиция И.И. Бунакова-Фундаминского. Он практически единственный из правых, кто полагал, что сворачивание нэпа и переход к пятилетке – это проявление не слабости, а силы большевиков. По его мнению, форсированная индустриализация укрепляет партийные кадры, приводит к росту рабочего класса, омолаживает его состав. Молодежь рвется к знаниям и получает его в партийных школах. Пятилетка захватывает

молодежь своим размахом и наполняет ее сердца верой в победу. «Партия, комсомол, беспартийный актив, преданный власти и готовый к вступлению в ряды партии, насчитывают миллионы. На этих миллионах и стоит Советская власть».

Поэтому надежды эсеров использовать недовольство масс для борьбы с большевиками – беспочвенны. Бунаков-Фундаминский предлагает монолит власти и народа подорвать изнутри, посеяв недоверие к власти. Для этого он считает необходимым использовать Советы, через которые возможно пропагандировать альтернативную программу демократических преобразований. «Надо сохранить Советы на местах, экстренно созвать съезд Советов для организации центральной власти и дать этой власти временные диктаторские полномочия», – предлагал он.⁶⁷

Группа Чернова еще в 1921 г. признавала, что без демократизации Советов не обойтись.⁶⁸ Но при этом нужно идти по пути не только демократизации избирательной системы, но и расширения полномочий Советов. Развивая эту мысль в 1930 г., Г.И. Шрейдер отмечал, что свобода выборов и выборной агитации, наличие тайного, прямого и равного избирательного права, ликвидация современной системы «лишенства» не приведут к существенному изменению роли Советов. Советы останутся тем, что они есть, т.е. «лишенными малейшей самостоятельности органами иерархического подчинения, обязанными автоматически выполнять директивы и приказы над ними стоящих советских органов». Для того чтобы демократизация Советов дала что-то положительное населению, необходимо развивать местное самоуправление, расширяя права Советов. По мнению Шрейдера, необходимо отличать существо Советов от того извращения, которому они подверглись при большевистской диктатуре. Он убежден, что в условиях разделения властей, гражданских свобод, независимого суда и т.д. Советы, наделенные полнотой власти на местах, окажутся огромным препятствием для диктатуры.⁶⁹

Чернов, в принципе поддерживая Шрейдера, все же полагал, что абсолютизировать роль Советов не стоит. Демократизация Советов может явиться только определенной ступенью на пути перехода к парламентской системе. Он предостерегал коллегу от чрезмерного увлечения теорией и практикой «трудовластия».⁷⁰ В «Проекте платформы Американской федерации ПСР», предложенном Черновым в 1930 г., подчеркивалось, что «для партии принципиально вполне приемлемо открытое организованное возвращение в Советы... и использование Советов не только как всенародной политической трибуны, но, по возможности, и для ответственной органической работы». Этот возврат в Советы мог бы послужить исходной точкой дальнейшей мирной эволюции России при условии, прежде всего, честного проведения в жизнь существующей Конституции, освобождения политических заключенных и ссыльных, свободы выборов и выборной агитации в Советы и подчинения компартии дальнейшим решениям этих свободно выбранных Советов. При таких условиях и ПСР могла бы, не отказываясь от своих основных политических убеждений, принять на себя обязательство лояльной работы в Советах и дальнейшей демократизации советского строя изнутри».⁷¹

В отличие от правых эсеров, взявших решительно в 1930-е гг. курс на подготовку революции в СССР, представители левоцентристского крыла эсеровской эмиграции, группировавшиеся вокруг «Революционной России» и «Воли России», были убеждены в предпочтительности для страны не революционной, а мирной эволюции политического режима. Как верно отмечал В.В. Сухомлин, «партия эсеров в эмиграции никогда не отказывалась от права на революцию и не строила расчеты на демократическом перерождении большевизма, но учитывала в каждый данный момент реальное соотношение сил, политическую обстановку, нравственное и психологическое состояние масс».⁷² В этом плане позиция левоцентристских эсеров перекликалась с тактическими установками меньшевистской партии, заявившей еще в 1922 г. о принципиальном отказе

от насильственных способов свержения большевизма. Они выступали сторонниками постепенной демократизации режима и замены его «демократической республикой, возможно советского типа» путем организации массового рабочего движения.⁷³

Возможность легальной ликвидации большевистской диктатуры левоцентристы усматривали в наличии целого ряда противоречий в советской политической системе. К таким противоречиям они относили принцип разделения властей, который первоначально не был присущ Советам и был введен уже при большевиках. Так, большевики, фактически передав реальную власть из рук Советов в исполкомы, все же вынуждены были сохранить съезды Советов, хотя и ограничили их представительскими и учредительными функциями. Существование Съезда Советов как органа верховной власти, по мнению Шрейдера, потенциально содержало опасность для политической монополии партии большевиков. Пока коммунистическая партия монолитна и в ее среде не существует разногласий, она может не тяготиться всесоюзным и республиканскими съездами, отмечал Шрейдер. Но опасность просыпается каждый раз, как только в правящей партии возникают разногласия. Перенесение внутрипартийной борьбы в область советскую – открытая критика на советских съездах партийных директив – это значит апелляция к стране, это значит «ставшая во весь рост грозная реальная опасность... краха диктатуры».⁷⁴

Другую скрытую опасность для советской политической системы, по мнению эсеров, представляла непомерно разросшаяся бюрократия. Шрейдер приводит данные из доклада Г.К. Орджоникидзе на XV-ой московской губпартконференции в январе 1927 г., согласно которым количество входящих и исходящих бумаг в местных исполкомах превышает в 10 раз их численность в волостном управлении в царское время.⁷⁵ Большевики ставили целью ликвидацию бюрократии, а на деле создание советского и партийного аппаратов привело к многократному росту «красной бюрократии». Перестройка государственного аппарата

способствовала «плебеизации» личного состава бюрократии, отмечал в 1926 г. Чернов. Изменились принципы отбора в элиту. Если раньше титул дворянина «везде ускорял движение по службе, то ныне такими же началами являются пролетарское происхождение и принадлежность к ВКП». ⁷⁶

Изучая данные партийной переписи от 10 января 1927 г., Чернов и Шрейдер пришли к выводам, что вступление в партию очень часто приводит к изменению социального статуса ее членов. По данным переписи, более 46% рабочих и столько же крестьян при вступлении в партию оторвались от своего класса, став служащими. Это приводило к возрастанию доли служащих в партии (619.445 чел.), значительную часть которых составляли лица, занимавшие командные высоты в партийном, советском и хозяйственном аппаратах (440.501 чел.). Доля рабочих и крестьян в партии не превышала 40%. ⁷⁷

Плебеизация бюрократического аппарата за счет выходцев из рабоче-крестьянской массы, по мысли Чернова, не могла служить гарантом связи государства с народом, потому что у бюрократии свои интересы. Они могут даже расходиться с интересами партии не только в индивидуальном, но и в корпоративном плане. Это может послужить основой для «не баррикадной, а легальной революции», так как состав советских съездов, преимущественно состоящий из бюрократии, может «сыграть» против партии. ⁷⁸ На этом и строилась тактика левоцентристов. Чернов в «Проекте платформы Американской федерации ПСР», отмечал, что «если бы в коммунистической партии зародилось течение, всерьез готовое поставить себе задачей хотя бы постепенную демократизацию существующего режима, то, независимо от возможности или невозможности каких-либо политических соглашений с ним, его следовало бы поддержать во всякой подлинной его борьбе против упрямых и последовательных защитников большевистского партийного абсолютизма». ⁷⁹

Рассматривая это как потенциальную перспективу, Чернов в то же время был вынужден признать, что большевикам именно за счет механизма всеохватывающего контроля государственного аппарата со стороны партии удалось обеспечить двойной запас прочности всей политической системе. Со времен Ленина в партии стали создаваться параллельные государству органы, дублирующие государственные функции. Для того чтобы нейтрализовать издержки этого процесса, Ленин предложил пойти по пути объединения партийных и государственных органов и в качестве такого примера интегрировать две контрольные инстанции – Центральную контрольную комиссию (ЦКК) Коммунистической партии и Комиссариат рабоче-крестьянской инспекции.

Ленин прекрасно понимал, что подобное объединение государственного департамента с партийным органом является «полным нонсенсом с точки зрения общепринятых норм». Но зато, по его мнению, оно позволяло создать «эластичную комбинацию партийных и советских элементов», обеспечивающую полноценное «вливание энергии коммунистической партии в советскую машину».⁸⁰ Со времени XII съезда партии (апрель 1923 г.) появился новый контрольный орган ЦКК-РКИ. Однако полного слияния этих структур так и не произошло – объединение было проведено на персональной основе – нарком РКИ являлся одновременно председателем ЦКК, а состав коллегии Наркомата формировался в основном из членов Президиума ЦКК.

Надо заметить, что совмещение партийных и государственных должностей вообще стало типичным для политической жизни Советской России. Г. Шрейдер приводил другой пример, когда М.И. Калинин выполнял одновременно две важнейшие партийные и две высших правительственных и советских функций, являясь одновременно председателем фракции ВКП(б) президиума ЦИК СССР, председателем ЦИК СССР, председателем коммунистической фракции ВЦИК и председателем ВЦИК.⁸¹

Сталин, развивая дело Ленина, не стал продолжать объединение советских и государственных институтов, а направил усилия на развитие коммунистических партийных ячеек и возрастание их влияния на работу всей государственной системы и общественных организаций. По мнению Чернова, можно выделить три основных этапа на этом пути. Первоначально задача партийных ячеек сводилась к политическому воспитанию масс. Постепенно они начинают вмешиваться в решение экономических, финансовых и административных вопросов в центре и на местах. С 1926 г. партийные ячейки трансформируются в один из главных политических институтов страны. Бюро ячеек в центре и на местах в зависимости от своего уровня информированы о государственных делах, заслушивают руководителей государственных ведомств, дают им ценные указания, корректируют планы, обсуждают оклады, размер потребляемых ресурсов, контролируют расходы и т.п. Фактически авторитет ячейки в правительственных институтах такой, что с января 1927 г. ЦК партии взял не только руководство, но и ответственность за работу этого института. Партийные ячейки становятся коммунистическим «агентами» не только в советских органах, но и профсоюзах, кооперациях, и т.п. Они официальные представители партии, «без участия которых не происходит ни одного важного изменения на местах, они официально ответственны за деятельность администрации».⁸² Ко дню партийной переписи 10 января 1927 г. партия состояла из 39.317 ячеек и 3.479 кандидатских групп.⁸³ Все ячейки подчинялись Политбюро, реализуя поставленные им задачи. Коммунисты государственных и общественных учреждений несли, таким образом, двойную ответственность: перед государственными органами и партийными ячейками.

Важным средством контроля госаппарата для коммунистов являлась избирательная система. Она была построена так, что позволяла контролировать формирование депутатского корпуса. В СССР судьбу выборов решали не столько основы избирательного права и нормы

представительства, установленные Конституцией, сколько избирательная инструкция, которую устанавливает и изменяет по своему усмотрению партийная, она же советская власть. Шрейдер в связи с этим замечал: «Внешне создается впечатление, что советская власть работает по директивам и под контролем выборных представителей трудящихся масс, на самом же деле она тут сама себе дает директивы и сама себя контролирует, а 75% коммунистов в составе всесоюзного съезда означают, что эти директивы и этот контроль осуществляет коммунистическая партия».⁸⁴

Несомненно, режиму партийной диктатуры в большей степени соответствовала бы не выборная система, а система назначения, подчеркивал Шрейдер. Но большевики не могут себе этого позволить. Коммунистической партии «необходимо было создать такую систему, которая своей структурой не возбуждала бы в массах сомнение в том, что трудящимся принадлежит исключительное право на организацию всего государственного аппарата, начиная с его основания и до самой вершины». Чтобы удовлетворить массы, оказалось достаточным декларировать принадлежность всей власти выборным Советам. Затем, соорудив избирательную систему, позволяющую превращать выборы «из правового института, обеспечивающего интересы и права населения, в чисто технический аппарат в руках правящей партии», большевики получили возможность рекрутировать личный состав органов управления исключительно в соответствии со своей волей, целями и задачами.⁸⁵

Изучая политические процессы в СССР, Чернов отмечал, что господствующей тенденцией в развитии партийно-государственной системы на протяжении всех предвоенных десятилетий являлась нарастающая централизация власти в руках верхушки партийного аппарата. Её логическим завершением становится формирование личной диктатуры Сталина. Чернов показывает, что развитие шло поступательно: от диктатуры класса, к диктатуре партии, затем круг сужается до старой

гвардии, от неё – к ЦК, затем к Политбюро и завершает вершину пирамиды диктатор. «Тот, кто начал с заговора против демократии и удушения всех, личных и гражданских свобод, будет, конечно, невольником созданного им самим положения», – констатировал Чернов.⁸⁶

Некоторые черты, предвещавшие установление личного диктата в партийной жизни, эсеры усматривали еще в деятельности Ленина. Диктатура Ленина была огромна, отмечает Сталинский, но она не навязывалась силой и принималась всеми большевиками добровольно. Она основывалась на его исключительно моральном и политическом авторитете. Определенная свобода дискуссий в партии Ленину не мешала, а каждый раз демонстрировала его способность убеждать и одерживать победы. Компартия при Ленине еще сохраняла подобие живого коллективного организма.

Диктатура Сталина устанавливалась на совсем иных основаниях. Это «диктатура не лица – а функции». Основываясь на принуждении, страхе, она – результат формирования бюрократической системы во главе с «всевластным генеральным секретарем», опирающимся на репрессивный аппарат, позволяющий беспощадно и жестоко расправиться со своими противниками. Высшая партийная инстанция – партийный съезд – стал пустой фикцией, процедура выборов превратилась в комедию, фактически члены их подбираются и назначаются партийным аппаратом. Предложения Сталина являются для депутатов приказом. «Большевизм как идеология продолжает жить. Но большевизм как партия более не существует, потеряв последние остатки коллегиальности, свободы мысли и выборности, она перестала быть таковой».⁸⁷

По своим личным качествам Сталин, на взгляд Чернова, не предназначен для роли лидера. Ему скорее подошла бы роль «начальника штаба при партийном главнокомандующем». «Его выдвижение на первое место напоминает лишь о том, что бесспорного главнокомандующего не стало, а все кандидата на его пост вышли в тираж. Новых людей из

молодого поколения коммунизма тоже пока не выдвинулось. Наступила эпоха безлюдья. И вот, Сталин – герой безлюдья, герой коммунистического безвременья».⁸⁸ Тем не менее Чернов вынужден признать, что Сталин являлся незаурядным политиком. Он умел разбираться в людях, использовать их слабости, «наделен специфическим даром типичного восточного коварства» вместе со способностью проводить свою линию в жизнь и, «пока нужно, тщательно ее маскировать».

Эсеровские лидеры считали, что в вопросах стратегии и тактики социалистического строительства в СССР Сталин оказался «гениальным оппортунистом», показав себя «безусловным учеником Ленина». Его оппортунизм проявлялся в отказе от догм, возможности экспериментировать. Свидетельством его «аморализма» была бессмысленность физических расправ над людьми, которые по одному знаку Сталина готовы были пойти на все, что ему угодно. Серия политических процессов в 1930-х гг., инсценированных для того, «чтобы приставить к стене и официально умертвить давнишних политических покойников», являлась, по мнению Чернова, «жестокостью для жестокости, жестокостью, возведенной до степени мистерии».⁸⁹

В рядах политической эмиграции не раз предпринимались попытки объяснить причины массовых политических репрессий 1930-х гг. в СССР. Одни видели их в психопатологических наклонностях Сталина, другие усматривали в них тайный эзотерический смысл. Некоторые монархисты даже готовы были видеть в Сталине тайного борца с большевизмом, умело маскирующегося и стремившегося его уничтожить, но считавшего нужным предварительно так его «разложить и опозорить, чтобы ничто более не помешало монархической реставрации». Чернов соглашался, что внешне последнее предположение выглядит вполне логичным. Действительно, «злейший враг большевизма не смог бы так опустошить его передние ряды, так подкопаться под его моральный престиж, как это делает новый идол вырожденцев когда-то всемирно славной партии, азиатский усач с низким

лбом и черносливыми глазами на выкате и патриархальной трубкой в зубах», – замечал он.⁹⁰

Среди жертв репрессий оказался весь цвет большевизма: народные комиссары, дипломаты, полпреды, торгпреды, советские маршалы, партийные тузы и цекисты, вожди всех ступеней иерархии, «краса и гордость» Октябрьской революции; герои гражданской войны и строители советской экономики. «...Восстань сейчас Ленин из гроба, следственным органам не осталось бы ничего, как препроводить его на Лубянку и подвергнуть строжайшему допросу с пристрастием: что может сказать в свое оправдание он, проложивший дорогу к власти всему этому, – пользуясь характеристиками советской прессы – «человеческому отребью», «бешеным псам», «гадам, мерзавцам и негодьям».⁹¹

Но источник террора не в Сталине, убежден Чернов, а в самой системе и логике диктатуры. При Ленине «первыми пошли в мясорубку проявившие признаки жизни остатки имущих классов, далее – обвиненная в саботаже служилая и техническая интеллигенция, затем – несоциалистические партии... затем партии социалистические, не пошедшие в коалицию с большевиками, затем коалиционные союзники, поскольку они сопротивлялись полной «большевизации», – и, наконец, оппозиционные элементы в самой большевистской партии». Сталин только «договаривает до конца» эту логику диктатуры, пуская в ход террор промеж партий, доводя до логического абсурда изначальную большевистскую установку.⁹²

Причины репрессий, по мнению Чернова, кроются не только в особенностях личности Сталина, и сложившемся режиме диктатуры. В принципе, террор для диктатуры является обычной процедурой регулирования режима. Чернов связывал репрессии 1920-1930-х гг. с историческими закономерностями революционного процесса и особенностями политической культуры народных масс.⁹³ Российские революции начала XX в. породили невиданный накал борьбы классов, который носил стихийный неуправляемый характер. В значительной

степени политика репрессий, проводившаяся руководством партии в 1920-1930-х гг., подпитывалась массовыми иррациональными настроениями (поиском «врагов народа»), спровоцированными издержками сложных модернизационных процессов. В этом смысле понимание Черновым причин и сущности политических процессов в стране гораздо более объективно, чем то, которое нередко встречается в современной исторической литературе.

Чернов не демонизирует большевиков как сознательных творцов террора, однако и не снимает с них моральной вины. В трагических событиях, которые переживала большевистская партия в 1930-е гг., ответственны и жертвы, и палачи, убежден он. Практика политической борьбы в советский период породила новый феномен массового «ритуала покаяния» – выпрашивание у власти прощение для сохранения возможности жить и работать. «В былые времена подавший прошение о помиловании считался конченным человеком». Теперь психология стала совершенно иной. «В результате сложилась особая этика, допускавшая принятие любых условий, подписание любых обязательств – с заранее обдуманном намерением их не выполнять...».

Покаявшиеся не думали, что «фантастика признаний одного неизбежно тянет на тот же путь и другого, третьего, четвертого. Первоначальное показание превращается как бы в снежный ком, на который, под ловкими руками Ежова, постепенно накатываются пудовые массы снега и под их тяжестью начинают трещать человеческие кости и тела». Комментируя высказывания Х. Раппопорта, о том, что в январе 1928 г. он сам советовал Каменеву выполнить ритуал покаяния и теперь после расстрела Каменева сожалеет о том, что дал ему безнравственный и бесполезный совет, Чернов пишет: «Один квалифицированный и образованнейший коммунист в здравом уме и твердой памяти содеет посоветовать другому опозорить себя признанием в несуществующих преступлениях. Другой может и должен произвести над собою кошмарное моральное хакири. Третий может и

должен – со слезами на глазах и со смертью в душе – зарегистрировать его в терминах обвинительного акта. Четвертый может и должен в соответствии с ним изготовить вердикт Верховного суда. Пятый, даже подозревая ужасную истину, может и должен расстрелять человека – своего старшего товарища и недавнего вождя».

Все это, по мнению Чернова, являлось результатом сформировавшихся в коммунистическом лагере новых понятий и нравов, обусловленных моральным релятивизмом. С потерей общечеловеческих моральных ориентиров остается слепая вера в идола, одним из которых становится партия. Партия освобождает от личной нравственности, личной совести, личной ответственности. Для всех раскаявшихся в конце 1920-е гг. и оговоривших себя в 1930-е гг. «партия являлась выше правды». Пользой для партии «может быть оправдано даже надругательство над правдою. Нет выше греха, как грех против партии, – грех же во имя и ради партии есть высшая добродетель, веруют они». Для внешнего мира «большевистская партия выглядит как партия-Молох, все время жаждущая крови и алчущая человеческих жертвоприношений. Сама в себе и для себя – высшая правда и высшее благо».⁹⁴

В судьбе виднейших деятелей большевистской партии, репрессированных в 1930-е гг., Чернов видит «своеобразный суд истории». Неправда, говорит он, что победителей не судят. «Именно победителей и судит высший суд истории, ... и часто исполнителями приговора истории являются они сами». «Ошеломительные сцены в залах Высшего суда в Москве есть только первая часть суда истории. Вторая и последняя настанет тогда, когда на скамью подсудимых сядут сами нынешние судьи», предрекал он. Прообраз такого развития событий уже есть – расстрелянный по приговору Г.Л. Пятаков был председателем первого Московского процесса 1922 г. над эсерами. «Судите же, да судимы будете». По-человечески жаль этих жертв сталинского террора, пишет он, «нельзя их не

пожалеть, хотя никто, кроме них самих не ответственен за конец, увенчавший их роковое дело».⁹⁵

Худшей из особенностей коммунистической диктатуры, считали эсеры, является то, что она стремится осуществить не только социальную и политическую революцию, но и «революционизирование полностью духовного мира, создание новой науки, нового искусства и новой литературы». Тоталитарный этатизм, отмечает Чернов, пытается регламентировать не только всю хозяйственную деятельность граждан, но их быт, их культурную и интеллектуальную жизнь, и самый образ их мышления.⁹⁶ Диктатура пытается совершить такую гигантскую работу «методами декрета и принуждения», тем самым безгранично распространяя практику террора на культурную сферу.⁹⁷

В 1932 г. в письме к членам Американской федерации ПСР Чернов так характеризовал морально-психологический климат в стране: среди советской интеллигенции проявляется «крайняя скрытность и настороженность не только по отношению к иностранцам, приезжим, вообще к людям мало знакомым, но и в собственном тесном кругу». «В худшие времена самодержавие... эзопов язык царил в литературе; ныне он воцарился во всем быту. Раньше он диктовался стремлением обмануть цензуру, ныне – инстинктом самосохранения, предписывающим быть скользким, как угорь, при соприкосновении со всеми и каждым».⁹⁸

Представители ЗД ПСР верно определили еще в 1925 г. в Меморандуме, поданном в секретариат Социалистического Интернационала, что «большевистская власть, выродившаяся в крайний деспотизм, обнаруживает такую же неспособность к демократической эволюции, как и исторические деспотизмы прошлого. Тот факт, что эта власть родилась из революции, что кадры ее бюрократии наполнены в значительной степени из рабочей среды, ничего в этом отношении не меняет». В условиях террористической диктатуры, запрещения оппозиции, всяких общественно-политических организаций «трудовые массы не могут

сорганизоваться и еще менее того оказывать систематическое и растущее давление на власть».⁹⁹

Отмечая глубокие противоречия советской политической системы, Чернов предвидел, что их развитие логически приведет к ее перерождению и краху. Пророческий смысл имели его слова, сказанные еще в ноябре 1920 г. в беседе с сотрудников газеты «Daily News». Отвечая на вопрос о возможном падении большевизма, он заявил: чем «дольше удастся большевистской власти продержаться, тем внезапней и катастрофичней будет ее падение.... Будет так, как с самодержавием: хотя его падение ожидалось и предрекалось давно, а пало оно вдруг, заставши всех врасплох, и пало с невероятной легкостью, хотя еще накануне казалось неприступной твердыней».¹⁰⁰ Возвращаясь к этому вопросу в начале 1930-х гг., Чернов предостерегал, что в период катастрофического падения большевизма может возникнуть не менее опасная тенденция – стремление немедленно «возвратиться к здоровому капитализму», все перереставрировать, «денационализировать без удержу», прикрываясь красивой ширмой «раскрепощения хозяйственного индивидуума». Такая «эпидемия буржуазного поправления», по его мнению, вполне может спровоцировать рецидивы большевизма.¹⁰¹

3.3. Политическая демократия В.М. Чернова

Практика социалистического строительства в СССР вызывала её категорическое неприятие в кругах международного социалистического движения. Большая часть его деятелей видела в этом чудовищный эксперимент над народом и грубейшее попрание принципов научной социалистической доктрины. В то же время это заострило вопрос об основах самой теории научного социализма. Марксизм к этому времени переживал глубокий кризис. Чернов, пытаясь осмыслить причины этого кризиса и пути выхода из него, разрабатывает в 1920-1930-е гг. свою

концепцию конструктивного социализма, органической частью которой стало учение о социалистической демократии. В своих концептуальных построениях он стремился разрешить дилемму между ориентацией на общечеловеческие ценности и приверженностью классовому подходу, найти гармоничное сочетание принципов демократии и социалистических установок. Теоретические поиски Чернова были близки идеям чехословацких общественных деятелей и мыслителей – Т. Масарика, Э. Бенеша, немецких – К. Каутского, Р. Гильфердинга и др.

По мнению Чернова, кризис марксистской идеологии связан со вступлением человечества на рубеже XIX – начале XX вв. на качественно новую ступень развития общественных отношений, неразрывно связанную с мировыми интеграционными процессами. Возникновение марксизма было ознаменовано формированием индустриального общества. Родившийся в Европе, марксистский социализм, по выражению Чернова, «воплотил в себе все черты мертвящей механизации жизни» современного урбанизма с его «фабричной штамповкой вещей, идей и людей, с ее властным вторжением в жизнь механических начал и оголенных геометрических линий».¹⁰² Чернов называет марксизм «односторонним индустриальным социализмом», потому что всю сложность общественной жизни он сводил к непримиримому антагонизму классовых отношений между наемными рабочими и капиталистами, а будущее социализма связывал с идеей диктатуры пролетариата.

Виктор Михайлович утверждал, что учение Маркса о переходе к социализму через диктатуру пролетариата получило своеобразную интерпретацию в большевизме. У классиков марксизма, отмечал он, идея диктатуры пролетариата тесным образом была связана с концепцией пролетаризации. Она фактически означала возможность утверждения диктатуры в условиях, когда пролетариат составляет большинство населения. Маркс, таким образом, имел в виду диктатуру большинства над меньшинством. Ленин же, провозгласив идею диктатуры пролетариата в

стране с преобладающим крестьянским населением, не мог не понимать, что новое государство неизбежно должно превратиться в диктатуру меньшинства над большинством.¹⁰³ В этом смысле, замечал Чернов, лидер большевизма отступал от марксистской теории, но при этом сохраняя ее «аскетически беспощадный механически выверенный, ударнически приподнятый» дух.¹⁰⁴

Современная западная социал-демократия, также основывающаяся на марксистских постулатах, пытается как-то укротить революционный максимализм раннего марксизма, дополнив его идеями демократического социализма. Поэтому эсер считал бесплодной попытку как Ленина, так и Каутского доказать, что истинным марксизмом является либо его революционный, либо реформистский вариант. Оба эти течения, утверждал Чернов, «лишь разветвления, расходящиеся в разные стороны от единого ствола» марксизма.¹⁰⁵

Теория социализма XIX – начала XX вв., по мнению Чернова, в значительной степени «страдает от гипертрофии современного урбанизма». Урбанизм с его бешеным темпом «внешней механической жизни... не дает личности остаться наедине с собой и углубиться в собственное «Я», – делает самого человека придатком к неумолчно вертящемуся рабочему колесу»... уродует и коверкает его безжалостно и бесповоротно». Против такого одностороннего урбанизма современной культуры нарастает двусторонний протест – со стороны «примитивного рустицизма», сохранившего всю полноту своих сил «на свежем, девственном, непочатом Востоке» и переобремененной, усталой личности в недрах самого урбанизма, вопиющей против духа века, тоскующей «по свежести, самобытности, непосредственности, близости к природе».

Первым глашатаем этого протеста Чернов считал А.И. Герцена, идеи которого впоследствии подхватил и развил Рабиндранат Тагор. Современный конструктивный социализм, убежден Чернов, идет по пути обновления своей доктрины элементами рустицизма и рурализма.¹⁰⁶ В этом

плане, подчеркивал он, «наши истоки и в марксизме, и в народничестве, особенно в Герцене. В «герценизме» эсер видел эмбрион социализма «этико-эстетического, художественно-гуманитарного, свободно-творческого».

Он был убежден, что задача современного социализма – стать «гуманитарным социализмом», дополнив «экономический автоматизм» марксизма «социализмом гуманности». Первый без второго «есть социализм, из которого вынута самая душа его: свобода». «Без свободы, – писал он, – нет, и не может быть вложенного в труд личного начала; а без него и труд не является индивидуальным творчеством, и трудящийся перестает быть человеком во всем высоком значении этого слова, а превращается в живого робота». Большевистский социализм и является именно таким социализмом роботов. Вот почему ему не противоречит существование государства, именующего себя социалистическим, а наряду с этим являющего «самым крупным из коллективных рабовладельцев всех времен и народов, в распоряжении которого огромный край, типа Дальстроя, покрытый лагерями принудительного труда».¹⁰⁷

Вопрос о соотношении демократии и социализма в истории развития социалистической мысли и движения на рубеже XIX – XX вв. решался неоднозначно. Приверженцы синдикализма Ж. Сорель, Ю. Лагердель, Л. Козловский полагали, что «всякое участие в политике причиняет социализму только вред». Социализм и демократия находятся в состоянии антагонистического противостояния подобно тому, как антагонистичны между собой политика и экономика, государство и производство. Социалистическую ценность, по мнению синдикалистов, имели непосредственные хозяйственные отношения, складывающиеся в процессе производства в рамках профессиональной организации рабочего класса. Политика, демократия, политические партии и буржуазные интересы – величины однопорядковые. Всякая демократия буржуазна, и любая партия, связанная с демократией, буржуазна.¹⁰⁸

Нигилистическое отношение к демократии у синдикалистов сопровождалось аргументированной критикой современного парламентаризма, пороки которого они видели в недостаточной профессиональной компетентности парламентариев, фиктивном характере бюджетного контроля, фактической монополии законодательной инициативы у правительства, больших возможностях исполнительной власти издавать внепарламентские законодательные акты и т.д. Заслугой представителей этого направления в социализме Чернов считал постановку перед широкой общественностью вопроса о кризисе буржуазного парламентаризма.

Позиция марксистов в этом вопросе была более сложной. С одной стороны, его приверженцы всячески подчеркивали, что пролетариат для овладения политической властью нуждается в демократических формах. С другой – говорили об относительной ценности свободы и демократии для социалистов, практически рассматривая демократию как средство для завоевания пролетариатом власти.¹⁰⁹ Наиболее четко эта позиция прослеживается в письмах Ф. Энгельса к Э. Бернштейну (1884 г.), а также в речи Г.В. Плеханова на II-м съезде РСДРП. Такую точку зрения Чернов квалифицировал как вариант «правового и морально-политического нигилизма», в котором потенциально заложены притязания на авторитарное руководство людьми, возможность оправдать свое превосходство знанием истинных интересов пролетариата. Большевики попробовали реализовать марксистские установки на практике. Они использовали демократические права и свободы как «лестницу для завоевания власти», а затем просто уничтожили ее, чтобы никто не смог ею воспользоваться.¹¹⁰

Появление демократии и гражданского общества, по мнению Чернова, связано с разрушением феодальных основ. «Демократия является детищем нового времени», – писал Чернов.¹¹¹ Однако реальное воплощение рожденных в этот период времени величественных лозунгов «свободы, равенства братства» натолкнулось, с одной стороны, на разные виды

«национального суверенитета», а с другой – на «бастионы частной собственности». «Не имея возможности проникнуть в сокровенные глубины социальной жизни... демократия стала превращаться в формальную демократию», а провозглашаемые права человека – в фикцию, признавал эсер. Отсюда и берет свое начало пренебрежительное отношение к «формальной демократии» в социалистической литературе.¹¹²

Критики демократии, считал Чернов, фактически отождествляют современную буржуазную форму демократии с ее сущностью, а вместе с тем демократия не является таким уж неперенным атрибутом буржуазии. Тяга к демократической республике у буржуазии является «лишь проявлением увлечения инерцией борьбы против старого режима». Когда на политическую арену выходит трудовая демократия, буржуазия стремится «урезать», «ущемить» демократические формы. Именно пролетариату и трудовой демократии, развивает мысль Чернов, прежде всего, выгодна демократическая республика. Но эта выгодность определяется не столько стремлением к политическому господству, сколько возможностью наполнения демократических форм соответственным содержанием. В этом внедрении демократии в «глубины социального бытия народных масс», распространении ее на область хозяйственных отношений усматривал Чернов связь демократии с социализмом.¹¹³

Реализации этих задач в России должно было способствовать осуществление разработанной Черновым программы социализации земли. Она предполагала ликвидацию частной собственностью на землю и передачу земли в заведование демократически организованных общин и таких же территориальных союзов этих общин или органов самоуправления. Центральной идеей аграрной программы являлось провозглашение прав каждого человека на пользование землей. Оно дает каждому гражданину страны возможность прилагать к земле труд без каких-либо ограничений. Чернов, считал, что в условиях России право на землю – неотъемлемое, естественное право человека, позволяющее ему

существовать. В отличие от либералов он был убежден, что право частной собственности на землю не отвечает социально-экономическим и политико-правовым реалиям развития страны. «Собственность есть такое же временное и преходящее явление, как и все прочие земные явления», – утверждал он.¹¹⁴

В политико-правовом аспекте социализация земли, с точки зрения Чернова, представляет решительный шаг «на пути превращения демократического строя в деревне из однобоко политического и административно-правового в демократию хозяйственную».¹¹⁵ Он глубоко убежден, что расширение принципа самоуправления на область поземельных отношений создаст механизм, обеспечивающий права каждой отдельной личности на землю как главное условие труда. Тем самым будет закладываться определенная юридическая база для нового общественного строя – демократического социализма. Основные положения либеральной концепции «естественного права», провозглашающие неотъемлемость основных политических прав и свобод личности, Чернов синтезирует с идеями «народоправства» А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского.

Чернов был уверен, что в толще народных масс идеи социальной справедливости и равенства неразрывно связаны с представлениями о свободе и праве. В отличие от марксистов он не считал крестьянство мелкобуржуазным, полагая, что источником дохода крестьянина является своеобразная заработная плата за свой крестьянский труд, которая обеспечивает лишь прожиточный минимум. Поэтому для него крестьянство и пролетариат составляют единый рабочий класс. Эсер был убежден, что крестьянство является надежным союзником пролетариата в борьбе за социализм. «Общинно-кооперативный мир деревни вырабатывает... своеобразное трудовое правосознание, легко смыкающееся с идущей от передовой интеллигенции проповедью аграрного социализма», – писал он.¹¹⁶

Отношение к народу как к главной правотворческой силе составляет краеугольный камень концепции политической демократии Чернова. Вместе с тем он понимал, что совершенствование внешних форм демократии имеет предел, упирающийся в уровень культурного развития народных масс. «Внутренний демократизм означает глубочайшую терпимость и уважение к чужому убеждению как к «святому святых» личности. Им исключаются все виды духовного деспотизма, фанатизма догмы и ненависти к несогласно мыслящим. Демократия предполагает внутреннюю потребность в критике и в оппозиции как в элементах совместного искания истины», считал Чернов.¹¹⁷ Поэтому она немыслима без соответственной трансформации народного сознания, без воспитания народа в подлинно-демократическом духе. «Демократизм состоит не только в работе для массы, но и в работе через массу, путем ее поднятия на высший уровень».¹¹⁸

Но он был уверен, что культурная самодеятельность масс, их способность к самоуправлению, к сознательному и планомерному творчеству развивается и растет легче всего при демократических формах государственности, нежели каких-либо иных. «Демократическая форма государственности есть форма, открытая для ее заполнения растущим внутренним культурно-историческим демократизмом народа», – писал он в начале 1930-х годов.¹¹⁹ В этом аспекте установки Чернова перекликались с идеями Т.Г. Масарика о демократии, согласно которым развитие демократии невозможно «без внутренней духовной работы по формированию демократического мирозерцания, мироощущения и мировоздействия. Демократия есть логический вывод и политический постулат современной гуманистической морали».¹²⁰

В 1929 г. во время поездки в США Чернов принял участие в состоявшемся в Нью-Йорке диспуте на тему «О диктатуре и демократии». Лидер эсеров доказывал, что приход социалистов к власти и удержание ее возможно только при наличии поддержки со стороны большинства народа.

Такая позиция вызвала возражение со стороны его оппонента, руководителя Бунда в Польше В. Альтера, указывавшего на то, что ни в какой демократической стране большинство не имеет власти. Всякая демократия есть демократия «класса», общественной группы, на практике она является «демократией меньшинства». Социалисты в этом вопросе «страдают фетишизмом большинства».¹²¹ В этом споре, на наш взгляд, обе стороны правы, но говорят они о разном. В. Альтер верно обращал внимание на то, что обществом правит не народ, а элита. Чернов же убежден, что без поддержки большинства демократическая власть существовать не может.

Для Чернова воля большинства – неотъемлемый атрибут демократии, но для него она представляет ценность только в неразрывной взаимосвязи с уважением прав и свобод каждой отдельной личности. Приходя на смену монархии, аристократии, плутократии, демократия, наследуя от своих предшественников созданный ими государственный аппарат, оказывается в плену его традиций и сама себя представляет в виде системы «самодержавия народа». В лучшем случае она оказывается своеобразной тиранией большинства. Фикция «единой воли народа» приводит такую демократию к перерождению в диктатуру.¹²²

Большевики подошли к вопросу о демократии упрощенно, заменив власть монарха «многоголовым самодержавием» партии. Вульгарный социализм может упрощенно разрешать социальную проблему, собравши воедино все права маленьких фабричных самодержцев – капиталистов и вручив их безраздельно вышедшему из революции («доброму») правительству, претендующему на воплощение диктатуры пролетариата.

Чернов убежден, что демократия не есть раз навсегда данная, изначально неподвижная система, «которую нужно только открыть, чтобы раз навсегда успокоить человечество»; демократия есть как бы своего рода «постоянный закон с текущим содержанием». Формы демократии и социализма «подвержены закону вечного движения, непрерывной, перманентной эволюции». Подлинная политическая демократия есть

развернутая система взаимосогласованных прав и функций большинства и меньшинства, общества и личности, центра и периферии, государства и национальности и т.д. Подлинный социализм есть развернутая система хозяйственной демократии, т.е. такого же согласования прав и функций автономно организованных групп населения, «воплощающих разные хозяйственные категории и обладающих нескованною никакими опеками и диктатурами самодеятельностью и инициативностью».¹²³

Современная демократия «означает сохранение за большинством лишь строго определенных преимущественных прав... при строго огражденном праве меньшинств и при полной неприкосновенности известных прав личности».¹²⁴ Основным девизом демократического социализма «Революционная Россия» провозглашала создание совокупности условий, «которые обеспечивают возможность каждому члену общегития быть действительным человеком и гражданином. Свобода печати, слова, собраний, союзов, всевозможных политических, экономических и культурных организаций; неприкосновенность и непрерываемость личных и политических прав; деятельное участие каждого индивидуума во всех областях общественной жизни – вот что дорого нам в демократии».¹²⁵

В своих размышлениях о кризисе культуре в 1922 г., навеянных философскими исканиями В. Иванова и М.О. Гершензона, Чернов отмечал, что приоритетной задачей социалистической идеологии является разрешении проблем философии культуры, взаимоотношения между человеческой индивидуальностью, с одной стороны, и культурно-социальной надстройкой – с другой».¹²⁶ «У социализма нет проблемы более сложной и глубокой, и в то же время менее разработанной, чем проблема личности в социализме».¹²⁷

Поиск путей преодоления кризиса социалистической идеологии, возвращения к общечеловеческой нравственности привел ряд бывших эсеровских деятелей к своеобразному богоискательству. Среди ярких представителей этого направления в эсеровской эмиграции можно назвать

А.Ф. Керенского, И.И. Фундаминского, В.В. Руднева. Антицерковная политика большевиков продемонстрировала, по мнению правых эсеров, опасность атеистических установок. В связи с этим они предлагали исключить из программ социалистических партий все возможные намеки на атеизм.¹²⁸ Ответ Чернова по этому вопросу прозвучал в статье «Социализм и религия», опубликованной в «Революционной России» в 1928 году.

Чернов различал религию в узком и широком смыслах слова. В первом значении религия как «верование в существование потустороннего «иного мира», царства «Все-духа» или «Божества», считал он, для социалиста неприемлема. Социалистическая идеология, доказывал Чернов, перехватила эстафету у классического либерализма по «секуляризации мысли», освобождению от плена «незыблемых вечных истин» религии и провозгласила научный разум и его методы высшим авторитетом во всех вопросах.¹²⁹

Вместе с тем Чернов убежден, что «...религиозные воззрения и переживания относятся к сфере интимной духовной жизни личности и в качестве таковых являются частным делом каждого. Соответственно этому партия отвергает всякое вмешательство религии в политику и организованную жизнь партии, и сохраняет, безусловно, светский характер своего социально-политического мышления и действия», – эти положения по инициативе Чернова были выдвинуты в «Проект платформы Американской федерации ПСР» в 1930 году.

С другой стороны Чернов дистанцировался и от большевистской идеи и практики превращения партии в специальное оружие «богоборчества».¹³⁰ Он обращал внимание на то, что своей антицерковной политикой большевики добились противоположного результата. Если старое духовенство было абсолютно лишено всякого влияния на народ, «духовно мертво и сонно», то большевистские гонения его разбудили и «из полутрупа церковь стала превращаться в духовную силу».¹³¹

В религии Чернова не устраивали не только догматика, обрядность, монополия церковной организации, но и ее внутренняя основа – ограничение личной свободы человека. Вера в потусторонний мир является, по его мнению, своеобразной «жаждой реванша за все неудачи и несовершенства сей жизни», выражением эгоистического начала в индивиде, обусловленного страхом смерти. В этом плане она является иллюзией, избавление от которой поможет человеку преодолеть страх смерти, осознать, что смерть – естественная сторона самой жизни – «гармоническое увенчание законченного здания жизни». Религия, уводя человека из реальной жизни в мир иллюзий, мешает ему радоваться, жить полной жизнью здесь и сейчас, считал он. В то же время рассматривая религию в широком смысле слова как веру в человека, будущее человечество, Чернов подчеркивал, что такую веру социалистическая идеология не отвергает. Социализм сам, по мнению Чернова, является своеобразной «религией Труда».¹³²

Процесс демократизации общества для Чернова неразрывно связан с общей тенденцией развития человечества к социализму. Демократические принципы, по его мнению, являются *«необходимым условием рационализации общественной жизни, именно потому, что они неотделимы от этой рационализации, вытекая из самого ее существования»*. В них проявляется современная тенденция развития и самоутверждения человеческой индивидуальности, *«каждой, всякой, принципиально принимаемой за равноценную личность со всеми другими»*.¹³³

Последующее развитие демократии, считал Чернов, должно сместить акценты от вопроса: кому принадлежит право управления государством к рассмотрению внутренней природы самой власти, к перенесению центра тяжести с одностороннего упора на власть, на взаимное согласование между собой понятий власти, права и свободы. «Весь исторический ход развития демократического режима неразрывно связан с гарантией неприкосновенности... неотчуждаемых прав человека и гражданина; ...

защитой прав меньшинства путем децентрализации власти: разгрузки ее частью в пользу широкой местной автономии, частью же также автономии «персональной» – (национально-корпоративной, или профессиональной, вне зависимости от территории), так называемой функциональной демократией».¹³⁴

Развитие демократии по Чернову означало рассредоточение властных полномочий, их «черный передел» не только между центром и периферией, между отдельными ветвями власти, но и втягивание в политический процесс в качестве субъектов властных отношений народные массы опосредованно через их общественно-политические и экономические организации, непосредственно через референдум и инициативу.¹³⁵ Подобно тому, как в экономико-правовой сфере социализация означает рассредоточение права частной собственности между различными социально-экономическими субъектами, так и в отношениях политических, демократизация призвана децентрализовать публично-правовые функции и наряду с государством сделать их носителями территориальные, национальные, производственные автономии.

Чернов подчеркивал необходимость сохранения самостоятельности профсоюзных, кооперативных и политических организаций, существование которых рассматривал как своеобразную гарантию устойчивости демократии. В предлагавшемся Черновым проекте экономической программы партии, опубликованном на страницах «Революционной России» в 1921 г., представители от кооперативных ассоциаций на паритетных началах с уполномоченными от политических партий и профсоюзов должны были составить государственную коллегия по управлению социализированными отраслями промышленности.¹³⁶

Полагая, что тенденция исторического развития идет к созданию более полных условий для самореализации личности, неразрывно связанных с надежными гарантиями ее прав и свобод, он акцентировал внимание на тесной взаимосвязи между процессами демократизации и децентрализации

в обществе. «Демократия, народоправство, самоуправление означает, – по его мнению, – все более широкую децентрализацию, построение общности снизу вверх, а не сверху вниз».¹³⁷ В этом плане процесс демократизации общественных отношений неразрывно связан с реализацией права наций на самоопределение. Эволюция демократии от формальной к реальной будет сопровождаться, по его мнению, включением в общую систему демократических учреждений «культурно-национальных самоуправлений». Между ними и политическими, хозяйственно-экономическими организациями должны сложиться отношения «соподчинения» и «координации», а не «гегемонии».¹³⁸

Политические права и свободы человека неразрывно связаны с вопросом о праве наций на самоопределение. «Одно без другого не полно. Духовное творчество всякой личности неизбежно облекается в ту или иную национальную форму», – утверждал Чернов. Как отдельная личность для творческого выявления всех своих сил и способностей нуждается в свободе, так национальный коллектив – в автономии».¹³⁹ Являясь сторонником наиболее полного варианта осуществления права национальности на самоопределение, он, тем не менее, выступал против его отождествления с крайними формами – совершенным отделением национальностей и созданием самостоятельных государств. «Как личная свобода не равносильна анархическому индивидуализму, так и свобода национальная не предполагает самодовлеющей обособленности и ревнивого сепаратизма». Он подчеркивал, что существует множество вариантов реализации этого права, начиная от культурно-национальной автономии, экстерриториальной автономии (оптимальное решение национального вопроса на Кавказе Чернов связывал именно с такой формой самоопределения), национально-территориальной автономии, до федерации и конфедерации «и даже еще более слабого соединения типа "Лиги Наций"».¹⁴⁰

Для Чернова оптимальной формой взаимного признания равноправия договаривающих наций являются федеративные отношения. Чернов убежден, что именно федерация «одинаково обеспечивает свободное развитие всех национальностей, независимо от того, в большинстве или меньшинстве считаются они на данной территории». Наиболее удачным вариантом федерации, по мнению Чернова, была Швейцария, там мирное сосуществование итальянцев, немцев и французов способствует их трансформацию в единую нацию.¹⁴¹ Именно федеративная связь, убежден эсер, представляет собой форму «государственной кооперации национальностей, наименее затрагивающей их независимость и оставляющая в полной силе самобытное развертывание всех потенций их национального гения».¹⁴²

Большевики под давлением «стремительно пробуждавшихся после революции народов России, их ничем непреодолимой тяги к независимому культурно-национальному бытию» быстро и радикально попробовали реализовать идею федерации. Но под видом федерализма насаждались «рядом с общероссийской диктаторской властью подсобные диктатуры, ... обращающая автономию национальностей в пустое лживое слово».¹⁴³ Провозглашенное большевиками полноправное самостоятельное существование Советских республик в условиях жесткой централизации и бюрократизации государственной системы в СССР носит декларативный характер, убежден эсер, и ничего общего не имеет с федерализмом. Большевизм «изуродовал и извратил на практике» принципы федерализма, превратил его в фикцию.¹⁴⁴

Чернов придавал настолько важное значение разрешению национального вопроса в межвоенный период, что пошел на создание в 1927 г. «Социалистической лиги нового востока» (СЛНВ) – организации интернационального характера, построенной по персональному принципу, объединившей социалистов эмигрантов – выходцев из советских республик. Для того чтобы избежать повторения мировой трагедии, Чернов призывал

социалистическую общественность особое внимание уделить вопросу «мирного разрешения национальной проблемы на Востоке Европы». В качестве примера конструктивного разрешения национального вопроса он и предлагал вариант демократизации отношений в СССР.

По его мнению, демократизация политического строя в СССР неизбежно приведет к выделению самостоятельных и независимых государств. В этом случае он считал целесообразным образование на территории бывшего СССР конфедерации независимых государств из Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Узбекистана, Туркменистана, если необходимо, то и Кавказа. Основными принципами объединения провозглашались:

- «а) солидаризация международной политики;
- б) взаимная гарантия неприкосновенности границ всех членов союза путем специальной военной конвенции;
- в) взаимная гарантия прав национальных меньшинств;
- г) таможенный и тарифный союз;
- д) народно-хозяйственное и финансовое сотрудничество;
- е) решение вопросов, касающихся членов Союза, общесоюзной конференцией;
- ж) разрешение всех споров между республиками Союзным Трибуналом».

Для того чтобы процесс создания конфедерации не сопровождался вооруженными конфликтами, лидер эсеров предполагал создание демилитаризованных зон, обеспечения на территории бывших республик гарантии равенства «иностранцев в гражданских и имущественных правах с гражданами соответственных государств». ¹⁴⁵

Такой вариант демократизации России, который привел бы к распаду СССР, был «в штыки» встречен в рядах эсеровской эмиграции. Эмигранты не понимали, что Чернов ведет речь об отдаленном демократическом будущем. По их мнению, распад СССР в существующих международных

условиях привел бы к трагическим последствиям для страны. Не найдя широкой поддержки в среде эмигрантов, СЛНВ прекратила свое существование в 1929 г. с отъездом Чернова в США. Но ее деятельность не прошла бесследно. После второй мировой войны идейный и организационный опыт СЛНВ оказался востребованным при создании в мае 1948 г. «Лиги борьбы за народную свободу» – организации, объединившей демократическую эмиграцию. Ее целью являлась «борьба против коммунистической диктатуры во имя установления в России свободного, подлинно демократического строя».¹⁴⁶

Федерализм имеет не только узко государственное значение, но носит, по мнению Чернова всемирно исторический характер. Дальнейшее расширение и углубление процесса демократизации общественных отношений во всем мире, считал он, будет способствовать перенесению принципов федерализма на международную арену. Основу этого процесса составит признание равноправия города и деревни, пролетариата и крестьянства, стран индустриальных и стран земледельческих, наций развитых и наций «отсталых». Федерализация международных отношений, по его мнению, «позволит включить в цивилизационную орбиту новые страны и народы; гармонизировать мировые тенденции к индивидуализации и национальному самоопределению различных культур и интеграционные процессы между ними».¹⁴⁷

Демократия, по глубокому убеждению Чернова, является способом «умиротворения человечества, нахождения для разрешения всех его внутренних споров, распрей и конфликтов нормальных мирных путей: путей ПРАВА». «Демократия есть царство ПРАВА... суверенитет Права», – подчеркивал он. Демократия, по мнению Чернова, призвана поднять на более высокий уровень авторитет права вообще, открыть дорогу правоизъявлению широких народных масс. «Суверенитет права – эта душа демократии – исключает суверенитет самодовлеющего произвола и насилия», – писал он.¹⁴⁸

Основное предназначение демократии Чернов видел в том, чтобы предложить обществу такую форму и способ развития, при которых для разрешения социальных проблем удастся избежать вооруженных столкновений и кровавых революций. Возможно, в будущем, считал он, человечество осознает, что насилие порождает насилие, и выработает более гуманные способы взаимоотношений между людьми. В связи с этим его привлекала этическая доктрина Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием. Он считал, что в учении великого писателя «есть, конечно, зерно какой-то высшей правды». «Насилие побеждают любовью, а не насилием; любовь, против насилия прибегающая к насилию, сама вырождается в худший вид деспотизма». Но в реальной жизни, отмечал Чернов, «стихия массовых погромов, чужеземного нашествия, захвата власти и установления целого строя деспотии внешней или внутренней требует встречной силы, героической вооруженной самообороны, восстания, революции». Применение силы порой необходимо, в том числе для того, чтобы предотвратить большее насилие. Но все-таки, убежден эсер, моральный максимализм Льва Толстого этим не опровергнут, а лишь дополнен: «когда любовь вдохновляет на убийство... ни для истины, ни для любви это насилие над самим собою не проходит так просто, даром».¹⁴⁹

То же самое касается и демократии. Конечно, для защиты своих устоев, демократическая власть обязана прибегать к силе. «Именно последовательный демократизм не только допускает, но даже требует, чтобы использование демократических прав и вольностей было отнято у тех, кто не признает связанных с ними обязанностей – уважать права и вольности других».¹⁵⁰ Но Чернов предупреждал, что для демократии не проходит даром даже вынужденная самооборона путем установления диктатуры. «Диктатура демократии может быть навязана событиями, но от нее идет предательская покатошь в сторону диктатуры ради диктатуры. Большевизм и фашизм пытаются изловить и погубить демократию именно на этом вероломном откосе». Диктатура, установленная всерьез и надолго

вместо лекарства, для спасения демократии, может стать «ядом, который сожжет, отравит демократию». Судьба Веймарской республики наглядно продемонстрировала, считал он, что «выпрыгивание конституции из самой себя», т.е. наделение президента диктаторскими полномочиями, является чрезвычайно опасным. Если «выпрыгнуть» из Конституции легко, то «впрыгнуть» обратно – дело гораздо более трудное.¹⁵¹

В свое время на I-м съезде партии Чернов характеризовал диктатуру как власть военного времени, соответствующую эпохе гражданской войны, предполагавшую исключительные полномочия; отсутствие нормального функционирования государственно-правовых органов, правильных юридических гарантий.¹⁵² Тогда он был убежден, что к такой форме власти может прибегнуть большинство против меньшинства, рабочий народ, в случае жесткого сопротивления контрреволюционного меньшинства. Он считал эту форму власти временной, «ибо ее задачей может быть лишь завершение победы, уничтожение остатков сопротивления, ликвидация гражданской войны для того, чтобы уступить место нормальному правопорядку в новом народно-трудовом государстве».¹⁵³

Признавая, тот факт, что любая диктатура, не исключая и диктатуру большинства, есть «ограничение демократии», Чернов отмечал, что для эсеров «диктатура приемлема лишь как ограничение демократии, вытекающей из принципов самой демократии».¹⁵⁴ В данном случае диктатура большинства для Чернова есть лишь орудие, тогда как демократия является, во-первых, исходным пунктом – источником, из которого рождаются временные права «диктатуры», и, во-вторых, конечную целью... Здесь диктаторская форма власти отдана на службу демократии». Она не отменяет собой демократического режима как такового, а в его рамках наделяет власть чрезвычайными полномочиями на ограниченный промежуток времени. Следовательно, подчеркивает он, «нет ничего недопустимого и в словосочетании «диктатура демократии».¹⁵⁵

Но в политическом развитии, отмечает Чернов, существует определенная закономерность – «когда чрезвычайное и ненормальное» надолго становится нормою жизни, диктатура имеет тенденцию окостеневать в режим и вместо того, чтобы служить своей цели – наибо́льшему возврату к нормальному положению, – стремится сама себе сделаться целью... и утвердиться в качестве особого принципиально иного государственного строя».¹⁵⁶ Чернов считал, что, поскольку попытка большевиков осуществить на практике идею диктатуры пролетариата привела к установлению диктаторского режима, социалистам необходимо отказаться от идеи диктатуры пролетариата и исключить ее из своих программ.¹⁵⁷

Чернов был убежден, что «великого дела нельзя делать грязными руками, их прикосновение не проходит даром. Оно все искажает, все уродует, все обращает в свою наглядную противоположность. В грязных руках твердая власть становится произволом и деспотизмом, закон – удавной петлей, строгая справедливость – бесчеловечной жестокостью, обязанность труда на общую пользу – каторжной работой, правда – ложью». Чернов был убежден, что возрождение социалистической идеологии невозможно без осознания того, что здоровый «пацифизм чувств» широких народных масс, «пацифизм человечности» являются неотъемлемым общечеловеческим достоянием, которым нельзя поступиться в угоду победы какого-либо класса, даже если этот класс – пролетариат.¹⁵⁸

Развивая эти идеи в неопубликованной работе «Итоги марксизма», написанной к 50-летию смерти К. Маркса, он указывал, что между политикой и этикой необходимо выработать определенное соотношение. Размежевание между ними должно носить такой характер, при котором этика очерчивает для политики определенные рамки, вне которых остаются недостойные средства борьбы, на них лежит моральное табу и их применение «не оправдываемо никакими практическими удобствами и никакой конкретной целесообразностью».¹⁵⁹ Таким образом, от упоения

революционной романтикой в начале своей политической деятельности в 1930-е гг. у Чернова не осталось и следа. Он признает революции, как и войны, «болезненными процессами жизни человечества» и надеется, что «эпоха моральной зрелости человечества, его подлинного Очеловечения, сдаст в исторический архив не только революции, но и саму память о них, – как еще ранее этого она сдаст в него безобразное чудовище войны».¹⁶⁰ Итак, демократические установки Чернова приводят его в морально-этических вопросах к признанию приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми.

Однако в политической борьбе он продолжает оставаться приверженцем классового подхода. Особенно явно это сказалось на отношении к такому политическому институту, как государство. Государство в истории России играло особую роль. Оно являлось той скрепой, которое объединяло и держало в определенных рамках разнородное, многообразное российское общество. Но эти рамки к началу XX вв. стали настолько жестки и негибки, что стали тормозить развитие общества и привели к революциям. Потребность выхода из кардинального кризиса стимулировала развитие отечественной политико-правовой мысли в направлении поиска такой модели модернизации, которая могла бы оптимально сочетать идеи о сильном государстве и полноправии личности и общества. К началу XX в. в политико-правовом поле России существовали два противоречивых, но взаимообусловленных направления: одно заключалось в стремлении закрепить и усилить роль и влияние российского государства, другое рассматривало государство как нестерпимое зло, которое необходимо разрушить, чтобы выжить личности и обществу. По мнению Чернова, такое размежевание было не случайным, обусловленным спецификой исторического развития российского государства и общества.

В этом плане в истории России, вслед за В.О. Ключевским, Чернов верно усматривает противоречивое взаимодействие двух тенденций –

всевластие централизованного государства, поглощавшего общественность и личность, и «отталкивание от государства», принявшего в народе формы «прямого побега» от власти на бескрайние пространства Сибири, в интеллигенции – развитие анархистских установок. Не случайно, по его мнению, «Россия дала миру трех самых крупных анархистов: всемирного бунтаря Бакунина, культурно-идеалистического анархиста Кропоткина и христианского анархиста Льва Толстого. Оба эти течения: народное – наивное и примитивное, и интеллигентское – утонченно философствующее и политизирующее, наконец, обрели друг друга; сначала в скоро подавленной революции 1905 г., и, наконец, в форсированной мировой войною революционной катастрофе 1917 года. Здесь-то и произошел великий распад русской интеллигенции. Одна часть ее пыталась на смычке интеллигенции с народом построить стройное здание российской политической демократии на основе личных общественных прав и свобод. Другая, испуганная трудностью этой задачи при отсутствии и в интеллигенции, и в народе должного демократического воспитания и самодисциплины, отшатнулась от движения, ею же созданного, и кинулась в объятия монархической реставрации (белого движения). И третья, взвешивая непривычность страны к правильному демократическому самоуправлению, упростила задачи революции до простой замены старого, «белого», абсолютизма новым, красным».¹⁶¹

Чернов подчеркивал, что государство становится фетишем, «сверхличной, абсолютной, самодовлеющей, мистической ценностью», «когда общество вяло и дрябло», когда в нем царит атмосфера усталости и апатии. Не случайно именно военный период или «эпохи общественных реакций, следовавших за военными испытаниями, сплошь и рядом сопровождались расцветом идеологий, принижавших, распространивших в прахе и пыли личность и общество перед идеалом самодовлеющего Государства».¹⁶² «Государство, – писал он в 1929 г., – является институтом, обслуживающим само общество. Государство – это аппарат

принудительной связи между людьми, контролирующей их взаимное отношение, концентрирующей ту или иную сумму их персональных и имущественных ресурсов и употребляющей ее на те или иные "нужды целого"». ¹⁶³

Возникновение государства Чернов, как и марксисты, связывал с появлением классового общества. Однако в отличие от последних он считал, что по мере развития общества, острота классовых антагонизмов постепенно нивелируется, а это ведет к актуализации главной функции государства – защите общенациональных интересов. Одновременно с этим идет процесс признания юридического равноправия институтов гражданского общества и государства. Государство из юридического суверена превращается в равноправного партнера и арбитра. Государство будущего – это определенная система территориальных союзов, органов самоуправления высшего и низшего порядка для удовлетворения общенародных потребностей. При социализме, считал Чернов, «всеклассовые функции» государство будут расширяться, и перекинутся на область не только политических, но и социально-экономических отношений. Социализм, таким образом, считал Чернов, призван гармонизировать отношения личности, общества и государства, поднять на более высокий качественный уровень правовое государство и гражданское общество. ¹⁶⁴ «Та особенность государства, которая состояла в голой принудительности, в воплощении организованного насилия... осуждена на постепенное отмирание. Ограничиваемое снизу – свободною общественностью, государство сверху все более ограничивается – международным, мировым «сверхнациональным правом». Таким образом, в теоретических поисках модели идеальной демократии Чернов пытался синтезировать политические идеи современной социал-демократической мысли и анархической доктрины П.А. Кропоткина последних лет его жизни. Будущее социалистического движения Чернов видел в объединении «конструктивного анархизма» с «конструктивным социализмом». ¹⁶⁵

Признавая тот факт, что в будущем будут возрастать «всеклассовые» функции государства, Чернов, тем не менее, подчеркивал, что в политической жизни на современном этапе важно определить, какие социальные группы стоят у государственного руля, в чьих интересах они осуществляют политику. Ведь задачи обороны страны, внутреннего порядка, социального обеспечения, налогообложения, почтового и дорожного дела, народного образования, кредитной, таможенной, бюджетной политики и т.д. разными социальными группами будут решаться по-разному.¹⁶⁶ В этом вопросе, был убежден эсер, «классовый характер нашего движения нельзя подменить общегосударственными, общедемократическими интересами», мы категорически отказываемся от «какой-либо, хотя бы временной, хотя бы тактической коалиции с буржуазией».¹⁶⁷

Итак, по мнению Чернова, демократия – многогранное явление. С одной стороны, она является моделью будущего социалистического общества. В этом плане социализм без демократии и свободы для Чернова немыслим. С другой стороны, демократия – политический режим, характерный для современного гражданского общества, функционирующий на основе признания прав и свобод личности, разделения властей и т.д. При этом Чернов не сводит демократию только к определенному порядку формирования власти, а представляет ее как целостную динамичную систему, в которой в неразрывном, гармоничном единстве и взаимосвязи сосуществуют политические институты, нормы права, высокий уровень политической культуры и сознания народа. Демократия для эсера не только своеобразный тип политической системы общества, но и новый качественный уровень социально-экономических отношений и международной политики.

Идеал Чернова – интегральная демократия, охватывающая все сферы общественной жизни. Интегральная демократия – это не только расширение действия демократических принципов на хозяйственную сферу, это и новый

качественный уровень самих политических отношений. Это дополнение политической демократии так называемой производственно-функциональной демократией, связанной с жизнедеятельностью таких общественно-экономических организаций, как кооперация, профсоюзы, органы местного самоуправления.

С социализмом Чернов связывал поднятие демократии на новый качественный уровень. Углубление либеральной демократии должно идти в русле расширения социальной базы власти, дополнения принципа разделения властей распределением властных полномочий между институтами гражданского общества и государством, усиления контроля со стороны избирателей за деятельностью депутатов; гарантии права каждой личности. Таким образом, Чернову чужд утилитарный подход к демократии. Для него политическая свобода и правовое государство являются «высшей культурно-социальной ступенью», имеющей самостоятельную ценность и значение.¹⁶⁸ Социализм без демократии и свободы для эсеровского теоретика немыслим. «Демократия есть не что иное, как политическая сторона социализма», писал он в 1930-х годах.¹⁶⁹ С этих позиций он отказывался считать общественный строй, установившийся в СССР, социализмом.

Определяя сущность государственной политики большевиков, Чернов подчеркивал, что ничего принципиально нового большевики не создали. Большевизм, претендуя на принципиальное обновление государственного строя, фактически воссоздал «централистически-авторитарный строй», заменив самодержавие диктатурой одной партии. Вместо демократизации государственного аппарата он произвел фактически «плебеизацию» административного персонала, тем самым породив небывалую по своим масштабам бюрократическую машину. Он лишь заменил царский карьеризм и бюрократизм аналогичным «красным карьеризмом» и «красным бюрократизмом».¹⁷⁰ «Историческая задача состояла в *создании новой,*

демократической государственности, а не в воссоздании – лишь на иной лад – старой, деспотической государственности!», – уверен он.¹⁷¹

По мнению Чернова, основные черты государственного и общественного строя в СССР свидетельствуют о формировании особого типа тоталитарной системы. Это утверждение лежит в русле теории тоталитаризма, окончательно сформировавшейся уже после второй мировой войны в трудах американских политологов К. Фридриха, З. Бжезинского и др. Чернов не только предвосхитил многие положения этой концепции, но практически подвел под нее теоретический фундамент. Он утверждал, что мир вступает в новый этап развития – эпоху этатизма, которую можно рассматривать как еще одну ступень общественного развития на пути от капитализма к социализму. В этой связи тоталитарные режимы являются особой политической формой этатизма, присущей странам, вступившим на путь капиталистического развития с опозданием.¹⁷²

¹ Чернов, В.М. Аккорды и диссонансы революции / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1927. – №62. – С.10-13.

² Чернов, В.М. Анархистствующий бланкизм / В.М. Чернов // Дело народа. – 1917. – №73, 13 июня. – С.1.

³ Чернов, В.М. Гипноз успеха / В.М. Чернов // Народное дело. – 1920. – №104, 5 декабря. – С.3.

⁴ [Чернов В.М.] Судьбы рабочей оппозиции // Революционная Россия. – 1923. – №31. – С.1-2.

⁵ Чернов, В.М. Романтика и проза большевизма (кризис компартии) / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1926. – №53. – С.11-12.

⁶ Чернов, В.М. Капитуляция и деморализация / В.М. Чернов // Народное дело. – 1920. – 18 декабря. – №115. – С.3.

⁷ Там же.

⁸ Чернов, В.М. Параллели и контрасты (мысли о русском термидоре) / В.М. Чернов // Воля России. – 1922. – №1. – С.9-12.

-
- ⁹ Чернов, В.М. Расслоение большевизма / В.М.Чернов // Голос России. – 1922. – №1041, 25 августа. – С.2-3.
- ¹⁰ Ненарком. [Чернов, В.М.] Вокруг советского «Центра центров» / В.М.Чернов // Революционная Россия. – 1923 – №33. – С.26.
- ¹¹ НИА, NS, box 385, f.4 (Черновые записи В.М. Чернова).
- ¹² Чернов, В.М. Романтика и проза большевизма. – С12.
- ¹³ [Чернов В.М.] Судьбы рабочей оппозиции. – С.3.
- ¹⁴ Чернов, В.М. Романтика и проза большевизма. – С13.
- ¹⁵ Чернов, В.М. Расслоение большевизма. – С.2.
- ¹⁶ НИА, NS, box 385, f.4.
- ¹⁷ Ненарком. Вокруг советского «Центра центров». – С.24-25.
- ¹⁸ Там же. – С.26.
- ¹⁹ Ненарком. [Чернов, В.М.] За кулисами партийной дискуссии / В.М.Чернов // Революционная Россия. – 1923. – №33-34. – С.28.
- ²⁰ Ненарком. За кулисами партийной дискуссии. – С.29-30.
- ²¹ Ненарком. [Чернов, В.М.] Перетасовка карт / В.М.Чернов // Революционная Россия. – 1926. – №46. – С.18-22.
- ²² Ненарком. Перетасовка карт. – С.19.
- ²³ Чернов, В.М. Романтика и проза большевизма (статья вторая) / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1926. – №54. – С.9-10.
- ²⁴ Там же. – С.11-12.
- ²⁵ НИА, NS, box 385, f.1 (Черновые записи В.М.Чернова).
- ²⁶ Ненарком. Новая фаза кризиса диктатуры. – С.29.
- ²⁷ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.15, лл.1-2.
- ²⁸ НИА, NS, box 12, f.19. Опубликовано: В.М. Чернов: Человек и политик. Материалы к биографии / сост., автор биографического очерка, библиогр. указаний и комментариев А.П. Новиков. – Саратов, 2004. – С.99.
- ²⁹ Чернов, В.М. Романтика и проза большевизма (кризис компартии) // Революционная Россия. – 1926. – №53. – С.8.

³⁰ Вишняк, М. На родине (от утопии к утопии) / М. Вишняк // Современные записки. – 1926. – №27. – С.501, 502-503.

³¹ Цит. по: Милюков, П. Сталин / П. Милюков // Современные записки. – 1935. – №LIX. – С.435.

³² Политические сумерки // Революционная Россия. – 1927. – №59-60. – С.7.

³³ Разложение диктатуры // Революционная Россия. – 1927. – №62. – С.1-3.

³⁴ Чернов, В.М. Прошлое. Настоящее и будущее Льва Троцкого. Рукопись // НИА, NS, box 385, f.6.

³⁵ Сталинский, Е. А. Что дальше? (юбилей и оппозиция) / Е.А. Сталинский // Воля России. – 1927. – С.206.

³⁶ НИА, NS, box 385, f.6.

³⁷ Северянин, Гр. Продолжение предыдущего / Гр. Северянин // Революционная Россия. – №65. – С.4-7.

³⁸ Роговин, В.З. Власть и оппозиция / В.З. Роговин. – М., 1993. – С.375-376.

³⁹ Чернов, В.М. Очередь за правыми. – С.3-4.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Бой на Олимпе // Революционная Россия. – 1929. – №73. – С.1-3.

⁴² НИА, NS, box.385, f.1.

⁴³ НИА, NS, box 12, f.19.

⁴⁴ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.34, л.223об.

⁴⁵ Шишкин, В.А. Власть. Политика. Экономика: послереволюционная Россия (1917-1928 гг.) / В.А. Шишкин. – СПб., 1997; Гимпельсон, Е.Г. Путь к однопартийной диктатуре / Е.Г. Гимпельсон // Отечественная история. – 1994. – №4-5; Гимпельсон, Е.Г. Советские управленцы. 1917-1920 гг. / Е.Г. Гимпельсон. – М., 1998; Павлова, И.В. Сталинизм: становление механизма власти / И.В. Павлова. – Новосибирск, 1993; Павлова, И.В.

Механизм власти и строительство сталинского социализма / И.В. Павлова. – Новосибирск, 2001; Анапченко, А.Б. Становление политической системы Советской России (октябрь 1917 – 1920 гг.) : автореф. дис. ...канд. истор. наук: 07.00.02 / А.Б. Анапченко. – М., 2000; Макаров, В.Б. Становление советского государственного управления: эволюция доктрины и системы (октябрь 1917 – середина 1920-х гг.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / В.Б. Макаров. – Нижний Новгород, 2002; Хлевнюк, О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы / О.В. Хлевнюк. – М., 1996; Саранцев, Н.В. Большевистская партийно-политическая элита: возникновение, становление, трансформация (начало 1900-х – конец 1930-х гг.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Н.В. Саранцев. – Саратов, 2002; Павлов, Б.В. РСДРП(б)-РКП(б) в политической системе России. 1917-середина 1920-х гг. : автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02 / Б.В. Павлов. – СПб., 2004; Назаров, О.Г. Борьба за лидерство в РКП(б) и ее влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы : автореф. дис. ... докт. ист. наук. 07.00.02 / О.Г. Назаров. – М., 2000.

⁴⁶ После раскола в 1926 г. Заграничной делегации ПСР группа «Воля России», не соглашаясь с новым курсом Чернова по национальному вопросу, отстаивала ортодоксально эсеровские позиции.

⁴⁷ [Чернов В.М.] К вопросу о диктатуре и демократии // Революционная Россия. – 1928. – №69. – С.9.

⁴⁸ Чернов, В.М. Подражатели Судейкина / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1924. – №35-36. – С.14.

⁴⁹ Чернов, В.М. Разрушение вместо созидания (Полное собрание сочинений В.И.Ленина) / В.М. Чернов // Воля России. – 1924. – №1-2. – С.165-182.

⁵⁰ Чернов, В.М. Гипноз успеха. – С.2.

⁵¹ Чернов, В.М. Доклад о диктатуре и демократии // ГАРФ, ф. 5847, оп. 1, д.69, лл.681-681об.

⁵² Чернов, В.М. О демократии и трудовом цензе / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1923. – №30. – С.16.

⁵³ Чернов, В.М. Итоги марксизма // ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.122.

⁵⁴ Шрейдер, Е. Десять лет борьбы против рабочей общественности / Е. Шрейдер // Революционная Россия. – 1927. – №57-58. – С.27.

⁵⁵ Кара-Мурза, С. Советская цивилизация. Кн.1. / С. Кара-Мурза. – М., 2001. – С.120.

⁵⁶ Сталинский, Е. Бонапартизм или народовластие? / Е. Сталинский // Воля России. – 1922. – №18. – 10 мая. – С.5.

⁵⁷ Сталинский, Е. Советская демократия (на внутреннем фронте большевизма) / Е. Сталинский // Воля России. – 1925. – №12. – С.139-146.

⁵⁸ Шрейдер, Гр. К перевыборам Советов... и к пересмотру советской конституции / Гр. Шрейдер // Революционная Россия. – 1925. – №41. – С.7-8.

⁵⁹ Сталинский, Е. Советская демократия. – С.146.

⁶⁰ Шрейдер, Гр. Отмирание советов / Гр. Шрейдер // Воля России. – 1925. – №5. – С.160.

⁶¹ Шрейдер, Е. Десять лет борьбы против рабочей общественности. – С.29-30.

⁶² Овод. [Чернов, В.М.] В царстве мертвых душ / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1927. – №57-58. – С.15-17.

⁶³ Chernov, V. The Soviet Government and the Communist Party / V. Chernov // Foreign Affairs. – 1929/ – January. – PP.242-245.

⁶⁴ Шрейдер, Гр. ВКП (б) и советская власть / Гр. Шрейдер // Революционная Россия. – 1927. – №61. – С.5.

⁶⁵ Вишняк, М. На Родине. Советы и право / М. Вишняк // Современные записки. – 1923. – №14. – С.379, 388, 390. См. также: Вишняк, М. О Судьбах России / М. Вишняк // Современные записки. – 1931. – XLVI. – С.456;

Вишняк, М. Парламент, Советы, Корпорации / М. Вишняк // Современные записки. – 1934. – №LV. – С.350, 359.

⁶⁶ Прения по докладу М.В. Вишняка «Свободные советы или парламентская демократия» // Дни. – 1930. – №75. – С.8-9; Керенский, А.Ф. Доклад «Перераспределение сил – перемена тактики» // Дни. – 1930. – №113. – С.2-7; Прения по докладу А.Ф. Керенского «Перераспределение сил – перемена тактики» // Дни. – 1930. – №118. – С.5-7.

⁶⁷ Прения по докладу Керенского «Перераспределение сил – перемена тактики – С.7-11.

⁶⁸ Вольросс. Диктатура и свобода // Революционная Россия. – 1921. – №6. – С.1-2.

⁶⁹ Шрейдер, Гр. Какой должна быть демократизация Советов / Гр. Шрейдер // Бюллетень Американской федерации ПСР. – 1930. – №5-6. – С.3-6.

⁷⁰ Чернов, В.М. О демократии и трудовом цензе. – С.16.

⁷¹ Проект платформы Американской федерации ПСР // Бюллетень Американской федерации ПСР. – 1930. – №1. – С.9.

⁷² Прения по докладу А.Ф. Керенского «Перераспределение партийных сил в России» // Дни. – 1927. – №1273. – С.2-3.

⁷³ Дан, Ф. Борьба за демократию / Ф. Дан // Социалистический вестник. – 1922. – №20. – С.6-8.

⁷⁴ Шрейдер, Гр. Перспективы коммунистической диктатуры / Гр. Шрейдер // Революционная Россия. – 1927. – №59-60. – С.26.

⁷⁵ Шрейдер Гр. Царское в советском (К пересмотру системы управления) / Гр. Шрейдер // Революционная Россия. – 1927. – №57-58. – С.39.

⁷⁶ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.31, л.79.

⁷⁷ Чернов, В.М. Коммунистическая партия в цифрах (черновик, рукопись). ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.15, л.1-2. Эти же данные приводит

Гр. Шрейдер. См.: Шрейдер, Гр. Кто правит в СССР / Гр. Шрейдер // Революционная Россия . – 1928. – №65. – С.3-4.

⁷⁸ Шрейдер, Гр. Перспективы коммунистической диктатуры. – С.25-26.

⁷⁹ Проект платформы Американской федерации ПСР. – С.9.

⁸⁰ Chernov, V. The Soviet Government and the Communist Party. – PP.242-243.

⁸¹ Шрейдер, Гр. Диктатура, рабочие и крестьяне в советской системе / Гр. Шрейдер // Революционная Россия. – 1929. – №75-76. – С.7.

⁸² Chernov, V. The Soviet Government and the Communist Party. – PP.251-253.

⁸³ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.15, лл.1-2.

⁸⁴ Шрейдер, Гр. Перспективы коммунистической диктатуры. – С.26.

⁸⁵ Шрейдер, Гр. Диктатура, рабочие и крестьяне в советской системе. – С.7-8.

⁸⁶ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.150.

⁸⁷ Сталинский, Е.А. Власть Сталина / Е.А. Сталинский // Воля России. – 1929. – №10-11. – С.148-151.

⁸⁸ Чернов, В.М. Сталин-Джугашвили (черновик) // НИА, НС, box 385, f.5.

⁸⁹ Чернов, В.М. Два Иосифа. 1936, машинопись // НИА, НС, box 28, f.5.

⁹⁰ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.34, л.227 (черновые записи В.М.Чернова).

⁹¹ Там же. Л.228.

⁹² Там же. Л.231.

⁹³ Чернов, В.М. Аккорды и диссонансы революции / В.М.Чернов // Революционная Россия. – 1927. – №62. – С.10-13.

⁹⁴ Чернов, В.М. Невыслушанные свидетели // ГАРФ, ф.5847. оп.1, д.22, лл.1-7.

⁹⁵ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.34, лл.227-231.

⁹⁶ НИА, НС, box 391, f.14.

⁹⁷ Shreider, G. Dictatorship and Terror / G. Shreider // The Bulletin of the American Federation of the Socialist-Revolutionist Party. – 1931. – №7. – PP.10-12.

⁹⁸ В.М.Чернов: Человек и политик. Материалы к биографии. – Саратов, 2004. – С.106.-107.

⁹⁹ Программные и тактические позиции ПСР // Революционная Россия. – 1925. – №44. – С.9-10.

¹⁰⁰ Чернов, В.М. О положении большевистской власти / В.М. Чернов // Воля России. – 1920, 19 ноября. – С.2.

¹⁰¹ Чернов, В.М. Письмо Кляверу в Харбин (рукопись на 13 л., около декабря 1931-января 1932) // International Institute Social History (IISH), V.M. Chernov Collection, box 16.

¹⁰² Чернов, В.М. Индивидуализм и кризис культуры / В.М.Чернов // Воля России. – 1922, 23 января. – С.10-14.

¹⁰³ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.122.

¹⁰⁴ Чернов, В.М. Истоки / В.М. Чернов // За свободу. – 1947. – №18. – С.17-19.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Чернов, В.М. Индивидуализм и кризис культуры. – С.13-14.

¹⁰⁷ Чернов, В.М. Истоки. – С.20-21.

¹⁰⁸ Чернов, В.М. Основные вопросы пролетарского движения / В.М. Чернов. – Пг., 1917. – С.183,192-193.

¹⁰⁹ Чернов, В.М. Итоги марксизма // ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.143-144.

¹¹⁰ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.142; ГАРФ, ф.6847, оп.1. д.4, л.109.

¹¹¹ ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.16, л.50.

¹¹² ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.132.

¹¹³ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, лл.146, 133.

¹¹⁴ Чернов, В.М. Земля и право / В.М. Чернов. – Пг., 1917. – С.165-166.

-
- ¹¹⁵ Чернов, В.М. Социализация земледелия / В.М. Чернов // Воля России. – 1926. – № 1. – С.118.
- ¹¹⁶ Чернов, В.М. Рождение революционной России (Февральская революция) / В.М. Чернов. – Прага, 1934. – С.81.
- ¹¹⁷ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.67, л.470; Опубликовано: Чернов, В.М. Тезисы о демократии / В.М. Чернов // Исторический архив. – 2001. – №4. – С.7.
- ¹¹⁸ ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.16, л.47.
- ¹¹⁹ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.133.
- ¹²⁰ Чернов, В.М. Двенадцать изречений Т.Г. Масарика о демократии. Рукопись // ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.23, л.65,65об.
- ¹²¹ Новое русское слово. – 1929, 7 июня. Обн.: НИА, NS, box.10, f.14.
- ¹²² ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.16, л.50.
- ¹²³ Чернов, В.М. Тезисы о демократии. – С.9-10.
- ¹²⁴ Там же. – С.6.
- ¹²⁵ Десятилетие Чехословацкой республики // Революционная Россия. – 1928. – №69. – С.4-7.
- ¹²⁶ Чернов, В.М. Индивидуализм и кризис культуры. – С.13.
- ¹²⁷ Чернов, В.М. Истоки. – С.21-22.
- ¹²⁸ Руднев, В. Религия и социализм / В.Руднев // Современные записки. – 1928. – №37. – С.426.
- ¹²⁹ Чернов, В.М. Социализм и религия / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1928. – №65. – С.13.
- ¹³⁰ Проект платформы Американской федерации ПСР. – С.8, 9.
- ¹³¹ РГАСПИ, ф.673, оп.1, д.1037. (МИСИ. Архив ПСР. 1037).
- ¹³² Революционная Россия. – 1928. – №65. – С.12.
- ¹³³ Чернов, В.М. О демократии и трудовом цензе. – С.11,12.
- ¹³⁴ Чернов, В.М. Тезисы о демократии. – С.6.
- ¹³⁵ ГАРФ, ф.5847, оп.2, д.16, лл.51,52.
- ¹³⁶ Чернов, В.М. Проект экономической программы / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1921. – №5. – С.13-14.

-
- ¹³⁷ Чернов, В.М. Анархисты и «Анархисты» / В.М. Чернов // Бюллетень Американской федерации ПСР. – 1930 – №2-3. – С.7.
- ¹³⁸ Чернов, В.М. Народность, национальность, нация / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1929. – №74. – С.10.
- ¹³⁹ Чернов, В.М. Судьбою взвешенный спор / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1921. – №11. – С.13.
- ¹⁴⁰ Чернов, В.М. Народность, национальность, нация. – С.6.
- ¹⁴¹ Там же. – С.8.
- ¹⁴² Чернов, В.М. Марксизм и славянство / В.М. Чернов. – Пг., 1917. – С.90.
- ¹⁴³ Чернов, В.М. Судьбою взвешенный спор. – С.13.
- ¹⁴⁴ Чернов, В.М. Пересмотр партийной программы / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1921. – №3. – С.11.
- ¹⁴⁵ Платформа Социалистической лиги нового востока // Революционная Россия. – 1927. – №59-60. – С.20.
- ¹⁴⁶ Основные положения Лиги борьбы за народную свободу // НИА, NS, box 404, f.11.
- ¹⁴⁷ Чернов, В.М. Марксизм и славянство. – С.90, 97.
- ¹⁴⁸ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.127, 126.
- ¹⁴⁹ [Чернов В.М.] К вопросу о диктатуре и демократии. – С.10.
- ¹⁵⁰ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.138.
- ¹⁵¹ [Чернов В.М.] К вопросу о диктатуре и демократии. – С.9-10.
- ¹⁵² Протоколы I съезда партии социалистов-революционеров // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900-1907 гг.: в 3 т. – М., 1996. – Т.1. – С.326-327.
- ¹⁵³ Чернов, В.М. Право революционной диктатуры / В.М. Чернов // Дело народа. – 1918. – №1. – С.4.
- ¹⁵⁴ Чернов, В.М. Ленин против Каутского. Демократия и диктатура / В.М. Чернов // Дело народа. – 1919. – №2. – С.1.

¹⁵⁵ Чернов, В.М. Уроки коммунистического опыта / В.М. Чернов // Воля России. – 1923. – №17. – С.29.

¹⁵⁶ [Чернов В.М.] К вопросу о диктатуре и демократии. – С.9.

¹⁵⁷ Чернов, В.М. Тезисы о демократии. – С.8; Чернов, В.М. Доклад о диктатуре и демократии // ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.69, лл.681-681об.

¹⁵⁸ Чернов, В.М. На путях великого смятения / В.М. Чернов // Пути. – Нью-Йорк. – 1933. – №2. – С.5-6.

¹⁵⁹ ГАРФ, ф.5847, оп.1. д.11, л.183.

¹⁶⁰ Чернов, В.М. Рождение революционной России (Февральская революция) / В.М. Чернов. – Прага, 1934. – С.21, 30.

¹⁶¹ НИА, NS, box. 386, f.21 (Черновые записи В.М. Чернова). Среди всех революционных движений, по признанию самих социалистов, большевиков и Ленина больше всего можно назвать «государственниками». Сухомлин, В.В. Государство и класс / В.В. Сухомлин // Воля России. – 1929. – №1. – С.76. Правда, против такой установки категорически возражал А.Ф. Керенский, убежденный, что принцип классовой борьбы, возведенный в большевистской политике до абсолюта, разрушает российское государство. Поэтому он выступил за отказ от этого принципа, восстановление и возрастание роли российского государства. Вместе с этим он подчеркивал, что по сравнению с большевизмом фашизм, выступая за сотрудничество классов, способствует укреплению немецкой государственности (Керенский, А.Ф. Доклад «Проблема власти в России» // Дни. – 1928. – №14. – С.2-5). Чернов квалифицировал такую позицию, как «фашиозтатизм» и категорически дистанцировался от нее.

¹⁶² Булатов, В. [Чернов, В.М.] Фетишист государственности / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1929. – №70-71. – С.18-19.

¹⁶³ Чернов, В.М. О фашиозтатизме А.Ф.Керенского / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1929. – №73. – С.11.

¹⁶⁴ Чернов, В.М. Судьбою взвешенный спор. – С.12.

-
- ¹⁶⁵ Чернов, В.М. Анархисты и «Анархисты». – С.7.
- ¹⁶⁶ Булатов, В. О фашиоэтатизме А.Ф. Керенского. – С.9-14.
- ¹⁶⁷ Проект платформы Американской федерации ПСР. – С.7-9.
- ¹⁶⁸ Чернов, В.М. Судьбою взвешенный спор. – С.12.
- ¹⁶⁹ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.143; Там же. Д.4, л.20.
- ¹⁷⁰ Чернов, В.М. Конструктивный социализм / В.М.Чернов. – М., 1997. – С.193.
- ¹⁷¹ Чернов, В.М. Исповедь на выворот / В.М. Чернов // Воля России. – 1923. – №13. – С.28.
- ¹⁷² НИА, NS, box. 391, f.22.

ГЛАВА IV. В.М. ЧЕРНОВ О МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ (1920-1940-е гг.) И РОЛИ СССР

Последствия первой мировой войны имели глобальный характер, они не только привели к кардинальным изменениям политической карты Европы, но вызвали глубинные революционные процессы. Это проявилось как в образовании СССР и распаде колониальных империй, так и в кризисе институтов буржуазной демократии, затронувшем в той или иной степени практически все страны.

Милитаризация и нарастание реваншистских настроений в побежденных странах создавали предпосылки для нового передела мира, делая установившееся после Версальского мира равновесие в международных отношениях очень хрупким. Все это порождало в общественном сознании пессимистические ожидания наступления «сумерек цивилизации».

Одним из тех, кто первым ощутил надвигавшуюся угрозу фашизма, был Виктор Михайлович Чернов. Он воспринимал ее не только как опасность для мирного существования народов, но и для перехода человечества к новой исторической эпохе социализма.

4.1. Феномен фашизма

Своеобразным явлением цивилизации XX в. явилось зарождение и распространение фашизма в странах, считавшихся традиционно оплотом западноевропейской культуры Италии и Германии.* Приход фашистов к

* В данной работе мы рассматриваем термин «фашизм» как общее видовое понятие, позволяющее говорить о таких его разновидностях, как итальянский и германский фашизм, при этом нисколько не отрицая наличие

власти путем демократических выборов при поддержке основной массы населения существенно дискредитировал, казалось бы, незыблемые и бесспорные демократические ценности. Превращение фашизма в 1930-е гг. из национального явления в глобальное, его стремление к развязыванию мировой войны поневоле заставляли современников задуматься об истоках и сущности фашизма.

Несмотря на то, что процесс осмысления феномена фашизма широко развернулся уже после окончания второй мировой войны, когда историкам стали доступны уникальные исторические источники, представленные в том числе в материалах Нюрнбергского процесса, методологический фундамент исследования этого явления был заложен еще в 1920-1940-е годы. В ряду первых исследователей, поставивших перед наукой и мировой общественностью проблему сущности фашизма и задачи борьбы с ним, был Чернов.

Интерес Чернова к фашизму определился с приходом к власти в Италии Б. Муссолини. Уже в первых статьях, опубликованных в начале 1920-х гг. в эсеровских эмигрантских изданиях, Виктор Михайлович пытался осмыслить социальную и идеологическую природу фашизма. Он усматривает идейные истоки фашистской идеологии в синдикалистской концепции Ж. Сореля. Он утверждал, что от сореллизма, «этой причудливой смеси марксизма с ницшеанством... интимнейшие нити тянутся к фашизму». Духовный пафос сорелизма – это «тоска по революционному романтизму и скука от прозаизма довоенного рабочего движения, воспевание насилия, культа войны, революции и героев с их волей к власти и негативное отношения к ценностям гуманитарной цивилизации, пацифизму».¹ Чернов чутко уловил тенденцию к перерождению представителей радикально социалистических течений в

различий между идеологическими доктринами и политическими формами того и другого.

националистов, особенно ярко проявившуюся в рабочем движении Италии и Германии. В 1930-е гг. эта установка стала главным контрапунктом его концепции фашизма, который он рассматривал как одно из проявлений тоталитаризма.

В 1933 г. в США вышли два номера журнала «Пути», специально посвященных проблемам фашизма. Значительную часть опубликованных в них материалов составляют статьи Чернова. Вопросам утверждения нацизма в Германии и анализу ошибок, допущенных немецкой социал-демократией, Чернов уделил внимание в подготовленной в 1933 г. к годовщине смерти К. Маркса работе «Итоги марксизма. Демократия, диктатура, социализм».² В 1930-е гг. Чернов готовит для печати статьи «Фашизм»³, «Старое и новое средневековье»⁴, в которых предпринимает попытку комплексного анализа политических, экономических и идейных предпосылок утверждения фашистских режимов. Анализ геополитических планов нацизма дается в работах «Муки родов "Новой Европы"»⁵, «Исторические параллели».⁶

Развивая идею о типах тоталитарных государств, он вплотную подошел к формулировке основных положений теории тоталитаризма, которая после второй мировой войны стала доминировать в либеральной историографии и политологии.⁷ Этому была посвящена серия его статей, предназначенных для публикации в социалистических изданиях «За свободу», «Социалистическом вестнике», «Новом журнале», но так и не изданных, ныне представленных в фонде Б.И. Николаевского в Гуверовском архиве Стэнфордского университета США: «Природа тоталитарного этатизма», «Этатизм, оттесняющий социализм», «Встреча антиподов», «Старые и новые диктатуры», «Как это произошло», «По ту стороны ошибок и ответственности».

Суждения Чернова о природе и сущности тоталитаризма и его разнообразных формах проявления для современного историка представляют интерес не только в историографическом формате. Они

актуальны и с точки зрения исследования сложной идейной трансформации, которую претерпели лидеры неонароднического социализма в эмиграции. Следует иметь в виду, что исследование природы и сущности фашизма для Чернова не являлось лишь чисто академической проблемой. Понимая, какую опасность для всего мира несет фашизм, он становится активным борцом против «коричневой чумы». Не без его влияния эта проблема ставилась на заседаниях Рабочего Социалистического Интернационала и его Исполнительного комитета. В марте 1933 г. он участвовал в заседании Исполкома РСИ, на котором были приняты антифашистский манифест и резолюция о создании единого рабочего фронта для борьбы с фашизмом. Поэтому изучение его взглядов на фашизм важно и в контексте истории международного социалистического и рабочего движения накануне второй мировой войны. Анализ природы и сущности фашизма Виктора Михайловича основывался на переработке первоисточников, включавших программные документы и труды деятелей фашистского движения (Б. Муссолини, А. Гитлера, Г. Раушнинга) и их идейных предтеч (Ф. Ницше, Ж. Сореля, Л. Бланка), а также серьезных социологических и исторических исследованиях (Т. Ревиля и др.).

Уже в ранних работах Чернов рассматривал фашизм как глобальное явление, охватившее все страны мира. В 1924 г. в статье «Враждующие близнецы» он утверждал, что фашизм перестал быть явлением специфически итальянским и приобрел мировые масштабы. В 1929 г. в статье «На путях великого смятения» Чернов, продолжая развивать эту идею, писал о победоносном шествии фашизма по Европе. Из Италии и Испании фашизм распространился на Балканы: в Болгарию, Албанию, Югославию. Затем проникает в Германию, Австрию, Венгрию, Литву, Австрию. Отдельные признаки фашизма Чернов находит в Финляндии и ряде стран Латинской Америки.⁸

Рассуждая о причинах глобальных перемен, приведших мир к кризису либеральной демократии и возникновению тоталитарных режимов, Чернов

приходит к выводу, что их следует искать в первой мировой войне. В экономике война продемонстрировала возможности военно-мобилизационной модели.⁹ В социальном аспекте она ускорила процессы маргинализации общества. В политической сфере привела к ограничению роли представительных учреждений и усилению контроля государства над обществом. Война породила в общественном сознании населения воевавших стран своеобразный феномен военного психоза, который проявился в фетишизации насилия, стремлении мечом «рассекать с чисто военной быстротой все сложнейшие проблемы внутренней и внешней, национальной и мировой жизни».¹⁰

Особенно остро кризис демократических институтов проявился в побежденных странах – Германии, Австрии, Венгрии и России. Италия хотя и оказалась в лагере победителей, но, как считал Чернов, была «жестоко разочарованной в своих надеждах, чувствовала себя обделенной и обманутой союзниками и потому тяготела к лагерю «побежденных», требующих ревизии мирных договоров».¹¹

В Германии, по мнению Чернова, сложившаяся после войны политическая ситуация, была весьма нестабильна. Он утверждал, что пришедшая к власти немецкая социал-демократия не имела прочной социальной базы в стране. На первых всеобщих выборах, положивших начало новой Веймарской республике, она не получила большинства голосов. Практически, констатировал он, социалистам позволили прийти к власти лишь потому, что они были свободны от ответственности за начало войны, за ее трагический для Германии исход и, главное, потому, что их приход позволял избежать гражданской войны.¹² К такому же выводу впоследствии пришел известный немецкий историк неолиберального толка К.-Д. Брахер. В книге «Распад Веймарской республики» он писал, что «импровизированная республика» выросла из потребностей порядка и для борьбы против радикальных течений» революции.¹³

Оценивая политическую практику немецких социалистов, Чернов верно отмечал, что, оказавшись у власти, они не смогли переломить ситуацию в лучшую для себя сторону, потому что отказались от радикальных демократических реформ, и прежде всего от аграрной. Если бы немецкие социалисты пошли на ликвидацию крупных латифундий и широкое наделение крестьянства землей, они, по мнению Чернова, не только бы обеспечили себе поддержку крестьянства, но и нанесли бы смертельный удар прусской военщине, стремившейся к реваншу.

Но таким путем германская социал-демократия не пошла. Чернов считал это существенным просчетом немецких социалистов. Причины он видел в том, что социал-демократия с недоверием отнеслась к крестьянству. Ведь миф о социально-политической ненадежности, даже "реакционности", глубоко заложенной в самой социально-классовой природе крестьянства, являлся одним из самых упорных и стойких догматов марксистской доктрины. В итоге немецкая социал-демократия «повернулась спиной к своему собственному крестьянству» и предпочла «спокойную, избитую колею коалиции с передовой частью буржуазии», признавая ее прогрессивной силой в политике «до тех пор, пока капитализм не пережил и не исчерпал себя в экономике».¹⁴

Анализируя ситуацию в Германии, Чернов экстраполировал исторический опыт эсеровской партии времен Февральской революции на действия немецких социал-демократов. Он критиковал немцев за то, что не смогли осуществить эсеры в России в 1917 г., и утверждал, что предлагавшаяся им в бытность министром Временного правительства политическая линия на проведение аграрной реформы была единственно правильной. Отказ от реформы и стал причиной краха Временного правительства и захвата власти большевиками. Чернов обращал внимание на то, что страх перед расколом общества, гражданской войной, как в России, так и Германии, парализовал волю социалистов и не позволил осуществить программу серьезных социальных преобразований.¹⁵

Другую причину кризиса Веймарской республики Чернов видел в политическом двурушничестве немецких коммунистов. Они, руководствуясь тактикой Коминтерна, направленной на раскол социалистического и рабочего движения, саботировали мероприятия демократического правительства и, таким образом, мостили дорогу к власти фашистам. Такую тактику Чернов называл «какой-то двусмысленной врагодружбой» коммунистов и фашистов.¹⁶ Подобная оценка со стороны Чернова может быть объяснена тем, что он проводил прямые параллели между фашизмом и большевизмом как однотипными антидемократическими по своей сути идеологиями. Чернов акцентировал внимание на общих идейных исторических условиях их возникновения, полагая, что такие присущие им черты, как антилиберализм, антидемократизм, культ силы и насилия, категоричность и непримиримость в оценках, фанатизм, являются порождением глубокого духовного кризиса человечества, вызванного разрушительным влиянием первой мировой войны.

Политические ошибки и просчеты немецкой социал-демократии, с одной стороны, тактика коммунистов – с другой, приводили, как доказывал Чернов, к углублению разрыва между немецкими социалистами и народными низами, и все более заставляли первых держаться за коалицию с буржуазией «во что бы то ни стало». Это делало республиканское правительство все более и более «стерильным» в области социальной, накапливая в рабочих кварталах недовольство и озлобление, и тем самым сужало социальную базу социалистов слева. В конце концов, расширение коалиции немецких социал-демократов с буржуазными партиями привело к такой ситуации, когда присутствие социал-демократии в правительстве оказалось вовсе необязательным, а ее представителям пришлось голосовать за П. Гинденбурга, который впоследствии передал бразды правления Гитлеру.¹⁷ Кабинеты П. Гинденбурга, затем Г. Брюнинга, Ф. фон Папена, К. фон-Шлейхера Чернов называл «ступеньками» к диктатуре Гитлера.¹⁸

Итак, Чернов считал, что социал-демократы неверно определили стратегию коалиции. Он пессимистически оценивал демократический потенциал немецкой буржуазии, обращая внимание на ее консервативный характер, тесные связи с юнкерством и военщиной. По его мнению, такая особенность немецкой буржуазии была обусловлена спецификой процесса социально-экономической и политической модернизации страны.

Согласно концепции национальных типов капитализма Чернова степень прогрессивности буржуазии как класса во многом определяется временем вступления страны на путь капитализма и соотношением «светлых» и «темных» его сторон. Чернов считал буржуазию Германии, с опозданием вступившую на путь капиталистической модернизации, «одной из самых худших» в Европе. Она, по его мнению, была лишена блестящих революционных традиций, как, например, французская буржуазия, и поэтому могла проявлять лишь видимость либеральности и прогрессивности. Так, немецкая буржуазия была готова идти на коалицию с социал-демократией лишь в эпохи сильного напора со стороны рабочей демократии. Как только этот напор ослабевал, она «единым махом разрушала все иллюзии и рассеивала все миражи, оставляя своих союзников у разбитого корыта».¹⁹ Привлеченная антикоммунистическими лозунгами фашизма буржуазия обеспечила ему экономическую поддержку.

Таким образом, в оценке социальной сущности фашизма позиция Чернова сближалась с точкой зрения марксистов (К. Цеткин, П. Тольятти, Г. Димитров), рассматривавших фашизм как проявление капиталистической реакции на развитие рабочего движения. Они расходились лишь в том, что для марксистов, вдохновлявшихся установками Коминтерна, не было принципиального различия между такими формами политического господства буржуазии, как фашистская диктатура и парламентская демократия. Об этом отличии вспомнили гораздо позднее, уже после прихода Гитлера к власти. В лекциях П. Тольятти, прочитанных в Ленинской школе в Москве, и докладе Г. Димитрова на VII-м конгрессе

Коминтерна в 1935 г. было признано наличие существенного различия между фашистскими режимами и «другими государственными формами классового господства буржуазии».²⁰

Для Чернова форма либеральной демократии при всех ее изъянах создавала перспективы для наполнения ее конкретным социальным содержанием в процессе политической борьбы рабочего класса. Он подчеркивал, что именно трудящиеся классы заинтересованы в сохранении и упрочении демократии. «Тяга к демократической республике у буржуазии... является лишь проявлением увлечения инерцией борьбы против старого режима». Фашизм в Германии и Италии продемонстрировал, что, когда трудовая демократия становится для буржуазии опасной политической конкуренткой, буржуазия стремится обеспечить себя твердой «диктаториальной властью».²¹

Чернов признавал, таким образом, что в силу консервативности и реакционности немецкой буржуазии возможности для тактического маневра у демократических сил были предельно ограничены. «При таких условиях найти выигрышную комбинацию против стихийно нарастающего расизма и национализма было задачей, быть может, и неразрешимой», – отмечал он.²² Согласно концепции Чернова если бы даже коммунисты поддержали социалистов и провели демократические реформы, то усиление демократии неизбежно толкнуло бы буржуазию на союз с фашизмом. Это означало, что выходом из кризисной ситуации в Германии могла стать либо диктатура фашизма (союз буржуазии и национал-социалистов), либо диктатура левых (коммунистов и социал-демократов). Аналогичная безвыходная ситуация для демократических сил сложилась и в 1917 г. в России. Тогда российская демократия, пытаясь лавировать между диктаторскими устремлениями большевиков и лидеров белого движения, оказалась раздавленной.

Теоретически Чернов не отрицал возможность осуществления диктатуры демократических сил. Являясь, по сути, диктатурой большинства населения и действуя в его интересах, она не отменяла бы

демократического режима как такового, а в его рамках наделяла власть чрезвычайными полномочиями на ограниченный промежуток времени. «Здесь диктаторская форма власти отдана на службу демократии».²³ В этом плане она имеет совершенно иной политический характер, чем фашистская диктатура, характерными чертами которой Чернов считал принципиальный антидемократизм, концентрацию власти в руках вождя, управление обществом террористическими методами с помощью одной политической партии, трансформирующейся в «иерархическую милитаризованную организацию» и сраживающуюся с государством, стремление к внешней агрессии.²⁴

Итак, в начале 1920-х гг., рассматривая вопрос о социально-политической природе фашизма, Чернов акцентировал внимание на том, что возникновение фашизма связано со стремлением национальной буржуазии использовать диктатуру как рычаг для выхода из экономического и политического кризиса буржуазного общества, порожденного первой мировой войной. Вместе с тем он обращал внимание на такой аспект проблемы, который деятели левого социалистического движения, как правило, игнорировали. Он отмечал, что только материальная помощь буржуазии не могла бы превратить фашизм в большую силу. Силу фашизму придала массовая поддержка. Националистические лозунги возрождения великой Италии, также как и Германии, привлекли к фашизму широкие народные массы. Таким образом, социальный оплот фашизма был основан на союзе рабочих и буржуазии. Его внутренняя противоречивость была, как удачно отметил эсер Е.А. Сталинский, «ахиллесовой пятой» фашизма.²⁵

Укрепление фашистского режима в Италии и распространение его в Европе в конце 1920-х – начале 1930-х гг. заставили Чернова скорректировать свои позиции относительно социальной сущности фашизма. Он обращает внимание на то, что антибуржуазные лозунги привлекают к фашистам средние слои, деклассированные элементы и рабочих. В черновых набросках к статье «Фашизм» он отмечал, что в

фашизме находил проявление «бесформенный, стихийный, наивно-невежественный или смутно эмоциональный бунт против капиталистического строя».²⁶ Но «игры в государственный социализм» фашистов Чернов считал лишь демагогией, направленной на привлечение масс, а не реальной политикой.²⁷

Объясняя, почему демагогия фашистов имела такой массовый успех, Чернов связывал это с болезненными процессами в германском обществе, вызванными катастрофическими последствиями Версальской системы. Победившие страны Антанты так перекроили государственные границы, что это привело к нарушению экономического равновесия в Европе и как следствие к мировому экономическому кризису 1929-1930-х гг., который больнее всего ударил по побежденным странам. Это, в свою очередь, привело к хронической безработице и резкому падению уровня жизни в этих странах.²⁸

Безработица, как утверждал Чернов, вела к сокращению наиболее организованной, дисциплинированной и сознательной части рабочего класса и поглощению его массой «охлоса» – дезорганизованной, распыленной толпы, основу которой составили люмпенизированные слои. В работе «Итоги марксизма» Чернов отмечал, что люмпенизация захватила все германское общество. Наряду с люмпен-пролетариатом существовала люмпен-интеллигенция. Это, так называемая, интеллигентская «богема», «культурная чернь», состоящая из «неудачников высших категорий, продажных писак, плагиаторов, литературных и художественных прихлебателей». Для психологии люмпенизированных слоев характерны, по мнению Чернова, такие черты, как капризная непрочность настроения, бросание из крайности в крайность, отсутствие чувства меры, уравнительная психология, ненависть к существующему порядку, готовая обратиться в бунт против общества вообще.

Люмпен, как «универсальный бунтарь», легко становился добычей демагогии и нередко делался «подножием ног» диктатора, который должен

уметь одновременно льстить ему и помыкать им.²⁹ Этими качествами психологии люмпенизированного общества Чернов объяснял и феномен массового поклонения Гитлеру. «Всем наблюдателям гитлеровского режима, – писал он, – бросается в глаза элемент своеобразного массового психоза, необыкновенно заразной моральной эпидемии, которая охватила миллионные массы немецкого народа, заставила их потерять всякое душевное равновесие, всякое самообладание, отчуждать свою личную волю и отдать ее в полное распоряжение одного человека, в которого толпа внезапно, стадно и слепо уверовала».³⁰

В историографии германского фашизма огромное количество трудов было посвящено персоне Гитлера. В 1940-х – начале 1950-х гг. роль немецкого диктатора и его популярность в массах часть историков связывала с демонической, потусторонней силой. Чернов, надо признать, всегда отдавал должное роли лидера в историческом процессе. Однако специальных работ, посвященных лично Гитлеру, он не написал. Правда, в статье «Исторические параллели» Виктор Михайлович отмечал, что лидер нацистов обладал неким «седьмым чувством», «счастливой интуицией». Гитлер почти «каждый раз безошибочно угадывал, когда, рассудку вопреки, наперекор стихии, можно презреть советы благоразумия, исходящие либо от финансистов, либо от военных специалистов, и крупно рискнуть». Чернов отмечал, что риск каждый раз «вывозил» Гитлера. Он дерзко спекулировал на нерешительности, «параличе воли победителей, и спекуляция каждый раз удавалась без промаха». Чернов считал, что лидер германского нацизма не обделен был умением комбинировать многовариантные ситуации. «Гитлер – лучший калькулятор, чем это думают, принимая во внимание присущий его натуре истеризм». Его «удары кулаком по столу» были тонко рассчитаны, и на случай, если они не достигнут намеченной цели, у Гитлера был обычно припасен заранее путь к отступлению.³¹

Важную роль в становлении фашистского режима Чернов отводил германской военщине. Рейхсвер в Веймарской республике, формально оставаясь лояльным к власти, тайно поддерживал фашистские формирования, снабжая их оружием. Общей платформой, на которой стал возможен союз высшего генералитета с фашистской партией, явилось стремление к увеличению военного потенциала страны, развитию военно-промышленного комплекса, пересмотру территориальных условий Версальского мира, приобретению Германией статуса великой державы. Генералитет не устраивали лишь способы и сроки реализации поставленных целей, которые предлагал Гитлер. Они предпочитали постепенную и умеренную политику вместо «ударов кулаком по столу». Но Чернов считал эти расхождения не принципиальными, поэтому Гитлеру сравнительно легко удалось подчинить рейхсвер, объявив себя верховным главнокомандующим.³²

Таким образом, приходит к выводу Чернов, фашизм, являясь первоначально игрушкой в руках правящих классов в результате эмансипации от буржуазных, юнкерских и военных кругов превратился к концу 1930-х гг. в самостоятельную политическую силу. «Из авантюры политических налетчиков он стал глубоко почвенным явлением, более того, явлением эпохальным, с претензиями на всеевропейское, даже мировое значение, и при том претензиями, уже начавшимися осуществляться».³³

Чернов подчеркивал, что фашистская диктатура, в отличие от всех предыдущих в истории диктатур, опиралась на своеобразную социальную базу – на две разновидности охлоса: наверху – «своего рода сверхкласс из пристроившейся к государству культурной черни, богемы – новой аристократии из деклассированных элементов, поделивших командные посты в государстве и экономической сфере», внизу – «площадного охлоса». Это определяет ее «квазиреволюционный», охлократический, плебейско-демагогический характер.³⁴

Развивая эти идеи в конце 1930-х – начале 1940-х гг., Чернов отмечал, что охлос наверху трансформируется в новый общественный привилегированный класс – КЛАСС УПРАВЛЯЮЩИХ, который представляет собой особую корпорацию, построенную на иерархических началах и занимающую ключевые позиции в общественно-политической жизни страны. Правящий класс властно подчиняет себе все классы, даже высшие, не исключая и тех, которые покровительствовали движению и финансировали его в расчете превратить в свое орудие. «Он втягивает в себя и ассимилирует все подходящие элементы старых классов по принципу личной годности и отбрасывая остальные в общую, последовательно нивелированную серую массу управляемых».³⁵

Маргинализация общества создавала благоприятную почву для распространения фашистской идеологии, главной чертой которой Чернов считал расизм, принявший крайние формы в немецком шовинизме. Чернов видел его исторические корни в прошлом немецкого народа, который со времен империи Карла Великого жил в непрерывной борьбе против враждебных племен. Для того, чтобы не погибнуть, он вынужден был «ощетиниться на все стороны штыками, сделаться военным государством, по преимуществу носителем сурового милитаристического начала». В результате выковалось население «необыкновенно вышколенное веками борьбы, полное веры в себя, сильное своей военной выучкой и дисциплиной».³⁶

Это коллективное сознание своего превосходства как «расы прирожденных повелителей» и стало, по мнению Чернова, психологической предпосылкой для формирования фашистского идеологического комплекса. Его характеризуют «атавистические инстинкты зоологической эпохи человечества: национальная рознь, шовинизм, идеализация насилия и воинственности, расовые предрассудки, и особенно граничащий с безграничным зверством антисемитизм».³⁷

Особое внимание Чернов уделял причинам распространения в фашистской Германии антисемитизма. Он замечал, что, несмотря на то, что антисемитизм в Германии имел давние исторические корни (ему отдали дань даже такие национальные немецкие гении, как Г. Гете, И. Фихте, Р. Вагнер, Ф. Лист), однако до появления фашизма он не являлся официальной идеологией. Фашизм возвел антисемитизм в господствующую идеологию, оснащенную «всем арсеналом научных и философских доктрин».³⁸

Чернов различал несколько причин тотальной ненависти фашистов к евреям. Во-первых, еврейство, исторически не имевшее почвы под ногами, являлось олицетворением «стихийного космополитизма». Способное внешне ассимилироваться повсюду, оно в то же время, оставалось до конца чуждым, инородным телом в различных национальных культурах и в этом плане, по сути, вставало в непримиримое противоречие со стремлением фашизма к всесторонней замкнутости и обособленности. Во-вторых, оно было неразрывно связано с развитием либерально-демократических начал, категорически неприемлемых фашистскими диктаторами и идеологами.³⁹ И, в-третьих, через генетическую взаимосвязь иудаизма и христианства евреи выступали носителем основ христианской культуры, проповедовавшей устои общечеловеческой нравственности, пацифизма и гуманизма, которые фашизм жаждал разрушить.⁴⁰

Евреи, как и славяне, в гитлеровской иерархии занимали соответственно последнее и предпоследнее места. «Низкопробные, ублюдочные этнографические образования» объявлялись фашистами «раковыми опухолями» в теле человечества, для удаления которых нужна твердая рука и острый нож хирурга.⁴¹ «Их ждала общая судьба: война на истребление».⁴² «С нападением Гитлера на Россию, - подчеркивал Чернов, - судьба русского и еврейского народов скреплена самой надежной из скреп: общностью СТРАДАНИЯ».⁴³ Впервые в истории человечества массовым геноцидом против еврейского и славянских народов фашисты

продемонстрировали пример сознательного, теоретически обоснованного и доведенного до технического и организационного совершенства «индустриализованного массового человекоубийства».⁴⁴

Размышляя над тем, как мог фашизм за сравнительно короткое время подчинить сознание немецкого народа, в котором довольно глубокие корни имела социалистическая идеология, Чернов пришел к выводу, что этой трансформации способствовали некоторые общие моменты содержащиеся в этих полярных идеологических системах. Марксизм, являвшийся базовой идеологией социалистического рабочего движения, имманентно содержал антилиберальные послышки. Главный тезис марксизма о диктатуре пролетариата как орудии построения социализма неизбежно, по мнению Чернова, должен подвести к противопоставлению рабочего класса широким общественным слоям. Кроме того, осуществление диктатуры предполагает репрессивные методы в политике.⁴⁵

Важным моментом, объясняющим, почему так «легко» рабочий класс перешел к национал-социализму, Чернов считал приоритет классового сознания над общечеловеческими ценностями, присущий марксизму. Марксизм утверждал идею об исключительной, мессианской роли рабочего класса в истории человечества. Симметричным отражением этой идеи, по мнению Чернова, стала идея об исключительной роли немецкого народа в мировой истории, провозглашенная фашистами. Поэтому, как полагал теоретик, эти две крайности сошлись. Конечно, рассуждая так, Чернов следовал путем упрощенных аналогий, не вникая глубоко в суть принципиальных противоречий между идеологиями фашизма и марксизма. По своей сути они противоположны. Если марксизм исходит из универсальности развития разных культур и народов, то фашизм отрицает эту универсальность, провозглашая деление на высшие и низшие расы.

Вопрос о социальной основе фашизма для Чернова был неразрывно связан с оценкой его экономической политики. Начав с демагогических лозунгов ликвидации «процентного рабства» посредством национализации

банковской системы, которые были привлекательны для социальных низов, Гитлер вскоре «перевел стрелки» на борьбу с еврейским капиталом. Экономическая подоплека антиеврейской кампании сводилась к тому, чтобы «вытолкнуть евреев из Германии, создать этим свободные места для истинно тевтонских немцев, заставить евреев им же сбыть за четверть цены имущество, не дать им вывести с собою даже часть этой выручки, наложить на евреев контрибуцию». Эти меры позволили Гитлеру перевести поток «социально-погромных страстей» от национальной буржуазии «на буржуазию еврейскую, таким образом, удалось трансформировать социальное недовольство в национальное».⁴⁶

Однако приостановить инфляцию и безработицу с помощью разжигания националистической вражды не удалось. Фашизму пришлось вырабатывать новую экономическую программу. Она предусматривала, во-первых, обособление страны «от слишком сильной зависимости от внешнего мира твердой раковиной автаркии»; во-вторых, интенсивное развитие тяжелой промышленности, позволяющее компенсировать узость внутреннего рынка, низкий покупательный спрос населения переводом капиталов в «производство средств производства»; в-третьих, милитаризацию экономики, способствующую увеличению рабочих мест на военных заводах и ликвидации безработицы. И, наконец, централизованное управление экономикой «по единому гигантскому плану».⁴⁷

Фашизму, как считал Чернов, удалось организовать экономическое хозяйство Германии на принципиально новых началах. Капитализм монополистического типа с развитой системой мощных трестов и господством финансового капитала был трансформирован в «единый трест трестов и синдикат синдикатов» под контролем государства. Государство взяло на себя функции экономического суверена-хозяина. «Оно последовательно подчинило себе всех прежних «приватных хозяев», ограничивая их хозяйственный суверенитет, инкорпорируя их в свой аппарат управления».⁴⁸

Власти, как считал Чернов, удалось «превратить хозяев предприятий почти что в государственных приказчиков и к тому же приставить к каждому из них «ангела-хранителя» в лице особого «фюрера» по хозяйственной линии». В результате была создана система, подобная феодально-вассальной иерархии, которая представляла собой «восходящую лестницу «фюреров», увенчанную главным фюрером, «дуче», а на нижних ее этажах находились подчиненные им агенты и приказчики.⁴⁹

Параллельно с процессом распространения государственного контроля на сферу частных капиталистических интересов ликвидировались независимые профсоюзные, кооперативные организации рабочего класса, которые превращались «в аппараты трудового дисциплинирования рабочей силы» и «руководства потреблением народных масс». Это приводило к грандиозному усилению государственной мощи, формированию системы «тоталитарного хозяйственного этатизма».⁵⁰

Анализируя экономическую систему в фашистской Германии, Чернов не мог удержаться от параллелей с советской экономикой. Общее он видел в огосударствлении экономики в СССР и Германии, хотя и отмечал, что в Германии эта тенденция была не завершена и институт частной собственности все же сохранялся.

Такое сравнение неизбежно подводило Чернова к вопросу о типологии двух этих систем. Рассуждая на эту тему, он подчеркивал общие черты в экономике и государственном устройстве СССР и Германии: антилиберализм и антидемократизм, репрессивный характер политических режимов, тотальное государственное регулирование всех сфер общественной жизни и экономики. Но при этом он все же не ставил знака равенства между этими системами, а, наоборот, подчеркивал, что они являются антиподами.

Задаваясь вопросом о природе и сущности фашизма, Чернов пришел к заключению, что он является продуктом кризиса капиталистической системы, поэтому несет в себе стремление преодолеть ее рамки, что и

проявляется в отказе от либерально-рыночных основ в экономике и политике. В стремлении избавиться от анархии производства фашистское государство ограничивает свободу предпринимательской деятельности, таким образом, подрывая «самые основы буржуазно-капиталистической системы». Власть денег старого буржуазного мира при фашизме превращалась «в эквилибристическую власть над деньгами магов и чудодеев финансовой и торговой политики тоталитарного государства». Фашистское государство, получив колоссальные возможности через определение ценовой и эмиссионной политики распоряжается «всей производственной мощью» страны, руководит и направляет инвестиционные потоки.⁵¹ Непосредственная рентабельность производства при этом становится необязательной. Отсюда – тенденция к «хозяйственному гигантизму», гегемонии тяжелой индустрии, самодовлеющему «производству средств истребления». Благодаря форсированной индустриализации и милитаризации экономики создаются рабочие места, что позволяет существенно снизить уровень безработицы, а значит, непосредственно удовлетворить рабочего человека и как производителя, и как потребителя.⁵²

Таким образом, предельно организованная экономическая система, созданная фашизмом, по мнению Чернова, приобретает «антикапиталистические» черты. Фашизм становится политической формой для «капитализма, перешагнувшего через самого себя».⁵³

Некоторые современники Чернова относили фашизм к разновидности социализма, что вызывало у него активное неприятие. Для него социализм, демократия и права человека были неразделимы. Он утверждал, что, предложив стране и народу вариант решения насущных вопросов путем создания экономики военно-мобилизационного типа, заимствовав у социализма его внешние атрибуты, фашизм сохранил «все негативные, деструктивные античеловеческие внутренние стороны стяжательного капитализма».⁵⁴

Тоталитарная система приходит в непримиримое противоречие с правами человеческой личности. Государство становится вездесущим «властным хозяином», подчиняющим личность. Экономика в таком государстве «имеет тенденцию совершенно оторваться от непосредственных потребностей трудящегося населения».⁵⁵ Человек перестает быть целью для общественного производства и становится лишь средством для осуществления задач воображаемого завтрашнего дня в интересах будущих поколений.

Но если фашизм не является ни капитализмом и ни социализмом, то что же он такое? По мнению Чернова, проявившаяся после первой мировой войны тенденция к усилению роли государства в общественной и экономической жизни капиталистических стран свидетельствовала о наступлении эпохи гиперимпериализма или этатизма, которую Чернов рассматривал как ступень общественного развития на пути от капитализма к социализму.⁵⁶ В фашистских государствах переход к новой стадии принял наиболее агрессивный характер и отличался всеобъемлющим и тотальным влиянием государства на все сферы общественной жизни.⁵⁷

Таким образом, очевидно, что Чернов рассматривал фашизм как этап развития капиталистической системы. Значит ли это, что он признавал за фашизмом определенный модернизационный потенциал?⁵⁸ Чернов не отрицал того, что экономическая система фашистской Германии обладает определенной устойчивостью и даже может обеспечить мобилизационный эффект в развитии. Однако считал, что этот эффект крайне ограничен, поскольку вся экономика страны подчинена военным нуждам.

Кроме того, стремление к самодовлеющей автаркии хозяйственной системы фашизма встает в «непримиримое противоречие и с тенденцией к универсализации всей человеческой культуры». Тоталитарная диктатура всячески ограничивает возможность научно-культурного и информационного обмена между странами и народами, тем самым создавая колоссальное противоречие между стремлением к замкнутости и

обособлению экономического хозяйства, с одной стороны, и невозможностью использовать в тесных рамках всю величину потенциальной хозяйственной мощи современной техники, источники энергии и сырья, потенциальную арену сбыта продуктов национального производства – с другой. Попытка разрешить это противоречие приводит «тоталитарный хозяйственный этатизм к небывалой по своей напряженности ЭКСПАНСИИ».⁵⁹

В Германии еще на рубеже XIX – XX вв. осознавали, «что мировые производительные силы, базирующиеся на все большем развитии мирового рынка и международном разделении труда, давно уже переросли всякие национально-государственные рамки».⁶⁰ Еще со времен Наполеона неоднократно поднимался вопрос об объединении Европы. Особый интерес в этом плане, как отмечал Чернов в работе «Муки родов "Новой Европы"», представляют предложения, сделанные в 1897 г. Вильгельму II во время визита германского кайзера к русскому царю крупнейшим «из русских министров той эпохи» С.Ю. Витте. Он предлагал немецкому императору план создания военно-политического блока «Берлин-Петербург», вокруг которого бы образовался «большой и прочный европейский континентальный союз». Несмотря на сочувственное отношение Вильгельма к этому проекту, ему не суждено было осуществиться. Сторонам не удалось прийти к соглашению о целях и союзниках.⁶¹

В период первой мировой войны идея консолидации Европы в единое целое получила попытку практической реализации в рамках доктрины пангерманизма. Признавалось, что «мелкие» нации нуждаются в великом государстве, которое гарантировало бы их национальную безопасность и экономическое развитие. Таким государством может быть только Германская империя, объединенная с Австро-Венгрией. Страны Центральной Европы должны были присоединиться к австро-германскому государству на правах федерации после победы германского блока в войне.⁶²

Поражение империй в 1918 г. и заключение Версальского мира отодвинули эти планы. Фашизм предложил свой быстрый «способ подогнать косное человечество» по пути прогресса через гегемонию немецкой нации, утверждая, что ее «организационный гений и организационная школа... ставят ее морально во главе человечества».⁶³ Третий Рейх, по планам Гитлера, должен был стать центром «целой системы все более широких концентрических кругов вассализированных государств». Весь центр Европейского континента, до Швейцарии включительно, предполагалось занять самим Рейхом. Создаваемый путем стремительного вторжения немецких армий и аннексий территорий других государств, германский рейх превратился бы в союз «вспомогательных народов, без армии, без собственной политики, без собственной экономики». Неотъемлемой частью Третьего Рейха должна была стать территория поволжских немцев в России.⁶⁴

За собственно Рейхом следовали земли конфедерации из Голландии, Фландрии, французского севера, восстановленной Бургундии, португальской провинции, нордической федерации в составе Дании, Швеции и Норвегии, т.е. пространства, исторически уже бывшие ареною германской колонизации. Кельто-латинские элементы должны были покинуть эти территории, перебравшись за океан или в Северную Африку, очистив «жизненное пространство» Европы для компактной двухсотмиллионной массы чистых нордически-германских кровей. От всего «латино-романского мира» предполагалось оставить Вишистскую Францию, Италию и Испанию.

Восточная Европа по фашистскому плану делилась на пятнадцать доменов, или провинций, которые подлежали мирной германизации во вторую очередь. Существенно подвинутая на Восток Украина и Россия должны были сыграть роль временного жизненного пространства для вытесняемых из собственно Европы славянских и монголоидных элементов.⁶⁵

В рамках фашистского варианта решения вопроса о консолидации Европы мир, таким образом, столкнулся бы со стремлением арийской расы к мировой гегемонии и попыткой утверждения «автократического мирового господства» на основе очередного варианта «переселения народа».⁶⁶ Фашизм выдвинул новые методы борьбы за пересмотр условий Версаля, суть которых заключалась в осуществлении военных и политических авантур, поставивших человечество на грань мировой катастрофы. Его природа – эта война. «Фашизм – дитя последней мировой войны. Но, с другой стороны, он предвещает быть отцом новой будущей мировой войны», – писал Чернов.⁶⁷

Уже со второй половины 1930-х гг. фашистские государства начинают борьбу в международном масштабе с демократическими странами. Гражданскую войну в Испании, террористическую кампанию против евреев в Палестине и борьбу за права судетских немцев в Чехословакии Чернов рассматривал как составные части единого плана фашистских государств по подготовке к новой мировой войне. «В Испании тоталитарные державы нуждаются, чтобы угрожать французскому тылу, в Палестине – чтобы угрожать тылу английскому, в Чехословакии – чтобы уничтожить угрозу собственному тылу», – писал он.⁶⁸

Аншлюс Австрии 13 марта 1938 г. Чернов назвал первым шагом на пути Гитлера к мировому господству. Соглашение с Австрией давало Гитлеру возможность почти закончить окружение Чехословакии и получить полную «смычку» со своим итальянским союзником. Чернов критически оценивал политику Англии и Франции по умиротворению агрессора. Мюнхенское соглашение (сентябрь 1938 г.) о предоставлении возможности Германии присоединить Судетскую область Чехословакии Чернов считал «худшей, чем преступление, ошибкой». Гитлеру без боя сдали «позицию поистине ключевую», «во избежание мировой войны даром отдали как раз то, что мешало ему броситься в эту войну».⁶⁹ Все надежды по предотвращению войны после Мюнхена Чернов связывал с позицией СССР,

полагая, что Сталин заинтересован в выполнении условий военного договора с Чехословакией и не допустит ее оккупации. Но эти надежды оказались тщетны.

4.2. Роль СССР во второй мировой войне

Приход национал-социалистов к власти в Германии и политика Гитлера по отношению к Австрии и Чехословакии непосредственно коснулись и эсеровской эмиграции. Угроза оккупации Чехословакии вынудила представителей «левого» центра во главе с Черновым осенью 1938 г. покинуть Прагу и переехать в Париж. Оттуда в начале 1940-х гг. ведущие деятели эсеровской партии вынуждены были эмигрировать в США. 21 июня 1941 г. в США прибыл и Чернов.

Будучи эмигрантами по неволе, бывшие эсеры ощущали себя частью русского народа, и, когда Россия была втянута в мировой политический конфликт, перед ними остро встала проблема определения своей политической позиции по отношению к СССР. После нападения Германии на СССР эмигранты-социалисты в США разделились на сторонников безоговорочной поддержки коммунистической власти и тех кто, занимая оборонческие позиции, продолжали критику политического режима в Советской России. Ко второй группе эмигрантов с полным основанием можно отнести нью-йоркскую группу партии социалистов-революционеров.

Ряды нью-йоркской группы ПСР, воссозданной еще в начале 1930-х гг., существенно пополнились после оккупации Франции. В 1940-1941-х гг. в США эмигрировали А.Ф. Керенский, М.В. Вишняк, Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов и В.М. Чернов. С 1941 г. эсеровской группе удалось организовать издание в Нью-Йорке политического журнала «За свободу».⁷⁰ Экземпляры журнала сохранились в библиотечной коллекции архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета США. Вместе с имеющимися в архиве материалами из фондов личных коллекций

Б.И. Николаевского и М.В. Вишняка они составляет основу источниковедческой базы по истории эсеровской эмиграции в годы второй мировой войны.

В передовице первого номера журнала «За свободу» (май 1941 г.) эсеры писали: «Мы – всего лишь маленький отряд когда-то большой армии, быть может, единственная сейчас на свете горсточка партийных эсеров, партийная организация социалистов-революционеров. Мы остаемся верны нашим партийным заветам, но наши взоры должны быть обращены не на прошлое, а на будущее».⁷¹ Ситуация политического выбора для оказавшихся в Нью-Йорке членов эсеровской партии осложнялась их категорическим неприятием сталинской диктатуры. Они связывали перспективы своего возвращения на Родину либо с ликвидацией тоталитарного режима, либо демократической его эволюцией. Эсеры в мае 1941 г. по-прежнему доказывали, что «демократия и социализм исключает всякую диктатуру», а природа сталинского режима антинародна и антидемократична.⁷²

В развитии политических установок представителей эсеровской партии в США можно выделить три основных этапа. Первый этап – до нападения Гитлера на Советский Союз – характеризуется резко отрицательным отношением эсеров к внешнеполитическому курсу страны, разоблачением прогитлеровской ориентации России. На втором – с начала Великой Отечественной войны до 1943 г. – социалисты переходят на ярко выраженные патриотические позиции. Критика режима остается, но основным лейтмотивом становится сопричастность массовому героизму советских людей и надежда на возможную демократизацию политического строя России. На третьем этапе – с 1943 г. до окончания войны – эсеры в США понимают, что демократизация страны не состоялась и вместе с победой Сталин готовит существенные изменения в Европе. Предчувствуя характер перемен и осложнения международной обстановки после войны,

эмигранты переходят к жесткой критике притязаний СССР на мировой арене и политического режима в стране.

На первом этапе войны перед эсерами встал закономерный вопрос о роли СССР в мировом конфликте. Принципиальным моментом была оценка пакта Молотова – Риббентропа 1939 года. Советско-германский договор вызвал категорическое неприятие со стороны эсеров. Они считали его частью давно задуманного плана советского руководства по разложению «психологии демократии вообще и рабочей в частности», отражением «подлинной природы большевизма», примером «превзошедшего всякую меру цинизма ВКП». ⁷³

Большая часть эсеровской эмиграции придерживалась мнения, что пакт сыграл решающую роль в развязывании войны. Подписание договора о ненападении позволило Гитлеру, заручившись поддержкой России, начать войну в Европе, не опасаясь борьбы на два фронта. Сталин не мог не осознавать прямых последствий договора, а значит, сам хотел войны, «ибо надеялся после взаимоистребления европейских народов» оказаться «третьим радующимся». Поэтому Н.Д. Авксентьев усматривал в пакте не просто договор о ненападении, а «тесный союз двух диктаторов», направленный на раздел мира. ⁷⁴ Хотя эсеры и не могли знать о секретных статьях пакта, тем не менее, их предположения о стремлении СССР использовать создавшуюся ситуацию для решения своих геополитических задач оказалось верным. Другое дело, что его объективной оценке мешало идейное неприятие советского политического режима, глубокое убеждение в том, что интересы власти противоречат интересам страны и народа.

Наиболее взвешенную оценку пакта дал в неопубликованных работах Чернов. Первая его реакция на заключение договора была достаточно жесткой. Он связывал радикальное изменение советской внешней политики с расстановкой внутривластных сил в стране. Чернов был убежден, что долгое время заключению договора мешал «догматический антифашизм» наркома иностранных дел М.М. Литвинова. Однако его замена в 1939 г.

В.М. Молотовым была воспринята в Берлине как знак для начала переговоров.

Чернов крайне тенденциозно оценивал шаги советской дипломатии по созданию антигитлеровской коалиции, предпринимавшиеся до заключения пакта с Германией, называя их не иначе как «сплошной комедией, маскировкой», «контрразведочной провокацией». На самом деле истинным стремлением Сталина, с точки зрения Чернова, было заключение договора с Гитлером, так как это отвечало их обоюдным притязаниям на мировое господство и подкреплялось однотипностью политических режимов в СССР и фашистской Германии. В результате, по словам лидера эсеров, «на мировую арену выступила новая коалиционная сила: фашиобольшевизм».⁷⁵

Нападение Германии на Советский Союз заставило Чернова пересмотреть свои оценки. На этом этапе он уже вынужден был признать, что причиной, которая толкнула Сталина к заключению договора, была двурушническая политика по отношению к СССР Англии и Франции. Ярким свидетельством умиротворения Гитлера со стороны этих держав стала Мюнхенская сделка. Уступка Гитлеру Чехословакии, по мнению Чернова, явилась доказательством того, что задачи своей безопасности они были намерены решать за счет славянского мира. «Надо раз навсегда понять, – утверждал эсер, – что этот исторический выкидыш злосчастного Мюнхена ... во всем славянском мире был понят (да и не мог быть понят иначе) как сепаратный мир англо-французского блока с державами «оси» за счет всего славянства и, значит, в том числе – за счет России».⁷⁶ Кроме того, тот факт, что СССР не был приглашен в Мюнхен, лишний раз подтверждал, что западноевропейские лидеры не воспринимали Советский Союз как равноправного партнера в международной политике. «Не один Сталин, – подчеркивал Чернов, – а любое другой правительство, которое могло бы быть на его месте, не осталось бы равнодушным к этому согласию западных держав скинуть Россию со счетов, считать ее как бы вне Европы и лишить ее всякого голоса при решении общих судеб славянства».⁷⁷

Когда в августе 1939 г. начались переговоры СССР с Англией и Францией, стало очевидно, что правительства этих стран смотрели на СССР лишь как на орудие в борьбе с Гитлером, а не на союзника и не желали, поэтому считаться с геополитическими интересами страны. Чернов указывал на то, что они даже не соглашались обеспечить условия перехода Красной Армии через территорию государств, служащих естественным барьером между СССР и Германией. Германская дипломатия использовала эти противоречия и предложила Сталину то, чего он не мог добиться от Англии и Франции – расширение западных границ СССР.

Признав, что заключение советско-германского пакта было вынужденной необходимостью, Чернов, однако, не разделял оптимизма некоторых эмигрантов, которые за территориальные приобретения России «готовы были забыть все старые счета с большевиками и преклониться перед практическим гением Сталина». Они считали, что Сталин оказался так умен и хитер, что сумел захватить «как раз те территории и базы, опираясь на которые можно с одной стороны оспаривать господство над Балтийским морем, а с другой – опираться на выгодные стратегические границы с западным соседом». «Фетишизм расширенных границ мешал им видеть, что бывают территориальные приобретения, являющиеся источником не силы, а слабости, – полемизировал с такими патриотами Чернов. - Гитлер практически подсовывал Сталину захват территорий с заранее обдуманном намерением: иметь за себя и, во всяком случае, против России население всей той широкой приграничной полосы, на которой при будущем своем нашествии на Россию его должны будут встретить силы Красной Армии».⁷⁸ Таким образом, Гитлер развязывал себе руки и мог не опасаться удара с Востока, а Сталин, изолировав себя своей захватнической политикой и пособничеством Гитлеру, обрекал себя на бездействие вплоть до тех самых пор, пока Гитлер, справившись с другими задачами, не найдет, что очередь дошла до России.

Не последнюю причину в провале переговоров между СССР и англо-французским блоком, по мнению лидера эсеров, сыграл психологический фактор – амбициозные притязания Сталина. Он замечал, что французской дипломатии в Москве сильно повредило то обстоятельство, что для переговоров был назначен мало известный посол, тогда как в Испанию был отправлен маршал А. Петэн. «Этот контраст в "политическом формате" обеих фигур был Сталиным воспринят, как прямое личное оскорбление». Видимо, так же был воспринят Сталиным и другой контраст: в то время, как в Мюнхен к Гитлеру трижды летал сам О. Чемберлен, в Москву вместе с военными делегациями был отправлен какой-то помощник директора одного из департаментов Министерства иностранных дел. Гитлер не оставил без внимания этих «бурь под крышкой черепа» своего будущего партнера и отправил в Москву самого И. Рибентроппа.⁷⁹

Таким образом, по мнению Чернова, Гитлер своей дипломатической игрой поставил Сталина в положение, из которого был только один выход – заключение пакта с Германией. У Сталина в этом случае оставался расчет на то, что война в Европе резко ослабит не только Германию, но и её противников и это в конечном счете будет способствовать возвышению СССР, превращению его в «верховного суперарбитра» судеб Европы.

Подводя итог размышлениям об ответственности за развязывание второй мировой войны, Чернов приходит к однозначному выводу: «Сомнений нет – моральная ответственность за вторую мировую войну целиком лежит на плечах германского нацизма». Однако косвенно, по мнению лидера эсеров, в этом повинно и советское руководство, пойдя на заключение советско-германского договора, оно тем самым позволило Гитлеру, не опасаясь войны на два фронта, «пуститься в сумасшедшую авантюру».⁸⁰

Как очевидно, Чернов так и не смог подняться до объективной научной оценки причин второй мировой войны, хотя, казалось бы, вплотную подошел к этому. Ведь его собственный анализ международной обстановки

накануне войны ясно показывает, что Советский Союз пошел на заключение договора с Германией после того, как были исчерпаны все попытки опереться на союз с англо-французским блоком. СССР не мог рассчитывать на поддержку Запада, политика которого была направлена на то, чтобы отвести удар Гитлера на Восток. Чернов, как и значительная часть российской политической эмиграции, был буквально загипнотизирован догмой о несовместимости интересов либерально-буржуазной демократии и фашизма, и не желал видеть очевидное: фашизм пришел к власти и развязал вторую мировую войну при ее прямом попустительстве. Фашизм явился результатом кризиса буржуазно-либеральной демократии. Эта связь кроется в цивилизационных основах, на которых покоятся как западная либеральная демократия, так и фашизм. Как справедливо, на наш взгляд, заметил известный либеральный историк Ю. Афанасьев, «фашизм – это гипертрофированный либерализм». Продолжая его мысль, исследователь С.Г. Кара-Мурза очень точно подмечает, что фашизм это болезненное явление западной либеральной цивилизации.⁸¹

Внезапность и стремительность гитлеровского нападения на СССР резко изменили расстановку сил в международных отношениях. По мнению Чернова, с нападением Гитлера на Россию война приобретает другие масштабы. «Все, что было доселе, кажется таким слабым и ничтожным. Между этапом германо-российского противостояния и европейским периодом войны – режущий глаза контраст – такое же принципиальное отличие, как между назревающей и разворачивающейся трагической эпопеей и кукольной комедией».⁸²

Начало войны с СССР обострило перед мировой общественностью вопрос о причинах кардинальной перемены тактики Гитлера. Широкое распространение в европейских кругах получила версия о превентивной войне, согласно которой Гитлер начал войну против СССР, чтобы предотвратить нападение Красной Армии на Европу. Чернов считал такую версию несостоятельной и был убежден в ее немецком происхождении. Был

уверен, что она была выдумана германской прессой для оправдания внезапного поворота фронта. Истинную причину лидер эсеров видел в том, что Гитлер небезосновательно опасался того, что модернизация, начатая в Красной Армии, резко изменит соотношение сил не в пользу Германии. «Германия оправдывала свои действия, во-первых, тем, что ей нужно было предупредить русскую мобилизацию, а во вторых, тем, что она вообще стояла перед перспективой скорого окончания общего перевооружения русской армии, чего дожидаться было бы глупостью».⁸³

Но дело было, по мысли Чернова, не только в этом. Гитлер остановил свое движение в Европе потому, что для его дальнейшего продолжения и наступления на Англию у него не хватало ресурсов. Германия, считал эсер, обладая явным преимуществом на суше и в воздухе, не могла успешно противостоять Англии на море. В побежденной Европе гитлеровская оккупация нанесла колоссальный урон по экономике захваченных стран. Оккупационная армия, по словам Чернова, «словно тучи прожорливой саранчи» быстро истребила все запасы в этих странах. Выжимая «жизненные соки тяжким прессом реквизиций оккупанты подорвали и дезорганизовали как местный обмен, так и местное производство», констатировал он.⁸⁴ В этих условиях совершенно логичным был бросок на Россию, где был сосредоточен колоссальный ресурсный потенциал.

Чернов не исключал возможности того, что резкий поворот событий вызван неудачной попыткой Гитлера вовлечь Сталина в более тесный союз для борьбы с Британией и направить военную мощь СССР против Индии. В неопубликованных статьях «В собственных сетях» и «Русская загадка» эсер предполагал, что Сталин не пошел на присоединение к тройственной оси потому, что это не отвечало геополитическим интересам страны. «У Сталина хватило здравого смысла, чтобы понять, как трудна и опасна авантюра, на которую его хотят толкнуть, и каковы размеры того, от чего хотят его заставить отказаться, страшна была и перспектива – превратиться в вассала Германии... только для того, чтобы дать Гитлеру потом

возможность предложить союзникам мир за счет Советской России», – пишет Чернов.⁸⁵

Трудно предположить, чтобы у Чернова были какие-то реальные основания для версии о возможности союза СССР и фашистской Германии с целью совместной войны против стран антифашистского блока, скорее всего, она носила гипотетический характер и являлась попыткой осмысления доступной информации, распространявшейся в периодических изданиях Западной Европы, носившей ярко выраженный антисоветский характер.

Очевидно, что возможности объективного научного анализа исторических реалий у Чернова по причине идеологического редуционизма были крайне ограничены. Он был ослеплен догмой о типологическом «родстве» тоталитарных режимов в Германии и СССР и готов был в любом тактическом шаге советского руководства видеть далеко идущие планы по созданию союза для борьбы с демократией в Европе.

Его концепция типологии тоталитарных режимов, по сути, означала отход от фундаментальных теоретико-методологических основ народнической доктрины, главным контрапунктом которой была идея цивилизационного плюрализма. Теоретические установки Чернова в эмигрантский период все яростнее эволюционируют к марксистскому универсализму исторического процесса. С этих позиций «бывший» эсер никак не мог понять, что фашизм и советский коммунизм находились на расходящихся цивилизационных путях.

Рассматривая возможные сценарии развития событий после вторжения Гитлера в СССР, Чернов намечал три перспективы: первая и «самая опасная и пугающая» возможность – прорыв фронта Красной Армии и веерное расхождение противника по тылам, обрывая коммуникации, окружая разъединенные части армии, лишая их связи с верховным командованием. Это неизбежно, как считал Чернов, привело бы к краху большевистского режима, но вместе с этим и явилось бы катастрофой для страны и народа.

«Такое поражение, – писал он, – грозит длительной и ужасающей по размерам и по силе разрухой и хаосом». «Страна, придя в такой вид, может долго и беспомощно биться в судорогах анархии. ... Вопрос идет о том, сумеют ли выкристаллизироваться или нет, и если даже сумеют, то не слишком ли поздно... новые социальные связи и соединения, на которых может базироваться подлинно конструктивная программа возрождения страны из хаоса. Но и при самом благоприятном случае дело так затянется, что при решении международной проблемы страна будет естественно сброшена со счетов, к вреду и для себя и для общей проблемы».⁸⁶

Такая позиция резко отделяла Чернова от тех представителей российской эмиграции, которые рассматривали перспективы поражения СССР как необходимое условие для демократизации страны. Виктор Михайлович считал пораженчество недопустимым. «С нашей стороны, – писал он, – не может быть сейчас тактики более самоубийственной морально и политически, чем пораженчество».⁸⁷

Вторую, не менее опасную возможность он связывал с поворотом Сталина на путь измены. «Это путь уже протоптанный для Франции маршалом А. Петэном: путь военной капитуляции. Здесь основной вопрос будет заключаться в том, допустят как народные низы, так и военные элементы со стороны Сталина подобный *tour de force*». В связи с этим Чернов приветствовал решение Вашингтона и Лондона поддержать СССР в его борьбе с фашизмом. Это, как считал эсер, лишает Сталина возможности морального оправдания капитулянтства. «Так как капитуляцию легче оправдать, если ... сослаться на недостаточность союзной помощи, надо всемерно приветствовать решения Лондона и Вашингтона спешить на помощь и при том на помощь стопроцентную русскому фронту».⁸⁸

И, наконец, третью перспективу развития событий Чернов связывал с сохранением боеспособности Красной Армии, несмотря на тяжелые потери, понесенные в первые дни войны. «В этом случае, – пишет он, – самое главное в сохранении живой силы армии и ее маневренной способности,

хотя бы и ценою уступок территории». «При огромных пространствах России возможно вести и отступательную войну. Это значит, поглощать неприятеля пространством, растягивать его фронт и коммуникационные линии, выигрывать время, заставляя его уделять все больше и больше сил на оккупационные цели, отвлекать их в тылу партизанской войной, уничтожать на его пути все запасы и т.п. Россия способна во всяком случае погубить Гитлера уже тогда и тем, что заставит его надолго увязнуть в своих просторах».⁸⁹

Чернов был глубоко убежден, что способность СССР противостоять немецкому нашествию одновременно является и для западных демократий шансом на спасение, поэтому они ни в коем случае не должны оговаривать свое участие в антигитлеровской коалиции какими-либо политическими требованиями к России. «Мировой демократический блок, – писал он, – обнаружил бы полную неспособность к реальной политике, если бы для оказания помощи потерпевшим от нашествия Гитлера стал предъявлять требования предоставления свидетельства о демократической благонадежности. Гитлер проявил превосходное умение пользоваться трениями в противоположном лагере... вместо того, чтобы требовать предварительной фашизации тех, на чью сторону он становился, он факт своей помощи умел сделать исходным пунктом их дальнейшей фашизации».⁹⁰

Другим важным вопросом, вызывавшим неоднозначное отношение в кругах эсеровской эмиграции, был вопрос о причинах тотального отступления Красной Армии вглубь страны в начальный период войны. «Почему, несмотря на весь несравненный героизм нашего солдата ... едва начавшийся второй год войны увидел врага, сторожащего отступы к обеим столицам и шагнувшего с дальних западных рубежей к непомнящим ничего подобного низовью Волги и хребту Кавказа», задавался вопросом Чернов в составленном им, но так и неотправленном личном обращении к Сталину.⁹¹

Часть из них объясняли это последствиями советско-германского пакта 1939 года. Они утверждали, что Гитлер «переиграл» Сталина в политической игре. Расширение территории страны «сослужило плохую службу» России и способствовало поражению Красной Армии на первом этапе Великой Отечественной войны. Раздраженное советской оккупацией население присоединенных земель сочувственно восприняло вторжение немцев и с готовностью принялось помогать Гитлеру «громить русскую армию».⁹² В.М. Зензинов в статье «Величайшая в истории человечества битва» называл этот «подарок» Гитлера Сталину «даром данайцев».⁹³

Чернов обращал внимание на другую сторону последствий пакта. Перенесение границ на запад привело к тому, что старые пограничные укрепления были оставлены, а новые к началу войны не успели построить. «Мы и здесь попали в приготовленную для нас западню, – замечал он, – нас выманили из твердой "линии Сталина"... чтобы захватить и разгромить Красную Армию врасплох на новых, неукрепленных рубежах».⁹⁴

Отрицательную роль сыграли репрессии против командного состава Красной Армии накануне войны, в результате которых кадровый офицерский состав армии был буквально «обескровлен». В статье «Сталинград» (1943 г.), характеризуя профессиональные качества советских полководцев на первом этапе войны, Чернов писал: «Наши красные командиры выковывались в огне гражданской войны, методы и масштабы которой совершенно несоизмеримы с методами современной внешней войны, ультраиндустриализированной и мотомеханизированной».⁹⁵

С началом войны эсеровская эмиграция внимательно следила за ходом событий, обращая внимание на малейшие изменения военной обстановки в лучшую для России сторону. То, что Гитлеру не удалось «блиц-криг» и была сохранена Красная Армия, которая, возможно, скоро перейдет в наступление, Зензинов называл «уже успехом». Объяснение этого успеха он видел «в БОЕВЫХ КАЧЕСТВАХ САМОЙ РУССКОЙ АРМИИ, РУССКОГО

СОЛДАТА». «Дух Красной Армии, русских войск очень высок», – считал он.⁹⁶

Огромное воодушевление среди американской группы эсеровских эмигрантов вызвали известия о победе Красной Армии под Сталинградом. На страницах «За Родину» Чернов писал, что защита Сталинграда явилась «апогеем массового героизма жертвенности, подвижничества» советского народа. «Этот город отныне – непреходящий символ непокорного сердца, сверхчеловеческой выносливости и гордой воли нашей родины».⁹⁷ Чернов правильно отмечал, что Сталинградская битва и последующее зимнее контрнаступление российских войск в 1942-1943 гг. знаменуют начало коренного перелома во второй мировой войне. В написанном, но так и не отправленном обращении к Сталину, Чернов подчеркивал: «Встреча, которую уготовили народы нашей родины гитлеровским моторизованным полчищам, дает нам право гордиться ими».⁹⁸

Если в начале войны эсеры критически оценивали состояние боеготовности и профессиональные качества командования Красной Армии, то по мере ее боевых успехов это мнение начинает меняться. Анализируя изменения в руководящем составе Красной Армии, Чернов в статье «Сталинград» отмечал: «Недавно мы были свидетелями производства в широких размерах боевых полковников в генералы. Оно было справедливой оценкой выдвинувшихся на глазах у всех новых, молодых военных дарований. У создающегося вновь молодого советского генералитета перед генералитетом старой России есть, во всяком случае, одно огромное преимущество: это – не чуждая армейской массе «белая кость», – а плоть от плоти и кость от кости самого вооруженного народа в серых шинелях».⁹⁹

Признавая выдающиеся успехи Красной Армии, Чернов в то же время был глубоко уверен, что коренные изменения на Восточном фронте не могли произойти, если бы не помощь союзников. Он, например, явно завышал роль поставок американской военной техники и продовольствия по ленд-лизу,

закрывая глаза на то, что для американцев это была, прежде всего, «бизнес-операция», чем помощь СССР и другим воюющим странам.

Чернов считал, что большое значение имела успешная англо-американская кампания осенью 1942 г. в Северной Африке по захвату Марокко и Алжира. Она создавала реальный плацдарм после захвата Северной Африки для подготовки союзнического десанта на Европейский континент и открытия второго фронта в Европе.¹⁰⁰ Такая оценка африканской операции союзников принципиально отличалась от позиции советского руководства, усмотревшего в действиях союзников попытку заменить открытие фронта в Европе «африканским суррогатом».

Эсеры предполагали, что прохладное отношение Москвы к африканской операции союзников объяснялось опасением, что последующие действия англо-американских войск в Средиземноморье приведут к открытию дороги на Балканы. Рассматривая Балканы, как сферу своих геополитических интересов советское командование давало понять, что не признает высадку союзников на Балканах желанным вторым фронтом, им может стать только их действия на атлантическом направлении. Таким образом, как подчеркивал Чернов, под требованием второго фронта скрывался «стратегический диктат Москвы обеспечить после войны доминирование СССР на Балканах в Восточной Европе».¹⁰¹

Понимая важность и необходимость открытия второго фронта для страны, Чернов и его единомышленники из американской группы, тем не менее, выступали против тех форм и методов, к которым прибегало сталинское руководство для реализации своих планов. Эсеры выступили принципиальными противниками кампании, развернутой левыми кругами Англии и США, участники которой требовали от своих правительств открытия второго фронта. Во-первых, эсеры считали, что она организована «рукой Москвы». Во-вторых, рассматривали общественное мнение этих стран, не иначе, как «давление бесформенной улицы, возбуждаемой митинговой и площадной демагогией». «Странно было видеть, – объяснили

свою позицию члены американской группы, – претензии диктовать демократическому блоку чрезвычайно ответственные шаги, уклоняясь от участия в их выработке и тем самым от принятия на себя какой бы то ни было ответственности за то, что будет принято».¹⁰²

Не менее «странно» в устах таких борцов за демократию, как эсеры, слышать, что общественное мнение это «площадная демагогия». Кроме того, если даже сталинское руководство и обращалось к левым кругам за границей, чтобы с их помощью воздействовать на власть своих стран, то, прежде всего, потому, что «демократические» правительства всячески уклонялись от совместной выработки этих ответственных решений. Либо ставили такие условия, которые были неприемлемы для СССР. Вряд ли эсеры не знали об этом, скорее всего, в вопросе о приоритете интересов участников антигитлеровской коалиции они поддерживали правительства «демократического» блока, а не СССР, являвшегося для них тоталитарным монстром.

Косвенно об этом свидетельствует и то, что Чернов вообще не считал события на Восточном фронте решающими для хода второй мировой войны. Он заявлял, что само это словосочетание «второй фронт» кажется ему «странным и совершенно иррациональным». «Крик о втором фронте означал, что все фронты, кроме русско-германского, на Востоке Европы – не фронты, а сущий пустяк или, по крайней мере, нас ни в какой мере не касаются и для нас не существуют», – писал он.¹⁰³

Можно, конечно, объяснять такое «непонимание» разной роли участников во второй мировой войне тем, что Чернов не военный историк, поэтому он не мог в полной мере профессионально оценить вклад, который внесла наша страна и советский народ в победу над фашизмом. К тому же для воссоздания полноты картины ему необходимы были информативные источники, а связь с эмигрантскими кругами Европы, от которых в основном американская группа эсеров черпала сведения, в годы войны была фактически прервана.

Однако дело, думается, не столько в этом. Чернов, как и большая часть американской группы эсеровских эмигрантов, оказались не в состоянии дать объективную оценку роли Советского Союза во второй мировой войне, прежде всего, потому, что это равносильно было для них признанию того, что советская система на тот момент времени оказалась гораздо более стойкой и жизнеспособной, чем система буржуазно-демократических государств, которые одно за другим капитулировали перед Гитлером.

Советский Союз смог выстоять и вынести основную тяжесть мировой войны на своих плечах именно потому, что военно-экономический потенциал его был обеспечен политикой форсированной индустриализации, за которую эсеры критиковали большевиков. Морально-политическое единство советского народа, проявившееся в массовом героизме в годы Великой Отечественной войны, подтверждало, то, что власть большевиков опиралась на широкую социальную базу, а не держалась только с помощью репрессий. Признать все это для эсеров означало бы признать правильность большевистской стратегии модернизации страны, а вместе с этим и свое полное политическое и идеологическое поражение.

Часть эсеровской эмиграции, которая оказалась в оккупированной Европе, вдохновленная военными успехами СССР, не скрывала своего патриотического восхищения Советским Союзом. Именно на таком эмоциональном подъеме состоялся визит в советское посольство в Париже 12 февраля 1944 г. группы эмигрантов под руководством В.А. Маклакова. Однако нью-йоркская группа эсеровских эмигрантов резко негативно восприняла этот факт.

Наиболее непримиримую позицию в этом вопросе занял М.В. Вишняк. Он считал, что признание В.А. Маклакова и его группы советской диктатуры «как власти национальной и русской», под влиянием эмоций и «патриотического шока» сделали то, на что не решаются и многие откровенные капитулянты, вздыхающие о «духовном возвращении на родину».¹⁰⁴ Чернов воздержался от критики визита, полагая, что это

своеобразный «признак времени». Визит ничего не принес русской эмиграции, а связанная с ним кампания является только «бурей в эмигрантском стакане воды».¹⁰⁵ Хотя позже в письме к Б.И. Николаевскому, он писал про эмигрантов пошедших «обивать» пороги советского посольства во Франции: «Жаль их конечно, но к этой жалости примешивается чувство унижения за них».¹⁰⁶

Компромиссную позицию занял А.Ф. Керенский. Он считал, что в условиях победы Советов надо изменить тактику политических эмигрантов. Следует заявить о своей лояльности к советской власти, но при этом продолжать отстаивать демократические принципы.¹⁰⁷ М.В. Вишняк не соглашался с А.Ф. Керенским, полагая, что поступиться незыблемыми принципами прав и свобод человека нельзя в угоду «психологическому настроению советских людей в Париже или даже в Москве».¹⁰⁸ Практически солидаризировался с М.В. Вишняком, предугадывая подобную ситуацию В.М. Зензинов. Еще в 1944 г. он писал: «Мы сейчас плывем против течения. Но наше время еще придет и, вероятно, даже скоро.... И когда тень Сталина повиснет над Европой, то многие даже из «патриотов» заговорят по-другому».¹⁰⁹

Критика сталинской политики нью-йоркской группой ПСР вызывала обвинения в ее адрес со стороны части российской политической эмиграции в «тайном пораженчестве» и «вульгарном антибольшевизме».¹¹⁰ Разъясняя суть позиции группы М.В. Вишняк, занимавший правые позиции, подчеркивал, что эсеры выступают как «патриоты России и Европы, как демократы и социалисты». Их патриотизм непременно связан «с определенной формой культуры и культурой политической, с определенным уровнем гражданственности». Поэтому «русский политик и патриот...не в праве не различать в СССР между народом и режимом, между интересами страны и власти... Мы убеждены, что русский народ не заслужил ни Николая Второго, ни Сталина, как и немецкий народ не заслужил ни Гитлера, ни Геббельса. Мы отрицаем поэтому, чтобы доля участия России в решении

своей судьбы измерялась и определялась мерой успехов Сталинского командования». ¹¹¹

Очевидно, что демократия для значительной части российской интеллигенции (и эсеровской в том числе) превращается в идеологический фетиш, за которым просматриваются узко кастовая эгоистическая мораль и интеллигентский снобизм по отношению к народу. Показательно, что «разоблачительные» статьи правых эсеров, публиковавшиеся в годы войны в журнале «За свободу» доходили до советских солдат и вызывали глубочайшее возмущение. Историк П. Берлин вынужден был признавать, что между ними и советскими людьми разверзлась «бездна глубокого непонимания». ¹¹²

С рассуждениями М.В. Вишняка перекликаются и собственные мысли Чернова. В одной из своих неопубликованных статей он говорит о «двойном чувстве», которое порождают у него события начавшейся войны. «Прежде всего, конечно, чувство боли за родную страну, за тот цвет русского юношества, который брошен сейчас в чудовищную мясорубку неслыханной по интенсивности бойни. Но к этому чувству явно примешивается другое, как будто снимающее тяжкий камень с души; ибо Россия народная, наша, пропитанная двуединым пафосом свободы и социальной справедливости, в этом акте самозащиты обрела, наконец, самое себя – из навязанной ей постыдной роли попустительницы, а пособницы, соучастницы преступлений мирового фашизма она вышла, она перешла в лагерь защитников от него самых основ **нашей** гуманитарно-демократической, цивилизации!». ¹¹³ Таким образом, для Чернова, как для «демократа», эта война, прежде всего акт покаяния народа за, якобы, свершенные им грехи – пособничество тоталитарному режиму. Главное для него – не защита отечества, а защита «общечеловеческих» ценностей.

Эсеры полагали, что тяжелое испытание, выпавшее на долю советской власти, с одной стороны, и тесная связь с мировыми демократиями, с другой – будут способствовать либерализации политического режима России. ¹¹⁴

Чернов утверждал, что нельзя опираться в войне на всестороннюю помощь демократического блока, не испытывая все время его, так сказать, морального давления. Хотя он подразумевал под этим не грубое вмешательство во внутренние дела России, а «неосязаемое, но всестороннее влияние демократического духа союзных народов и одушевляющего их пафоса свободы и гуманизма». Однако, если отбросить эту возвышенную риторику и всмотреться в суть конкретных предложений эсера, то окажется, что он был сторонником установления некоего «демократического шефства» над СССР. Так после коренного перелома в войне, отмечает Чернов, «момент, когда Сталин чувствовал себя висющим на волоске и был бы рад пойти на любые условия, был едва ли не навсегда упущен». «Ни из Лондона, ни из Вашингтона в этом направлении не было сделано никаких демаршей. В том, может быть, не было ничьей вины, лишь общая беда», – пишет эсер.¹¹⁵

Эсеры в условиях войны отказались от ставки на насильственные методы борьбы против власти большевиков, поняв, что это приведет к хаосу и поражению страны. «Революция в настоящих условиях была бы несчастьем для России. Она внесла бы неизбежную анархию, которая только помогла бы военному разгрому России», – писал Авксентьев.¹¹⁶ Чернов также призывал «авангардные силы демократизации России» к тому, чтобы подчинить свою деятельность интересам борьбы с гитлеровским нашествием. Однако при этом не скрывал, что все-таки конечной целью для них является ликвидация власти большевиков. «... При всей законности отталкивания от существующего в стране режима, надо искать не столько самых радикальных и стремительных, сколько наиболее безболезненных форм его ликвидации».¹¹⁷

Поражает наивностью, если не сказать больше, предложения эсеров сталинскому руководству совершить «великий акт справедливости»: выпустить на свободу всех заточенных, депортированных и т.д., чтобы «содействовать всенародному сплочению и энтузиазму».¹¹⁸ Чернов не мог не

знать что, на стороне коллаборационистов сражались десятки тысяч националистов, раскулаченных и пр., обиженных советской властью. Как ответственный политик, если он таковым себя считал, он не мог не просчитывать катастрофических последствий такого «гуманизма».

Очевидно, что иллюзорное представление о политических реалиях военного времени очень сильно помешало Чернову в полной мере оценить действительную роль и место СССР во второй мировой войне. В своих работах, посвященных анализу военно-политических событий, он демонстрирует слабую осведомленность по кардинальным вопросам, связанным с расстановкой сил и хода событий, дипломатической и политической борьбы, как между противниками, так и между союзниками.

Он сетует, что между союзниками нет полного доверия и единства, в общем-то, правильно объясняя причину этого отсутствием общих целей в войне.¹¹⁹ Но то, что он предлагает, свидетельствует об абсолютном непонимании им расстановки политических сил в мире. Сталину он приписывает планы установления политического гегемонизма во всей Европе.¹²⁰ Тогда как Англия и США в воображении эсера рисуются исключительно как поборники демократии. Именно от общения с ними и советский народ, и большевистская власть должны были проникнуться общечеловеческими гуманистическими ценностями и встать на путь демократии. Эсер предлагает объединить усилия не только для совместной борьбы с фашизмом, но и для создания такого «Нового Демократического Порядка», который бы в будущем исключал возможности новых войн.¹²¹

Чернов приветствовал итоги Московской конференции в октябре 1943 г., согласно которым Сталин присоединился к формуле безусловной капитуляции Германии, и были созданы комиссии для координации военных действий. Это, по его мнению, означало ликвидацию опасности для заключения сепаратного мира СССР с Германией. Даже в провозглашении войны «Великой Отечественной», Чернов усматривал не патриотический

шаг, проникнутый любовью к Родине, а стремление Сталина к сепаратизму.¹²²

Таким образом, позиция Чернова как представителя центристского направления в эсеровской эмиграции на заключительном этапе второй мировой войны явно сближается с установками правого крыла. Еще больше эта тенденция усиливается в годы «холодной войны».

4.3. Послевоенное устройство мира: альтернативы холодной войны

Вторая мировая война явилась эпохальным по своим историческим последствиям событием. Она явственно обнаружила двойственный характер глобальных исторических процессов, направленных, с одной стороны, на интеграцию государств с различным общественно-политическим строем во имя защиты общечеловеческих интересов мира и прогресса, с другой – реальные сложности и противоречия, возникающие на этом пути. Преступления фашизма против человечества и катастрофические разрушения в воевавших странах показали необходимость объединения усилий всех государств для поддержания мира и равновесия в международных отношениях. Это имело, с точки зрения Чернова, революционное значение для кардинального изменения общественного сознания в пользу приоритетов демократического устройства мира на началах подлинного равноправия народов и должно было создать условия для «полного обновления и возрождения человечества: культурного, социально-политического и морального».¹²³

Конкретные пути осуществления этой задачи он связывал с созданием международной организации, наделенной юридическими полномочиями и реальной силой для решения важнейших задач по поддержанию мира. «Главное, за что нам стоит воевать, – это то, чего еще нет, что нужно еще завоевать. Это – вооруженный всеми санкциями всеобщий правовой миропорядок», который может гарантировать человечество от повторения

мировых войн», – писал он в статье «Пораженцы и оборонцы» в 1942 году.¹²⁴

Правильно уловив историческую тенденцию к интеграции в международных отношениях, Чернов все же оказался не состоянием понять, что строительство нового миропорядка будет неизбежно определяться реальным балансом сил, сложившимся в послевоенном мире, и геополитическими интересами стран победительниц. Он слишком переоценивал динамику интеграционных процессов, полагая, что «эпоха национально-государственных суверенитетов» подходит к концу. Все больше и больше над государствами будут доминировать надгосударственные образования, и это приведет к мировому «сверхгосударству», полагал он.¹²⁵

В своих размышлениях он основывался на том, что в национальных государствах набирают все большую силу тенденции к автономизации институтов гражданского общества от государства на разных уровнях, начиная от местного самоуправления территорий и общественно-политических корпораций и кончая отдельной человеческой личностью. Как очевидно, Чернов исходил в этом вопросе из априорных представлений о правах человеческой личности и народов как некой абсолютной внеисторической ценности, которым должна быть подчинена политика государства. Поскольку важнейшее право человеческой личности на жизнь противостоит войне, то, якобы, это и создает условия для объединения всех народов в борьбе с милитаризмом и агрессией отдельно взятых государств. «Совокупное человечество не может позволить ни одной своей части завести режим военного хозяйства, военной автаркии, тоталитарного деспотизма, способного в любой момент зажечь пожар мировой войны. ... Оно имеет право и обязанность раздавить эту угрозу в самом зародыше», – утверждал Чернов.¹²⁶

Прообразом такого идеального «сверхгосударства» и должна стать международная организация для устройства послевоенного мира. Её

политика, в представлении Чернова, должна строиться на твердых принципах международного права, учитывая в равной степени интересы всех народов. В коллекции Гуверовского архива нами обнаружены черновые наброски работ Виктора Михайловича, относящиеся, по видимому, к концу второй мировой войны, в которых он излагал следующие принципы послевоенного урегулирования мирового порядка:

1. Все изменения межгосударственных границ, последовавшие со времени нарушения международной стабилизации экспансиями «оси» (начиная с итальянского захвата Эфиопию), объявляются потерявшими силу.

2. Никакие изменения государственных границ без добровольного соглашения сторон, обращения к третьей или международной юрисдикции или без демократического опроса населения перемещаемой территории не могут иметь международной силы.

3. Устанавливаются основы интернационализированного права – международные, обязательные нормы права, гарантирующие личные и общественные права и свободы человека и гражданина.

4. Утверждается Международный Верховный суд с обязательной всеобщей подсудностью ему во всем, что относится к соблюдению норм интернационализированного права, с правом обжалования в нем государственной и административной практики, направленной в нарушение или в обход этих норм.

5. Учреждается международный постоянный исполнительный орган – Международный Комитет Безопасности, следящий за проведением в жизнь как вердиктов Международного Верховного Суда, так и решений международных конгрессов мира и т.п. правомочных мировых интересов.

6. В случае непредупрежденных силовых конфликтов между отдельными государствами они разрешаются мировым сообществом народов по общим правилам демократического и правового ведения дел с устранением от участия в решении самих тяжущихся сторон.

7. Организуются постоянные вооруженные силы, независимые от отдельных государств и находящиеся в исключительном распоряжении компетентных международных органов и учреждений, достаточные для того, чтобы ликвидировать всякое сопротивление правомочным мировым решениям.

8. По мере создания и укрепления этой силы происходит соответственное всеобщее разоружение, равносильное и равномерное для всех, за исключением государств, «которые будут подвергнуты усиленному одностороннему разоружению за проявление ими опасной для других агрессивности».¹²⁷

Как очевидно, план Чернова не ограничивался лишь задачами урегулирования международных отношений, но включал и более широкие полномочия этой организации в решении и внутривнутриполитических вопросов стран-участниц. Так что Чернов шел в своих планах гораздо далее, чем созданная в 1945 г. ООН, скорее, он предвосхитил создание Европарламента.

Принципиальным вопросом послевоенного урегулирования Чернов считал решение судьбы германского государства. Он категорически выступал против расчленения Германии, полагая, что ущемление её прав будет повторением ошибок Версальского мира, которые и привели ко второй мировой войне. В стремлении к разделу Германии он видел проявление «примитивной логики мести» по принципу «око за око, зуб за зуб». Оно, с его точки зрения, несовместимо не только с принципами нового миропорядка, в основе которого должны быть положены ценности демократии и гуманности, но и с простой целесообразностью, ибо раздел приведет к реставрации реваншистских настроений в Германии. Поэтому он называл такое предложение союзников «Сверх-Версалем» и предсказывал катастрофические последствия от него для мирового сообщества. «Уничтожение Германии – это только путь к «антисемитизму наизуот». Это – не наш путь», – утверждал он.¹²⁸

Какой же вариант послевоенного устройства Европы предлагал Виктор Михайлович? Будущая Европа представлялась ему союзом федераций, который включает Восточную Европу вместе с Советским Союзом, Северную Европу и Романо-Эллинскую. Этого, по мнению эсера, достаточно, чтобы нейтрализовать даже самые воинственные силы в Германии, поскольку страх оказаться между сильными федеративными союзами будет надежным превентивным средством.

В идее федеративного устройства Европы Чернов не был оригинален. Еще до войны были предложены проекты образования «Пан-Европы» как некоего надгосударственного союза государств Западной Европы. В начале войны, 2 ноября 1941 г. на конгрессе Международной организации труда, состоявшемся в США, представители Греции, Югославии, Чехословакии и Польши подписали резолюцию, в которой предусматривалось формирование демократической федерации на Востоке Европы для решения вопросов внешней безопасности и экономического сотрудничества после войны.¹²⁹ Планы по созданию федераций в Европе обсуждались и союзниками.

Большую роль в урегулировании политических процессов в послевоенном мире Чернов отводил СССР, полагая, что он наравне с Англией и США примет участие в заключении мира и выработке статуса Новой Европы. Если на долю Атлантического блока держав выпадет создание демократической федерации государств, лежащих к западу от Рейна, то на долю Советского Союза – федерации к востоку от него. «Организация Восточно-Европейского комплекса – вот задача, в разрешении которой Россия, каковы бы ни были господствующей в ней режим и правящее ею правительство, не может не принять самого активного участия», убеждал он.¹³⁰

Объединение славянского мира под эгидой СССР, в представлении лидера эсеров, важно не только для решения общеевропейских проблем, но и прежде всего для самой России, так как это будет способствовать выходу

её из международной изоляции, на которую её обрекла внешняя политика большевиков.

Чернов считал, что для прочного союза славянских народов необходимо выработать положительные и конструктивные основы и принципы будущего взаимодействия. Первым условием консолидации он считал снятие таможенных и визовых барьеров. Это позволит, с одной стороны перейти к формированию единого восточноевропейского рынка, с другой – защитить экономику этих стран от конкуренции более сильных соперников на Западе.¹³¹ Такая политика выгодна как слабо развитым в промышленном отношении странам Восточной Европы, так и СССР, поскольку позволит расширить потребительский рынок советской промышленности.¹³² Для создания единого хозяйственного комплекса СССР и Восточной Европы, по мысли Чернова, было вполне приемлемо использовать те преимущества, которое дает система государственного хозяйства, сложившаяся в советской стране.

Для реализации своего проекта Чернов предлагал создание общего представительного органа с соответствующей исполнительной властью. В его компетенцию должны войти установление общих норм координации финансовой и валютной политики, стабилизация соотношений отдельных валют, или же более радикальная мера – замена их единой общесоюзной валютой. Также он будет ведать объединением железнодорожной сети, путями сообщения союзных стран и общей политикой внешней торговли. «Заключение таможенной унии и появление вместе с нею многих новых проблем потребует, вероятно, создания Верховного Всесоюзного Трибунала для разрешения всех трений, споров и тяжб между составными элементами союза».¹³³ Таким образом, Чернов предвосхитил основные черты послевоенного экономического взаимодействия между СССР и странами Восточной Европы и организационные основы созданного в 1949 г. СЭВ.

По мнению Чернова, экономические выгоды существования союза «не подлежат никакому сомнению». Его не смущало то, что страны Восточной

Европы уступают в промышленном отношении СССР и являются в большинстве своем аграрными (Польша, Румыния, Болгария). Он был уверен, что с помощью СССР они быстро ликвидируют эту отсталость. О грандиозных успехах, о небывалом в истории темпе развития советской промышленности весь мир слышал так много, рассуждал он, что его экономического потенциала достаточно, чтобы компенсировать отставание этих стран.¹³⁴

Чернов утверждал, что объединение всех экономических и людских ресурсов будет способствовать решению такой глобальной задачи, как освоение неисчислимых богатств Сибири. Она должна, по мысли эсера, превратиться в колониционный фонд «для всех народов будущего союза». Освобождение огромной территории от бесчисленных паспортных, визовых и таможенных заграждений, «прилив к дремлющим в земных недрах грандиозным природным богатствам Сибири организационных и созидательных сил» быстро и успешно превратит эту «страну будущего в то, что ей предназначено историей в новую Америку».¹³⁵

Конечно, такой проект больше напоминает утопию. Но если отвлечься от изучения идейного наследия Чернова 1940-х гг. и вспомнить о настроениях в начале 1990-х гг., возобладавших в определенных кругах либеральной российской интеллигенции, когда приоритет «общечеловеческих ценностей» был возведен в ранг государственной политики и на основании этого открывались границы, ликвидировались все барьеры и государственные секреты, то становится понятно, что, несмотря на определенную нравственную привлекательность таких проектов, это отнюдь не безобидные интеллигентские чудачества, они представляют вполне реальную опасность для любого государства. В основе их лежит либо добросовестное заблуждение (как в случае с Черновым), либо сознательное манипулирование общественным сознанием в интересах определенных политических и национальных сил. Причины такой политической наивности лидера эсеров связаны с его ошибочным

гносеологическим представлением о природе и сущности государства и субъективистским подходом к анализу международных политических процессов.

Особенно это проявилось в оценке роли и места СССР в послевоенном мире. Дело в том, что лидер эсеров обуславливал активное участие Советского Союза в международных делах обязательными изменениями в политическом строе страны. Он заявлял, что СССР придется решать для себя вопрос принципиальной важности: или он идет по пути демократизации политического строя и возглавляет Восточноевропейскую федерацию, или, сохраняя тоталитарный строй, остаётся в «блестящей изоляции», и процесс «собирания Новой Европы» идет мимо него. В этом случае геополитическая целостность и единство Восточной Европы будут осложнены глубокими противоречиями, связанными со спорным характером политических границ.¹³⁶

Чернов надеялся, что освободительная миссия, выпавшая на долю СССР, обязательно приведет к трансформации его политического режима. «Нельзя освобождать вовне, отрицая свободу внутри. Нельзя нести народам единство в свободе и свободу на путях единства, не очистившись внутри от тоталитарной и диктаториальной скверны», – заявлял он.¹³⁷ Лидер эсеров очень опасался, что Советский Союз оставит за собой территории части Польши, Бесарабии, Прибалтийских государств, занятые советскими войсками в начале войны. Он считал, что с ликвидацией фашистской Германии условия советско-германского пакта 1939 г. о передаче территорий этих стран теряют юридическую силу. И единственный выход в решении этого щепетильного вопроса он видел в проведении плебисцита в этих странах, чтобы население могло «свободно» изъяснить свою волю.¹³⁸ Его, как видно, не смущало то, что территории, присоединенные к СССР в 1939 г., были исторической частью Российского государства. Потеря Прибалтики для СССР означала утрату выхода в Балтийское море, что наносило удар по безопасности страны и развитию торговых и

экономических отношений. Чернов строил свои рассуждения, руководствуясь не реальными национальными интересами, а непреходящими ценностями демократии и гуманизма.

Исходя из этих высоких соображений, лидер эсеров беспокоился о том, как бы Сталин не навязал демократическим странам США и Англии свою волю. Эту опасность Чернов увидел в решениях Тегеранской и Ялтинской конференций. Он даже критиковал позицию Черчилля и Рузвельта за то, что они пошли на поводу у Сталина и отступили от Атлантической хартии, согласившись признать восточную границу Польши по линии Керзона.¹³⁹

Чернов был убежден в том, что внешнеполитические устремления СССР приобрели к концу войны весьма агрессивные черты. Так, он отмечал, что Сталин относится с «полнейшим скептицизмом» к вопросу о создании всеобщего режима коллективной безопасности, не желает поступиться никакой долей суверенитета СССР «в пользу сверхсуверенитета надгосударственной международной организацией человечества». Советский руководитель демонстрирует «абсолютную враждебность» к созданию в Европе каких бы то ни было региональных федераций, тяготеет к разделу мира на сферы влияния между сильнейшими державами и относит территорию между СССР и Германией к советской сфере влияния. Таким образом, подчеркивал он, тактика Сталина характеризуется стремлением обеспечить монопольное преобладание СССР в Европе и «обогнать союзников в направлении на Берлин».¹⁴⁰

Страх перед «империалистическими» устремлениями СССР принимает у Чернова патологические формы. В одной из своих статей он с полной серьезностью утверждает, что СССР может оказаться перед «великим историческим соблазном – поднять скипетр европейской гегемонии, выпавший из рук Гитлера».¹⁴¹

Чернов, как очевидно, очень далек от сколько-нибудь адекватной оценки реальной ситуации. Он не мог не понимать, что победа СССР обеспечена высокой ценой – огромные людские потери, разрушенная

экономическая инфраструктура, истощение всех ресурсов страны. В этих условиях сталинское руководство было лишено возможностей для реализации тех империалистических целей, которые приписывал ему Чернов. Поэтому во внешней политике оно было готово идти на компромиссы в решении актуальных международных проблем.

Надо заметить, что Чернов в подобной оценке был не одинок, и большая часть американской группы эсеров занимала аналогичные позиции. Это вызывало непонимание в европейской эмигрантской среде. Примечательно в этом отношении письмо известной в кругах политической эмиграции Е.А. Кусковой к В.М. Зензинову. Она резко критикует своих американских товарищей, в том числе и Чернова, за крайне тенденциозный подход в оценке послевоенной политической обстановки. «Неужели В.М. не понимает, что война еще не окончена, – писала она в октябре 1946 г., – и что даже Турция является серьезной угрозой России?! Зачем же впадать в толстовство и называть милитаризмом законное желание (скажу даже – **обязанность – СНОВА отстоять страну**). И неужели он не согласен с тем, что сейчас Россия **ОЧЕНЬ** слаба в военном отношении? Куда уж ей до «империализма»! Хоть бы хватило сил для новой самозащиты в период просто безумной борьбы за БАЗЫ и рынки. Впрочем, тот спор с русскими-американцами бесполезен. Они так уперлись в этот империализм (с равными подошвами и разрушенной страной!), что уж не видят действительности. Здесь, в Европе, мы хорошо видим гигантское сплочение сил против России. К сожалению, силы эти – консервативны и в случае победы закуют в кандалы не только коммунизм».¹⁴²

Вот этой «безумной борьбы за базы и рынки», которая велась союзниками СССР, Чернов просто не замечал. Между тем он не мог не знать о развернувшейся в Сенате США полемике по вопросу о территориальном переделе мира. Группа видных сенаторов выступила за передачу Америке после войны британских и французских военно-морских баз в Африке, Индии, Австралии, а также окончательное закрепление за

США временно оккупированных Исландии и Гренландии и тихоокеанских владений Японии. В то же время Британское правительство претендовало на бывшие итальянские колонии – Сомали, Эритрею, Ливию и Триполитанию и т.д. СССР же ставил только вопрос о возвращении входивших до войны в его состав территорий.

Вероятно, борец с тоталитаризмом был убежден, что наличие геополитических интересов у демократических государств является вполне законным, тогда как иметь их тоталитарному государству, каковым, с его точки зрения, является СССР, не позволено. На предвзятость такого взгляда указывал В.В. Сухомлин. Он пытался убедить своих товарищей в том, что наивно было бы полагать, что после войны народы послушно вернутся к довоенному состоянию. Версальская система мира «совершенно не принимала в расчет интересов России», более того, своим польским острием была направлена против нее. Во второй мировой войне Россия «вынесла на своих плечах главную тяжесть борьбы», понесла невосполнимые потери, поэтому вполне естественно, по мнению В.В. Сухомлина, для нее будет требование о «коренном пересмотре Версальской системы и перераспределении всех европейских, азиатских и колониальных территорий, стратегических баз в соответствии с ее интересами и ее международным весом».¹⁴³ Такое требование он рассматривал как защиту национальных интересов страны и считал обвинения в империализме СССР, которые предъявляли его товарищи по эмиграции, безосновательными.

В связи с этим В.В. Сухомлин критически воспринял проекты Чернова о создании надгосударственного объединения для решения мировых проблем, назвав его «фантастическим проектом мирового государства». Он совершенно справедливо указывал, что в современных условиях, это не только утопично, но и крайне вредно, ибо в рамках такого искусственного образования, где будут собраны под одной крышей государства с разным уровнем экономического и культурного развития, неодинаковые по степени влияния в мире, ни о каком равенстве не может быть и речи.

В.В. Сухомлин считал, что ведущие капиталистические государства располагают весьма сильными средствами влияния на мировую политику, из них наиболее известными являются кредиты, займы, капиталовложения и торговые договоры. Наивно предполагать, что великие капиталистические демократии согласятся передать решение таких вопросов, как мировые пути сообщения, распределение тоннажа, нефтяные источники, не говоря уже о военно-морских базах, на решение коллектива, состоявшего из равноправных и в большинстве своем сухопутных наций.¹⁴⁴

Но эсеры группы «За свободу» не отказывались от прежней тактики и оценки СССР. Более того, в статье «Доктрина Трумэна», опубликованной в 1947 г., они с предельной откровенностью заявляли о поддержке милитаристской доктрины, провозглашенной президентом США и направленной против СССР. «Бесспорно, не все, исходящее от внесоветского мира, добро и благо, заслуживающее признания. И внешняя политика противостоящих СССР стран питается не чистым только альтруизмом, а преследует и свои очень земные, чтобы не сказать, низменные, цели. Пусть дипломатия, оперирующая долларами и спекулирующая на экономической нужде, более чем непривлекательная. Однако по сравнению с голым чекистско-коминтерновским насилием и долларовская дипломатия оказывается человеколюбивой – как всякий экономический империализм гуманнее империализма милитаристического», – объясняли они свою позицию на страницах «За свободу».¹⁴⁵

Отрицая право СССР отстаивать свои геополитические интересы, эсеры любой шаг в этом направлении рассматривали как проявление империализма, внутренне присущего социально-политической природе советского тоталитарного строя. Поэтому и всю ответственность за развязывание «холодной войны» возлагали на СССР. Чернов рассматривал сложившуюся после войны международную ситуацию как противостояние между демократическими государствами (США и страны Западной Европы)

и СССР. Одним словом, эсеры вполне могли бы присоединиться к ставшей известной позже формуле: СССР – «империя зла».

В годы «холодной войны» Чернов пересматривает свои прежние оценки начала и характера второй мировой войны и роли СССР в ней. Если в начале 1940-х гг. он еще стремился найти объективные причины подписания пакта 1939 г., объяснить позиции Москвы, в том числе ошибками и просчетами союзных дипломатий, то теперь однозначно основным пособником Гитлера в развязывании войны он объявляет СССР, связывает причины войны с продуманной и коварной политикой Сталина, направленной на разжигание противоречий между странами фашистского блока и демократическими государствами. Даже патриотический подъём советского народа в годы Великой Отечественной войны Чернов объяснял исключительно реакцией на «нестерпимое расовое высокомерие, и одержимость нацизма», которые по закону психологической реакции вызвали в массах «взрыв нового мужества, граничащий порою с мужеством отчаяния».¹⁴⁶

Не остались без эволюции и его взгляды по проблемам тоталитаризма. Если в 1930-е гг., признавая режимы СССР и Германии тоталитарными, он подчеркивал, что они все же являются «антиподами», то во второй половине 1940-х гг. он практически ставит знак равенства между ними. На этом этапе аналогии между фашистской Германией и СССР, которые ранее у Чернова выглядели в виде некой гипотетической схемы, уже обретают отчетливые черты непререкаемой идеологической догмы. Разницу между фашизмом и большевизмом он видит только в том, что Гитлер провозглашал идею мессианской роли немецкой нации, а Сталин – пролетариата. «Большевизм в этом смысле является лишь красным нацизмом, а нацизм-фашизм – коричневым и чернорубашечным большевизмом», – утверждал Чернов.¹⁴⁷

Агрессивная внешняя политика Сталина, по мнению Чернова, была неотъемлемым проявлением тоталитарной природы СССР, находилась в полном соответствии с внутренним идеологическим смыслом большевизма

и его прежним курсом на мировую революцию. Поэтому накануне войны СССР подталкивал Чехословакию к неприятию «мюнхенских» решений, вел провокационную проповедь через Коминтерн «крестового похода» против мирового фашизма, организацией переговоров с английской и французской специальными военными делегациями «допугал» Германию до пакта Молотова – Риббентропа и фактически тем самым развязал руки Гитлеру для начала второй мировой войны, обеспечив «себе возможность под шумок всеобщей мировой войны округлить свои территории за счет милых и слабых соседей».¹⁴⁸

В годы «холодной войны» лидер эсеров весьма предвзято относился к политике США и СССР. Он готов был оправдать любые действия США, направленные не только против СССР, но даже против других стран, лишь бы только это служило делу борьбы за «демократию» в мире. Так, он считал, что действия США в Японии в 1945 г. (в том числе и атомная бомбардировка) вполне правомерны, тогда как переброска советских войск в Манчжурию рассматривалась им как попытка экспансии СССР на Дальнем Востоке. «Спешка в захвате земель и городов направлена, таким образом, уже не против Японии, а против правительства китайской национальной революции, восемь лет бившейся против японской агрессии, вначале без помощи от кого-либо», – утверждал Чернов.

Лидер эсеров, как очевидно, с глубоким удовлетворением воспринял и сам факт ядерной монополии США и использование её как фактора силы в международных отношениях. «Хорошо еще, что Америка твердо решила отказать в выдаче кому бы то ни было секрета бомбардировки атомными взрывами – секрета, к которому Сталин уже протягивал свои длинные, заgreбистые руки!», – писал он.¹⁴⁹

Таким образом, логическим завершением идейного пути Чернова в конце 1940-х гг. стал переход на ярые антисоветские позиции, которые по своей интенсивности сравнимы разве только с антисоветской пропагандой в Америке времен «холодной войны». Естественно, что такие идейные

метаморфозы бывшего социалиста-революционера требуют научного объяснения. На наш взгляд, определенную роль в подобной эволюции сыграли психологические причины – иррациональное чувство страха за будущее человечество, связанное с появлением ядерного оружия, обусловленное опасностью третьей мировой войны. Ядерное оружие, отмечал он в письме к Б.И. Николаевскому в 1945 г., «ставит человечество на распутье двух дорог: либо пан, либо пропал», либо человечество получает решающее «господство над временем пространством и материей», либо «всеобщий хаос и взаимоистребление».¹⁵⁰

Страх подпитывался обстановкой резкой идеологической конфронтации и массивной антисоветской кампанией в американской печати. Свою роль сыграли и сведения, поступавшие к эсеровским эмигрантам из стран Восточной Европы. Так, Е.Д. Кускова в письмах сообщала о репрессиях, развернутых НКВД в Чехословакии против эсеровских эмигрантов. «Письма из Чехии так страшны, что не дают жить». «Просто волосы встают дыбом. Хотя я все это знала от очевидцев, сюда добежавших, но каждая подробность рвет сердце». «Подумайте только – столь поздняя месть за Уфу и Сибирь.... До какого же колена будут мстители».¹⁵¹

Феномен «невозвращенчества» – стремление части советских людей, оказавшихся на территории Европы и Америки, остаться за границей – сыграл определенную роль в усилении негативного отношения Чернова и эсеров к политическому режиму в СССР. Виктор Михайлович расценивал это явление как своеобразный «молчаливый народный плебесцит» русского народа против Сталинской власти, проявившийся в стремлении уйти из-под ее контроля.¹⁵² Это убеждение подпитывала политика СССР по насильственной репатриации населения – принудительном возвращении на родину советских граждан «этапным порядком». Все это, вместе с усилением репрессий внутри страны, еще больше укрепляло Чернова и эсеров в убеждении, что народ и власть совершенно «разошлись» в СССР.

Естественным завершением личного сталинского режима, отмечал он, «является все более полная взаимная изоляция власти и народа, таящая в себе зародыш смерти всякой здоровой гражданственности и политической активности, опасных и противоречащих самым основным принципам национального самосознания в России».¹⁵³

В этих условиях Чернов снова призывал социалистов встать на путь борьбы с коммунистической властью вместо «шкурного паникерства и пораженчества».¹⁵⁴ Это практически означало, по его мнению, складывание союза демократической эмиграции и демократических государств против грозящего всему человечеству «всемирного тоталитарного деспотизма».

Как отмечал М.В. Вишняк в статье «Советское правительство и эмиграция», в политике со времени появления советской власти ничего не изменилось. По-прежнему «одна партия управляет, а все другие "бережно сохраняются" в тюрьме», существуют репрессивные органы, не упразднены «концлагеря, ГУЛАГ, политизоляторы, бессудные расправы и прочие реквизиты гражданской войны». А если не изменились приемы и методы осуществления политики, «попираются вечные ценности общежития» – законность, права и свободы человека, то ничего не изменилось для политической эмиграции. «Осталось полностью в силе и то, что единственно и оправдывает эмиграцию и составляет смысл ее существования, – независимая и свободная критика советского управления, недоступная подсоветскому населению».¹⁵⁵

Чернов не переставал надеяться, что советский народ откликнется на призывы демократической эмиграции к свободе. Определенную почву, по его мнению, должна была создать «великая духовной встряска», вызванная войной. Духовные потрясения выбили «огромные массы народа из узеньких колеи прибитого к земле подневольного ...прозябания», сделали зрячими, вдохнули энергию и самоуважение». С побывавшими за границей людьми, «подышавшими чистым воздухом демократических свобод, права и культуры», в Россию, несмотря на все препоны, верил Чернов, «должна

ворваться резкая и мощная струя свежего, здорового воздуха». Это, по его мнению, позволяло надеяться на успех демократической пропаганды в СССР. Ее цель Чернов видел в разъяснении населению СССР и стран социалистического блока реальных возможностей выхода из «коммунистического тупика, в который завел народ авантюризмом их властителей», и широких перспектив, открываемых перед ними «теснейшим сердечным сближением между не складывающимися оружие демократиями этих стран и великой американской демократией».¹⁵⁶

Пропаганду «светлого демократического будущего» Чернов связывал с задачей ликвидации тоталитарных режимов. Для этого предполагалось подключить к деятельности эмигрантов «опытных в делах такого рода искусных и компетентных экспертов» с американской стороны, а также создать в США «репрезентативные органы» российской демократии. Одним из таких органов, например, могло стать общество американских граждан, по рождению, родственным связям и первоначальной духовной культуре связанных со всеми теми народами, которые находятся в «плёну коммунистического рабства». Далее предполагалось на базе этого общества создать Институт изучения Востока Европы, который бы финансировался, естественно, за счет «великой американской демократии».¹⁵⁷

Первый шаг к осуществлению этой программы был сделан Черновым уже в 1948 году. В мае Виктор Михайлович принял участие в создании в Нью-Йорке «Лиги борьбы за народную свободу» – организации, объединившей демократическую эмиграцию. Ее целью являлась «борьба против коммунистической диктатуры во имя установления в России свободного, подлинно демократического строя».¹⁵⁸ Главными политическими требованиями Лиги являлись: созыв Учредительного собрания, немедленное освобождение политических заключенных и уничтожение концентрационных лагерей, установление федеративной демократической республики, гарантии права и свобод граждан. В области социально-экономических отношений предполагалось ликвидировать

принудительные колхозы, предоставить крестьянам полную свободу в выборе форм землепользования. Признавалось целесообразным раскрепощение ремесла и мелкой промышленности, поощрение частной и кооперативной инициативы, развитие частной торговли, поощрение потребительской и промысловой кооперации при сохранении в руках государства недр, энергохозяйства, транспорта, ведущих позиций в тяжелой промышленности, монополии внешней торговли и кредита.¹⁵⁹

Лига стала хорошим фундаментом для сближения позиций эсеровской и социал-демократической эмиграции, объединение которых в единую социалистическую партию состоялось в марте 1952 г., за месяц до смерти Чернова. Дальнейшее существование основанных на базе Лиги демократических организаций российской эмиграции, в финансировании которых определенную роль играли государственные структуры США, столкнулось с определенной дилеммой: каким образом, борясь за демократизацию в России, дистанцироваться от откровенных попыток властей использовать организации эмигрантов для борьбы с СССР в своих собственных национальных интересах. Но это уже другая история, в которой Чернов никакого участия не принимал. Последние два года он тяжело болел и практически не участвовал в деятельности Лиги.

Таким образом, по окончании второй мировой войны эсеровская эмиграция в США снова перешла на знакомую им уже позицию непримиримой оппозиции к большевизму. На наш взгляд, это неразрывно оказалось связанным с тем, что эсеры и Чернов так и не смогли признать своего поражения в политической и идеологической борьбе с большевиками. Идеологическая предвзятость и «историческая обида» не позволили им подняться в 1940-е гг. на ступень объективного анализа исторических процессов в СССР и его роли в мировой политике. Пропасть, разделяющая бывших эсеров и российский народ, оказалась непреодолима. Между ними и народом стояла коммунистическая власть, а с началом

«холодной войны» и железная логика сформировавшегося к тому времени баланса международных интересов.

¹ Булатов, В. [Чернов В.М.] Враждующие близнецы // Воля России. – 1924. – №14-15. – С.123-124.

² ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.1-198. Работа также представлена: НИА, NS, box 388, f.21; box 10, f.7.

³ НИА, NS, box 388, f.24. Статья на английском языке. Черновики этой статьи на русском языке обнаружены: ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.67.

⁴ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.34.

⁵ НИА, NS, box 134, f.8.

⁶ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.5, лл.13-22.

⁷ Среди отечественных и зарубежных ученых по-прежнему существуют принципиальные разногласия по поводу распространения теории тоталитаризма на область исторических познаний. Дискуссионным является вопрос о целесообразности применения этой теории к изучению феномена фашистских и коммунистических систем. Аргументами противников теории тоталитаризма в отечественной историографии являются утверждения о ее мифологизированном, агитационном и пропагандистском характере, акцентирования внимание, на том, что распространение этой теории принесло больше вреда, чем пользы в исторической науке, «тормозило развитие знания» (Мерцалов, А.Н. Довольно о войне? / А.Н. Мерцалов, Л.А. Мерцалова. – Воронеж, 1992. – С.68-69). Их оппоненты полагают, что оправданность использования теории тоталитаризма в конкретно-исторических исследованиях позволяет взглянуть на фашизм как на «совокупность унитарной идеологии, массового движения и диктаторского режима, стремящегося к тотальному контролю над обществом и личностью» (Белоусов, Л.С. Режим Муссолини и массы / Л.С. Белоусов. – М., 2000. – С.8). На наш взгляд, аргументы обеих сторон заслуживают внимания. С одной стороны, нет резона отрицать антисоветскую

направленность теории тоталитаризма, стремление ее сторонников универсализировать доктрину в 1950-1960-е гг. и диктовать направление исторических исследований в определенном идеологическом клише. Это в свое время привело к дистанцированию ряда западных историков от концепции тоталитаризма и способствовало более обстоятельному исследованию итальянского и немецкого фашизма в 1960-1970-е годы. Так, немецкий историк Э. Нольтке высказывал опасения по поводу того, что за формальными признаками тоталитаризма может быть утрачено своеобразие типов фашизма и коммунизма (Корнева, Л.Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945-90-е годы) / Л.Н. Корнева. – Кемерово, 1998. – С.35-37). По нашему мнению, несмотря на определенные издержки, теория тоталитаризма акцентировала внимание на ряде общих тенденций в развитии Италии, Германии, государств Восточной Европы и России, стимулировала исследования, объясняющие причины сходства, позволяла комплексно посмотреть на политическую, экономическую, социальную и идеологическую составляющие развития этих стран.

⁸ Революционная Россия. – 1929. – №77-78. – С.8.

⁹ Чернов, В.М. Этатизм, оттесняющий социализм // НИА, НС, box 391, f.22.

¹⁰ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.67, л.190.

¹¹ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.4, л.33; НИА, НС, box 388, f.24.

¹² Чернов, В.М. Итоги марксизма // ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.86.

¹³ Овчинникова, Л.В. Крах Веймарской республики в буржуазной историографии ФРГ / Л.В. Овчинникова. – М., 1983. – С.99.

¹⁴ Чернов, В.М. Итоги марксизма // ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.88.

¹⁵ Тезис о необходимости ограничить крупную земельную собственность в 1920-е гг. как носителя консервативных тенденций был подтвержден и развит впоследствии на конкретном историческом материале

неолиберальными историками ФРГ. Они признали также ошибочным отказ социал-демократов от последовательного осуществления социальных мероприятий (Овчинникова, Л.В. Крах Веймарской республики. – С.144-146, 135).

¹⁶ Чернов, В.М. На путях великого смятения / В.М. Чернов // Пути. – Нью-Йорк, 1933. – №2. – С.2.

¹⁷ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.90, 91; Чернов. В.М. В апогее германского кризиса / В.М. Чернов // Пути. – Нью-Йорк, 1933. – №1. – С.3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. – С.4. Эта позиция Чернова получила фактические подтверждения в современных научных трудах. Так, отечественный историк В.В. Степанова в работе «Политическая борьба в Пруссии в 60-е годы XIX века: значения и последствия для германской истории» (М., 1999) приходит к выводу о существовании определенной зависимости между запоздалостью процессов модернизации Германии и формированием «аристократического духа» немецкой буржуазии.

²⁰ Рахшмир, П.Ю. Историография западноевропейского фашизма / П.Ю. Рахшмир // История фашизма в Западной Европе. – М., 1978. – С.541.

²¹ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, л.145, 147.

²² Чернов, В.М. В апогее германского кризиса. – С.5.

²³ Чернов, В.М. Уроки коммунистического опыта / В.М. Чернов // Воля России. – 1923. – № 17. – С.29.

²⁴ Чернов, В.М. Метаморфозы диктатуры / В.М. Чернов // Революционная Россия. – 1929. – №70-71. – С.6.

²⁵ Сталинский, Е.А. Фашизм / Е.А. Сталинский // Воля России. – 1922. – №6. – С.82.

²⁶ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.67, л.179.

²⁷ Чернов, В.М. На путях великого смятения. – С.2.

²⁸ Чернов, В.М. Исторические параллели // ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.5, лл.18,19, 20.

²⁹ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11, лл.110,111.

³⁰ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.67, л.190.

³¹ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.5, л.13, 14.

³² Чернов, В.М. Старое и новое средневековье // ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.34, л.295.

³³ Чернов, В.М. Этатизм, оттесняющий социализм // НИА, НС, box 391, f.22.

³⁴ Чернов, В.М. На путях великого смятения. – С.2. Идеи о социальной базе фашизма, высказанные Черновым в середине 1930-х гг., оказались созвучны позициям современных историков. Так англо-американский ученый Р. Гриффен в работах «Природа фашизма» (Лондон-Нью-Йорк, 1993) и «Фашизм» (Оксфорд-Нью-Йорк, 1995) подчеркивает, что фашизм – это причудливый сплав плебейского и элитарного экстремизма, который проявился в том числе в идейно эстетической сфере, зародившейся в интеллектуальной среде, которая презрела идеалы гуманизма и стала славить насилие и национализм (Рахшмир, П. Фашизм: вчера, сегодня, завтра / П. Рахшмир // Международная экономика и международные отношения. – 1996. – №10. – С.156).

³⁵ Чернов, В.М. Природа тоталитарного этатизма // НИА, НС, box 391, f.14.

³⁶ Чернов, В.М. Славянство в мировой войне // НИА, НС, box 389, f.15.

³⁷ НИА, НС, box 391, f.14.

³⁸ Чернов, В.М. Евреи под Гитлером // НИА, НС, box 10, f.13.

³⁹ НИА, НС, box 381, f.3 (Черновые записи В.М. Чернова).

⁴⁰ НИА, НС, box 381, f.6 (Черновые записи В.М. Чернова).

⁴¹ НИА, НС, box 10, f.13.

⁴² НИА, НС, box 384, f.5, p.3.

⁴³ Чернов, В.М. Параллели и контрасты // НИА, NC, box 381, f.18.

⁴⁴ НИА, NC, box 10, f.13.

⁴⁵ Чернов, В.М. На путях великого смятения. – С.3.

⁴⁶ Чернов, В.М. Встреча антиподов // НИА, NC, box 391, f.26.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ НИА, NC, box 391, f.14.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ НИА, NC, box 391, f.14.

⁵² Там же.

⁵³ НИА, NC, box 391, f.22.

⁵⁴ НИА, NC, box 391, f.14.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ НИА, NC, box 391, f.22.

⁵⁷ НИА, NC, box 391, f.14.

⁵⁸ Вопрос об этом, поднятый рядом мыслителей еще до второй мировой войны, до настоящего времени является предметом оживленных споров. В 1960-е гг. немецким социологом Р. Дарендорфом и американским историком Д. Шенбаумом была обоснована позиция, согласно которой нацистский режим являлся своеобразным "прорывом в современность", волей-неволей развившим во многих областях жизни модернистскую политику. (Корнева, Л.Н. Германский фашизм. – С.38-39). В рамках новой консервативной волны в начале 1990-х гг. это направление в историографии фашизма еще более заострило акценты, неразрывно связывая модернизационный эффект с внутренней сущностью фашистского режима. (Там же. – С.90-95). Такое толкование нацистского режима встретило серьезные возражения со стороны либеральных историков. Так, немецкий ученый Г. Моммзен характеризовал нацизм как "симуляцию модернизма", полагая, что интересом к развитию техники фашизм создавал лишь

видимость модернизации. По своей социально-экономической, политической и культурно-идеологической сути он носил реакционный характер, пытался возродить к жизни феодализм нового типа. Вместе с тем неолибералы не отрицали, что в рамках созданного фашизмом военно-мобилизационного типа экономики предпринимались попытки решить задачи индустриального общества. Наиболее продуктивным, на наш взгляд, является определение, данное в 1960-е гг. В. Моммзеном: "Фашизмы явились особой формой господства в обществах, которые находятся в критической фазе общественных трансформационных процессов на пути к индустриальному обществу и одновременно объективно или в глазах господствующих слоев стоят перед угрозой возможности коммунистического переворота (Там же. – С. 38-39).

⁵⁹ НИА, NC, box 391, f.14.

⁶⁰ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.67, л.186.

⁶¹ НИА, NC, box 134, f.8.

⁶² Там же.

⁶³ ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.67, л.186.

⁶⁴ Чернов, В. Муки родов «Новой Европы» // НИА, NC, box 134, f.8.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Chernov, V. M. Fascism // НИА, NC, box 388, f.24.

⁶⁸ International Institute of Social History, Amsterdam (IISH), Collection V.M. Chernov, box 18.

⁶⁹ ГАРФ, ф.5847, оп.1, Д.34, л.338.

⁷⁰ Журнал выходил с мая 1941 г. по июль 1947 года. Редакция журнала была утверждена в 1942 г. в составе Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова и В.М. Чернова. См.: За свободу. – 1942. – №6-7. – С.51.

⁷¹ Наши задачи // За свободу. – 1941. – №1. – С.1.

⁷² Вишняк, М. На чем мы стоим / М. Вишняк // За свободу. – 1941. – №1. – С.9.

⁷³ Авксентьев, Н. Кризис демократического сознания / Н. Авксентьев // За свободу. – 1941. – №1. – С.21; Вишняк, М. На чем мы стоим. – С.6-7.

⁷⁴ Авксентьев, Н. Судьба России / Н. Авксентьев // За свободу. – 1941. – №2-3. – С.4-5.

⁷⁵ Чернов, В.М. Другая сторона той же медали // НИА, NC, box 391, f.5.

⁷⁶ Чернов, В. Русская загадка // НИА, NC, box 391, f.18.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ НИА, NC, box 386, f.10 (Черновые записи В.М. Чернова).

⁸¹ Кара-Мурза, С.Г. Советская цивилизация (книга первая). М., 2001. – С.453.

⁸² НИА. NC.B385, F.15 (Черновик доклада В.М. Чернова «Славянство в мировой войне», 5 октября 1941 г.).

⁸³ Чернов, В.М. Славянство в мировой войне // НИА, NC, box 389, f.15.

⁸⁴ НИА, NC, box 391, f.18.

⁸⁵ НИА, NC, box 391, f.18, f.24.

⁸⁶ Чернов, В.М. За что мы воюем? // НИА, NC, box 391, f.2.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Чернов, В.М. В собственных сетях // НИА, NC, box 391, f.24.

⁸⁹ НИА, NC, box 391, f.2.

⁹⁰ НИА, NC, box 391, f.24

⁹¹ НИА, NC, box 386, f.7. Опубликовано: В.М. Чернов: Человек и политик. Материалы к биографии. – С.134-140.

⁹² Авксентьев, Н. Судьба России. – С.4-5.

⁹³ Зензинов, В. Величайшая в истории человечества битва / В. Зензинов // За свободу. – 1941. – №2-3. – С.17,18.

⁹⁴ НИА, НС, box 386, f.7.

⁹⁵ Чернов, В. Сталинград / В. Чернов // За свободу. – 1943. – №10-11. – С.8.

⁹⁶ Зензинов, В. Величайшая в истории человечества битва / В. Зензинов // За свободу. – 1941. – №2-3. – С.18, 19-20.

⁹⁷ Чернов, В.М. Сталинград / В.М. Чернов // За свободу. – 1943. – №10-11. – С.14.

⁹⁸ НИА, НС, box 386, f.7.

⁹⁹ Чернов, В.М. Сталинград / В.М. Чернов // За свободу. – 1943. – №10-11. – С.11.

¹⁰⁰ НИА, НС, box 364, f.4 (Черновые записи статьи В.М. Чернова «Пятый год войны»); Чернов, В. От Африканского фронта к Средиземноморскому / В. Чернов // За свободу. – 1943. – №10-11.

¹⁰¹ НИА, НС, box 386, f.23 (Черновые записи В.М. Чернова).

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Вишняк, М.В. «Капитулянты, выжидающие, непримиримые» / М.В. Вишняк // За свободу. – 1945. – №16. – С.25.

¹⁰⁵ Чернов, В.М. Мысли об эмиграции / В.М. Чернов // За свободу. – 1945. №16. – С.28, 44.

¹⁰⁶ Чернов, В.М. Письмо к Б.И. Николаевскому, 1945 // НИА, НС, box 391, f.37.

¹⁰⁷ Керенский, А.Ф. Письмо М.В. Вишняку, 30 июня 1945 г. // НИА, ВС, box 9, f.D.

¹⁰⁸ Вишняк, М.В. Письмо А.Ф. Керенскому, 7 июня 1945 г. Видимо, правильно 7 июля, поскольку содержит ответ на письмо А.Ф. Керенского от 30 июня // НИА, ВС, box 6, f.A.

¹⁰⁹ Зензинов, В.М. Письмо М.В. Вишняку, 27 апреля 1944 г. // НИА, ВС, box 9, f.D.

¹¹⁰ На такую позицию из числа представителей социалистической эмиграции в США встали Ф.И. Дан – меньшевик, (издавал с апреля 1941 г. в США журнал «Новый путь», на страницах которого развивал идеи о способности большевистской власти к демократической эволюции), В.В. Сухомлин – эсер (в начале 1942 г. вышел из Нью-Йорской группы ПСР, во время пребывания в США сотрудничал в прокоммунистических газетах).

¹¹¹ Вишняк, М. О патриотизме советском и ином / М. Вишняк // За свободу. – 1942. – №4-5. – С.23-26.

¹¹² НИА, М. V. Vishniak Collection (VC), box 6, f.A.

¹¹³ Чернов, В.М. За что мы воюем? // НИА, NC, box 391, f.2.

¹¹⁴ Авксентьев, Н. Исторический год / Н.Д., Авксентьев // За свободу. – 1942. - №8-9. – С.6-12.

¹¹⁵ НИА, NC, box 386, f.1 (Черновые записи В.М. Чернова).

¹¹⁶ Авксентьев, Н. Судьба России / Н. Авксентьев // За свободу. – 1941. – №2-3. – С.6.

¹¹⁷ НИА, NC, box 391, f.2.

¹¹⁸ НИА, NC, box 386, f.7 (Черновые записи В.М. Чернова).

¹¹⁹ НИА, NC, box 386, f.23.

¹²⁰ НИА, NC, box 386, f.26.

¹²¹ Чернов, В.М. Пораженцы и оборонцы // За свободу. – 1942. - №4-5 - .С.57.

¹²² Чернов, В.М. На историческом повороте / В.М. Чернов // За свободу. – 1943. – 314. – С.12-20.

¹²³ Чернов, В.М. Об одном поветрии // НИА, NC, box 386, f.26.

¹²⁴ Чернов, В.М. Пораженцы и оборонцы / В.М.Чернов // За свободу. – 1942. – №4-5. – С.57.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ НИА, NC, box 391, f.2.

¹²⁷ НИА, NC, box 382, f.2 (Черновые записи В.М. Чернова)

¹²⁸ НИА, NC, box 391, f.2.

¹²⁹ Булатов, В. [Чернов В.М.] Новое вино в старые мехи / В.М. Чернов // За свободу. – 1942. – №6-7. – С.25-29; НИА, NC, box 385, f.9.

¹³⁰ НИА, NC, box 391, f.2.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Чернов, В.М. Об одном поветрии // НИА, NC, box 386, f.26.

¹³⁸ НИА, NC, box 386, f.1 (Черновые записи В.М. Чернова); См. также: Авксентьев, Н. Исторический год / Н. Авксентьев // За свободу. – 1942. – №8-9. – С.6-12; Резолюция Нью-Йорской группы партии социалистов-революционеров о советско-германской войне // За свободу. – 1941. – №2-3. – С.1-2.

¹³⁹ Чернов, В.М. Атлантическая Хартия на ущербе / В.М, Чернов // За свободу. – 1945. – №15. – С.1-12.

¹⁴⁰ Чернов, В.М. Тезисы о политике Сталина // НИА, NC, box 10, f.13.

¹⁴¹ Булатов, В. [Чернов, В.М.] На путях великого соблазна / В.М. Чернов // За свободу. – 1945. – №15. – С.43-59; НИА, NC, box 385, f.7.

¹⁴² BAR, ZC, box 1.

¹⁴³ Сухомлин, В.В. Где границы России? // НИА, NC, box 389, f.1.

¹⁴⁴ Сухомлин, В.В. О сферах влияния и «гигантах мысли» // НИА, NC, box 389, f.1.

¹⁴⁵ Доктрина Трумэна // За свободу. – 1947. – №18. – С.8.

¹⁴⁶ НИА, NC, box 385, f.8 (Черновые записи В.М. Чернова)

¹⁴⁷ НИА, NC, box 385, f.9.

¹⁴⁸ НИА, NC, box 10, f.13.

¹⁴⁹ HIA, NC, box 391, f.37.

¹⁵⁰ Чернов, В.М. Письмо к Николаевскому. 1945 г. // HIA, NC, box 391, f.37.

¹⁵¹ BAR, ZC, box 1.f. E.D. Kuskova

¹⁵² HIA, NC, box 385, f.8.

¹⁵³ HIA. NC, box 386, f.1.

¹⁵⁴ HIA, NC, box 10, f.13.

¹⁵⁵ HIA, VC, box 9, f.D.

¹⁵⁶ HIA. NC, box 385, f.8 (Черновые записи В.М. Чернова).

¹⁵⁷ HIA, NC, box 385, f.8. (Черновые записи В.М. Чернова).

¹⁵⁸ HIA, NC, box 404, f.9; box.404, f.2.

¹⁵⁹ HIA, NC, box 404, f.2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нарастание противоречий модернизационного процесса, резко обозначившееся в начале XX в., привело к глубокому кризису российского общества, с которым не смогла справиться самодержавная власть. В результате страна оказалась на грани революционных потрясений. В период революции 1917 г. определились два возможных варианта модернизации страны – либерально буржуазный путь, ориентированный на западную модель развития общества, и радикально-демократический, опирающийся на российские коллективистские традиции. Это предопределило остроту соперничества за власть между либеральными и радикально-демократическими партиями.

Февральская революция «вынесла» Чернова, как лидера и теоретика самой многочисленной в России партии социалистов-революционеров, на вершины власти. Это открывало дорогу к реализации программы партии с помощью глубоких демократических реформ. Однако эсеры упустили этот шанс, совершив на первом этапе революции ряд грубых стратегических и тактических просчетов, одним из которых можно считать линию на союз с либеральными партиями. В этом Чернов вскоре убедился, когда, войдя во Временное правительство как министр земледелия, встретил ожесточенное противодействие либерально-кадетского большинства попыткам провести аграрную реформу.

В сложной ситуации экономической разрухи и надвигавшегося голода Чернов сделал ставку на достижение компромисса между буржуазией и рабочим классом, сглаживание социальных антагонизмов в деревне. Пока народ ждал от Временного правительства решения злободневных вопросов о земле и мире, у Чернова была социальная база для проведения компромиссной политики, но затягивание с реформами, ухудшение ситуации в стране привело к тому, что она стала интенсивно размываться. В обществе нарастала тенденция к поляризации сил, в эсеровской партии

стремительно развивался процесс двухсторонний дифференциации – усиление правого и левого уклонов за счет партийного центра.

В этих условиях тактическая линия Чернова, направленная на сохранение единства партии за счет уступок правым элементам, делавшим ставку на союз с либералами и оттягивание социальных и политических реформ, приводила к недовольству ее левого крыла. Виктору Михайловичу, стоявшему на левоцентристских позициях, не удалось нейтрализовать влияние правых, получивших преобладающее значение в партийном руководстве в решающие месяцы революции, что способствовало отчуждению левых сил от партии и политической изоляции самого Чернова. Бесплодность этой тактики стала очевидна после Корниловского выступления, когда популярность соглашательских партий – эсеров и меньшевиков – стала стремительно падать, а большевики получили преобладающее влияние в Советах – органах народной демократии.

Серьезной ошибкой Чернова в анализе политической ситуации в период между февралём и октябрём 1917 г. стала недооценка им роли Советов. Рассматривая Советы как «суррогат» развитых партий и профессиональных организаций, Чернов в отличие от Ленина не увидел, что они становятся новым политическим институтом страны. Ослепленный иллюзией Учредительного собрания как вершины демократического совершенства народа, он предлагал партии даже после прихода к власти большевиков сконцентрировать все силы на победе в выборах и мирном изживании большевистских настроений в массах. Эсеры действительно получили большинство мест в Учредительном собрании, Чернов был избран его председателем. Но это не привело эсеров к власти.

Размышляя в эмиграции над причинами поражения партии, Чернов вынужден был признать, что главной ее бедой был комплекс «властебоязни», истоки которой крылись в нежелании руководства эсеровской партии взять на себя ответственность за управление страной. В период гражданской войны эсеры, по сути, повторили свои ошибки, пойдя на формирование нового варианта коалиции с либералами – Всероссийского

правительства – Директории. Однако на этот раз союз с либералами уже являлся не компромиссом с целью предотвращения гражданской войны, а фактически способствовал ее углублению. Колчаковский переворот в ноябре 1918 г., положивший конец Директории, заставил эсеров снова пересмотреть тактические позиции.

В этих условиях Чернов предложил партии курс на «третью силу» – одновременную борьбу против белой и красной диктатуры. При этом вооруженное противостояние с большевиками перешло в идеологическое, а все усилия были направлены на разгром реставрационных сил. Тактика «третьей силы» после ликвидации белых фронтов стала приобретать двусмысленный характер как по отношению к крестьянству, так и большевикам. Эсеры, делая ставку на возникновение единого, организованного массового сопротивления крестьян против большевиков, объявляли отдельные крестьянские восстания «вспышкопускательством» и дистанцировались от них, в то же время заявляя, что в будущем вооруженная борьба с большевизмом неизбежна. Поддержка Черновым Кронштадтского выступления в 1921 г. окончательно развела эсеров и большевиков по разные стороны баррикад. Большевики взяли курс на ликвидацию эсеровской партии в России и дискредитацию идей демократического социализма.

Анализ Черновым опыта большевистской модернизации представляет несомненный интерес для историков в плане изучения возможных альтернатив советскому пути развития страны. Предлагавшейся лидером эсеров демократический вариант модернизации России был рассчитан на паритетное развитие сельского хозяйства и промышленности, формирование модели многоукладной смешанной экономики, постепенное развитие новых общественных отношений. Однако такая модель не могла стать реальной альтернативой большевистской политики, так как у страны не было для этого ни необходимых экономических резервов, ни запаса времени. Уже в 1920-е гг. международная обстановка складывалась таким

образом, что перспектива новой мировой войны стала очевидной. В этих условиях путь форсированной индустриализации, выбранный большевиками, хотя и был сопряжен с тяжелыми экономическими и социальными издержками, как абсолютно верно отметил Чернов, однако он позволил в предельно короткий срок создать мощную индустриальную базу. Именно это и стало решающим условием, обеспечившим победу СССР в Великой Отечественной войне, предотвратив куда более страшный геноцид, чем тот, в котором обвиняют большевиков некоторые современные либеральные историки и деятели.

Идеалом Чернова являлось развитие интегральной демократии, суть которой заключалась в распространении принципов «свободы, равенства, братства» на социально-экономические, культурные, духовные отношения, во внедрении основных демократических ценностей в сферы внутренней, внешней и международной политики. Перспективы интегральной демократии Чернов связывал с процессом становления новой общественной эпохи – социализма. Социализм для Чернова, являясь идеалом, в то же время означал реальную тенденцию мирового развития. В XX в., как считал эсер, социализм становится «конструктивным», из области утопии и научных гипотез он переходит на рельсы конкретной политики, деятельности по защите интересов народа.

С этих позиций Чернов критически оценивал большевистскую практику построения социализма. Общественный строй в СССР он не считал социалистическим, а полагал, что речь идет о развитии особой модели «этатизма» – тоталитаризме, в котором государству отводилась ключевая роль во всех сферах общественной жизни. Характеризуя суть политического режима в СССР, Чернов писал о всевластии Сталина и коммунистической партии, сращивании партии и государства, об управлении страной с помощью репрессий. Анализ политической системы в СССР привел Чернова к обоснованию основных положений теории тоталитаризма, которые он сформулировал задолго до появления ее

официальной версии в трудах западных политологов К. Фридриха и З. Бжезинского. Он рассматривал фашизм как один из самых агрессивных и опасных для всего человечества видов тоталитаризма, в своей идеологии и политике бросивший вызов всем гуманистическим основам цивилизации.

Концепция тоталитаризма Чернова, по сути, являлась логическим развитием его доктрины о типах капиталистической эволюции. Получалось, что именно государства, поздно вступившие на путь капитализма, в развитии которых преобладали его «темные» стороны, в условиях XX в. трансформировались в тоталитарные диктатуры. Но сам Чернов такой вывод не сформулировал. Более того, он отказывался признавать тоталитаризм адекватной формой развития обществ, переживающих существенные трудности на пути модернизации. Теоретик считал его своеобразным тупиком в общественном развитии. В этом, на наш взгляд, проявились противоречия в концептуальных построениях Чернова. Он был убежден в существовании особых моделей капитализма, обращал внимание на специфику социально-экономических отношений стран, поздно вступивших на путь модернизации, однако при этом не хотел признавать, что особым социально-экономическим условиям соответствуют адекватные им политические формы. Политические идеалы Чернова, ориентированные на защиту прав и свобод личности, демократию, не позволяли ему смириться с диктатурой.

В годы Великой Отечественной войны Чернову пришлось сделать трудный выбор между ненавистью к коммунистической власти и любовью к Родине. Патриотические чувства одержали верх. Но победу России он связывал с перспективой демократизации ее политического строя. Когда опасность для Родины миновала, Чернов перешел к жесткой критике большевистского режима.

Рассуждая об однотипности моделей модернизации в СССР и фашистских государствах в середине 1940-х гг., он фактически ставил знак равенства между фашистским и советским режимами, между фашизмом и

большевизмом. Такой резкий сдвиг вправо связан с общей эволюцией его политического мировоззрения от радикально-демократической ориентации к либерально-консервативной. Не последнюю роль в этом сыграла победа СССР во второй мировой войне, которая доказала устойчивость советской системы, косвенно подтвердив несостоятельность социально-политической доктрины эсеров.

В противостоянии между США и СССР на мировой арене в годы «холодной войны» Чернов видел не борьбу национальных и геополитических интересов, а мировое противоборство демократии и тоталитаризма. Идеализируя американскую демократию, он перенес вину за развязывания «третьей» мировой войны на СССР. Такая оценка явилась своеобразным редуцированием Черновым отношения к большевикам в годы гражданской войны на мировые политические процессы. Виктор Михайлович так и не сумел разрешить дилемму между политическими идеалами и реальной действительностью, ориентацией на общечеловеческие ценности и приверженностью классовым позициям.

Чернов прожил долгую и интересную жизнь, в которой проявил себя политиком и ученым. На всем протяжении жизненного пути он оставался жизнерадостным, полным энергии и задора человеком, вдохновлявшим своим оптимизмом всех, кто был рядом. Через всю свою жизнь он пронес веру в идеалы социализма и демократии, в светлое будущее человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ¹

Архивные материалы:

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ГА РФ):

1. Ф.5893. Административный центр
2. Ф.1796. Главный земельный комитет Временного правительства.
3. Ф.144. Государственное совещание в г. Уфе
4. Ф.6772. Заграничная делегация ПСР.
5. Ф.5764. Земгор.
6. Ф.5775. Институт изучения России в Праге.
7. Ф.5804. Исполнительная комиссия частного Совещания бывших членов Всероссийского Учредительного собрания.
8. Ф.1781. Канцелярия Всероссийского Учредительного собрания.
9. Ф.10017. Коллекция документов личного происхождения и документов эмигрантских учреждений и организаций.
10. Ф.376. Коллекция документов, собранная Б.И. Николаевским.
11. Ф.6655. Коллекция материалов о Временном правительстве
12. Ф.5799. Нью-Йоркское отделение фонда Вольной русской прессы.
13. Ф.10003. Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета США.
14. Ф.6214. Коллекция материалов правительства Директории.
15. Ф.749. Комуч.
16. Ф.6108 Областной комитет заграничных организаций ПСР (Прага).
17. Ф.9431. Особая Varia (коллекция).
18. Ф.5995. Парижская группа содействия партии эсеров.
19. Ф.6405. Парижское отделение газеты «Воля России».

¹ Опубликованные работы В.М. Чернова представлены в Приложении.

20. Ф.5969. Протоколы заседаний политического комитета
заграничного союза ПСР (1926-1931).
21. Ф. 7007. Рабочий Социалистический Интернационал.
22. Ф.5959. Редакции газеты «Воля России» г. Прага.
23. Ф.5878. Редакция газеты «Дни» (А.Ф. Керенский).
24. Редакция газеты «За Россию» (А.Ф. Керенский)
25. Ф.5882. Редакция газеты «Руль».
26. Ф.454. Русское политическое совещание.
27. Ф.9105. Трудовая крестьянская партия.
28. Ф.180. Управление делами Временного Всероссийского
правительства.
29. Ф.5798. Амфитеатров А.В.
30. Ф.6075. Аргунов А.А.
31. Ф.5975. Брешко-Брешковская Е.К.
32. Ф.5789. Брушвит И.М.
33. Ф.5802 Бурцев В.Л.
34. Ф.539. Водовозов В.В.
35. Ф.6243. Гоц М.Р.
36. Ф.5910 Гуревич В.Я.
37. Ф.5868. Гучков А.И.
38. Ф.5824. Лазарев Е.Е.
39. Ф.9104 Лопатин Г.А.
40. Ф.1723. Меньшиков Л.П.
41. Ф.5917. Мякотин В.А.
42. Ф.9217. Николаевский Б.И.
43. Ф.3694. Огановский Н.К.
44. Ф.6065. Постников С.П.
45. Ф.5831. Савинков Б. В.
46. Ф.5805. Чайковский Н.В.
47. Ф.5847. Чернов В.М.
48. Ф.5911. Чхеидзе К.А.

49. Ф.6212. Фундаминский И.И.

50. Ф.6204. Юделевский Л.П.

II. РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (РГАСПИ)

1. Ф.480. Документы международного социалистического движения. 1919-1941 гг. Оп. 3. Документы социалистического рабочего интернационала. 1923-1941 гг.

2. Ф.17. ЦК КПСС. Оп.84, 3, 34.

3. Ф. 274. ЦК. ПСР

4. Ф. 5. Ленин В.И.

5. Ф.76. Дзержинский Ф.Э.

6. Ф.673. Микрофильмы из коллекции Международного института социальной истории г. Амстердам: Архив ПСР (МИСИ).

III. ГУВЕРОВСКИЙ ИНСТИТУТ ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И МИРА СТЭНФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА США (HOOVER INSTITUTION ARCHIVES) (HIA)

КОЛЛЕКЦИИ:

1. Партии социалистов-революционеров (PSR Collection).
2. Русское посольство. Франция (Russia Posolstvo. France Records).
3. Сибирское Временное правительство (Siberia Provisional Government).
4. Андреева-Карлайл О.В. (O.V. Andreyev-Carlisle Collection).
5. Болдырев В.Г. (V.G. Boldyrev Collection).
6. Брешко-Брешковская Е.К. (E.K. Breshko-Breshkovskaia Collection)
7. Бурцев В.Л. (V.L. Burtsev Collection).
8. Вишняк М.В. (M.V. Vishniak Collection).
9. Вольф Б.Д. (B.D. Wolfe Papers).
10. Вологодский П.В. (Vologodskiy P.V. Collection).
11. Гинс Г.С. (Guins G. C. Collection).
12. Зензинов В.М. (V.M. Zenzinov Collection).

13. Керенский А.Ф. (A.F. Kerensky Collection)
14. Кроль М.А. (M.A. Krol Collection).
15. Николаевский Б.И. (B.I. Nicolaevsky Collection).
16. Савинков Б.В. (B.V. Savinkov Collection).
17. Чайковский Н.В. (N.V. Schakovskiy Collection).
18. Чернов В.М. (V.M. Chernov Collection).
19. Шапиро Л.В. (L.V. Schapiro Collection).

IV. БАХМЕТЬЕВСКИЙ АРХИВ КОЛУМБИЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА США (COLUMBIA UNIVERSITY RARE BOOK AND
MANUSCRIPT LIBRARY BAKHMETEFF ARCHIVE) (BAR):

КОЛЛЕКЦИИ:

1. ПСР (Party of Socialist Revolutionaries Papers).
2. Зензинов В.М. (Vladimir Zenzinov Papers).
3. Мозели М. (Mozely Papers).

V. МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРХИВ И КОЛЛЕКЦИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ Г.
АМСТЕРДАМА (INTERNATIONAL ARCHIVES AND COLLECTION AT
THE INTERNATIONAL INSTITUTE SOCIAL HISTORY) (IISH):

КОЛЛЕКЦИИ:

1. Чернов В.М. (V.M. Cernov).
2. ПСР (PSR).

Опубликованные документы и материалы

1. «Сын вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» процесса с.-р. 1922 г.: документы и материалы из личного архива В.Н. Рихтера / сост., ком. К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова, Т.А. Семенова (Рихтер). – М., 2005.
2. Бюллетень Совещания членов Учредительного собрания. – Париж, 1921. – №2.
3. В Социалистическом Интернационале // Воля России. – 1928. – №3.

4. В.М. Чернов «Черновская грамота» и Уфимская директория / Документы подготовили Ю.Г. Фельштинский, Г.И. Чернявский // Вопросы истории. – 2006. – №2,3,4.

5. В.М. Чернов: человек и политик. Материалы к биографии / сост., автор биографического очерка, библиографических указателей и комментариев А.П. Новиков. – Саратов, 2004.

6. Владимир Зензинов. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 годы. Москва – Самара – Уфа – Омск / Документы подготовили Ю.Г. Фельштинский, Г.И. Чернявский // Вопросы истории. – 2006. – №6.

7. Всероссийское Учредительное собрание. Первый и единственный день его занятий (5-6 января 1918): Перепечатка стенографического отчета, изданного по распоряжению Председателя Учредительного собрания. – Одесса, 1918.

8. Гаагский конгресс мира // Воля России. – 1923. – №2.

9. Голод в России // Воля России. – 1922. – №1.

10. Государственный переворот Адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года : сборник документов / собр. В. Зензинов. – Париж, 1919.

11. Гулаг: Главное управление лагерей. 1918-1960 / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров ; под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М., 2002.

12. Девятый Совет партии и его резолюции. – Париж, 1920.

13. Декрет о праве частной собственности // Воля России. – 1922. – №1.

14. Допрос Колчака / под ред. К.А. Попова. – Ленинград, 1925.

15. Журналы заседаний Временного правительства. – Т.2. Май-июнь 1917 г. // Архив новейшей истории России. Т. VIII. – М., 2002.

16. За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921 : сб. документов. – Новосибирск, 2000.

17. Заявление по поводу состава редакции «Революционной России» // Воля России. – 1929. – №4.

18. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. Кн. I: 30-40-е годы XIX – начало XX в. Предыстория. – М., 1998.

19. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / Сост. О.В. Будницкий. – Ростов-на-Дону, 1996.

20. Ко всем членам партии // Революционная Россия. – 1921. – №10. – С.10-13.

21. Конституция Уфимской директории: Акт об образовании всероссийской верховной власти 26/8-1023 сентября 1918 г. // Архив русской революции: в 22 т. – М., 1991. – Т.12.

22. Краткий отчет о работе IV-го съезда партии социалистов-революционеров (26 ноября -5 декабря 1917г.). – Пг., 1918.

23. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. – Тамбов, 1999.

24. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («Антоновщина»): документы и материалы. – Тамбов, 1994;

25. Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922 гг.: документы и материалы. – М., 2002.

26. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918): документы и материалы. – М., 2003;

27. Кронштадская трагедия 1921 года. Документы: в 2 кн. – М., 1999.

28. Литературное наследие: М. Горький и русская журналистика начала XX в.: неизданная переписка. – М., 1988.

29. Марсельский конгресс Рабочего социалистического интернационала // Революционная Россия. – 1925. – №45. – С.13-18.

30. Обвинительное заключение по делу ЦК и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменнических сношениях с иностранными государствами. – М., 1922.

31. Обвинительные речи на процессе эсеров. – М., 1922.
32. Отчет Заграничной делегации ПСР о деятельности партии в России // Революционная Россия. – 1925. – №44. – С.17-24.
33. Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года : документы из архива ПСР / сост. Марк Янсен. – Амстердам, 1989.
34. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. – М.; Л., 1930. – Т.1,2.
35. Первый съезд Аграрно-социалистической лиги. – Б.м., б.г.
36. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций: в 3 т. Т.1. – М., 1991 (2-е изд. 1993); Т.2. – М., 1995; Т.3. – М., 2002.
37. Письма во власть. 1928-1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. – М., 2002.
38. Платформа Социалистической лиги нового востока // Революционная Россия. – 1927. – №59-60. – С.18-21.
39. Политическая история русской эмиграции, 1920-1940-х гг.: документы и материалы / под ред. проф. В.Ф. Киселева. – М., 1999.
40. Политические партии и общество в России 1914-1917 гг.: сб. статей и документов / ИНИОН РАН. Центр социал науч.- информ. исслед.; редкол.: К.И.Кириянов (отв. ред), В.М. Шеверин, В.С. Коновалов. – М., 2000.
41. Политические партии России. Документальное наследие (исследовательский проект издания документов политических партий). // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. / Т.1. 1900-1907 гг. – М., 1996; Т.2. Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. – М., 2001; Т.3. Ч.1. Февраль-октябрь 1917 г. – М., 2000; Т.3.Ч.2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М., 2000.

42. Программные и тактические позиции ПСР // Революционная Россия. – 1925. – №44. – С.8-11.
43. Программы политических партий в России / под ред. И.В. Владиславлева. Вып.1. – М., 1917; 2-е изд. – Л., 1990.
44. Проект платформы Американской федерации ПСР // Бюллетень Американской федерации ПСР. – 1930. – №1.
45. Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июнь 1917 – март 1918 г.) с комментариями В.М. Чернова // Вопросы истории. – 2000. – №7,8,9,10.
46. Протоколы III съезда партии социалистов-революционеров. – М., 1917.
47. Резолюция VIII Совета ПСР // Социалист-революционер. – 1918. – №3.
48. Резолюция Нью-Йорской группы партии социалистов-революционеров о советско-германской войне // За свободу. – 1941. – №2-3. – С.1-2.
49. Резолюция Нью-Йорской группы партии социалистов-революционеров о советско-германской войне // За свободу. – 1941. - №2-3. – С.1-2.
50. Резолюция по текущему моменту, принятая на конференции ПСР, 8 сентября 1920 // Революционная Россия. – 1920. – №1.
51. Резолюция съезда заграничных организаций ПСР // Воля России. – 1923. – №20.
52. Резолюция X Совета ПСР // Революционная Россия. – 1921. – №11.
53. Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов / сост. Л.И. Петрушева, Е.Ф.Теплова; отв. ред. Г.А. Трукан. – М., 1995.
54. Русская военная эмиграция 1920-40-х гг. Документы и материалы. Т.2: Несбывшиеся надежды 1923 / сост. И.И. Басик [и др.]. – М., 2001.
55. Сибирская Вандея. 1919-1920. Документы: в 2 т. Т. 1. – М., 2000; Т.2. – М., 2001.

56. Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945 / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М., 2003.

57. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги: сборник документов. – М., 2002.

58. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы: в 5 т. Т.2: Ноябрь 1929 - декабрь 1930 / под ред. В. Данилова. Р. Миннинг, Л. Виолы. – М., 2000.

59. Хроника гражданской войны в Сибири и изгнания в Китае: дневники Петра Васильевича Вологодского. 1918-1925. Т.1,2. – Stanford, 2002.

60. Частное Совещание членов Всероссийского Учредительного собрания. – Париж, 1921.

61. Экономика Гулага и ее роль в развитии страны, 1930-е годы: сб. документов / РАН. Ин-т рос. истории; сост. Хлусов М.И. – М., 1998.

62. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, март – октябрь 1917г.: документы и материалы. – М.; Л., 1957. – Ч.3.

Мемуары

1. Авксентьев, Н.Д. Государственный переворот Колчака / Н.Д. Авксентьев // Гражданская война в Сибири и северной области. – М.-Л., 1927.

2. Аргунов, А.А. Из прошлого партии социалистов-революционеров / А.А. Аргунов. – М., 1917.

3. Аргунов, А. А. [Кубов, А]. Краткий очерк истории программы и устава ПСР / А. Кубов // Памятная книжка социалиста-революционера. – Париж, 1911. – Вып.1.

4. Аргунов, А. Между двумя большевизмами / А. Аргунов. – Paris, 1919.

5. Аронсон, Г. К семидесятилетию В.М.Чернова / Г. Аронсон // Социалистический вестник. – 1944. – №7/8.
6. Бабина, Б.А. Февраль 1922 / Б.А. Бабина // Минувшее: исторический альманах. – М., 1990. – №2.
7. Буревой, К. Распад / К. Буревой. – М., 1923.
8. Вишняк, М. Всероссийское Учредительное собрание / М. Вишняк. – Париж, 1932.
9. Вишняк, М. Годы эмиграции, 1919-1969гг. / М. Вишняк – Париж; Нью-Йорк, 1970; 2-е изд. – СПб., 2005.
10. Вишняк, М. Дань прошлому / М. Вишняк. – Нью-Йорк, 1954.
11. Вишняк, М. Виктор Чернов – идеолог / М. Вишняк // Социалистический вестник. – 1949. – №1/2. – С.15-18.
12. Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника. 1942-1946 годов / публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Раевской-Хьюз. – М.; Париж, 2001.
13. Дневник П.Н. Милюкова. 1918-1921. – М., 2004.
14. Зайцев, А. 1918 год: очерки по истории русской гражданской войны / А. Зайцев. – Париж, 1934.
15. Гинс, Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т.1,2 / Г.К. Гинс. – Пекин, 1921.
16. Гражданская война в Сибири и Северной области. – М.-Л., 1927.
17. Зензинов, В. Из жизни революционера / В. Зензинов. – Париж, 1919.
18. Зензинов, В.М. Пережитое / В.М. Зензинов. – Нью-Йорк, 1953.
19. К 75-летию В.М. Чернова // Новое русское слово. – 1949, 4 февраля.
20. Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте / А.Ф. Керенский. – М., 1993.

21. Керенский, А.Ф. Русская революция 1917 / пер. с фр. Е.В. Нетесовой. – М., 2005.
22. Кроль, Л.А. За три года (воспоминания, впечатления, встречи) / Л.А. Кроль. – Владивосток, 1921.
23. Лутохин, Д.А. Зарубежные пастыри / Д.А. Лутохин // Минувшее: исторический альманах. Вып. 22. – СПб., 1997. – С. 69-76.
24. Майский, И.М. Демократическая контрреволюция / И.М. Майский. – М., 1923.
25. Мельгунов, С.П. Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. (Материалы для истории русской общественности) / С.П. Мельгунов. – Париж, 1929.
26. Мельгунов, С.П. Трагедия адмирала Колчака / С.П. Мельгунов. Ч.1,2,3. – Белград, 1930, 1931.
27. Мельгунов, С.П. Воспоминания и дневники / сост., прим. и подг. текста Ю.Н. Емельянова. – М., 2003.
28. Милюков, П.И. Воспоминания : в 2 т. / П.И. Милюков. – М., 1990.
29. Милюков, П.Н. История второй русской революции. – М., 2001.
30. Милюков, П. Сталин / П. Милюков // Современные записки. – 1935. – №LIX.
31. Лещенко-Сухомлина, Т. Долгое будущее / Т. Лещенко-Сухомлина. – М., 1991.
32. Николаевский, Б. В.М. Чернов как идеолог / Б.И. Николаевский // На рубеже. – 1952. – №3/4. – С.5-8.
33. Николаевский, Б. В.М. Чернов / Б. Николаевский // Чернов В.М. Перед бурей. – Нью-Йорк, 1953. – С.5-16.
34. Николаевский Б.И. Тайные страницы истории / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. – М., 1995.
35. О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья: Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев,

В.В. Зеньковский, П.А. Сорокин, Г.П. Федотов, Г.В. Флоровский / сост. М.А. Маслин; отв. ред. Е.М. Чехарин. – М., 1990.

36. Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века: избранные произведения. – М., 1994.

37. Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментариев западного историка / сост., вступ. ст., послесл., примеч. Д.С. Анина. – М., 1991.

38. Памяти В.М. Чернова // Социалистический вестник. – 1952. – №4. – С.74-75; №5. – С.93-96.

39. Ракитников, Н.И. Сибирская реакция и Колчак / Н.И. Ракитников. – М., 1920.

40. Русанов, Н.С. В эмиграции / Н.С. Русанов. – М., 1920.

41. Русский Париж / сост., предисл. и коммент. Т.П. Буслаковой. – И., 1998.

42. Савинков, Б.В. Воспоминания террориста / Б.В. Савинков. – Харьков, б.г.; 2-е изд. – М., 1990.

43. Савинков, Б. Посмертные статьи и письма / Б. Савинков. – М., 1926.

44. Савинков, Б. Виктор Михайлович Чернов // Савинков, Б. Последние письма и статьи. – М., 1926.

45. Савинков, Б. Виктор Михайлович Чернов / Б. Савинков // Руль. – 1925. – 28 июня.

46. Ропшин, В. [Савинков Б.В.] То, чего не было / Б.В. Савинков. – 3-е изд. – М., 1918.

47. Слетов, С.Н. [Нечетный, С.]. Очерки по истории возникновения партии социалистов-революционеров / С.Н. Слетов // Социалист-революционер. – 1912. – №4.

48. Слетов, С.Н. К истории возникновения партии социалистов-революционеров / С.Н. Слетов. – Пг., 1917.

49. Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметьев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919-1951: в 3 т. / под ред. О. Будницкого. – М., 2001.

50. Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. – М., 1991.

51. Суханов, Н.И. Записки о революции: в 7 кн. / Н.И. Суханов. – М., 1991-1992.

52. Троцкий, Л.Д. К истории русской революции / Л.Д. Троцкий / сост., автор биограф. очерка и примеч. Н.А. Васецкий. – М., 1990.

53. Церетели, И.Г. Воспоминания о Февральской революции: в 2 кн. / И.Г. Церетели. – Париж, 1963.

54. Церетели, И.Г. Российское крестьянство и В.М. Чернов / И.Г. Церетели // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1952. – №29. – С.215-244.

55. Чествование В.М. Чернова // Новое русское слово. – 1949. – 10 февраля.

56. Чествование В.М. Чернова: (К его семидесятилетию) // За свободу. – 1945. – №15. – С.86-96.

57. Abramovitch, R. Victor Chernov at 70 – Portrait of a Socialist / R. Abramovitch // The New Leader. – 1944, May 15.

58. Chernov Victor: dies at age of 78 // New-York Times. – 1952, Apr., 16.

59. Nicolaevsky, B. V.M. Chernov (November 19, 1873 – April 15, 1952) / B. Nicolaevsky // Bulletin of the International Institute of Social History. – 1952. – P.169-180.

Резензии

1. Аргунов, А. К.Г. Гинс. – Сибирь, союзники и Колчак. – Том.1, часть I, Пекин, 1921 / А. Аргунов // Современные записки. – Париж, 1921. – №6. – С.318-319.

2. Вишняк, М.В. Февральская революция в толковании В.М. Чернова / М.В. Вишняк // Свобода. – 1934. – №3.

3. Дан, Ф. Борьба за демократию / Ф.Дан // Социалистический вестник.- 1922. – №20.

4. Денник, Ю. Отзыв на книгу В.М. Чернова «Перед бурей. Воспоминания». Изд-во имени Чехова. Нью-Йорк. 1953. / Ю.Денник // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1953. – №35. – С.313-315.

5. Зензинов, В. ЧЕ-ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Издание центрального бюро Партии социалистов-революционеров / В. Зензинов. – Берлин, 1922.

6. Николаевский, Б. Рецензия на книгу В.М. Чернова «Записки социалиста-революционера». Изд-во З.И. Гржебин. Берлин. 1922 / Б. Николаевский // Новая русская книга. – Берлин, 1922. – №9. – С.22-23.

7. Постников, С. Книга о гражданской войне (о книге С.П. Мельгунова «Николай Васильевич Чайковский – в годы гражданской войны. Материалы для истории русской общественности 1917 – 1925 гг.» – Париж, 1929) / С.Постников // Воля России. – 1929. – №8-9.

8. Руднев, В.В. В. Чернов. Рождение революционной России (Февральская революция). Изд. юбилейного комитета по изданию трудов В.М. Чернова. Париж, 1934 / В.В. Руднев // Современные записки. – Париж, 1935. – №58.

9. Флер, М.Г. В. Чернов и июльские дни / М.Г. Флер // Красный архив. – 1924. – № 5.

10. Florinsky, M. T. The Great Russian Revolution. By Victor Chernov. Translated and abridged by Philip E. Mosely. New Haven: Yale University Press. // New York Times. – 1936, 8 November.

Работы социалистов

1. Авксентьев, Н. Исторический год / Н. Авксентьев // За свободу. – 1942. – №8-9. – С.6-12.
2. Авксентьев, Н. Кризис демократического сознания / Н.Авксентьев // За свободу. – 1941. – №1. – С.21.
3. Авксентьев, Н. Судьба России / Н. Авксентьев // За свободу. – 1941. – №2-3.
4. Авксентьев, Н.Д. Письмо «К с.-рам юга России» от 31 октября 1919 г. / Н.Д. Авксентьев // Пролетарская революция. – 1921. – №1.
5. Архангельский, В. «Экономия» и рабочий класс / В. Архангельский // Революционная Россия. – 1926. – №49-50.
6. Бабина, Б.А. Февраль 1922 / Б.А. Бабина // Минувшее: исторический альманах. – М., 1990. – №2.
7. Бенеш, Эд. Трудности демократии / Эд. Бенеш // Современные записки. – 1924. – №18-19.
8. Верещак, С. Госзаготовки и госснабжение / С. Верещак // Революционная Россия. – 1926. – №51-52.
9. Верещак, С. О восстановительном процессе в СССР / С. Верещак // Революционная Россия. – 1926. – №53.
10. Верещак, С. Учеты, расчеты и вечные просчеты / С. Верещак // Революционная Россия. – 1926. – №49-50.
11. Вишняк, М. Из истории гражданской войны / М. Вишняк // Современные записки. – №40. – С.497-502.
12. Вишняк, М. К истории Февральской революции / М. Вишняк // Новый журнал. – 1958. – Кн.54.
13. Вишняк, М. Капитулянты, выжидающие, непримиримые / М. Вишняк // За свободу. – 1945. – №16.
14. Вишняк, М. На родине (от утопии к утопии) / М. Вишняк // Современные записки. – 1926. – №27.

15. Вишняк, М. На Родине. Советы и право / М. Вишняк // Современные записки. – 1923. – №14.
16. Вишняк, М. На чем мы стоим / М. Вишняк // За свободу. – 1941. – №1.
17. Вишняк, М. О патриотизме советском и ином / М. Вишняк // За свободу. – 1942. – №4-5. – С.23-26.
18. Вишняк, М. О Судьбах России / М. Вишняк // Современные записки. – 1931. – XLVI.
19. Вишняк, М. От Учредительного собрания к Верховному Совету / М. Вишняк // Современные записки. – 1937. – №LXV.
20. Вишняк, М. Парламент, Советы, Корпорации / М. Вишняк // Современные записки. – 1934.- №LV.
21. Вишняк, М.В. Гражданская война / М.В. Вишняк // Современные записки. – 1930. – №41.
22. Вишняк, М.В. На Родине / М.В. Вишняк // Современные записки. – 1920. – №2.
23. Война и ПСР. Доклад А.Р. Гоца об отношении ПСР к войне // Дело народа. – 1917. – 6 апреля. – №17.
24. Гуревич, В. Кризис ВКП / В. Гуревич // Революционная Россия. – 1926. – №51-52. – С.1-4.
25. Гуревич, В. Реальная политика в революции / В. Гуревич // Воля России. – 1923. – №14.
26. Далин, Д. Большевизм и революция / Д. Далин // Социалистический вестник. – 1928. – №10.
27. Дан, Ф. Борьба за демократию / Ф. Дан // Социалистический вестник.- 1922. – №20.
28. Зензинов, В. Величайшая в истории человечества битва / В. Зензинов // За свободу. – 1941. – №2-3. – С.18-20.
29. Зензинов, В.М. Временное правительство и цели войны / В.М. Зензинов // Дело народа. – 1917 – 25 марта – №9. – С.2.

30. Зензинов, В.М. Немножко истории (К вопросу о коалициях) / В.М. Зензинов // Воля России. – 1920. – №67 (1 декабря).
31. Зензинов, В.М. Правда о неправде / В.М. Зензинов // Общее дело. – 1919. – 22 апреля.
32. Зензинов, В.М. Представительство революционной демократии в правительстве / В.М. Зензинов // Дело народа. – 1917. – 12 апреля. – С.1.
33. Зильберберг, Е. К началу 1927-1928 хозяйственного года / Е. Зильберберг // Революционная Россия. – 1927. – №61.
34. Каутский, К. Социал-демократия и большевизм / К. Каутский // Воля России. – 1931. – №1-2.
35. Керенский, А. «Проблема власти в России / А. Керенский // Дни. – 1928. – №14.
36. Керенский, А. В.М. Чернов и «светлые явления» / А. Керенский // Дни. – 1930. – №94.
37. Керенский, А. Горящая Россия / А. Керенский / За Родину. – 1941. – №2-3. – С.8-13.
38. Керенский, А. Доклад «Перераспределение сил – перемена тактики» / А. Керенский // Дни. – 1930. – №113.
39. Лебедев, В.Л. Лучше поражение, чем измена или капитуляция / В.Л. Лебедев // Воля России. – 1928. – №8-9.
40. Лункевич, В. Вынужденный ответ / В. Лункевич // Дело народа. – 1917. – №150 – 9 сентября. – С.1.
41. Переписка П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. – Берлин, 1924.
42. Прения по докладу А.Ф. Керенского «Перераспределение сил – перемена тактики» // Дни. – 1930. – №118.
43. Прения по докладу М.В. Вишняка «Свободные советы или парламентская демократия» // Дни. – 1930. – №75.
44. Ракитников, Н. Временное Правительство / Н. Ракитников // Дело народа. – 1918. – №2 (5 октября).

45. Руднев, В. Религия и социализм / В.Руднев // Современные записки. – 1928. – №37.
46. Северянин, Гр. Продолжение предыдущего / Гр. Северянин // Революционная Россия. – №65.
47. Северянин, Гр. Уроки прошлого хозяйственного года / Гр. Северянин // Революционная Россия. – 1927. – №63-64.
48. Сталинский, Е. А. Что дальше? (юбилей и оппозиция) / Е.А. Сталинский // Воля России. – 1927.
49. Сталинский, Е. Бонапартизм или народовластие? / Е. Сталинский // Воля России. – 1922. – №18. – 10 мая.
50. Сталинский, Е. Оценки большевизма (Каутский – Дан) / Е. Сталинский // Воля России. – 1925. – №2.
51. Сталинский, Е. Пути революции / Е. Сталинский // Воля России. – 1922. – №15 (15 апреля).
52. Сталинский, Е. Советская демократия (на внутреннем фронте большевизма) / Е. Сталинский // Воля России. – 1925. – №12.
53. Сталинский, Е.А. Власть Сталина / Е.А. Сталинский // Воля России. – 1929. – №10-11.
54. Сталинский, Е.А. Фашизм / Е.А. Сталинский // Воля России. – 1922. – №6.
55. Суровцев, В. Эволюционируют ли большевики? / В. Суровцев // Воля России. – 1922. – №7. – 18 февраля. – С.1 -4.
56. Сухомлин, В.В. «Антигосударственность» и «Антипатриотизм» социалистов-революционеров / В.В. Сухомлин // Воля России. – 1931 – №1-2.
57. Сухомлин, В.В. Государство и класс / В.В. Сухомлин // Воля России. – 1929. – №1.
58. Сухомлин, В.В. Кризис РКП. / В.В. Сухомлин // Воля России. – 1924. – №5.
59. Сухомлин, В.В. Политические заметки / В.В. Сухомлин // Воля России. – 1928. – №10-11.

60. Утгоф, В.Л. Уфимское государственное совещание 1918 года. Из воспоминаний участника / В.Л. Утгоф // Былое. – М., 1921. – №16.

61. Шрейдер Гр. Царское в советском (К пересмотру системы управления) / Гр. Шрейдер // Революционная Россия. – 1927. – №57-58.

62. Шрейдер, Гр. [Грилич]. Метаморфозы диктатуры // Революционная Россия. – 1927. – 357-58. – С.12-14.

63. Шрейдер, Гр. [Грилич]. Немного политграмоты // Революционная Россия. – 1926. – №47. – С.19-23.

64. Шрейдер, Гр. ВКП (б) и советская власть / Гр. Шрейдер // Революционная Россия. – 1927. – №61.

65. Шрейдер, Гр. Диктатура и система советов / Гр. Шрейдер // Революционная Россия. – 1927. – №66-67.

66. Шрейдер, Гр. Диктатура, рабочие и крестьяне в советской системе / Гр. Шрейдер // Революционная Россия. – 1929. – №75-76.

67. Шрейдер, Гр. К перевыборам Советов... и к пересмотру советской конституции / Гр. Шрейдер // Революционная Россия. – 1925. – №41.

68. Шрейдер, Гр. Какой должна быть демократизация советов / Гр. Шрейдер // Бюллетень Американской федерации ПСР. – 1930. – №5-6.

69. Шрейдер, Гр. Кто правит в СССР / Гр. Шрейдер // Революционная Россия. – 1928. – №65.

70. Шрейдер, Гр. Отмирание советов / Гр. Шрейдер // Воля России. – 1925. – №5.

71. Шрейдер, Гр. Перспективы коммунистической диктатуры / Гр. Шрейдер // Революционная Россия. – 1927. – №59-60.

72. Шрейдер, Гр. Что нужно для победы / Гр. Шредер // Революционная Россия. – 1925.- №43.

73. Шрейдер, Е [В.Р.] Эволюция или беспринципность? // Революционная Россия. – 1921. – №9.

74. Шрейдер, Е. Десять лет борьбы против рабочей общественности / Е. Шрейдер // Революционная Россия. – 1927. – №57-58. – С.27.

75. Шрейдер, Е. Идеология фашизма / Е. Шрейдер // Революционная Россия. – 1926. – №47.

76. Шрейдер, Е. Октябрь / Е. Шрейдер // Революционная Россия. – 1927. – №61.

77. Штейнберг, И.З. Германия и фашизм / И.З. Штейнберг // Пути. – 1933. – №2.

78. Shreider, G. Dictatorship and Terror / G. Shreider // The Bulletin of the American Federation of the Socialist-Revolutionist Party. – 1931.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Абрамов, М.А. Судьба либерализма в Европе и России: взгляд Т. Масарика, президента Чехословацкой республики / М.А. Абрамов, Э.Г. Лаврик // Вопросы философии. – 1997. – №10.
2. Аврус, А.И. А.М. Горький и В.М. Чернов: Литературно-политический «роман» / А.И. Аврус, А.П. Новиков // Клио. – 2000. – №3(12). – С.81-87.
3. Аврус, А.И. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету / А.И. Аврус, К.В. Гусев. // Отечественная история. – 2000. – № 4.
4. Аврус, А.И. Забытая монография / А.И. Аврус // Клио. – 1999. – №3(9).
5. Аврус, А.И. Когда и где родился В.М. Чернов? / А.И. Аврус, З.Е. Гусакова, А.П. Новиков // Исторический архив. – 1998. – № 3.
6. Аврус, А.И. Материалы к родословной В.М.Чернова / А.И. Аврус, А.П. Новиков // Исторический архив. – 2002. – №3. – С.171-185.
7. Аврус, А.И. Эсеровский журнал «За свободу» о внешней и внутренней политике СССР в годы Великой Отечественной войны / А.И. Аврус, А.П. Новиков // Военно-исторические исследования в Поволжье : сборник научных трудов. Вып. 5. – Саратов, 2003. – С.313-323.
8. Алексеева, Г.Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции / Г.Д. Алексеева. – М., 1989.
9. Алексеева, Г.Д. Народничество в России в XX в. Идеиная эволюция / Г.Д. Алексеева. – М., 1990.
10. Алексеева, Г.Д. Партия социалистов-революционеров после Октября 1917 г. / Г.Д. Алексеева, А.В. Малыкин // Вопросы истории. – 1992. – №6-7.
11. Анатомия революции, 1917 год в России: массы, партия, власть. – СПб., 1994.

12. Аникин, А.В. Элементы сакрального в русских революционных теориях / А.В. Аникин // Отечественная история. – 1995. – №1.
13. Анишев, А. Очерки истории гражданской войны. 1917-1920 гг. / А. Анишев. – Л., 1925.
14. Аноприева, Г.С. Эсеры между утопиями и реальностью / Г.С. Аноприева, Н.Д.Ерофеев // Полис. – 1993. – №6.
15. Анфимов, А.М. Неоконченные споры / А.М. Анфимов // Вопросы истории. – 1997. – №5, 6, 7.
16. Анфимов, А.М. Столыпин и российское крестьянство / А.М. Анфимов. – М., 2002.
17. Архипов, И.Л. Российская политическая элита в феврале 1917: психология надежды и отчаяния / И.Л. Архипов. – СПб., 2000.
18. Балуев, Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX-XX веков / Б.П. Балуев. – М., 1995.
19. Балуев, Б.П. Спор народников с марксистами о роли интеллигенции в историческом развитии России / Б.П. Балуев // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки / под общ. ред. А.Н. Сахарова. – М., 1996. – С.167-176.
20. Балуев, Б.П. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа» / Б.П.Балуев. – М., 2001.
21. Безнин, М.А. Аграрный строй России в 1930-1980-х годах (новый подход) / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Вопросы истории. – 2005. – №7. – С.23-44.
22. Безнин, М.А. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930-1980-х годов / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Вопросы истории. – 2005. – №6. – С.94-121.
23. Белоус, А.В. В.М.Чернов о проблеме «охлоса» и «демоса» в революционный период / А.В. Белоус // Политический процесс в современной России. Вып. 4. – СПб., 2001. – С.23-28.

30. Белоусов, Л.С. Режим Муссолини и массы / Л.С. Белоусов. – М., 2000.
24. Белоусова, А.В. Проблемы демократии в творчестве В.М. Чернова / А.В. Белоусова // Schola-2000 : сборник статей / сост. А.В. Воробьев. – М., 2000. – С. 105-112.
31. Бороздив, С.В. Земельные отношения и аграрные реформы / С.В. Бороздив. – М., 2002.
32. Бровкин, В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы / В.Н. Бровкин // Вопросы истории. – 1994. – №5.
33. Бровкин, В.Н. Гражданская война как социально-политический феномен / В.Н. Бровкин // Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. Т.2. – М., 1996. – С.58-117.
34. Бросцат, М. Закат тысячелетнего рейха / М. Бросцат; пер. с нем. В. Кузнецова. – М., 2005.
35. Бросцат, М. Тысячелетний рейх / М. Бросцат; пер. с нем. В. Кузнецова. – М., 2004.
36. Бузгалин, А.В. Социалистические революции XXI века / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Свободная мысль. – 1997. – № 10.
37. Булдаков, В.П. Имперство и российская революционность / В.П. Булдаков // Отечественная история. – 1997. – №1,2.
38. Булдаков, В.П. Красная смута / В.П. Булдаков. – М., 1997.
39. Булдаков, В.П. Пролетариат в трех российских революциях : книга для учителя / В.П. Булдаков, А.П. Корелин, А.И. Уткин. – М., 1987.
40. Буртин, Ю. Три Ленина. Нэп в свете теории конвергенции / Ю. Буртин // Октябрь. – 1998. – №12. – С.129-153.
41. Быстрянский, В. Меньшевики и эсеры в русской революции / В. Быстрянский. – Пг., 1921.
42. В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России / отв. ред. Л.М. Иванов. – М., 1970.

43. Валерстайн, И. Россия и капиталистический мир – экономика 1500-2000 / И. Валертайн // Свободная мысль. – 1996. – №5. – С.35-37.
44. Венер, М. Был ли НЭП? Некоторые размышления об историографии советского крестьянства 20-х годов / М. Венер // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки / под общ. ред. А.Н. Сахарова. – М., 1996. – С.338-343.
45. Вентури, А. Русско-итальянская модель В.М. Чернова (1899-1902 гг.) / А. Вентури // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. – СПб., 1997.
46. Владимирова, В. Год службы «социалистов» капиталистам: очерки по истории контрреволюции / В. Владимирова. – М.-Л., 1927.
47. Власть и реформы: от самодержавной к советской России / отв. ред. Б.В. Ананьич. – СПб., 1996.
48. Волобуев, П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность / П.В. Волобуев. – М., 1987.
49. Волобуев, П.В. Октябрьская революция: новые подходы к изучению / П.В. Волобуев, В.П. Булдаков // Вопросы истории. – 1996. – №5-6.
50. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949-1953): очерки истории / Т.В. Волокитина [и др.]. – М., 2002.
51. Гайда, Ф.А. Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия / Ф.А. Гайда // Вопросы истории. – М., 1996. – №3.
52. Галактионов, Ю.В. Марксистская историография германского фашизма / Ю.В. Галактионов, Л.Н. Корнева, Н.С. Черкасов. – Кемерово, 1988.
53. Галкин, А.А. Германский фашизм / А.А. Галкин. – М., 1989.
54. Галкин, А.А. Фашистский идейный синдром: генезис германского варианта / А.А. Галкин // Вопросы философии. – 1988. – №11.

55. Гармиза, В.В. Партия эсеров в современной буржуазной историографии / В.В. Гармиза, Л.С. Жумаев // История СССР. – 1968. – №2.
56. Гейфман, А. Революционный террор в России 1894-1917: пер. с англ. / А. Гейфман. – М., 1997.
57. Герасименко, Г.А. Народ и власть 1917 г. / Г.А. Герасименко. – М., 1995.
58. Герасименко, Г.А. Первый акт народовластия в России / Г.А. Герасименко. – М., 1992.
59. Герасименко, Г.А. Советская власть в Поволжье / Г.А. Герасименко. – Саратов, 1980.
60. Герасименко, Г.А. Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров / Г.А. Герасименко // Вопросы истории. – 2005. – №7. – С.3-23.
61. Гимпельсон, Е.Г. Путь к однопартийной диктатуре / Е.Г. Гимпельсон // Отечественная история. – 1994. – №4-5.
62. Гимпельсон, Е.Г. Советские управленцы. 1917-1920 гг. / Е.Г. Гимпельсон. – М., 1998.
63. Грациози, А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933: пер. с англ. / А. Грациози. – М., 2001.
64. Григорьева, И.В. Историки Италии – о фашизме и Сопротивлении / И.В. Григорьева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // [http:// www.situation.ru/](http://www.situation.ru/). – 2005. – Выпуск №4/5 (28\29), апрель-май.
65. Гусакова, З.Е. Новые сведения о В.М.Чернове и его семье / З.Е. Гусакова // Отечественные архивы. Вып. 4. – 1993. Приложение. – С. 111-112.
66. Гусев, К.В. В.М.Чернов. Штрихи к политическому портрету / К.В.Гусев. – М., 1999.
67. Гусев, К.В. История «демократической контрреволюции» в России / К.В. Гусев. – М., 1973.
68. Гусев, К.В. Крах партии левых эсеров / К.В. Гусев. – М., 1963.

69. Гусев, К.В. Небольшевистские демократические партии в революции 1917 г. / К.В. Гусев // Россия в XX веке. Историки мира спорят. – М., 1994.
70. Гусев, К.В. От соглашательства к контрреволюции / К.В. Гусев, Х.А. Ерицян. – М., 1968.
71. Гусев, К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции / К.В. Гусев. – М., 1975.
72. Гусев, К.В. Стратегия и тактика большевиков в отношении непролетарских партий / К.В. Гусев. – М., 1983.
73. Данилов, В.П. Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии / В.П. Данилов, И.Е. Зеленин // Отечественная история. – 2004. – №5. – С.97-111.
74. Данилов, В.П. Современная российская историография: в чем выход из кризиса? / В.П. Данилов // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки / под общ. ред. А.Н. Сахарова. – М., 1996. – С.22-31.
75. Дмитренко, В.П. Последние десять лет в контексте истории России XX века / В.П. Дмитренко (Куда идет Россия? 10 лет реформ. Заседание круглого стола) // Отечественная история. – 1995. – №4.
76. Добровольский, А.В. Сибирь в стратегии и тактике ЦК партии эсеров (1917-1922 гг.) / А.В. Добровольский // Вестник НГУ. Серия История, филология. Вып. 3. – Т. 1: История. – Новосибирск, 2002.
77. Добровольский, А.В. Эсеры во власти и оппозиции (1917-1923) / А.В. Добровольский. – Новосибирск, 2002.
78. Драбкин, Я.С. Проблемы и легенды в историографии германской революции. 1918-1919 / Я.С. Драбкин / отв. ред. д.и.н. Л.И. Гинцберг. – М., 1990.
79. Дружинин, Н.М. Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США / Н.М. Дружинин // Социально-экономическая история России: избранные труды. – М., 1987.

80. Дьячков, В.Л. Партия эсеров в период от Февраля к Октябрю в освещении новейшей буржуазной историографии / В.Л. Дьячков // Непролетарские партии России в трех революциях. – М., 1989. – С.193-200.

81. Емельянов, Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции / Ю.Н. Емельянов. – М., 1998.

82. Ерофеев, Н. В.М. Чернов / Н. Ерофеев // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века : энциклопедический биографический словарь. – М., 1997. – С.685-689.

83. Жуков, В.Н. Социалисты-революционеры (эсеры). В.М. Чернов / В.Н. Жуков // История политических учений : учебник для вузов / под общ. ред. проф. О.В. Мартышина. – М., 2002. – С.747-754.

84. Журавлев, В.В. Идея народного представительства в период колчаковской диктатуры / В.В. Журавлев // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С.148-152.

85. Журавлев, В.В. Национальный вопрос в программах общероссийских политических партий начала XX века / В.В. Журавлев // История национальных политических партий России: материалы международной конференции (Москва, 21-22 мая 1996 г.). – М., 1997. – С.83-96.

86. Журавлев, В.В. Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): от «автономной Сибири» к «возрожденной России» / В.В. Журавлев // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып.1. – Новосибирск, 1997. – С.3-30.

87. Журавлев, В.В. Рождение Временного Сибирского Правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции / В.В. Журавлев // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.: межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.И. Шишкина. – Новосибирск, 2001. – С. 26-47.

88. Задорожник, И.Е. В.М. Чернов / И.Е. Задорожник, А.В. Кириллов // Русская философия : словарь / под общ. ред. М.А. Маслина. – М., 1995. – С. 606-607.
89. Зверев, В.В. Марксизм и генезис неонародничества по материалам переписки В.М. Чернова с Н.Ф.Даниельсоном в конце 90-х годов XIX в. / В.В. Зверев // Россия и реформы : сборник статей. Вып. 4. – М., 1997. – С.123-147.
90. Зверев, В.В. Н.Ф. Даниельсон, В.П. Воронцов: капитализм и пореформенное развитие русской деревни (70-е – начало 90-х гг. XIX в.) / В.В. Зверев // Отечественная история. – 1998. – №1.
91. Зверев, В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России: от сороковых к девяностым годам XIX века / В.В. Зверев. – М., 1997.
92. Земля и власть : сборник материалов по актуальным вопросам аграрной политики / под общ. ред. Н. Харитонов. – М., 1998.
93. Злоказов, Г.И. Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году / Г.И. Злоказов. – М., 1997.
94. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945-1953 / Е.Ю. Зубкова. – М., 2000.
95. Иванов, А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления чехословацкого корпуса в 1918 г. / А.В. Иванов // Белая армия. Белое дело : исторический научно-популярный альманах. – Екатеринбург, 1997. – №4.
96. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли: в 3 т. / Иванов-Разумник. – М., 1997.
97. Иванов-Разумник. Русская литература от семидесятых годов до наших дней / Иванов-Разумник. – 6-е изд. – Берлин, 1923.
98. Ивницкий, Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.) / Н.А. Ивницкий. – М., 1994.
99. Из глубины : сборник статей о русской революции. – М., Пг., 1918; 2-е изд. – М., 1990.

100. Индукаева, Н.С. История международных отношений. 1918-1945 гг. : учебное пособие / Н.С. Индукаева. – Томск, 2003.
101. Иоффе, Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах / Г.З. Иоффе. – М., 1983.
102. Исаев, И.А. История политических и правовых учений России XI-XX вв. / И.А. Исаев, Н.М. Золотухина. – М., 1995.
103. Исаков, С.Г. Виктор Михайлович Чернов / С.Г. Исаков // Исаков С.Г. Русские в Эстонии (1918-1940) : историко-культурные очерки. – Тарту, 1996. – С.367-372.
104. Искендеров, А.А. Российская монархия, реформы и революция / А.А. Искендеров // Вопросы истории. – 1993. – №3, 5, 7; 1994. – №1.
105. История внешней политики СССР: в 2 т. Т.1: 1917-1945 гг. – М., 1986.
106. История Коммунистической партии Советского Союза: в 5 т. – М., 1970-1980.
107. История политических учений / под ред. проф. О.В. Мартышина. – М., 2002.
108. История политических и правовых учений / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – М., 1996.
109. История политических партий России / под ред. А.И. Зевелева. – М., 1994.
110. Ишин, В.В. Социалисты-революционеры России конца XIX – начала XX века / В.В. Ишин. – Астрахань, 1995.
111. Кабанов, В.В. А был ли крах столыпинской аграрной реформы / В.В. Кабанов // Россия сельская. XIX – начало XX века / отв. ред. А.П. Коредин. – М., 2004. – С. 309-331.
112. Кабанов, В.В. Судьбы кооперации в советской России: проблемы, историография / В.В. Кабанов // Судьбы российского крестьянства / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1996.

113. Кадзикава, С. О военном коммунизме / С. Кадзикава // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки / под общ. ред. А.Н. Сахарова. – М., 1996. – С.331-337.
114. Какурин, Н.Е. Как сражалась революция / Н.Е. Какурин. – М.-Л., 1925.
115. Каминский, В.В. Почему генштабист Ф.Е. Махин «открыл ворота» Уфы белому Комучу 4 июля 1918 г.? / В.В. Каминский // История Белой Сибири: материалы пятой международной научной конференции (Кемерово, 4-5 февраля 2003 г.). – Кемерово, 2003. – С.141-144.
116. Кантор, Ю.З. М.Н. Тухачевский и советско-германский военный альянс 1923-1933 годов / Ю.З. Кантор // Вопросы истории. – 2006. – №5. – С.7-21.
117. Кара-Мурза, С.Г. Советская цивилизация (книга первая). М., 2001.
118. Карр, Э. История Советской России: в 2 кн. : пер. с англ. / Э. Карр. – М., 1990.
119. Каррер д'Анкосс Э. Ленин: пер. с франц. – М., 2002.
120. Кирьянова, Е.А. Раскулачивание крестьянства Центра России в начале 1930-х годов / Е.А. Кирьянова // Вопросы истории. – 2006. – №5. – С.146- 152.
121. Клавинг, В. Гражданская война в России: Белые армии / В. Клавинг. – М., 2003.
122. Книжник-Ветров, И.С. Демократическая республика или республика Советов: борьба за новое право и В.М. Чернов / И.С. Книжник-Ветров. – Пг., 1919.
123. Ковальченко, И.Д. Аграрное развитие России и революционный процесс // Реформа или революция? Россия 1861-1917 гг.: материалы международного коллоквиума историков / И.Д. Ковальченко. – СПб., 1992.
124. Колесниченко, Д.А. В.М. Чернов / Д.А. Колесниченко // Россия на рубеже веков. Исторические портреты. – М., 1991. – С.296-325.

125. Кондратьев, Н.Д. План и предвиденье / Н.Д. Кондратьев // Вопросы экономики. – 1992. – №3.
126. Кондрашин, В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. / В.В. Кондрашин // Россия сельская. XIX – начало XX века / отв. ред. А.П. Коредин. – М., 2004. – С.331-361.
127. Коновалов, В.С. «Идти вместе!»: партии левого блока в революционном движении, 1900 – февраль 1917 / В.С. Коновалов, М. Меланкон // Реферативный журнал. Сер. 5. История. Зарубежная литература. – М., 1993. – №2.
128. Коновалов, В.С. Социалисты-революционеры и русское антивоенное движение, 1914-1917 гг. / В.С. Коновалов, М. Меланкон // Реферативный журнал. Сер. 5. История. Зарубежная литература. – М., 1994. – №2.
129. Коновалов, В.С. Партия социалистов-революционеров и крестьянство России / В.С. Коновалов // Реферативный журнал. Сер. 5. История. Зарубежная литература. – М., 1993. – №3-4.
130. Коновалова, О.В. К истории Гражданской войны в России: В.М. Чернов, эсеры и Директория / О.В. Коновалова // Отечественная история. – 2006. - №5. – С.49-64.
131. Коновалова, О.В. «Смешанная экономика»: вариант Виктора Чернова / О.В. Коновалова // Свободная мысль – XXI – 2002. - №3. – С.100-109.
132. Коновалова, О.В. «Черновская грамота»: к вопросу о причинах разногласий в партии социалистов-революционеров в годы Гражданской войны / О.В. Коновалова // Вестник КрасГАУ. – 2006. – Вып.11. – С.355-361.
133. Коновалова, О.В. В.М. Чернов и аграрная программа партии социалистов-революционеров / О.В. Коновалова // Отечественная история. – 2002. - №2. – С.43-60.
134. Коновалова, О.В. В.М. Чернов о демократии и социализме / О.В. Коновалова // Исторический архив. – 2001. - №4. – С.3-10.

135. Коновалова, О.В. В.М. Чернов о социально-экономических аспектах фашизма / О.В. Коновалова // Вестник КГУ. – Сер. Гуманитарные науки. – 2006. - №3. – С.52-55.

136. Коновалова, О.В. В.М. Чернов об аграрной политике большевиков. Глава из рукописи II тома книги «Конструктивный социализм», 1920-е гг. / О.В. Коновалова // Исторический архив. – 1997. - №5-6. – С.122-141.

137. Коновалова, О.В. Демократические ценности, права и свободы личности в теоретических построениях народничества начала XX в. / О.В. Коновалова // Права и свободы человека в современном мире: сборник материалов региональной научно-практической конференции. – Красноярск, 2001. – С.57-61.

138. Коновалова, О.В. Идеи демократии и федерализма в творческом наследии В.М. Чернова / О.В. Коновалова // Красноярский край: исторические аспекты территориального, экономического и культурного развития: тезисы докладов и сообщений научной конференции. Красноярск, 14 ноября 2006 г. – Красноярск, 2006. – С.174-180.

139. Коновалова, О.В. Идеи правового государства и гражданского общества в политической доктрине неонародничества / О.В. Коновалова // Права и свободы человека в современном мире: сборник материалов региональной научно-практической конференции. – Красноярск, 2002. – С.80-83.

140. Коновалова, О.В. Исследование правовых и политических институтов в творчестве российских народников начала XX в. / О.В. Коновалова // Политические и правовые институты: материалы межвузовской научно-теоретической конференции. – Ростов-на-Дону. – 2000. – С.45-50.

141. Коновалова, О.В. К вопросу о патриотической позиции социалистической эмиграции США в годы Великой Отечественной войны / О.В. Коновалова // Традиции патриотизма в культуре и истории России:

материалы научно-практической конференции 2003-2005 гг. – Волгоград, 2005. – С.132-134.

142. Коновалова, О.В. К вопросу о роли «Союза возрождения России» в истории партии социалистов-революционеров и гражданской войне / О.В. Коновалова // История Белой Сибири: материалы 6-й международной научной конференции 7-8 февраля 2005 г. / Отв. ред. С.П. Звягин. – Кемерово, 2005. – С.215-219.

143. Коновалова, О.В. К вопросу о становлении и развитие демократии в России в контексте политических концепций начала XX в. / О.В. Коновалова // Демократические процессы в Сибири: Опыт последнего десятилетия: материалы научно-практической конференции. – Красноярск, 2001. – С.11-15.

144. Коновалова, О.В. Муниципальное управление в государственной вертикали власти России: эсеровский вариант (начало XX в.) / О.В. Коновалова // Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике в исторической ретроспективе: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 180-летию сибирских реформ М.М Сперанского. Иркутск, 25-26 февраля 2003 г. Ч. I. – Иркутск, 2004. – С.117-122.

145. Коновалова, О.В. О некоторых аспектах борьбы с терроризмом в Сибирском регионе / О.В. Коновалова // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: материалы международной научно-практической конференции. Ч.1. – Красноярск, 2000. – С.69-72.

146. Коновалова, О.В. О политических аспектах терроризма: современный ракурс сквозь призму истории / О.В. Коновалова // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: материалы международной научно-практической конференции. – Красноярск, 2002. – С.83-86.

147. Коновалова, О.В. О правовых основах функционирования Сибирской областной думы в 1918 г. / О.В. Коноваловой // Красноярский

край: история в документах: тезисы докладов и сообщений научной конференции г. Красноярск, 27 октября 2004 г. – Красноярск, 2004. – С.36-44.

148. Коновалова, О.В. Партия социалистов-революционеров и повстанческое движение крестьян / О.В. Коновалова // Енисейской губернии – 180 лет: материалы IV-х краеведческих чтений / Ред.: В.И. Федорова, Т.Л. Савельева. – Красноярск, 2003. – С.86-93.

149. Коновалова, О.В. Повстанческое движение в Енисейской губернии в 1920-1921 гг. / О.В. Коновалова // История Белой Сибири: материалы 5-й международной научной конференции (4-5 февраля 2003 года). – Кемерово. – 2003. – С.103-106.

150. Коновалова, О.В. Политическая демократия В.М. Чернова / О.В. Коновалова // Проблемы демократии: история и современность: материалы научной конференции с международным участием. – Красноярск, 2006. – С.163-169.

151. Коновалова, О.В. Политические идеалы В.М. Чернова: взгляд через годы монография / О.В. Коновалова. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России. – 2005. – 212с.

152. Коновалова, О.В. Правовые аспекты аграрной программы эсеров в идейном наследии В.М. Чернова / О.В. Коновалова // Россия: исследования по социально-политической истории, историографии, демографии: сборник научных статей. – Красноярск, 1999. – С.29-44.

153. Коновалова, О.В. Преодоление народнических догм. В.М. Чернов о типах капиталистической эволюции / О.В. Коновалова // Свободная мысль - XXI – 2001. - №4. – С.58-70.

154. Коновалова, О.В. Программно-тактические установки центра эсеровской партии в годы гражданской войны / О.В. Коновалова // Гражданская война в Сибири: сборник докладов и статей научной конференции. – Красноярск, 1999. – С.175-182.

155. Коновалова, О.В. Разработка программы экономических преобразований партии социалистов-революционеров в трудах

В.М. Чернова: монография / О.В. Коновалова. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2000. – 68с.

156. Коновалова, О.В. Рецензия на книгу: К.Н. Морозов. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-1926): этика и тактика противоборства. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 736 с. Тир.800 / О.В. Коновалова // Отечественная история. – 2006. – №6. – С.212-215.

157. Коновалова, О.В. Социально-политические аспекты борьбы с преступностью: регионально-исторический ракурс / О.В. Коновалова // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: материалы международной научно-практической конференции. – Красноярск, 2003. – С.152-156.

158. Коновалова, О.В. Эсеровская эмиграция в США в годы Второй мировой войны: проблемы культурно-политической идентичности / О.В. Коновалова // Американские исследования в Сибири. – Вып. 8.: материалы Всероссийской научной конференции выпускников Программы Фулбрайта «Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири», Томск, 12-14 октября 2004 г. – Томск, 2005. – С.32-41.

159. Коновалова, О.В. Эсеровская эмиграция о роли СССР в годы Второй мировой войны / О.В. Коновалова // Великая Отечественная войны (1941-1945 гг.): 60 лет победы: материалы Всероссийской научной конференции 28 апреля 2005 г. – Красноярск, 2005. – С.271-283.

160. Кононенко, А.А. Партия социалистов-революционеров в 1901-1922 гг. Проблемы историографии: монография / А.А. Кононенко. – Тюмень, 2004.

161. Кононенко, А.А. Современная зарубежная историография Партии социалистов-революционеров / А.А. Кононенко // Вопросы истории. – 2005. – №2. – С.155-164.

162. Кононенко, А.А. Современная российская историография партии социалистов-революционеров / А.А. Кононенко // Отечественная история. – 2004. – №4. – С.112-120.
163. Корнева, Л.Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945-90-е годы): учебное пособие / Л.Н. Корнева. – Кемерово, 1998.
164. Костиков, В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции / В. Костиков. – М., 1990.
165. Красильников, С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / С.А. Красильников. – М., 2003.
166. Красильщиков, В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых цивилизаций / В.А. Красильщиков. – М., 1998.
167. Красин, Ю. Социализм: необходимость переосмысления / Ю. Красин // Свободная мысль. – М., 1997. – №6.
168. Кроче, Б. Теория и история историографии / Б. Кроче; пер. с итал. И.М. Заславской. – М., 1998.
169. Кукушкина, И.А. Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918-1922) / И.А. Кукушкина // Русский исход / отв. ред. Е.М. Миронова. – СПб., 2004. – С.79-105.
170. Кулегин, А.М. «Письма к крестьянам» В.М. Чернова как источник для изучения политической борьбы в России в 1917 г. // Политическая история России. Вып. 2. – СПб., 1995. – С. 35-47.
171. Кулешов, С.В. Размышление о революции / С.В. Кулешов // Отечественная история. – 1996. – №5.
172. Куренышев, А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века / А.А. Куренышев. – М., 2000.
173. Куренышев, А.А. Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. / А.А. Куренышев. – СПб., 1997.

174. Лавров, В.М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917-1918 годах) / В.М. Лавров. – М., 1996.
175. Ленин, В.И. Аграрный вопрос и «критики Маркса» / В.И. Ленин // ПСС. – Т.5. – С.99-268.
176. Ленин, В.И. Доклад о деятельности Совета народных комиссаров 11 января 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов / В.И. Ленин // ПСС. – Т.35. – С.261-290.
177. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм / В.И. Ленин // ПСС. – Т.18. – С.7-384.
178. Ленин, В.И. О народничестве / В.И. Ленин // ПСС. – Т.22. – С.304-307.
179. Ленин, В.И. Развитие капитализма в России / В.И. Ленин // ПСС. – Т.3. – С.1-609.
180. Леонов, М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. / М.И. Леонов. – М., 1997.
181. Леонов, М.И. Партия эсеров в 1905-1907 гг.: организационная структура, состав, численность / М.И. Леонов // Непролетарские партии России в трех революциях. – М., 1989. – С.132-137.
182. Леонов, М.И. Политическое руководство партии эсеров в революции 1905-1907 гг. / М.И. Леонов // Общественно-политическое движение России XVIII-XX вв.: межвузовский сборник научных трудов. – Самара, 1993.
183. Леонов, М.И. Пролетарский и крестьянский социализм в России на рубеже XIX-XX веков / М.И. Леонов // Самарский исторический ежегодник. – Самара, 1993. – С.22-31.
184. Леонтович, В.В. История либерализма в России / В.В. Леонтович. – Париж, 1980.

185. Литвин, А. «В борьбе обрешь ты право свое!» Судьба самой многочисленной партии России / А. Литвин // Наука и жизнь. – 1991. – №1.
186. Литошенко, Л. Кооперация, социализм и капитализм / Л. Литошенко // Экономист. – 1922. – №2. – С.184-198.
187. Луначарский, А.В. Бывшие люди: очерк истории партии эсеров / А.В. Луначарский. – М., 1922.
188. Любин, В.П. Преодоление прошлого: споры о тоталитаризме / В.П. Любин – М., 2005.
189. Малыхин, К.Г. Большевицкая модернизация России и русское зарубежье 20-30-х годов / К.Г. Малыхин. – Ростов-на-Дону, 2000.
190. Маркс, К. Капитал. Т. 3. / К. Маркс // Маркс, К. Соч. / К.Маркс, Ф.Энгельс. – Т.25. – Ч.2.
191. Маркс, К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич / К.Маркс // Маркс, К. Соч. / К.Маркс, Ф.Энгельс. – Т.19. – С.400-421.
192. Маслов, С.Л. О пользовании землей до Учредительного Собрания / С.Л. Маслов. – Пг., 1917.
193. Медведев, А.В. Неонародничество и большевизм в России в годы гражданской войны / А.В. Медведев. – Нижний Новгород, 1993.
194. Медушевский, А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе / А.Н. Медушевский. – М., 1998.
195. Медушевский, А.Н. История русской социологии / А.Н. Медушевский. – М., 1993.
196. Медушевский, А.Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века / А.Н. Медушевский. – М., 2005.
197. Международное рабочее движение: вопросы истории и теории. Т.5: Созидатель социализма, борец против фашизма. – М., 1981.
198. Мерцалов, А.Н. Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны / А.Н. Мерцалов. – М., 1978.

199. Мерцалов, А.Н. Довольно о войне? / А.Н. Мерцалов, Л.А. Мерцалова. – Воронеж, 1992.
200. Мерцалова, Л.А. Германский фашизм в новейшей историографии ФРГ / Л.А. Мерцалова. – Воронеж, 1990.
201. Мещеряков, В.И. Партия социалистов-революционеров / В.И. Мещеряков. – М., 1922.
202. Михайленко, В.И. Итальянский фашизм: основные вопросы историографии / В.И. Михаленко. – Свердловск, 1987.
203. Михайленко, В.И. Тоталитаризм в XX веке: теоретический дискурс / В.И. Михаленко, Т.П. Нестерова. – Екатеринбург, 2000.
204. Михайленко, В.И. Тоталитаризм: феномен нашего времени / В.И. Михайленко. – Екатеринбург, 2003.
205. Можаяева, Л.А. Чернов Виктор Михайлович / Л.А. Можаяева // Новый исторический вестник. – 2002. – № 2 (7). – С. 169-179.
206. Морозов, К.Н. Журнал «Почин» и генезис правого крыла партии социалистов-революционеров накануне I мировой войны / К.Н. Морозов // Самарский исторический ежегодник. – Самара, 1993. – С.180-184.
207. Морозов, К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. / К.Н. Морозов – М., 1999.
208. Морозов, К.Н. Политическое руководство партии социалистов-революционеров в 1901-1921 годах / К.Н. Морозов // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова. – М., 2005. – С.475-487.
209. Морозов, К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-1926): этика и тактика противоборства / К.Н. Морозов. – М., 2005.
210. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т.1: 1900-1939 / отв. ред. В.Б. Жиромская / РАН. Отд-ние истории. Науч. совет по ист. демографии и ист. географии, Ин-т рос. истории; отв. ред. Ю.А. Поляков. – М., 2000.

211. Немарксистские концепции социализма. – М., 1986.
212. Непролетарские партии России. Урок истории / под общ. ред. И.И. Минца. – М., 1984.
213. Николаев, А.А. Большевизм и кооперация / А.А. Николаев // Большевики у власти. Социально-политические итоги октябрьского переворота. – М.; Пг., 1918.
214. Новиков, А.П. Документы ГАСО о В.М. Чернове / А.П. Новиков, З.Е. Гусакова // Отечественные архивы. – 1998. – № 5. – С. 74-76.
215. Новиков, П.А. Части чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май-август 1918 г.) / П.А. Новиков // Белая армия. Белое дело : исторический научно-популярный альманах. – Екатеринбург, 2000. – №7,8.
216. Новикова, Н.В. В.М. Чернов об А.П. Чехове / Н.В. Новиков // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: материалы международной научной конференции. Вып. 1. – М., 2003. – С.207-212.
217. НЭП в контексте исторического развития России XX века : сборник статей. – М., 2001.
218. Овчинникова, Л.В. Крах Веймарской республики в буржуазной историографии ФРГ / Л.В. Овчинникова. – М., 1983.
219. Ойзерман, Т.И. Марксизм и утопизм / Т.М. Озерман // Свободная мысль. – 1998. – №1,2.
220. Омельченко, Н.А. Веховская традиция в духовной жизни русской эмиграции / Н.А. Омельченко // Вопросы истории. – 1995. – №1.
221. Омельченко, Н.А. Политическая мысль русского зарубежья (очерки истории 1920 – начала 1930-х гг.) / Н.А. Омельченко. – М., 1997.
222. Орлов, И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы / И.Б. Орлов. – М, 1999.
223. Освободившиеся страны в переходный период. Политико-экономический анализ / под ред. Р.И. Хасбулатова. – М., 1987.

224. Павлов, Д.Б. Критика некоторых концепций современной англоязычной буржуазной историографии партии эсеров / Д.Б. Павлов // Великий Октябрь и непролетарские партии : материалы научной конференции. – М., 1982.
225. Павлова, И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма / И.В. Павлова. – Новосибирск, 2001.
226. Павлова, И.В. Сталинизм: становление механизма власти / И.В. Павлова. – Новосибирск, 1993.
227. Пайпс, Р. Русская революция: пер. с англ.: в 2 т. / Р. Пайпс. – М., 1994.
228. Пантин, И.К. Драма противостояния демократия – либерализм в старой и новой России / И.К. Пантин // Полис. – 1994. – №3.
229. Пантин, И.К. К логике теоретического становления современного социализма / И.К. Пантин // Полис. – 1996. – №4.
230. Пантин, И.К. Октябрь: движение в непредсказуемое / И.К. Пантин // Полис. – 1997. – №5.
231. Пантин, И.К. Революционная традиция в России, 1783-1883 гг. / И.К. Пантин, Е.Г. Плимак, В.Г. Хорос. – М., 1986.
232. Перейра, Норманн Г.О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне / Норманн Г.О. Перейра. – М., 1996.
233. Песчанский, В. Становление гражданского общества в России: роль профсоюзов / В. Песчанский // Международная экономика и международные отношения. – 1996. – №11.
234. Петренко, И.Я. Экономика крестьянского хозяйства / И.Я. Петренко, П.И. Чужинов, С.Б. Исмуратов. – М., 1995.
235. Пешехонов, А.В. Почему я не эмигрировал / А.В. Пешехонов. – Берлин, 1923.
236. Пленков, О.Ю. Третий Рейх. Война: до критической черты / О.Ю. Пленков. – СПб., 2005.

237. Плимак, Е. Две революции, две точки зрения / Е. Плимак // Свободная мысль. – 1997. – №10.
238. Плимак, Е.Г. Политика переходной эпохи. Опыт Ленина / Е.Г. Плимак. – М., 2004.
239. Плимак, Е.Д. Непредвиденные результаты / Е.Д. Плимак // Свободная мысль. – 1998. – №4.
240. Поликарпова Е.В. Идеология народничества в России / Е.В. Поликарпова. – М., 2001.
241. Политическая история России в партиях и лицах. – М., 1993.
242. Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: в 2 т. – М., 1996.
243. Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова. – М., 2005.
244. Политические партии России: история и современность. – М., 2000.
245. Поляков, Ю.А. Учредительное собрание: 80 лет спустя / Ю.А. Поляков // Свободная мысль. – М., 1998. – №3.
246. Попов, В.В. Нетерпение ума, или Зачем мы морочим голову словом «социалистический» / В.В. Попов // Российский экономический журнал. – 1993. – №3.
247. Протасов, Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели / Л.Г. Протасов. – М., 1997.
248. Прозектор, Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели / Д.М. Прэктор. – 2-е изд., доп. – М., 1989.
249. Рабинович, А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: пер. с англ. / А. Рабинович. – М., 1989.
250. Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – 1917 гг. – СПб., 1997.
251. Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. – М., 1987.

252. Радаев, В. Концепция анализа переходного периода / В. Радаев // Экономист. – 1995. – №8.
253. Раев, М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919-1939 / М. Раев. – М., 1994.
254. Раушнинг, Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны / Г. Раушнинг. – М., 1993.
255. Рахшмир, П.Ю. Историография западноевропейского фашизма / П.Ю. Рахшмир // История фашизма в Западной Европе. – М., 1978.
256. Рахшмир, П.Ю. Фашизм: вчера, сегодня, завтра / П.Ю. Рахшмир // Международная экономика и международные отношения. – 1996. – №10.
257. Роговин, В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы / В.З. Роговин. – М., 1992.
258. Роговин, В.З. Власть и оппозиция / В.З. Роговин. – М., 1993.
259. Руднева, С.Е. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.): история форума / С.Е. Руднева. – М., 2000.
260. Русское национальное меньшинство в Эстонской республике, 1918-1940. – Тарту, СПб., 2001.
261. Рынков, В.М. Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (лето 1918-1919 г.) / В.М. Рынков // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII-XX вв.) : Бахрушинские чтения 2001 г. : межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.И. Шишкина. – Новосибирск, 2001. – С. 99-137.
262. Савельев, П.И. Истоки русских аграрно-типологических концепций / П.И. Савельев // Самарский исторический ежегодник. – Самара, 1993. – С.7-21.
263. Савельев, П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья) / П.И. Савельев. – Самара, 1994.

264. Савельев, П.И. Пути аграрного развития России в дискуссиях российских историков / П.И. Савельев // Россия сельская. XIX – начало XX века / отв. ред. А.П. Карелин. – М., 2004. – С.25-54.
265. Самарская, Е. Социализм в перспективе постиндустриализма / Е. Самарская // Свободная мысль. – 1995. – №4.
266. Самсонов, А.М. Вторая мировая война. 1939-1945: очерк важнейших событий / А.М. Савельев. – М., 1990.
267. Сивохина, Т.А. Политические партии в послеоктябрьской России : курс лекций / Т.А. Сивохина. – М., 1995.
268. Симонов, Н.С. Демократическая альтернатива тоталитарному нэпу / Н.С. Симонов // История СССР. – 1992. – №1.
269. Скрипелев, Е.А. Всероссийское Учредительное собрание / Е.А. Скрипелев. – М., 1982.
270. Советская историография / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1996.
271. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. – 1998. – №1.
272. Социал-демократия Запада перед вызовами современности. – М., 2001.
273. Социокультурные основания и смысл большевизма / А.С. Ахиезер [и др.]. – Новосибирск, 2002.
274. Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века / под ред. Б.А. Чагина. – Л., 1978.
275. Спиридович, А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники / А.И. Спиридович. – Пг., 1918.
276. Спирин, Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России / Л.М. Спирин. – М., 1968.
277. Спирин, Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.) / Л.М. Спирин. – М., 1977.

278. Спирин, Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий / Л.М. Спирин. – М., 1987.
279. Спирина, М.В. Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров / М.В. Спирина. – М., 1987.
280. Спирина, М.В. Представления эсеров об экономике социалистического общества (по работам В.М.Чернова 1905-1914 гг.) / М.В. Спирина // Непролетарские партии России в трех революциях. – М., 1989. – С.152-156.
281. СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933-1945. / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – 2-е изд. – М., 1986.
282. Стеклов, Ю. Партия социалистов-революционеров (правых эсеров) / Ю. Стеклов. – М., 1922.
283. Струве, П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм / П.Б. Струве. – СПб., 1911.
284. Твердохлеб, И.Б. Стратегии третьего рейха / И.Б. Твердохлеб и др. // Реферативный журнал. Серия история. – 2001. – №1.
285. Телицын, В.Л. «Бессмысленный или беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства 1917-1921 годов / В.Л. Телицын. – М., 2003.
286. Токарев, А.И. Некоторые аспекты борьбы партий за власть в феврале-октябре 1917 г. / А.И. Токарев // История национальных политических партий России : материалы международной конференции. Москва, 21-22 мая 1996 г. – М., 1997. – С.300-313.
287. Тотамианец, В. Сущность и положения современной кооперации / В. Тотамианец. – Берлин, 1922.
288. Тотомианец, В. История экономических и социальных учений / В. Тотомианец. – Париж, 1921.
289. Тотомианец, В. Кооперация в России / В. Тотамианец. – Прага, 1922.
290. Трухан, Г.А. Антибольшевистские правительства России / Г.А. Трухан. – М., 2000.

291. Туган-Барановский, М.И. Социальные основы кооперации / М.И. Туган-Барановский. – М., 1918.
292. Тюкавкин В.Г. Крестьянство России в период трех революций : книга для учителя / В.Г. Тюкавкин, Э.М. Шагин. – М., 1987.
293. Тюкавкин, В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В.Г. Тюкавкин. – М., 2001.
294. Тютюкин, С.В. Меньшевизм: страницы истории / С.В. Тютюкин. – М., 2002.
295. Федоренко, А.А. Взаимоотношения партии социалистов-революционеров с российскими национальными партиями / А.А. Федоренко // История национальных политических партий России : материалы международной конференции. Москва, 21-22 мая 1996 г. – М., 1997. – С.375-381.
296. Федоренко, А.А. Политическая концепция В.М. Чернова : монография / А.А. Федоренко. – М., 1999.
297. Фёдоров, М.В. Журнал «Революционная Россия» в 1920-1928 гг. / М.В. Федоров // Зарубежная Россия. 1917-1939 гг. – СПб., 2000. – С.20-25.
298. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город : пер. с англ. / Ш. Фрицпатрик. – М., 2001.
299. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня : пер. с англ. / Ш. Фицпатрик. – М., 2001.
300. Фроммет, Б.Р. Русский социализм и кооперация / Б.Р. Фроммет. – Пг., 1919.
301. Хазан, В. О поездке В.М.Чернова в Палестину / В. Хазан // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы : материалы международной научной конференции. Москва, 8-10 декабря 2003 г. / под ред. О.В. Будницкого и др. – М., 2004. – С.324-332.

302. Хильдермайер, М. Представления партии социалистов-революционеров о рабочем классе (1900-1914 гг.) / М. Хильдермайер // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. – СПб., 1997.
303. Хильдермайер, М. Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции / М. Хильдермайер // Россия в XX веке. Историки мира спорят. – М., 1994.
304. Хлевнюк, О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы / О.В. Хлевнюк. – М., 1996.
305. Хорос, В.Г. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / В.Г. Хорос. – М., 1996.
306. Хорос, В.Г. Идейные течения народнического типа в развивающихся странах / В.Г. Хорос. – М., 1980.
307. Хорос, В.Г. Неонародническая идеология и марксизм / В.Г. Хорос. – М., 1972.
308. Хорос, В.Г. Русская история в сравнительном освещении / В.Г. Хорос. – М., 1996.
309. Хубиев, К. Критерии преобразования собственности / К. Хубиев // Экономист. – 1995. – №8.
310. Цветков, В.Ж. Лавр Георгиевич Корнилов / В.Ж. Цветков // Вопросы истории. – 2006. – №1. – С.55-84.
311. Цветкова, С.Г. В.М. Чернов – главный теоретик партии эсеров / С.Г. Цветков, А.С. Зорин // История Отечества в портретах политических и государственных деятелей. – Брянск, 1994. – С. 15-30.
312. Цветкова, С.Г. Социологические воззрения теоретика эсеровской партии В. Чернова / С.Г. Цветкова // Социология : материалы по спецкурсам. – М., 1993. – С. 81-86.
313. Чан-Чжин, К. Кооперативное движение в революционные годы (февраль 1917 – апрель 1919 г.): историографический взгляд / Ким Чан-

Чжин // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки / под общ. ред. А.Н. Сахарова. – М., 1996. – С.249-257.

314. Чаплыгин, В.П. В. Чернов: интеллигент и революционер / В.П. Чаплыгин // Вопросы истории и краеведения. – Курск, 1994. – С.66-73.

315. Чаянов, А.В. Избранные труды / А.В. Чаянов. – М., 1989.

316. Чернова-Колбасина, О.Е. Воспоминание о советских тюрьмах / О.Е. Чернова-Колбасина. – Париж, 1922.

317. Черномордик, С.П. Эсеры / С.П. Черномордик. – Харьков, 1930.

318. Черняев, В.Ю. Рабочий контроль и альтернативы его развития / В.Ю. Черняев // Рабочие и российское общество: вторая половина XIX – начало XX века : сборник статей и материалов. – СПб., 1994.

319. Чубыкин, И.В. Парижское межпартийное Совещание членов Учредительного собрания 8-21 января 1921 г. / И.В. Чубыкин // Политические партии России. Страницы истории. – М., 2000.

320. Шанин, Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. – 1917-1922 гг.: пер. с англ. / Т. Шанин. – М., 1997.

321. Швырков, Ю. Государственное регулирование экономики / Ю. Швырков // Экономист. – 1996. – №8.

322. Шелохаев, В.В. Либеральная модель переустройства России / В.В. Шелохаев. – М., 1996.

323. Шелохаев, В.В. Феномен многопартийности в России / В.В. Шелохаев // История национальных политических партий России : материалы международной конференции. Москва, 21-22 мая 1996 г. – М., 1997. – С.11-22.

324. Ширер, У. Взлет и падение третьего рейха: в 2 т.: пер с англ. / У. Ширер ; под ред. О.А. Ржешевского. – М., 1991.

325. Шишкин, В.А. Власть. Политика. Экономика: послереволюционная Россия (1917-1928 гг.) / В.А. Шишкин. – СПб., 1997.

326. Шишкин, В.И. Гражданская война в Сибири (1920 г.) / В.И. Шишкин // Сибирь в период гражданской войны. – Кемерово, 1995. – С.121-139.
327. Шишкин, В.И. К истории государственного переворота в Омске (18-19 ноября 1918 г.) / В.И. Шишкин // Вестник НГУ. Серия История, филология. Т. 1. Вып. 3: История. – Новосибирск, 2002. – С. 88-97.
328. Шишкин, В.И. Колчаковская диктатура: истоки и причины краха / В.И. Шишкин // История Белой Сибири. – Кемерово, 1997. – С.7-14.
329. Шишкин, В.И. Партизанско-повстанческое движение в Сибири в начале 1920-х годов / В.И. Шишкин // Гражданская война в Сибири. – Красноярск, 1999. – С.161-172.
330. Якимов, Д.В. Аграрный проект Чернова / Д.В. Якимов // Земское обозрение. – 2003. – 10 декабря.
331. Янсен, М. Суд без суда, 1922 год: показательный процесс социалистов-революционеров / М. Янсен. – М., 1993.
332. Яров, С.В. Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев / С.В. Яров. – СПб., 1999.
333. Яров, С.В. Крестьянин как политик: крестьянство Северо-Запада России в 1918-1919 гг.: политическое мышление и массовый протест / С.В. Яров. – СПб., 1999.
334. Яров, С.В. Пролетарий как политик: политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. / С.В. Яров – СПб., 1999.
335. Ярославский, Е.М. Третья сила / Е.М. Ярославский. – М., 1932.
336. Ярцев, Б. К. Социальная философия В. Чернова / Б.К. Ярцев // Был ли у России выбор? (Н.И. Бухарин и В.М. Чернов в социал.-филос. дискуссии 20-х гг.). – М., 1996. – С. 94-141.
337. Ярцев, Б.К. Л. Троцкий и В. Чернов о Ленине / Б.К. Ярцев // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. III. – М., 1993.

338. Ярцев, Б.К. Поздненародническая концепция революции / Б.К. Ярцев // Социалистическая идея: история и современность / отв. ред. М.А. Абрамов. – М., 1992. – С. 51-71.
339. Ярцев, Б.К. Социальная философия В. Чернова / Б.К. Ярцев // Был ли у России выбор? – М., 1996.
340. Ярцев, Б.К. Чернов, эсеры и большевистский режим: эволюция неонароднических оценок / Б.К. Ярцев // Свободная мысль. – 1994. – №5.
341. Abraham, R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution / R. Abraham. – New-York, 1987.
342. Andreeva-Carlisle, Olga. Far from Russia / Olga Andreeva-Carlisle. – New-York, 2000.
343. Boniece, Sally A. The Spiridonova Case, 1906: terror, myth, and Martyrdom / A.Sally Bonice // Kritika. – 2003. – Vol.4, №3.
344. Brovkin, V.N. Behind the Front Lines of the Civil War Political Parties and Social Movements in Russia. / V.N. Brovkin. Princeton, 1994.
345. Brovkin, V.N. The Bolsheviks in Russian Society: The Revolution and the Civil War Years / V.N. Brovkin. – New Haven, 1997.
346. Budnitskiy, Oleg. Jews, pogroms and the White Movement: a historiographical Critique / Oleg Budnitskiy // Kritika. – 2001. – Vol.2. – №4.
347. Burds, J. Peasant dreams and market politics: Labor migration and the Russian village, 1861-1905 / J.Burds. – Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh press, 1998.
348. Carlisle, H. The Idealist / H.Carlisle, O.Andreeva-Carlisle. – New-York, 1999.
349. Chernova-Anreev, O. Gold Spring in Russia / O.Chernova-Anreeva. – Michigan, 1978.
350. Critical companion to the Russian revolution 1914-1921 / Edit.: Edvard Acton, Vladimir Iu.Cherniaev, William G.Rosenberg. – London, Sydney, Auckland, 1997.

351. Cross, T.B. Purposes of Revolution: Chernov and 1917 / T.B.Cross // Russian Review. -1967. -Vol. 26. October. – P.351-360.
352. Cross, T.B. Young Marx, Marxism: Victor Chernov's Use of The Theses on Feuerbach / T.B.Cross // Journal of the History of Ideas. – 1971. – Vol. 32. October-December. – P.600-606.
353. Dotsenko, P. The struggle for a democracy in Siberia, 1917-1920 / P.Dotsenko. – Stanford, California, 1983;
354. Emmons, Terence The Formation of political parties and the First National Elections in Russia / Terence Emmons. – London, 1983.
355. Ferro, M. October 1917. A social history of the Russian Revolution / M. Ferro. – London, Boston and Henley 1980.
356. Ferro, Marc. October 1917 / Marc Ferro. – London, Boston and Helsinki, 1980.
357. Ferro, Marc. The Russian Revolution at February 1917 / Marc Ferro. – New-York, 1972.
358. Figes, O. A people's tragedy. The Russian Revolution: 1891-1924 / O.Figes. – New-York, 1998.
359. Figes, O. Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in Revolution (1917-1921). – Oxford, 1989.
360. Figes, Orlando. A people's tragedy: The Russian Revolution 1891-1924 / Orlando Figes. – New-York, 1998.
361. Figes, Orlando. Peasant Russia, Civil war. The Volga Countryside in Revolution (1917-1921) / Orlando Figes. – Oxford. – 1989.
362. Footman, David. Civil War in Russia / David Footman. – New-York, 1961.
363. Gaudin, C. No place to lay my head: Marginalization and the right to land during the Stolypins reforms / C.Gaudin // Slavic rev. – Chicago, 1998. – Vol.57, – №4. P.747-774.

364. Geifman A. Oleg Vitalevich Budnitskii. Terrorism v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii / A.Geifman, O.V. Budnitskii // Kritika. – 2002. – Vol.3. – №4.
365. Geifman A. Thou Shalt Kill. Revolutionary Terrorism in Russia, 1894-1917 / A.Geifman. – Prinsenton, 1995.
366. Geifman A. Victor Chernov: A Political Biography. Making of a Leader, 1873-1902. M. A. Thesis / A. Geifman. – Boston Univ. Boston, 1985.
367. Gill, G. Peasants and Government in the Russian Revolution / G.Gill – London, 1979.
368. Gill, Graeme J. Peasants and Government in the Russian Revolution / Graeme J. Gill. – London, 1979.
369. Glad, John. Russian Abroad: writes, History, Politics / John Glad. – Hermitage, 1999.
370. Gonec V. K tematu Masaryk a rusti myslitele Novgorodcev, Cernov, Hessen / V.Gonec // TGM, Rusko a Evropa. Dilo-Vize-Pritomnost. Sbornik prispevku z mezinarodni vedecke konference poradane ve dnech 12-14 zari 1997 v Praze. – Praha: Masarykuv ustav AV CR, 2000. – S.299-313.
371. Hasegawa Tsuyoshi. The February Revolution, Petrograd, 1917. – Seattle and London, 1987.
372. Heche, J. Russian Sociology: A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory / J.Hecher. – New-York, 1969.
373. Hildermeier, M. The Russian Socialist Revolutionary Party before the First world war / M. Hildermeier. St. martin's Press. – New-York, 2000.
374. Holquest, Peter. Violent Russia, deadly Marxism? Russia in the Epoch of violence 1905-1921 / Peter Holquest // Kritika. – 2003. – Vol.4, – №3.
375. Holquest, Peter. What's so Revolutionary about the Russian Revolution? State Practices and the new style politics, 1914-1921 / Peter Holquest // Russian Modernity: politics, knowledge, practices. – New-York . 1999.

376. Holquist, Peter. What's Making War, forging revolution: Russies's continuum of crisis, 1914-1921 / Peter Holquest. – Cambridge mass: Harvard University Press, 2002.
377. Hughes J. Stalinism in a Russian Province: Dekulakization in Siberia. Studies in Russian and East European History and Society. N.Y.1996
378. Immonen, Hammi. The Agrarian Program of the Russian Socialist Revolutionary party. 1900-1914 / Hammi Immonen. – Helsinki, 1988.
379. Jones, A. Late-imperial Russia: An interpretation – three visions, two cultures, one peasantry / A. Jones. – Bern, 1997.
380. Keep, John L.N. The Russian revolution: a study in mass mobilization / John L.N. Keep. – New-York, 1976.
381. Kenez, Peter. Civil war in South Russia, 1918 / Peter Kenez. – Berkeley, 1971.
382. Kerans, David. Toward a Wider View of the Agrarian problem in Russia, 1861-1930 / David Kerans // Kritika, – 2000. Vol.1. – №4.
383. Khlevnink, Oleg. Stalinism and the Stalin Period after the «archiva» Revolution / Oleg Khlevnink // Kritika. – 2001. – Vol.2. – №2.
384. Kotsonis, Yanni. Archangelsk 1918: Regionalism and Populism in the Russian Civil War / Yanni Kotsonis // Russian Review. – 1992. – Vol.5. – №4.
385. Kowalski, Ronald. The Russian Revolution 1917-1921 / Ronald Kowalski. – London and New-York, 1996.
386. Kupp, Susan Zayer. Conflict and crippled compromise: civil war politics in the East and the Ufa State Conferenc / Susan Zayer Kupp // Russia Review. – 1997. – Vol.56, №2.
387. Laqueur, W. The Fate of the Revolution. Interpretations of the Soviet History from 1917 to the present / W. Laqueur . – New-York,1987.
388. Liebman, Marell. The Russian Revolution / Marell Liebman. – New-York. 1967.

389. Lincoln, W. Bruce. Red Victory: a history of the Russian Civil War / Bruce. W. Lincoln – New-York, 1999.
390. Lohr, Erie. Patriotic violence and the state: The Moscow riots of may 1915 / Erie Lohr // Kritika. – 2003. – Vol.4. – №3.
391. Lynne, V. Peasant rebels under Stalin: Collectivization and the culture of peasant resistance. – N.Y.: Oxford univ.press, 1996.
392. Lynne, V. The role of the OGPY in dekulakization, mass deportations, and special resettlement in 1930 / V.Lynne. – Pittsburgh, 2000.
393. Marot, John Eric. A “postmodern” approach to the Russia Revolution. Comment on Suny / John Eric Marot // Russian Review. – 1995. – Vol.54.
394. Masaruc T. The Spirit of Russia: Studies in History, Literature and Philosophy / T.Masaruc – London, 1970. – V.2. – P.372-375.
395. Mawdsley, Evan. The Russian Civil War / Evan Mawdsley. – Boston, 1987.
396. Melancon, M. «Stormy Petrels». The Socialist Revolutionaries in Russia’s Labor Organizations 1905-1914 / M. Melancon // The Carl Beck Papers. – 1988, – No. 703 (June).
397. Melancon, M. The Socialist Revolutionaries from 1902 to 1908. Peasant and Worker’s Party / M. Melancon // Russian History. – 1985. №12. – P.2-47.
398. Melancon, M. The Socialist-Revolutionary Party (SRs), 1917-1920 // Ibid., – PP. 281-290.
399. Melancon, Michael. «Stormy Petrels». The Socialist-Revolutionaries in Russia’s: Labor organizations, 1905-1914 / Michael Melancon // The Card Beck papers in Russian and East European Studies. – New-York, 1984. – №703.
400. Melancon, Michael. The Syntax of soviet power: the Revolutions of local Soviets and other institutions. March-October 1917 / Michael Melancon // Russian Review. – 1993. – Vol.52 -№4.

401. Melancon, M. Chernov / M.Melancon // Critical companion to the Russian Revolution 1914-1921 / Edited by Edward Acton, Vladimir Cherniaev, Willian Rosenberg. – London, Sydney, Auckland, 1997. – PP.136-137.
402. Moon, D. The Russian peasantry 1600-1930: The world the peasants made. – L.: Longman, 1999.
403. Nordlander, D.J. Origins of a Gulag capital: Magadan and Stalinist control in early 1930-s / D.J.Nordlander // Slavic rev. – Chicago, 1998. – Vol.57. – №4. – P.791-813.
404. Pereira, N. White Siberia. The Politics of Civil War. Montreal Kingston / N.Pereira. – London-Buffalo, 1996.
405. Perrie, Maureen. The agrarian policy of the Russian socialist-revolutionary party: from its origins through the revolution of 1905-1907 / Maureen Perrie. – London – New-York, 1976.
406. Radkey, O.H. Chernov and Agrarian Socialism before 1918 / O.H.Radkey // Continuity and Change in Russian and Soviet Thought / Ed. Ernest J. Simmons. – Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1955. – P. 63-80.
407. Radkey, Oliver H. Russia Goes to the Polls. The Election to the All-Russian Constituent Assembly, 1917 / Oliver H. Radkey. – Cornel University, – 1990.
408. Radkey, Oliver H. The Agrarian Foes of bolshevism / Oliver H.Radkey. – New-York, 1958.
409. Radkey, Oliver H. The Sickle under the Hammer / Oliver H. Radkey. – New-York, London, 1963.
410. Radkey, Oliver H. The unknown Civil war in Soviet Russia / Oliver H. Radkey. – Stanford, 1976.
411. Raleigh, D. Experiencing Russia's Civil War. Politics, society, and revolutionary culture in Saratov, 1917-1922 / D.Raleigh . – Princeton and Oxford, 2002.
412. Reinterpreting Russia / Ed. By Hosking G., Service R. – L., 1999.
413. Revolution in Russia: Reassessments of 1917. – New-York , 1992.

414. Rice, C. Russian Workers and the Socialist-Revolutionary Party through the Revolution of 1905-1907 / C.Rice. – Basingstoke, Macmillan, 1988.
415. Smele, G. Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1818-1920 / G.Smele. – Cambridge, 1996.
416. Smele, Jonathan D. Civil war in Siberia / Jonathan D. Smele. – Cambridge, 1996.
417. Smith, Steve. Writing the history of the Russian Revolution after the fall of Communism / Steve Smith // Europe – Asia Studies. – 1994. – №46 (4).
418. Society and Politics in the Russian Revolution / Edited by R.Service. St.Martin's Press, – New-York, 1992:
419. Soviet studies guide / Edited by Tania Konn. – London, 1992.
420. Straus, K.M. Factory and community in Stalin's Russia: The making of an industrial working class / K.M.Straus. – Pittsburgh, 1997.
421. The making of three Russian Revolutionaries: Voices from the Menshevik past. – Paris, 1987.
422. The politics of Rural Russia 1905-1914 / edit.: Leopold H. Haimson. – Bloomington and London, 1979.
423. The Russian Revolution / editor: Martin A. Miller . – Blackwell, 2001.
424. Trapeznik, A. V.M.Chernov, Marxism and Agrarian Question / A.Trapeznik // New Zealand Slavonic Journal. – 1997. – Vol.31. – P.41-65.
425. Trapeznik, A. V.M.Chernov, Terrorism and the Azef Affair / A.Trapeznik // New Zealand Slavonic Journal. – 2001. – Vol.35. – P.101- 111.
426. Violence against the collective Self and the Problem of Social Interpretation in Early Bolshevik Russia // Kritika. – 2003. – Vol.4. – №3.
427. Violence, "Political" violence and terror in Russian History // Kritika. – 2003. – Vol.4. – №3.
428. Wade, Rex A. The Russian Search for peace / Rex A. Wade. – Stanford, 1969.

429. Waislo, Francis William. Reforming Rural Russia: state, local society and national politics, 1855-1914 / Francis William Waislo. – Princeton University. – 1990.

430. Waldron, P. Between two revolutions: Stolypin and the politics of renewal in Russia / P.Waldron. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 1988.

431. Wcislo, F. Reforming Rural Russia. State, local society, and national politics, 1855-1914 / F.Wcislo. – Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1990.

432. White, Games D. The Russian Revolution 1917-1921: short history / Games D. White. – London, New-York, 1994.

433. Zelnik R. Worry about Workers: Concerns of the Russian Intelligentsia from the 1870s to What is to Be Done? / R.Zelnik // Extending the Borders of Russian History: Essays in Honor of Alfred J. Rieber / Ed. Marsha Siefert. – Central European University Press. 2003.

Справочно-библиографические издания

1. «Голос минувшего» (Москва. 1913-1923), «На чужой стороне» (Берлин, Берлин-Прага, Прага. 1923-1925), «Голос минувшего на чужой стороне» Париж. 1926-1928) : систематическая роспись статей и заметок / сост. и авт. вступ. ст. «История журналов» Ю.Н.Емельянов. – М., 2001.

2. Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. IV: Политическая мысль в России: вторая половина XIX-XX в. – М., 1997.

3. Библиография русской революции и гражданской войны (1917-1921): из кат. б-ки Р.З.И. Архива / сост. С.П. Постников ; под ред. Я. Славика. – Прага, 1938.

4. Виткинд, Н.Я. Указатель содержания 9 русских дореволюционных журналов: 1911-1918 гг. / Н.Я. Виткинд. – Б.м., б.г.

5. Всемирная история экономической мысли. – М., 1989. – Т.3.

6. Гуль, Р. Одвуконь. Советская и эмигрантская литература / Р. Гуль. – Нью-Йорк, 1973.

7. Деятели революционного движения : биобиблиографический словарь: в 5 т. – М., 1927-1933.
8. Издательство им. А.П.Чехова, Нью-Йорк. Каталог 1952-1956. – Нью-Йорк, 1956.
9. Карпович, М. Биобиблиография, Новый журнал 1942-1959 / М.Карпович // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1959. – №58.
10. Книга русского зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки, 1918-1991: Библиогр. указ.: в 3 ч. Ч. 1: А-К / Рос. гос. б-ка, рос. гуманитар. науч. фонд; сост. Е.А. Акимова [и др.]. – СПб.: Рус. Христ. Гуманит. Ин-т, 1997. – 612 с.
11. Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991 : справочник / авт.-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров ; под ред. акад. А.Н.Яковлева. – М., 2003. – 768 с.
12. Масанов, И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей / И.Ф.Масанов. – М., 1960. – Т. IV.
13. Окунцев, И. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке / И.Окунцев. – Буэнос- Айрес, 1967.
14. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции (1918-1945) : из каталога библиотеки Русского Заграничного Исторического Архива / сост. С.П. Постников ; ред. С. Блинов. – Нью-Йорк, 1993. – Т.1.
15. Пушкарев, С. О русской эмиграции в Праге / С. Пушкарев. – Нью-Йорк, 1983. – Кн.151.
16. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках : аннот. указ. кн., журн. и газ. рубл. изд. за рубежом в 1917-1991 гг.: в 4 т. Т.1 / Гос. публ. Ист. Б-ка России, Стэнфорд ун-т ; научн. ред. А.Г. Тартаковский, Т. Эммонс. О.В. Будницкий. – М., 2003.
17. Русская книга : ежемесячный критико-библиографический журнал. – Берлин, 1921-1922.
18. Русская литература в эмиграции / под ред. Н.П. Полторацкого. – Питтсбург, 1972.

19. Русская политическая литература за границей. – М., 1922. – Вып.1.
20. Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке, 1920-1980 : сводный указатель статей / сост. Т.И. Гладкова, Т.И. Осоргина – Париж, б.г.[1981].
21. Русские в Праге, 1918-1928 гг. / под ред. С.П. Постникова. – Прага, 1928.
22. Русский Берлин, по материалам архива Б.И. Николаевского в Гугеровском институте. – Париж, 1983.
23. Русское зарубежье : Кат. изд.. поступивших в рос. нац. б-ку в 1991-1993 гг. Вып.1 / сост. Т.И. Андрианова [и др.]. – Спб., 1997.
24. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века : энциклопедический биографический словарь. – М., 1997.
25. Русское национальное меньшинство в эстонской республике 1918-1940. – Тарту, СПб., 2001.
26. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы 1917-1996. – М., 1999.
27. Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати: в 9 т. – М., 1971-1977.
28. Систематический указатель статей, помещенных в журнале «Воля России» // Воля России. – Прага, 1927. – №2. – С.22-26.
29. Труды русских ученых за границей : в 2 т. – Берлин, 1922.
30. Указатель к журналу «Социалистический вестник». 1921-1963 гг. – Париж, 1992.
31. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919-1952. – Мюнхен, 1953.

Энциклопедические издания

1. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М., 1970-1978.

2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд. – М.; СПб., 1997.
3. Казак Вольфган. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 г. – Лондон, 1988.
4. Малый энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – М., 1994.
5. Новый энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., б.г. – Т.18.
6. Политические деятели России, 1917 г.: биографический словарь. – М., 1993.
7. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. – М., 1996.
8. Политические партии России: история и современность. – М., 2000.
9. Русская философия: словарь / под общ. ред. М.А. Маслина. – М., 1995.
10. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / гл. ред. Е.М. Жуков. – М., 1961-1976.
11. Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. – М., 1961-1970.
12. Философский энциклопедический словарь / ред.: С.С. Аверинцев [и др.]. – 2-е изд. – М., 1989.
13. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия: в 4 т. / гл. ред. А.М. Румянцев. – М., 1972-1980.
14. Энциклопедический словарь Гранат / под ред. В.Я. Железнова [и др.]. – 11-е изд. – М., б.г. – Т.1, 23, 25, 29, 30, 39.
15. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1890-1904. – Т.12, 16, 21а, 24, 31, 42, 47.

Авторефераты диссертаций

1. Александрова, А.В. Образ будущей России в общественно-политической жизни российского зарубежья 1920-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / А.В. Александрова. – М., 2001.
2. Алешкин, П.Ф. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг.: истоки, основные этапы, формы социально-политического протеста: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / П.Ф. Алешкин. – М., 2004.
3. Алиев, Л.В. Крестьянская поземельная община северо-западной России (1906-1930-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Л.В. Алиев. – Псков, 2004.
4. Анапченко, А.Б. Становление политической системы Советской России (октябрь 1917 – 1920 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Б. Анапченко. – М., 2000.
5. Асеев, С.Ю. Развитие теории демократии в концепции М.М. Ковалевского: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.Ю. Асеев. – Барнаул, 2000.
6. Белоус, А.В. Социально-политическое учение В.М. Чернова: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Белоус. – СПб., 2001.
7. Березовая, Л.Г. Самосознание русской интеллигенции начала XX века: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Л.Г. Березовая. – М., 1994.
8. Берснева, И.В. Попытка формирования демократической государственности в Восточной Сибири (межпартийный блок «политический центр» – ноябрь 1919 – январь 1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И.В. Берснева. – М., 1995.
9. Бурдина, Е.Н. Общественно-политические настроения крестьянства Западной Сибири (1920-1921 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.Н. Бурдина. – М., 2005.

10. Быкова, С.И. Политические представления советских людей в 1930-е гг. (на материалах Уральского региона: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.И. Быкова. – Екатеринбург, 2003.

11. Володина, Н.А. Идеология коллективизма и ее внедрение в массовое сознание в 1930-е гг. (на материалах средневожского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.А. Володина. – Пенза, 2002.

12. Вязникова, Т.Г. Реформы местного самоуправления в России: концепция Временного правительства (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Т.Г. Вязникова. – СПб., 2002.

13. Глушкова, С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме: автореф. дис. ... докт. полит. наук: 23.00.01 / С.И. Глушкова. – Екатеринбург, 2002.

14. Грик, Н.А. Политика и экономика советского государства в 1921-1933 гг.: критический анализ: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Н.А. Грик. – Томск, 2003.

15. Грубов, В.И. Умеренная социалистическая оппозиция большевизму в центральных органах власти Советской России (октябрь 1917 – июль 1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.И. Грубов. – М., 1998.

16. Диндаров, А.И. Земельные комитеты Среднего Поволжья в 1917-1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / А.И. Диндаров. – Казань, 2002.

17. Добровольский, А.В. Партия социалистов-революционеров во власти и оппозиции 1917-1923 гг. (по материалам Сибири): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Добровольский. – Омск, 2004.

18. Егоренкова, О.В. Разработка В.М.Черновым аграрной программы партии социалистов-революционеров как составной части теории крестьянского социализма: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О.В. Егоренкова. – СПб., 1995.

19. Есиков, С.А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX в. (1900-1921 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / С.А. Есиков. – Тамбов, 1998.
20. Иванова, Г.М. ГУЛАГ в советской государственной системе (кн.1920-х – середина 1930-х): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Г.М. Иванова. – М., 2002.
21. Кисельникова, Т.А. Проблемы либерального социализма в российской общественно-политической мысли (1890-1917 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Т.А. Кисельникова. – Томск, 2003.
22. Кононенко, А.А. Историография создания и деятельности партии социалистов-революционеров в 1901-1922 гг. : автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / А.А. Кононенко. – Тюмень, 2005.
23. Кривошеева, Е.Г. Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Е.Г. Кривошеева. М., 2003.
24. Кротова, Т.А. Раскулачивание тамбовского крестьянства (1929-1934 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т.А. Кротова. – Тамбов, 2005.
25. Кузнецов, М.В. Крестьянство саратовского Поволжья в годы гражданской войны (1917-1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.В. Кузнецов. – Саратов, 2004.
26. Лапандин, В.А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.А. Лапандин. – Самара, 1997.
27. Леонтьев, Л.В. Левонародническая интеллигенция в постреволюционной России: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л.В. Леонтьев. – М., 1995.
28. Лившин, А.Я. Общественные настроения в советской России 1917-1929 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / А.Я. Лившин. – М., 2004.

29. Макаров, В.Б. Становление советского государственного управления: эволюция доктрины и системы (октябрь 1917 – середина 1920-х гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / В.Б.Макаров. – Нижний Новгород, 2002.

30. Маклаков, О.А. Потребительная кооперация России в годы гражданской войны и иностранной интервенции: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О.А. Маклаков. – М., 1994.

31. Малыхин, К.Г. Русское зарубежье 20-30-х годов. Оценка большевистской модернизации: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / К.Г. Малыхин. – Ростов-на-Дону, 2000.

32. Митров, А.Г. Верхнеповолжская деревня на переломном рубеже. 1927-1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Г. Митров. – Кострома. 2005.

33. Назаров, О.Г. Борьба за лидерство в РКП(б) и ее влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / О.Г. Назаров. – М., 2000.

34. Орлов, И.Б. Новая экономическая политика государственного управления и социально-экономические проблемы (1921-1928 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / И.Б. Орлов. – М., 2000.

35. Павлов, Б.В. РСДРП(б)- РКП(б) в политической системе России. 1917-середина 1920-х гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Б.В. Павлов. – СПб., 2004.

36. Паканян, Г.Н. Белая власть юга России и антибольшевистские политические партии и организации в 1918-1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Г.Н. Паканян. – Пятигорск, 2004.

37. Пименов, И.В. Отражение общественно-политической жизни России в печати Русского Зарубежья (20-30-е годы XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И.В. Пименов. – М., 2002.

38. Пинкин, В.И. Ссылка и высылка в Сибирь в 1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.И. Пинкин. – Новосибирск, 2002.

39. Пономарев, Е.Г. Политико-правовые основы многопартийности в Российской империи и особенность перехода к однопартийной системе: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Е.Г. Пономарев. – Нижний Новгород, 2000.

40. Рашитов, Ф.А. Революция 1917 года: партии и политический выбор России: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Ф.А. Рашитов. – Саратов, 1994.

41. Ревна, М.Б. Учение о личности, обществе и государстве в русской философии права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.Б. Ревна. – Коломна, 2000.

42. Савельев, П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / П.И. Савельев. – Самара, 1994.

43. Савченко, О.В. Марксизм как идеология российского освободительного движения в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О.В. Савченко. – М., 1996.

44. Саранцев, Н.В. Большевистская партийно-политическая элита: возникновение. Становление, трансформация (начало 1900-х гг. 1930-х гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Н.В. Саранцев. – Саратов, 2002.

45. Семенов, А.В. Осуществление политики раскулачивания и выселения кулацких семей на территории Кировской области в 1929-1934 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Семенов. – Киров, 2003.

46. Строжко, К.П. Экономический гуманизм в концепциях государственных деятелей, политических партий и общественных движений России конца XIX – начала XX века: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / К.П. Строжко. – Екатеринбург, 1996.

47. Стушня, И.В. Трансформация общественного сознания в России в феврале-октябре 1917 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И.В. Стушня. – Ростов-на-Дону, 1998.

48. Федоренко, А.А. Политическая концепция В.М. Чернова: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.А. Федоренко. – М., 1998.
49. Хлевнюк, П.В. Политбюро ЦК ВКП (б) в 1930-е годы: механизмы политической власти в СССР: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / П.В. Хлевнюк. – М., 1996.
50. Чубыкин, И.В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И.В. Чубыкин. – М., 1996.
51. Чупров, Н.А. Идея правового государства в русской политической мысли начала XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.А. Чупрова. – М., 1995.
52. Sosinsky, S.B. Pages from the Life and Work of an SR Leader a Reappraisal of Victor Chernov: Dissertation... for the degree of Doctor of Philosophy / S.B. Sossinsky. – Boston: Boston Univ., 1995.
53. Randall, F.B. The Major Prophets of Russian peasant socialism: A Study in the Social thought of N.K. Mikhailovskii and V.M. Chernov: Dissertation... for the degree of Doctor of Philosophy / F.B. Randall. – New York: Columbia Univ., 1961.
54. Cross, T.B. Victor Chernov: Reason and Will in a Morality for Revolution: Dissertation... for the degree of Doctor of Philosophy. / T.B. Cross. – Indiana Univ. Bloomington, 1968.

Опубликованные работы В.М.Чернова*
1895 г.

1. Чернов В.М. Из Тамбова // Новое слово. - 1895. - № 3. - С.183-191.
2. Чернов В.М. [В.Ч.] Интеллигентный пролетариат и высшее образование в Германии // Орловский вестник. - 1895. - №189.
3. Чернов В.М. [В.-нов.] Лекции профессора Исаева о настоящем и будущем русского капитализма // Орловский вестник. - 1895. - №315, 316, 345.
4. Чернов В.М. [В.Ч.] Начальное образование в нашем последнем школьном бюджете и вопрос об обязательном обучении народа // Тамбовские губернские ведомости. - 1895. - № 92.
5. Чернов В.М. [В.Ч.] Нечто по вопросу о будущности общины // Саратовский дневник. - 1895. - № 96, 97.
- 6. Чернов В.М.[В.Ч.]. Очерки заграничной жизни (частный почин в деле распространения образования) // Орловский вестник. - 1895. - №208, 209, 211.**
7. Чернов В.М. [В.Ч.] Провинциальная жизнь и печать // Тамбовские губернские ведомости. - 1895. - № 94, 95.
8. Чернов В.М. [В.Ч.] «Саратовский Дневник» и земледельческие артели // Тамбовские губернские ведомости. - 1895. - № 109.
9. Чернов В.М. [В.Ч.] Состояние и нужды нашего владельческого хозяйства // Тамбовские губернские ведомости. - 1895. - № 99, 101, 104.
10. Чернов В.М. [В.Ч.] Фридрих Энгельс. Биографический очерк // Орловский вестник. - 1895. - №.219, 220.
11. Чернов В.М. [В.Ч.] Херсонские земледельческие артели // Тамбовские губернские ведомости. - 1895. - № 110.

* Впервые развернутая библиография работ В.М. Чернова представлена в 1999 г. в диссертационном исследовании Коноваловой О.В. См.: В.М. Чернов – теоретик и идеолог эсерства: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О.В. Коновалова. – Красноярск, 1999.

Более полная версия была опубликована в 2004 г. историком А.П. Новиковым. См.: В.М. Чернов: Человек и политик. Материалы к биографии / Сост., автор биографического очерка, библиографических указателей и комментария А.П. Новиков. – Саратов: Изд-во «Аквариус». 2004. – С.262-308.

Представленная библиография дополняет версию А.П. Новикова и на сегодняшний день считается наиболее полной. Обнаруженные нами работы В.М. Чернова, не вошедшие в опубликованную библиографию, выделены жирным шрифтом.

Диссертант выражает искреннюю признательность А.П. Новикову за сотрудничество в установлении и выявлении работ В.М. Чернова.

12. Чернов В.М. Экономический материализм и критическая философия // Вопросы философии и психологии. - 1895. - №39. - С.609-644.

1896 г.

13. Чернов В.М. [В.Ч.] Меры для улучшения сельского хозяйства (по поводу люксембургских товариществ по обработке земли) // Тамбовские губернские ведомости. - 1896. - № 2.
14. Чернов В.М. [Ч.В.] Местные дела и безделье // Тамбовские губернские ведомости. - 1896. - № 32.
15. Чернов В.М. [Ч.В.] Некоторые законы денежного обращения // Тамбовские губернские ведомости. - 1896. - №43, 44.
16. Чернов В.М. [Ч.В.] Некоторые черты народного образования в Соединенных Штатах // Тамбовские губернские ведомости. - 1896. - № 63.
17. Чернов В.М. [Ч.В.] Новые данные о херсонских земледельческих общинах // Тамбовские губернские ведомости. - 1896. - № 36.
18. Чернов В.М. [Ч.В.] Новый орган представительства сельскохозяйственных интересов // Тамбовские губернские ведомости. - 1896. - №38.
19. Чернов В.М. [В.Ч.] Провинциальная жизнь и печать // Тамбовские губернские ведомости. - 1896. - №91.
20. Чернов В.М. [В.Ч.] Связь между земледелием и нашей обрабатывающей промышленностью // Тамбовские губернские ведомости. - 1896. - №57, 58.

1897 г.

21. Чернов В.М. Из Тамбова. (По поводу дела А.Н. Слетовой) // Новое слово. - 1897. - №11. - С. 96-120.
22. [Чернов В.М.] К организации земледельческих артелей // Тамбовские губернские ведомости. - 1897. 10 апреля.
23. Чернов В.М. [Старый знакомый]. Местные дела и безделье // Тамбовские губернские ведомости. - 1897. 1 апреля.
24. Чернов В.М. [Старый знакомый]. Местные дела и безделье // Тамбовские губернские ведомости. - 1897. 22 мая.
25. Чернов В.М. [Старый знакомый]. Очерки народной литературы // Тамбовские губернские ведомости. - 1897. 8 мая.
26. Чернов В.М. [Ч.В.] По «вороньим гнёздам». (Мысли и впечатления счетчика всеобщей переписи в Тамбове) // Тамбовские губернские ведомости. - 1897. 11, 25 февраля.
27. Чернов В.М. [Старый знакомый]. Провинциальная жизнь и печать // Тамбовские губернские ведомости. - 1897. 22 марта.
28. Чернов В.М. [Старый знакомый]. Тамбовская первая женская воскресная школа // Тамбовские губернские ведомости. - 1897. 10 апреля.

1898 г.

29. Чернов В.М. Был ли Белинский чужд русскому народу? // Образование. - 1898. - №7/8. - С.41-51.
30. Чернов В.М. Бюрократизм в области общественно-промышленных начинаний. (Письма из Тамбова) // Русское богатство. - 1898. - № 5. - С.166-177; - № 6. - С.94-104.
31. Чернов В.М. Из Тамбова. Публично-народные чтения в Тамбове и отношение к ним населения // Образование. - 1898. - № 10. - С.28-41.
32. Чернов В.М. Из Тамбова. Странные порядки в просветительном обществе // Образование. - 1898. - №4. - С.32-42.
33. Чернов В.М. Из Тамбова. Церковно-приходская школа в Тамбовском уезде // Русское богатство. - 1898. - №3. - С.214-219.

1899 г.

34. Чернов В.М. [В. Ч.] Заметка // Русское богатство. - 1899. - № 7. - С.49-61.
35. Чернов В.М. Из Тамбова. (Опекуны и благодетели) // Новое слово. - 1899. - №1/2.
36. Чернов В.М. Мнимые «противоречия» трудовой теории стоимости // Жизнь. - 1899. - №1. - С.58-71.
37. Чернов В.М. По поводу новой книги об экономическом материализме // Русское богатство. - 1899. - № 9.- С.149-183.
38. Чернов В.М. Типы психологического и социологического монизма // Русское богатство. - 1899. - № 1. - С.33-69.

1900 г.

39. Чернов В.М. К вопросу о капиталистической и аграрной эволюции // Русское богатство. - 1900. - № 11. - С.232-248.
40. Чернов В.М. Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя // На славном посту (1860-1900). Литературный сборник, посвящённый Н. К. Михайловскому. – СПб.: Литературный фонд, 1900. – С. 156-197.
41. [Чернов В.М.] Крестьянские союзы в Сицилии. – London: Аграрно-социалистическая лига, 1900. – 54 с.
42. Чернов В.М. Очередной вопрос революционного дела. – London: Аграрно-социалистическая лига, 1900.
43. Чернов В.М. Страничка из истории социалистической мысли // Накануне. - 1900/1901. - № 18/22, 28/30.
44. Чернов В.М. Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское богатство. - 1900. - № 4. - С.127-157; - № 5. - С.29-48; - № 6. - С.203-232; - №7. -С.153-169; - №8. - С.201-239. - №10. - С.212-258.

1901 г.

45. Чернов В.М. К вопросу о положительных и отрицательных сторонах капитализма // Русское богатство. - 1901. - № 4. - С.224-254.
46. Чернов В.М. Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Русское богатство. - 1901. - № 7. - С.231-256; -№8. - С.219-262; - №10. - С.107-156; -№11. - С.115-162; - №12. - С.123-175.

47. Чернов В.М. Очередной вопрос революционного дела. 2-е изд., исправленное и дополненное. – Женева: Типография группы старых народовольцев, 1901.

1902 г.

48. [Чернов В.М.] Классовая борьба в деревне // Революционная Россия. - 1902. - №11. - С. 7-9.
49. [Чернов В.М.] Крестьянские союзы в Сицилии. 2-е изд. – Б. м., 1902.
50. [Чернов В.М.] Первое мая // Революционная Россия. - 1902. - №6.
51. [Чернов В.М.] Прежде и теперь // Революционная Россия. - 1902. - №6.
52. [Чернов В.М.] Пролетарии-батраки в русской деревне // Революционная Россия. - 1902. - №12.
53. [Чернов В.М.] Рабочее движение и наши тактические задачи // Революционная Россия. - 1902. - №10.
54. [Чернов В.М.] Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве // Революционная Россия. - 1902. - №14, 15.
55. [Чернов В.М.] Террористический элемент в нашей программе // Революционная Россия. - 1902. - №7/8.
56. [Чернов В.М.] Характер современного крестьянского движения // Революционная Россия. - 1902. - №13.

1903 г.

57. [Чернов В.М.] Войско и революция // Революционная Россия. - 1903. - № 21. – С.1-3.
58. То же // По вопросам программы и тактики: сборник статей из «Революционной России». Вып. 1. – Б. м.: Типография партии социалистов-революционеров, 1903. – С.217-225.
59. [Чернов В.М.] Всеобщая стачка // Революционная Россия. - 1903. - №29.
60. То же. // По вопросам программы и тактики: сборник статей из «Революционной России». Вып. 1. – Б. м.: Типография партии социалистов-революционеров, 1903. – С. 235-243.
61. [Чернов В.М.] К теории классовой борьбы. Историческая справка // Революционная Россия. - 1903. - № 26.
62. [Чернов В.М.] К теории классовой борьбы. Классовое положение современного крестьянства // Революционная Россия. - 1903. - №34.
63. [Чернов В.М.] К теории классовой борьбы. Основание деления общества на классы // Революционная Россия. - 1903. - №27.
64. То же. // По вопросам стратегии и тактики: сборник статей из «Революционной России». Вып. 1. – Б.м.: Типография партии социалистов-революционеров, 1903. – С. 48-56.
65. [Чернов В.М.] Карл Маркс // Революционная Россия. - 1903. - №20.
66. [Чернов В.М.] Маленькие недостатки большого съезда // Революционная Россия. - 1903. - №37.
67. [Чернов В.М.] Национальный вопрос и революция // Революционная Россия. - 1903. - №35.
68. [Чернов В.М.] Национальное порабощение и революционный социализм // Революционная Россия. - 1903. - №18.

69. То же. // По вопросам программы и тактики: сборник статей из «Революционной России». Вып. 1. – Б. м.: Типография партии социалистов-революционеров, 1903. – С.182-193.
70. Чернов В.М. Очередной вопрос революционного дела. 3-е изд. – Берлин: Гуго Штейниц, 1903. – 59 с.
71. [Чернов В.М.] Полицейский закон // Революционная Россия. - 1903. - № 34.
72. То же. // По вопросам программы и тактики: сборник статей из «Революционной России». - Б.м. 1903.
73. [Чернов В.М.] Правительство провокаторов и его ослеплённые союзники // Революционная Россия. - 1903. - № 25.
74. [Чернов В.М.] Прежде и теперь // По вопросам стратегии и тактики: сборник статей из «Революционной России». Вып. 1. – Б.м.: Типография партии социалистов-революционеров, 1903. – С.1-10.
75. [Чернов В.М.] Рабочее движение и наши тактические задачи // По вопросам стратегии и тактики: сборник статей из «Революционной России». – Б. м.: Типография партии социалистов-революционеров, 1903. Вып. 1. – С.11-23.
76. [Чернов В.М.] Студенчество и революция // Революционная Россия. - 1903. - №17.
77. То же. // По вопросам стратегии и тактики: сборник статей из «Революционной России». – Б. м.: Типография партии социалистов-революционеров, 1903. Вып. 1. – С. 193-217.
78. [Чернов В.М.] Террористический элемент в нашей программе // По вопросам программы и тактики: Сборник статей из «Революционной России». Вып. 1. – Б. м.: Типография социалистов-революционеров, 1903. – С. 71-84.

1904 г.

79. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Н.К. Михайловский // Революционная Россия. - 1904. - № 41, 42, 44, 45.
80. Чернов В.М. Некоторые особенности нашей программы // Революционная Россия. - 1904. - № 52. Приложение.
81. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Памяти Н.К. Михайловского. – Б. м.: Типография социалистов-революционеров, 1904. – 91 с.
82. [Чернов В.М.] Программа-максимум и программа-минимум // Революционная Россия. - 1904. - №41.
83. Чернов В.М. Прогулка по садам ортодоксальной словесности. – Б. м.: Издание автора, 1904. – 20с.
84. [Чернов В.М.] Социализация земли и программа-минимум // Революционная Россия. - 1904. - №42.
85. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Юбилей Николая последнего. – Б. м.: 1904. – 31 с.

1905 г.

86. Чернов В.М. Аграрная программа русской социал-демократии // Сын Отечества. - 1905. 26 ноября.

87. Чернов В.М. [Г-нин Ю.] Вандервельде о марксизме // Вандервельде Э. Идеализм в марксизме. – СПб.: Земля и Труд, 1905. – С.3-24.
88. Чернов В.М. Из практики социалистического движения в Венгрии и Италии. – М.: Колокол, 1905. – 61 с.
89. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Истинные и мнимые пораженцы: сборник статей. – Женева, 1905. – 39 с.
90. [Чернов В.М.] К вопросу о ближайших задачах наших социалистических партий // Революционная Россия. - 1905. - №77. - Вып. 3. – С.1-8.
91. Чернов В.М. К вопросу о капитализме и крестьянстве. – Нижний Новгород: Сеятель, 1905. – 35 с.
92. [Чернов В.М.] К спорам о социализации земли // Революционная Россия. - 1905. - №75. - С.5.
93. [Чернов В.М.] К переживаемому моменту // Сын Отечества. - 1905. 16 ноября.
94. Чернов В.М. К характеристике общественного движения в отсталых странах // Русское Богатство. - 1905. - № 10. - С.119-157.
95. Чернов В.М. Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя. – Житомир: И.Н. Коварский, 1905. – 60 с.
96. Чернов В.М. Крестьянин и рабочий как экономические категории – М.: Новое товарищество, 1905. – 44 с.
97. [Чернов В.М.] Крестьянский вопрос прежде и теперь // Революционная Россия. - 1905. - № 71.
98. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] К. Маркс и Ф. Энгельс о крестьянстве: Историко-критический очерк. – Б. м.: Типография партии социалистов-революционеров, 1905. – 122 с.
99. [Чернов В.М.] Маркс и Энгельс о русской общине // Революционная Россия. - 1905. - № 76.
100. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Нашим обвинителям // Вестник русской революции. - 1905. - № 4.
101. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Нашим обвинителям: (С приложением «Открытого письма» бывшему товарищу Левинсону). – Б. м.: Типография партии социалистов-революционеров, 1905. – 39 с.
102. [Чернов В.М.] Один из сторонников выкупа // Революционная Россия. - 1905. - №72. - С.7-13.
103. [Чернов В.М.] Организационный вопрос // Революционная Россия. - 1905. - №68, 69.
104. [Чернов В.М.] Открытое письмо бывшему товарищу Левинсону // Революционная Россия. - 1905. - №62.
105. Чернов В.М. Преданы ли войска? // Сын Отечества. - 1905. 20 ноября.
106. Чернов В.М. Предисловие // Вандервельде Э. Идеализм в марксизме. – Нижний Новгород: О. П. Проворова, 1905. – С.3-24.
107. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Предисловие // Вандервельде Э. Идеализм в марксизме. – Одесса: Вл. Распопов, 1905. – С. 3-18.
108. Чернов В.М. Полицейский юмор // Сын Отечества. - 1905. 29 ноября.

109. [Чернов В.М.] Реакционная демагогия и революционный социализм // Революционная Россия. - 1905. - № 67.
110. Tsernov V. Der Ende tsiel sotsyalizm un tag-teglikher kampf. – СПб.: Типо-литография И. Лурье и К0, 1905. – 38с.

1906 г.

111. Чернов В.М. Анархизм и программа-минимум // На современные темы. Сборник: (Сознательная Россия) – СПб.: Работник, 1906. Вып. 2 (№ 4). – С. 36-61.
112. Чернов В.М. [Б.] А. Бебель. О русской революции. Пер. Т. Брон. – М.: Корчагин, 1906 // Народный вестник. - 1906. - № 2. - С.62-63.
113. Чернов В.М. [В.Ч.] А. Бебель. Профессиональное движение и политические партии. – М.: Колокол, 1906 // Народный вестник. - 1906. - №3/4.
114. Чернов В.М. В изъявлении признательности // Дело народа. - 1906. 5 мая.
115. Чернов В.М. [В.Ч.] П. Вихляев. Аграрный вопрос с правовой точки зрения. - М.: Молодая Россия, 1906. // Народный вестник. - 1906. - №2. - С.61-62; №3/4. - С.101-102.
116. Чернов В.М. Восстание: (Из Эмиля Верхарна) // На очередные темы: сборник № 1. – СПб.: Новая Мысль, - 1906. – С. 41-45.
117. Чернов В.М. Вульгарный социализм // Мысль. - 1906. 24 июня.
118. Чернов В.М. [Ленуар Б.] Г. Гапон // Дело народа. - 1906. - №5.
119. Чернов В.М. [Вадимов В.] «Гибкая тактика». (Отношение социал-демократии к крестьянству) // Сознательная Россия. – СПб.: Работник, 1906. - Вып. 2. – С. 34-46.
120. Чернов В.М. Ещё о народно-социалистической партии // На очередные темы: сборник статей. – СПб.: Новая Мысль, 1906. – С. 3-36.
121. Чернов В.М. [В.Ч.] А. С. Изгоев. Общинное право. Опыт социально-юридического анализа общинного землевладения как института гражданского права. СПб., 1906 // Народный вестник. - 1906. - №2. - С.63-64.
122. Чернов В.М. К аграрному вопросу. Что такое социализация земли? // Народный вестник. - 1906. - № 1. - С.5-21; - № 2. - С.6-23.
123. Чернов В.М. К вопросу о выкупе земли. – СПб.: Вл. Распопов, 1906. – 40с.
124. Чернов В.М. К вопросу о капитализме и крестьянстве. 2-е изд. – Нижний Новгород: Сеятель, 1906.
125. Чернов В.М. [Вадимов В.] К вопросу о программе-максимум и программе-минимум (Е. Таг-ин. Принципы трудовой теории) // Сознательная Россия. – СПб.: Работник, 1906. Вып. 1. – С.26-41.
126. Чернов В.М. К прениям по аграрному вопросу // Народный вестник. - 1906. - № 10.
127. Чернов В.М. К спорам о программе минимум // Народный вестник. - 1906. - №9, 11.
128. Чернов В.М. К теории классовой борьбы. – М.: Молодая Россия, 1906. – 40с.

129. [Чернов В.М.] К характеристике нашей позиции в думском вопросе // Труд. - 1906. - №5. - С. 2-3.
130. Чернов В.М. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. – СПб.: Вл. Распопов, 1906. – 32с.
131. Чернов В.М. Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя // На славном посту (1860-1900). Литературный сборник, посвящённый Н.К. Михайловскому. 2-е изд. – СПб.: Литературный фонд, 1906. – С.156-197.
132. Чернов В.М. Крестьянин и рабочий как экономические категории. 2-е изд. – М.: Новое Товарищество, 1906. – 41с.
133. Чернов В.М. Маркс и Энгельс о крестьянстве: Историко-критический очерк. 2-е изд. – М.: Новое Товарищество, 1906. – 159с.
134. Чернов В.М. Марксизм и аграрный вопрос: Историко-критический очерк. Ч.1,2 – СПб.: Русское Богатство, 1906.
135. Чернов В.М. Монистическая точка зрения в психологии и социологии. – М.: Новое Товарищество, 1906. – 36с.
136. Чернов В.М. Новые проекты земельной реформы // Народный вестник. - 1906. - № 13.
137. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] О народно-социалистической партии // Партийные известия. - 1906. - №3.
138. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] О народно-социалистической партии // На современные темы. Сборник: (Сознательная Россия). – СПб.: Работник, 1906. - Вып.1. (№ 3). – С. 7-34.
139. Чернов В.М. Организация или распыление революции // Сознательная Россия. – СПб.: Работник, 1906. - № 2. – С. 3-21.
140. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Памяти Н.К. Михайловского. 2-е изд. – СПб.: Земля и Воля, 1906. – 100с.
141. Чернов В.М. По какому случаю шум? // Дело народа. - 1906. 11 мая.
142. Чернов В.М. [В.В.] Postscriptum (по поводу одной «досадной описки») // Сознательная Россия. – СПб.: Работник, 1906. - Вып. 1. – С. 42-45.
143. Чернов В.М. Пролетариат и трудовое крестьянство. – М.: Новое Товарищество, 1906. – 95с.
144. Чернов В.М. Прошлое и настоящее. – СПб.: Вл. Распопов, 1906. – 32с.
145. Чернов В.М. Революция, реакция, оппозиция // Сознательная Россия. – СПб.: Работник, 1906. Вып. 1. – С. 3-15.
146. Чернов В.М. [Тучкин]. Речи на съезде. – Нижний Новгород: Сеятель, 1906.
147. Чернов В.М., Гоц М.Р. [Р.Р.] Социализация земли. – Одесса: Вл. Распопов, 1906.
148. Чернов В.М. Страхи катедер-политиков // Народный Вестник. - 1906. - №18.
149. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Типы рабочего синдикализма // Народный вестник. - 1906. - № 2. - С.23-43.
150. Чернов В.М. [Ю. Г.] Г. Штребель. Профессиональное движение и социал-демократия // Народный вестник. - 1906. - № 2. - С.63.

151. Чернов В.М. Что делать в крестьянстве. – СПб: Друг народа, 1906. – 31с.
1907 г.
152. Чернов В.М. Ещё о народно-социалистической партии // На очередные темы: сборник статей. – СПб.: Новая Мысль, 1907. Вып. 3. С. 13-38.
153. [Чернов В.М.] К переживаемому моменту // Знамя труда. - 1907. - № 8.
154. Чернов В.М. Крестьянин и рабочий как экономические категории. 3-е изд. – М.: Новое Товарищество, 1907. – 44с.
155. [Чернов В.М.] Конец соглашательской эпопеи // Новая мысль. - 1907. - № 3. - С.118-122.
156. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Наши задачи в профсоюзном движении // Знамя труда. - 1907. - № 2.
157. Чернов В.М. [Оленин Б.] Организация сельских рабочих в Венгрии // Русское богатство. - 1908. - № 4. - С.39-56.
158. [Чернов В.М.] Конец соглашательской эпопеи // Новая мысль. - 1907. - №3. - С.118-122
159. Чернов В.М. Пролетариат и трудовое крестьянство. – Тифлис: Братство, 1907. – 82 с. (армян. яз.)
- 160. Чернов В.М. Социализация земли и община // Народное знамя. – 1907. - №1 (19 апреля).**
161. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] III съезд Всероссийского железнодорожного союза // Партийные известия. - 1907. - №4. - С.2-9.
162. Чернов В.М. Философские и социологические этюды. – М.: Сотрудничество, 1907. – 380с.
- 1908 г.**
163. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Войско и революция // Сб. статей Антонова, А. Баха, Е. Брешковской, Ю. Гарденина и др. – М., 1908. – С.337-344.
164. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Всеобщая стачка // Там же. – С. 123-131.
165. Чернов В.М. К вопросу о социализации земли. – М., 1908. – 96с.
166. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Карл Маркс // Сб. статей Антонова, А. Баха, Е. Брешковской, Ю. Гарденина и др. – М., 1908. – С.1-10.
167. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Маленькие недостатки большого съезда // Там же.- С. 345-354.
168. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Национальное порабощение и революционный социализм // Там же. – С.297-307.
169. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Организационный вопрос // Там же. – С.345-354.
170. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Первое мая // Там же. – С. 77-80.
171. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Полицейский закон // Там же. – С. 132-142.
172. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Правительство провокаторов и его ослепленные союзники // Там же. – С. 326-337.
173. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Прежде и теперь // Там же. – С. 81-89.
174. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Рабочее движение и наши тактические задачи // Там же. - С.90-101.
175. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Реакционная демагогия и революционный социализм // Там же. – С. 240-252.

176. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве // Там же. – С.172-191.
177. **Чернов В.М. К вопросу о социализации земли. – М.: Типо-литография Русского товарищества печатного и издательского дела, 1908. – 96 с.**
178. Чернов В.М. Социалистические этюды. – М., 1908. – 359с.
179. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Студенчество и революция // Сб. статей Антонова, А. Баха, Е. Брешковской, Ю. Гарденина и др. – М., 1908. – С.267-288.
180. Чернов В.М. Теоретики романского синдикализма. Луи П. История синдикализма во Франции. – М.: Типо-литография Русского Товарищества печатного и издательского дела, 1908. – С.VII-СХС.
181. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Характер современного крестьянского движения // Сб. статей Антонова, А. Баха, Е. Брешковской, Ю. Гарденина и др. – М., 1908. – С.166-171.

1909 г.

182. Чернов В.М. [Тучкин В.] Евгений Азеф // Знамя труда. - 1909. - № 15. - С. 2-7.
183. Чернов В.М. Действие (Из Эмиля Верхарна) // Русское богатство. - 1909. - №3. - С.54-58.
184. Чернов В.М. [Оленин Б.] Заметки о терроре // Знамя труда. - 1909. - №19. - С.6-11.
185. Чернов В.М. [Ол. Б.] Из тёмного царства // Знамя труда. - 1909. - №15. - С.12-14.
186. Чернов В.М. Кузнец (Из Эмиля Верхарна) // Русское богатство. - 1909. - №10.
187. Чернов В.М. Разделение общества на классы и разделение труда // Русское богатство. - 1909. - № 5. - С.150-168.
188. Чернов В.М. (В. Т.) Столыпин и Азеф // Знамя труда. - 1909. - №15. - С.16-20.
189. Чернов В.М. [Ю. Г.] Тысяча и одна гипотеза // Знамя труда. - 1909. - №15. - С.7-10.

1910 г.

190. Чернов В.М. [Тучкин В.] Азеф // За кулисами охранного отделения / Составил А.Б. – Berlin: Heinrich Caspari, 1910. - С. 9-41.
191. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Вехи как знамение времени // Вехи как знамение времени. – М., 1910. – С.1-30.
192. Чернов В.М. [Ол. Б.] Из тёмного царства // За кулисами охранного отделения / Составил А.Б. – Berlin: Heinrich Caspari, 1910. – С. 83-102.
193. Чернов В.М. К характеристике максимализма // Социалист-революционер. - 1910. - №1. - С.175-207.
194. Чернов В.М. Кооперация и социализм // Социалист-революционер. - 1910. - № 2. - С.265-314.

195. Чернов В.М. [Ленуар В.] Личные воспоминания о Г. Гапоне // За кулисами охранного отделения / Составил А. Б. – Berlin: Heinrich Caspari, 1910. – С. 141-173.
196. Чернов В.М. Модернизм в русской поэзии // Вестник Европы. - 1910. №11, №12. - С.107-135.
197. Чернов В.М. [Юрьев Б.] Научная философия и философствующая мистика // Вехи как знамение времени. – М., 1910. - С.30 -101.
198. Чернов В.М. [В.Ч.] По поводу трудов четвёртой комиссии Копенгагенского международного социалистического конгресса // Знамя труда. - 1910. - №31. - С.15-19.
199. Чернов В.М. [Вечев Я.] Правовые идеи в русской литературе // Вехи как знамение времени. – М., 1910. - С.174-258.
200. Чернов В.М. Принципы кооперативного движения на Копенгагенском конгрессе // Знамя труда. - 1910. - № 31. - С.4-10.
201. Чернов В.М. Речь на могиле Л.Э. Шишко // Памяти Леонида Эммануиловича Шишко: Сборник статей и материалов. – Париж: Изд-во ЦК ПСР, 1910. – С. 96-99.
202. Чернов В.М. [В.Т.] Столыпин и Азеф // За кулисами охранного отделения / Составил А.Б. – Berlin: Heinrich Caspari, 1910. – С.103-132.
203. Чернов В.М. [Ю.Г.] Тысяча и одна гипотеза // За кулисами охранного отделения / Составил А.Б. – Berlin: Heinrich Caspari, 1910. – С.43-68.

1911 г.

204. Чернов В.М. В хаосе современной деревни // Современник. - 1911. - №6. - С.169-187.
205. Чернов В.М. Единообразие и шаблон // Социалист-революционер. - 1911. - № 3. - С.147-160.
206. Чернов В.М. [Вечев Я.] Кризис либерализма. Министерская карьера П.А. Столыпина // Современник. - 1911. - № 8. - С.332-363.
207. Чернов В.М. Культурный пустоцвет (Н.Н. Руссов «Отчий дом») // Современник. - 1911. - № 8. - С.262-304.
208. Чернов В.М. Либеральный демократ старого типа // Современник. - 1911. - №9. - С.151-195.
209. Чернов В.М. Литературные впечатления (З. Гиппиус «Чёртова кукла») // Современник. 1911. - № 5. - С.304-343.
210. Чернов В.М. [Вечев Я.] Министерская карьера Столыпина // Современник. - 1911. - №9. - С.332-363.
211. Чернов В.М. [Вечев Я.] На современные темы // Современник. - 1911. - № 7. - С.331-356.
212. Чернов В.М. Откровенная книга (А. Морской. «Исход русской революции 1905 г. и правительство Носаря») // Современник. - 1911. - №7. - С.181-214.
213. Чернов В.М. Памяти Егора Сазонова // Знамя труда. - 1911. - №33. - С.2-8.
214. Чернов В.М. [Б.Ю.] Разрушение общины и наша программа // Знамя труда. - 1911. - №35-37.

215. Чернов В. М. [Н. М.] Социализация земли и наша программа-минимум // Социалист-революционер. - 1911. - №3. - С.237-300.
216. Чернов В.М. [Крайний С.Р.] Социализация земли как тактическая проблема // Социалист-революционер. - 1911. - №3. - С.161-199.

1912 г.

217. Чернов В. М. [Вечев Я.] Бессмертно-мещанское (по поводу сборника статей П. Б. Струве: Patriotica) // Заветы. - 1912. - № 4. - С.95-137.
218. Чернов В.М. [Ленуар В.] Великий образец самокритики // Заветы. - 1912. - № 1. - С.68-97.
219. Чернов В.М. [Вечев Я.] Выборные мелодии (по поводу выборов в IV Государственную думу) // Заветы. - 1912. - № 5. - С.180-207.
220. Чернов В.М. Две бездны (по поводу романа В. Ропшина «Конь бледный») // Заветы. - 1912. - №8. - С.112-143.
221. Чернов В.М. [Ленуар В.] Землеустроительный смотр // Заветы. - 1912. - №14. - С.143-147.
222. Чернов В.М. [Б. Ю.] Купля-продажа наделной земли и расслоение крестьянства на классы // Знамя труда. - 1912. - №41, 44.
223. Чернов В.М. Не вовремя родившийся (о Герцене) // Заветы. - 1912. - №1. - С.37-67.
224. Чернов В.М. [Вечев Я.] О «детских болезнях» нашего движения // Заветы. - 1912. - №2. - С.104-131.
225. Чернов В.М. [Ленуар В.] Текущая жизнь // Заветы. - 1912. - № 1.
226. Чернов В.М. Умеренные и крайние (полемика с Изгоевым из «Русской Мысли») // Заветы. - 1912. - №1. - С.117-151.
227. Чернов В.М. Этика и политика // Заветы. - 1912. - № 2. - С.55-86; - №3. - С.90-120; - №7. - С. 77-97.

1913 г.

228. Чернов В.М. Где ключ к пониманию Н. К. Михайловского? // Заветы. - 1913. - №3. - С.82-132; - №12. - С.142-183.
229. Чернов В.М. Каторга (Из Эмиля Верхарна) // Бодрая мысль. - 1913. 20 декабря.
230. Чернов В.М. [Victor]. Избранники. (Из Эмиля Верхарна) // Заветы. - 1913. - № 12.
- 231. Чернов В.М. Метерлинк о смерти // Заветы. - 1913. - №5. - С.186-194.**
232. Чернов В.М. [Victor]. Море. (Из Эмиля Верхарна) // Заветы. - 1913. - №7.
233. Чернов В.М. Научное построение идеалов и чистое познание (о книге П. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда») // Заветы. - 1913. - №12. - С.142-183.
234. Чернов В.М. Памяти великого сатирика (к 25-летию со дня смерти Салтыкова-Щедрина) // Заветы. - 1914. - №4. - С.1-21.
235. Чернов В.М. Первые дебюты IV думы // Заветы. - 1913. - №2. - С.1-22.
236. Чернов В.М. [Вечев Я.] После Балканской войны. Чаяния трудящихся // Заветы. - 1913. - №9. - С.100-131.

237. Чернов В.М. [Вечев Я.] Prodomosua (по поводу критических статей, направленных против «Заветов» за год существования журнала) // Заветы. - 1913. - №4. - С.210-248.
238. Чернов В.М. Рационализм в этике // Заветы. - 1913. - №9. - С.23-57.
239. Чернов В.М. Сентиментальная этика и научная этика (об этике Вл.Соловьева) // Заветы. - 1913. - №6. - С.84-121.
- 240. Чернов В.М. Сентиментальная и научная этика // Заветы. - 1913. - №9. - С.23-57.**
241. Чернов В.М. [Вечев Я.] Современные примиренцы и «алгебраическая формула» нашего политического положения (о партии прогрессистов, новой ее газете «Русская молва», взаимоотношениях Государственной думы и правительства) // Заветы. - 1913. - №1. - С.90-117.
242. Чернов В.М. Эрос и мечта в поэзии Валерия Брюсова // Заветы. - 1913. - №12. - С.51-74.

1914 г.

243. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Будущий конфликт // Мысль. - 1914. - №30.
244. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] В ожидании развязки // Мысль. - 1914. - №31.
245. Чернов В.М. [Victor] Военные заметки // Мысль. - 1914. - №1, 2, 4, 5, 22, 24.
246. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Капитализм и война // Мысль. - 1914. - № 5.
247. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Кто на кого работает? // Мысль. - 1914. - №16.
248. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Маски долой // Мысль. - 1914. - №15.
249. Чернов В.М. Н. К. Михайловский как этический мыслитель // Заветы. - 1914. - №1. - С.1-32; - № 5. - С.1-46.
250. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Напрасные сомнения // Мысль. - 1914. - № 5.
251. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Не сотвори себе кумира // Мысль. - 1914. - №26.
252. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Нежданные откровения // Мысль. - 1914. - №13.
253. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Организация общественных сил // Мысль. - 1914. - №29.
254. Чернов В.М. По следам жизни: (По поводу дела Бейлиса и Фастовского процесса) // Заветы. - 1914. - №2. - С. - 48-59.
255. Чернов В.М. По следам жизни: (По поводу дела Бейлиса и Фастовского процесса) – СПб.: Типография 1-ой СПб. трудовой артели, 1914. – 14с.
256. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Перевертки // Мысль. - 1914. - №6.
257. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Положение русского социалиста // Мысль. - 1914. - №10.
258. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Прежде и теперь // Мысль. - 1914. - №38.
259. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Рождество Христово // Мысль. - 1914. - №35.

260. Чернов В.М. [Вечев Я.] Упразднение народничества: (Полемика с Н.Сухановым по вопросу о взаимоотношениях марксизма и народничества) // Заветы. - 1914. - №6. - С.88-124.
261. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Что же теперь? // Мысль. - 1914. - №32.
- 1915 г.**
262. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] В поисках выхода // Жизнь. - 1915. 10 октября.
263. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] В чем заключается реформизм Жореса // Жизнь. - 1915. 8 августа.
264. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Война и революция // Жизнь. - 1915. 17 октября.
265. Чернов В.М. Война и «третья сила»: сборник статей. – Женева: Изд-во газеты «Жизнь», 1915.
266. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Вполне современный диалог // Жизнь. - 1915. 11 апреля.
267. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Выход из тупика // Жизнь. - 1915. 5 сентября.
268. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Государство и патриотизм нового времени // Мысль. - 1915. - № 41.
269. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Две личины поведения // Мысль. - 1915. - №77.
270. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Две мерки // Жизнь. - 1915. 22 апреля.
- 271. [Чернов В.М.] Декларация на Лондонской конференции Интернационала // Мысль. - 1915. - №87.**
272. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Династический кризис // Жизнь. - 1915. 12 сентября.
273. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Еще о народнической конференции // Жизнь. - 1915. – 19 сентября.
274. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Жорес как революционер // Жизнь. - 1915. 8 августа.
275. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Императивы морали и императивы жизни // Жизнь. - 1915. 8 декабря.
276. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Империализм и капитализм // Жизнь. - 1915. 1 августа.
277. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Империализм на ущербе // Мысль. - 1915. - №50.
278. Чернов В.М. Интернационал и война: сборник статей. – Женева: Изд-во газеты «Жизнь», 1915. – 62с.
279. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] «Интимная переписка» Маркса и Энгельса // Жизнь. - 1915. 6 мая.
- 280. Чернов В.М [Гарденин Ю.]. Истинные и мнимые пораженцы: сборник статей из газеты «Жизнь». - Женева, 1915.**
281. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Историко-литературная справка // Мысль. - 1915. - №58.

282. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] К обоснованию нашего лозунга // Жизнь. - 1915. 21 ноября.
283. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Конференция в Циммервальде. Мой отчёт // Жизнь. - 1915. 21 ноября.
284. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Корни социалистического империализма // Жизнь. - 1915. 15 мая.
285. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Логика одного превращения // Жизнь. - 1915. 27 июня.
286. Чернов В.М. [О-н. Б.] Маски сбрасываются // Жизнь. - 1915. 21 ноября.
287. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Маркс, Энгельс и славянство // Жизнь. - 1915. 29 апреля.
288. Чернов В.М. [Ю. Г.] Мнимый выход // Жизнь. - 1915. 18 июля.
289. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Мой ответ и мой совет // Жизнь. - 1915. 27 июня.
290. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Мой ответ // Мысль. - 1915. - № 94.
291. Чернов В.М. [Ю. Г.] На две стези // Жизнь. - 1915. 3 октября.
292. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] На кого, на что нам надеяться // Мысль. - 1915. - №52.
293. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] На одном примере // Жизнь. - 1915. 1 июня.
294. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] На теоретическом перепутье // Жизнь. - 1915. 4 июля.
295. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Накануне новых задач // Мысль. - 1915. - №45
296. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Наш тактический лозунг // Жизнь. - 1915. 17 октября.
297. Чернов В.М. Необходимые поправки // Мысль. - 1915. - №84.
298. Чернов В.М. [О-н. Б.] Неокадетство // Жизнь. - 1915. 24 октября.
299. Чернов В.М. [О-н. Б.] Неоплехановцы // Жизнь. - 1915. 3 октября.
300. Чернов В.М. [О-н. Б.] Новый год – новые песни // Мысль. - 1915. 17 октября.
301. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Новый народнический орган // Жизнь. - 1915. 12 декабря.
302. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Новые горизонты социализма // Мысль. - 1915. - № 46.
303. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Новый политический блок // Жизнь. - 1915. 3 октября.
304. Чернов В.М. [Ю. Г.] Одна из многих нелепостей // Жизнь. - 1915. 25 июля.
305. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] О народнической конференции // Жизнь. - 1915. 29 августа.
306. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Основные противоречия // Жизнь. - 1915. 25 июля.
307. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Открытый вопрос // Жизнь. - 1915. 17 октября.

308. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Открытое письмо товарищу Евгеньеву // Жизнь. - 1915. 20 апреля.
 309. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Ошибка, которую не надо повторять // Мысль. - 1915. - № 65.
 310. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Пан-пораженчество // Жизнь. - 1915. 10 октября.
 311. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Первородный грех // Мысль. - 1915. - № 59.
 312. Чернов В.М. [Ю.Г.] Письма об ученых людях. Комнатный, кругосветный путешественник (о Плеханове) // Жизнь. - 1915. 29 августа.
 313. Чернов В.М. [О-н Б.] Плененное народничество // Жизнь. - 1915. 10 октября.
 314. Чернов В.М. [Ю. Г.] По пути к усложнению // Жизнь. - 1915. 20 июня.
 315. Чернов В.М. [В.Ч.] После поездки // День. - 1915. 3 января.
 316. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Профессиональные союзы и война // Мысль. - 1915. - №100.
 317. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Прямые и кривые пути // Мысль. - 1915. - №53.
 318. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Ревизионизм слева // Жизнь. - 1915. 24 октября.
 319. Чернов В.М. [Ю. Г.] Степан Николаевич Слетов // Жизнь. - 1915. 20 июня.
 320. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Строгому судии // Мысль. - 1915. - №47.
 321. Чернов В.М. [Ю. Г.] Трагедия сербского народа // Жизнь. - 1915. - №23. 21 ноября.
 322. Чернов В.М. Траурная годовщина // Северные записки. - 1915. - №10. - С.156-173.
 323. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Шовинизм против интернационализма // Жизнь. - 1915. 20 июня.
 324. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Штык социалиста // Жизнь. - 1915. 31 марта.
- 1916 г.**
325. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Болгария и Россия // На чужбине. - Вып.2. – Geneve: Imprimerie E. Chaulmontet, 1916. – С.15-23.
 326. Чернов В.М. Эмиль Верхарн // Неделя «Современного слова». - 1916. 28 ноября.
 327. Чернов В.М. Марксизм и славянство. (К вопросу о внешней политике социализма) // Русские записки. - 1916. - № 11. - С.103-127; - №12. - С.71-94.
 328. Чернов В.М. Милитарный социализм (о германской социал-демократии) // Северные записки. - 1916. - №1. - С.171-184.
 329. Чернов В.М. На теоретическом перепутье // Русские записки. - 1916. - №4. - С.47-75.
 330. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Смерть Вайана // Жизнь. - 1916. 2 января.
 331. Чернов В.М. Чужими путями: сборник статей. – Женева: Изд-во газеты «Жизнь», 1916. – 95с.

1917 г.

332. Чернов В.М. Аграрный вопрос и современный момент: (Извлечение из лекции, прочитанной 30 апреля в университете Шанявского в Москве). – М.: Земля и Воля, 1917. – 23с.
333. Чернов В.М. Анархистствующий бланкизм // Дело народа. - 1917. 3 июня.
334. Чернов В.М. Без комментариев // Дело народа. - 1917. 12 апреля.
335. Чернов В.М. [Оленин Б.] Бетман-Гольвег в роли ангела мира // Отклики жизни. - 1917. Март.
336. **Чернов В.М. [Б.Латов] Будущее партии с.-р. // Дело народа. – 1917. - №180.**
337. Чернов В.М. Война и «третья сила»: сборник статей. 2-е изд. – Пг.: Партия социалистов-революционеров, 1917. – 30с.
338. Чернов В.М. Вопрос жизни или смерти // Бойе В., Чернов В. Военная реформа. – Пг.: Партия социалистов-революционеров, 1917. – С.41-43.
339. Чернов В.М. Германская социал-демократия на перепутье. – Пг.: Изд-во ЦК партии социалистов-революционеров, 1917. – 144с.
340. Чернов В.М. Годовщина Первой думы // Дело народа. - 1917. 28 апреля.
341. Чернов В.М. Две стези // Дело народа. - 1917. 23 апреля.
342. **Чернов В.М. Дело мира // Дело народа. – 1917. - №233. 15 декабря.**
343. Чернов В.М. До полной победы // Дело народа. - 1917. 17 апреля.
344. Чернов В.М. Доклад на VII Петроградской конференции партии с.-р. // Дело народа. -1917. 12 сентября.
345. **Чернов В.М. Доклад на X Петроградской конференции партии с.-р. // Дело народа. – 1917. - №212. 17 ноября.**
346. Чернов В.М. Единственный выход // Дело народа. - 1917. 30 сентября.
347. **Чернов В.М. Забытая азбука // Дело народа. – 1917. - №239. 22 декабря.**
348. **Чернов В.М. Занавеска приподнимается // Дело народа. – 1917. - №151. (сентябрь).**
349. Чернов В.М. Заявление на Демократическом совете 23 сентября 1917 г. // Дело народа. - 1917. 26 сентября.
350. Чернов В.М. Земельный вопрос. Доклады министра земледелия Всероссийскому Совету крестьянских депутатов. – Пг.: Революционная мысль, 1917. – 47с.
351. Чернов В.М. Империалистические мечты и действительность. – Пг.: Партия социалистов-революционеров, 1917. – 30с.
352. Чернов В.М. Интернационал и война. 2-е изд. – Пг.: Изд-во ЦК партии социалистов-революционеров, 1917. – 77с.
353. Чернов В.М. Истерия, история и мистерия // Дело народа. - 1917. 25 апреля.
354. Чернов В.М. Истинные и мнимые пораженцы: сб. статей. 2-е изд. – Пг.: Революционная мысль, 1917.- 32с.
355. **Чернов В.М. История повторяется // Дело народа. – 1917. - №229. 10 декабря.**

356. Чернов В.М. К теории классовой борьбы. 2-е изд. – Б.м.: Южнорусское областное изд-во партии социалистов-революционеров, 1917. – 32с.
357. **Чернов В.М. Как это происходило // Дело народа. – 1917. - №179.**
358. Чернов В.М. Казнь Балмашева в Шлиссельбургской крепости // Календарь русской революции. – Пг.: Шиповник, 1917. – С.125-128.
359. Чернов В.М. Ко всем крестьянам // Дело народа. - 1917. 29 августа.
360. Чернов В.М. Коалиционное правительство и война // Дело народа. - 1917. 27 апреля.
361. Чернов В.М. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. 2-е изд., дополненное. – Ревель: Комитет партии социалистов-революционеров, 1917.– 32с.
362. Чернов В.М. Корнилов и корниловщина // Дело народа. - 1917. 3 сентября.
363. Чернов В.М. Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя. 2-е изд. – Одесса: А.А. Ивасенко, 1917. - 44с.
364. Чернов В.М. Крестьянин и рабочий как экономическая категория. 4-е изд. – Пг.: Изд-во ЦК партии социалистов-революционеров, 1917. – 45с.
365. **[Чернов В.М] Курс зигзагов // Дело народа. - 1917. – №145. 3(16) сентября.**
366. Чернов В.М. Ленин // Дело народа. - 1917. 16 апреля.
367. Чернов В.М. Марксизм и славянство: (К вопросу о внешней политике социализма). – Пг.: Изд-во ЦК партии социалистов-революционеров, 1917. – 102с.
368. **[Чернов В.М.] Мед и деготь //Дело народа. - 1917. - №145. 3(16) сентября.**
369. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Международный социализм и война: Сборник статей. – Гельсингфорс: Типография Гельсингфорсского Совета депутатов, Б.г. – 49с.
370. Чернов В.М. Милуков-завоеватель // Дело народа. - 1917. 15 апреля.
371. **Чернов В.М. Мой ответ г. Савинкову // Дело народа. – 1917. - №155. 15(28) сентября.**
372. **Чернов В.М. Мы ждем // Дело народа. – 1917. 7(20) октября.**
373. Чернов В.М. Не по тому адресу // Бойе В., Чернов В. Военная реформа. Пг.: Изд-во ЦК партии социалистов-революционеров, 1917. - С. 47-48.
374. Чернов В.М. Неотложное дело // Дело народа. - 1917. 12 апреля.
375. **Чернов В.М. О природе власти Временного правительства // Дело народа. – 1917. - №37. 30 апреля. - С.1.**
376. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Одно из будущих банкротств // Отклики жизни. 1917. Март.
377. **Чернов В.М. Орган демократического контроля // Дело народа. - 1917. - №145. 3(16) сентября.**
378. **Чернов В.М. Основные вопросы пролетарского движения. - Пг., 1917.**
379. **Чернов В.М. Открытое письмо в редакцию «Дела народа» // Дело народа. – 1917. 23 декабря.**

380. Чернов В.М. Открытые вопросы социализма // Дело народа. - 1917. 28 апреля.
381. Отчёт о второй речи, произнесённой В.М.Черновым 2 августа 1917 г. на съезде представителей министерства земледелия при губернских земельных комитетах // Дело народа. - 1917. 4 августа.
382. Отчёт о выступлении В.М. Чернова на Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 19 июня 1917 г. // Дело народа. - 1917. 20 июня.
383. Отчёт о выступлении В.М. Чернова на ночном совместном заседании ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов с объяснением причины своего ухода с поста министра земледелия // Дело народа. - 1917. 21 июля.
384. Отчёт о выступлении В.М. Чернова на частном совещании представителей фронта в Совете крестьянских депутатов 2 августа 1917 г. // Дело народа. - 1917. 4 августа.
385. Отчёт о докладе В.М. Чернова на Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 23 июня 1917 г. // Дело народа. - 1917. 24 июня.
386. Отчёт о докладе В.М. Чернова на заседании Исполкома Совета крестьянских депутатов 15 июня 1917 г. // Дело народа. - 1917. 18 июня.
387. Отчёт речи В.М. Чернова на Демократическом совещании 4 сентября 1917 г. // Дело народа. - 1917. 15 сентября.
388. Отчёт о речи В.М. Чернова на заседании ВЦИК 2 сентября 1917 г. // Дело народа. - 1917. 3 сентября.
389. Отчёт о речи В.М. Чернова на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 20 июня 1917 г. // Дело народа. - 1917. 21 июня.
390. Отчет о речи В.М. Чернова на заседании Совета Республики 20 октября 1917 г. // Дело народа. - 1917. 21 октября.
391. Отчёт о речи В.М.Чернова на пленуме Исполнительных комитетов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 25 июля 1917 г. // Дело народа. - 1917. 26 июля.
392. Отчёт о речи В.М. Чернова на совместном заседании Исполнительных комитетов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 19 июля 1917 г. // Дело народа. - 1917. 20 июля.
393. Отчёт о речи В.М. Чернова на съезде представителей министерства земледелия при губернских земельных комитетах 2 августа 1917 г. // Дело народа. - 1917. 4 августа.
394. Отчёт о речи В.М. Чернова, произнесённой на Демократическом совещании от большинства Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов 17 сентября 1917 г. // Дело народа. - 1917. 19 сентября.
395. **Чернов В.М. Памяти борцов // Дело народа. – 1917. - №179. 13(26) октября.**

396. Чернов В.М. Памяти Н.К. Михайловского. 3-е изд. – М.: Земля и Воля, 1917.- 93с.
397. Чернов В.М. Памяти Егора Сазонова. Письма политических каторжан. – Минск: Минское бюро партии социалистов-революционеров, 1917. – 46с.
398. Чернов В.М. Первый отчёт министра земледелия на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 13 мая 1917 г. // Дело народа. - 1917. 14 мая.
399. Чернов В.М. Переоценка ценностей // Дело народа. - 1917. 29 марта.
400. Чернов В.М. Письмо А. Ф. Керенскому. 20 июля 1917 г. // Дело народа. - 1917. 21 июля.
401. Чернов В.М. Платформа по аграрному вопросу, предложенная Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов 21 июня 1917 г. // Дело народа. - 1917. 22 июня.
402. Чернов В.М. По какому случаю спор? (Вместо обзора печати) // Дело народа. - 1917. 11 мая.
403. Чернов В.М. Под знаком «коллективизации» // Дело народа. - 1917. 11 апреля.
404. Чернов В.М. Польский вопрос перед судом марксизма // Русские записки. - 1917. - №2/3. - С.42-76.
405. **Чернов В.М. Правда-истина и казенная «Правда» // Дело народа. – 1917. - №236. 19 декабря.**
406. Чернов В.М. Пролетариат, трудовое крестьянство и революция. – Пг.: Революционная мысль, 1917. – 79с.
407. **Чернов В.М. Разорванное кружево // Дело народа. – 1917. - №154. 14 сентября.**
408. Чернов В.М. Революционные дни в Петрограде: (Фактический отчет по материалам русских газет). – London, 1917. – 24 с.
409. Чернов В.М. Речь на вечернем заседании Всероссийского Совета крестьянских депутатов 5 мая 1917 г. // Дело народа. - 1917. 7 мая.
410. Чернов В.М. Речь на дневном заседании Всероссийского Совета крестьянских депутатов 5 мая 1917 г. // Дело народа. - 1917. 6 мая.
411. Чернов В.М. Речь на заседании Всероссийского Совета крестьянских депутатов 16 мая 1917 г. // Дело народа. - 1917. 18 мая.
412. Чернов В.М. Речь на заседании Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов 11 сентября 1917 г. // Дело народа. - 1917. 12 сентября.
413. Чернов В.М. Речь на заседании фракции с.-р. Демократического совещания 13 сентября 1917 г. // Дело народа. 1917. - 14 сентября.
414. **Чернов В.М. Речь на Всероссийском крестьянском съезде // Дело народа. – 1917. - №223. (декабрь).**
415. **Чернов В.М. Речь на Демократическом совещании // Дело народа. – 1917. – 20 сентября.**
416. **Чернов В.М. Речь на митинге «Вся власть Учредительному Собранию» // Дело народа. – 1917. - №226. 7 декабря.**

417. Чернов В.М. Речь на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 5 июня 1917 г. // Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Стенографический отчет. Т. 1. - М.-Л. - С.96-111.
418. Чернов В.М. Речь на совместном заседании Петроградских организаций партии с.-р. по вопросу о вступлении с.-р. в коалиционное Временное правительство (3 мая 1917 г.) // Дело народа. - 1917. 6, 10 мая.
419. Чернов В.М. Речь крестьянского депутата, произнесенная 16 мая 1917 г. - Нежин, 1917. - 8с.
420. Чернов В.М. Речь министра земледелия при открытии Главного земельного комитета 19 мая 1917 года. - Пг.: Главный земельный комитет, 1917. - 8с.
421. Чернов В.М. Речь министра земледелия, произнесенная им у вокзала при приезде в г. Ревеле 5 августа. - Б.м.: , 1917. - 15с.
422. **Чернов В.М. Рождество Христово // Дело народа. - 1917. - №241. 24 декабря.**
423. Чернов В.М. Сквозь туман грядущего. - Пг.: Партия социалистов-революционеров, 1917. - 63с.
424. Чернов В.М. Собрание сочинений. - Пг.: Изд-во ЦК партии социалистов-революционеров, 1917. - Вып. 1. Земля и право. - 240с.
425. **Чернов В.М. Уроки совещания // Дело народа. - 1917. - №161. 22сентября (2октября).**
426. **Чернов В.М. Учредительное собрание и Советы // Дело народа. - 1917. -№238. (декабрь).**
427. **Чернов В.М. Шахматная игра военной дипломатии // Дело народа. - 1917. - №234. (декабрь).**
428. **Чернов В.М. Чья победа? // Дело народа. - 1917. - №235. 17 (30) декабря.**
429. Чернов В. М. Человечество (Из Эмиля Верхарна) // Отклики жизни. - 1917. Март.

1918 г.

430. Чернов В.М. Внешняя политика большевизма // Большевики у власти. Социально-политические итоги октябрьского переворота. - Пг.; М.: Революционная мысль, 1918. - С. 13-70.
431. Чернов В.М. Доклады министра земледелия Всероссийскому Совету крестьянских депутатов // Трудовое крестьянство и его задачи: сборник статей. - Пг; М.: Революционная мысль, 1918. - С.3-47.
432. **Чернов В.М. История одной карьеры // Дело народа. - 1918. - №29,30.**
433. Чернов В.М. К внутреннему Бресту // Русский рабочий. 1918. № 3. С.7-13.
434. **Чернов В.М. Контраст // Дело народа. - 1918. - №3 (6 октября).**
435. **Чернов В.М. К обоснованию программы партии социалистов-революционеров (речи В.М.Чернова (Тучкина) на Первом партийном съезде). - Пг.: Революционная мысль, 1918.**

436. Чернов В.М. Моральные искания современности. - Пг., 1918. (уничтожено большевистской цензурой).
 437. Чернов В.М. Народная армия // Дело народа. – 1918. - №2. 5 октября.
 438. Чернов В.М. На повороте // Дело народа. - 1918. 21 января.
 439. Чернов В.М. Обобществление спекуляции // Дело народа. – 1918. - №5. 27 января (9 февраля).
 440. Чернов В.М. Окарикатуренный социализм // Дело народа. – 1918. - №2. 24 января (6 февраля).
 441. Чернов В.М. От председателя Учредительного собрания: ко всем гражданам России // Дело народа. - 1918. - № 5.
 442. Чернов В.М. Открытое письмо бывшему товарищу М. Спиридоновой // Дело народа. 1918. № 5.
 443. Чернов В.М. Подводные камни нашего рабочего движения // Русский рабочий. - 1918. - №1. С.3-9.
 444. Чернов В.М. Право революционной диктатуры // Дело народа. - 1918. 3 января.
 445. Чернов В.М. Пролетариат, трудовое крестьянство и революция. - Пг, 1918.
 446. Чернов В.М. Речь на Самарском губернском крестьянском съезде // Вестник Комитета членов Учредительного собрания. – 1918 - №62, 21 сентября.
 447. Чернов В.М. Россия // Революционная Россия. - Пг.; М., 1918. - Сб.1.- С.3-12.
 448. Чернов В.М. Собрание сочинений. – Пг.: Изд-во ЦК партии социалистов-революционеров, 1918. – Вып. 2. Основные вопросы пролетарского движения.
 449. Чернов В.М. Советы в нашей революции // Год русской революции (1917-1918): Сборник статей. – М.: Земля и Воля, 1918. – С.47-66.
- 1919 г.**
450. Чернов В.М. Верхарн Э. Избранные произведения / пер. с франц. – Пг.: Кадима, 1919. – 104 с.
 451. Чернов В.М. Живая жизнь. Сборник стихотворений переводов Э.Верхарна. - Пг., 1919.
 452. Чернов В.М. Земля и право: Сборник статей. – Пг.: Изд-во ЦК партии социалистов-революционеров, 1919. – 240с.
 453. Чернов В.М. Из политического дневника // Из недавнего прошлого: Сборник статей. – Пг.: Колос, 1919. – С. 249-268.
 454. Чернов В.М. [В.Ч.] Конец авантюриста // Дело народа. – 1919. - №8. 28 марта.
 455. Чернов В.М. Ленин против Каутского. Демократия и диктатура // Дело народа. - 1919. 21 марта.
 456. Чернов В.М. О тактике «обволакивания» // Дело народа. - 1919. 23 марта.
 457. Чернов В.М. Они и мы. Две линии хозяйственной политики // Дело народа. - 1919. 30 марта.

458. Чернов В.М. Охлос и демос // Из недавнего прошлого: сборник статей. – Пг.: Колос, 1919. – С. 199-225.

1920 г.

459. Чернов В.М. Большевики в деревне // Воля России. - 1920. 26, 27, 30 ноября.
460. Чернов В.М. Беседа с корреспондентом парижских газет Б. Соколовым // Народное Дело. - 1920. 19 сентября.
461. Чернов В.М. Большевики и левые эсеры // Народное дело. - 1920. 3 декабря.
462. Чернов В.М. [Овод]. Галантерея и коммунизм. Двадцать второе условие // Воля России. - 1920. 20 октября.
463. Чернов В.М. Гипноз успеха // Народное дело. - 1920. 5 декабря.
464. Чернов В.М. Итоги Галльского партийтага // Народное дело. - 1920. 28, 29 ноября.
465. Чернов В.М. Итоги Галльского партийтага // Революционная Россия. - 1920. - №1. С.8-15.
466. Чернов В.М. Их тактика // Народное дело. - 1920. 14 декабря.
467. Чернов В.М. Капитуляция и деморализация // Народное дело. - 1920. 18 декабря.
468. Чернов В.М. Мой ответ // Народное дело. - 1920. 16 декабря.
469. Чернов В.М. [Овод]. Мытарства французского социалиста // Воля России. - 1920. 7 октября.
470. Чернов В.М. На темы дня // Революционная Россия. - 1920. - № 1. - С.1-2.
471. Чернов В.М. На темы дня // Народное дело. - 1920. 23 декабря.
472. Чернов В.М. О положении большевистской власти // Воля России. - 1920. 19 ноября.
473. Чернов В.М. О современном положении // Воля России. - 1920. 5 октября.
474. Чернов В.М. Письма к советской власти // Воля России. - 1920. 15 сентября.
475. Чернов В.М. [Овод]. «Племянник Кропоткина» // Воля России. - 1920. 12 октября.
476. **Чернов В.М. Революционная Россия // Народное дело. – 1920, 23 декабря. – С.2-3.**
477. Чернов В.М. Революция или контрреволюция: К третьей годовщине октябрьского переворота // Народное дело. - 1920. 7 ноября.
478. Чернов В.М. Революция или контрреволюция: К третьей годовщине октябрьского переворота. // Революционная Россия. - 1920. - № 1. Приложение. - С. 1-8.
479. Чернов В.М. Речь на общем собрании печатников 23 мая 1920 г. в честь делегации английского пролетариата // Народное дело. - 1920. 13 ноября.
480. Чернов В.М. [Овод]. Скучные слова веселого человека // Воля России.- 1920. 30 сентября.

481. Чернов В.М. Учителя и ученики // Воля России. - 1920. 18 декабря.
 482. Чернов В.М. Фазы социализма // Революционная Россия. - 1920. - № 1. - С.8-15.
 483. Чернов В.М. [Овод]. Courage, Maklakoff // Воля России. - 1920. 13 октября.

1921 г.

484. Чернов В.М. Большевики в деревне // Революционная Россия. - 1921. №2. Приложение. - С.1-8.
 485. Чернов В.М. Большевики и Восток // Воля России. - 1921. 8 марта.
 486. Чернов В.М. Большевизм и учащиеся // Революционная Россия. - 1921. - №6. - С.4-6.
 487. Чернов В.М. Большевизм и учащиеся // Воля России. - 1921. 30 марта.
 488. Чернов В.М. Веха на трудном пути // Революционная Россия. - 1921. - №11. - С.1-2.
 489. Чернов В.М. [Овод]. Вместо маленького фельетона // Революционная Россия. - 1921. - №6. - С.7-8.
 490. Чернов В.М. Вокруг голода // Революционная Россия. - 1921. - № 11. - С.14-20.
 491. Чернов В.М. [В.Ч.] Восстановление Интернационала // Революционная Россия. - 1921. - №2. - С.9-17.
 492. Чернов В.М. Выборное // За Народ! - 1921. - №3. - С.2-5.
 493. Чернов В.М. [Оленин Б.] Гипноз успеха // Революционная Россия. - 1921. - №2. - С.3-5.
 494. Чернов В.М. Демократия и диктатура // Воля России. - 1921. - 11 февраля.
 495. Чернов В.М. Дни траура // Воля России. - 1921. 8 января.
 496. Чернов В.М. Износившаяся клевета // Революционная Россия. - 1921. - №4. - С.4-5.
 497. Чернов В.М. Их тактика // Революционная Россия. - 1921. - № 3. - С.3-4.
 498. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Капитуляция и деморализация // Революционная Россия. - 1921. - №2. - С.1-3.
 499. Чернов В.М. Квалифицированный лжец // Революционная Россия. - 1921. - №9. - С.3-8.
 500. Чернов В.М. Кризис Коминтерна // Революционная Россия. - 1921. - №14/15. - С.16-26.
 501. **Чернов В.М. Кому живётся весело – вольготно на Руси // Народное дело. - 1921. 12 марта.**
 502. Чернов В.М. Кронштадт и демократия // Революционная Россия. - 1921. - №5. - С.4-6.
 503. Чернов В.М. Ловкость рук // Воля России. - 1921. 6 февраля.
 504. Чернов В.М. [Оленин Б.] Мартовские дни // Революционная Россия. - 1921. - №4. - С.1-2.
 505. Чернов В.М. Мой ответ // Революционная Россия. - 1921. - №2. - С.5-8.
 506. Чернов В.М. Мой ответ // За народное дело. - 1921. 18 марта.

507. Чернов В.М. На второй день после ликвидации большевизма // Революционная Россия. - 1921. - №4. - С.7-10.
508. Чернов В.М. Основные мотивы «гильдейского социализма» // Революционная Россия. - 1921. - №6. - С.8-16.
509. Чернов В.М. Открытое письмо Гендерсону // Воля России. - 1921. - 2 февраля.
510. [Чернов В.М.] «Очередное измышление» // Революционная Россия. - 1921. - №8. - С.3-4.
511. Чернов В.М. Очередной вопрос // Воля России. - 1921. 5 февраля.
512. Чернов В.М. Очередной вопрос // Народное дело. - 1921. 16 февраля.
513. Чернов В.М. Пересмотр партийной программы (Доклад конференции П.С.-Р., состоявшейся в сентябре 1920 года) // Революционная Россия. - 1921. - №3. - С.8-11.
514. Чернов В.М. Письмо в ЦК ПСР о положении дел в эсеровской эмиграции в 1921 г. // Известия. - 1921. 2 июня.
515. Чернов В.М. Прежде и теперь // Воля России. - 1921. 9 февраля.
516. Чернов В.М. Пробуют откупиться // Народное дело. - 1921. 12 марта.
517. Чернов В.М. Проект экономической программы. (Представляется Ц.К-том ПСР на рассмотрение партийных организаций в дискуссионном порядке) // Революционная Россия. - 1921. - №5. - С.9-14.
518. Чернов В.М. Проект экономической программы. (Представляется Ц.К-том ПСР на рассмотрение партийных организаций в дискуссионном порядке) // Воля России. - 1921. 9, 10, 11 февраля.
519. Чернов В.М. [В-чев Я.] Развал коммунистической партии в Германии // Революционная Россия. - 1921. - №9. - С.13-20.
520. Чернов В.М. Разговор социалиста-революционера с беспартийным // За Народ! - 1921. - №2. С.18-21.
521. Чернов В.М. [Овод]. Современная patriotica // Воля России. - 1921. 3 февраля.
522. Чернов В.М. Стихия революции и политические трезвенники // Революционная Россия. - 1921. - №12/13. - С.3-10.
523. Чернов В.М. [В.Ч.] Страницы позора // Воля России. - 1921. 8 июля.
524. Чернов В.М. Страницы прошлого позора // Революционная Россия. - 1921. - №9. С.6-8.
525. Чернов В.М. Судьбою взвешенный спор // Революционная Россия. - 1921. - №11. - С.8-14.
526. Чернов В.М. Убийство русской литературы // Революционная Россия. - 1921. - №10. С.3-8.
527. Чернов В.М. Убийство русской литературы // Воля России. - 1921. 30 октября, 1, 2 ноября.
528. Чернов В.М. Уроки Кронштадта // Революционная Россия. - 1921. - №5. - С.1-2.
529. Чернов В.М. Учителя и ученики // Революционная Россия. - 1921. - №3. - С.18-20.
530. Чернов В.М. Фазы социализма // Воля России. - 1921. 4, 5, 6 января.

531. Чернов В.М. Что такое социализация? // Революционная Россия. - 1921. - №12/13. - С.17-20.
532. Chernov V.M. Mes tribulations en Russie sovietique. – Paris: Povolozky, 1921. – 85p.
533. Tschernow V. Meine Schickale in Sowjet-Russland. – Berlin: Der Firm, 1921. – 59s.
534. Tzernov V. Mina oden in Sovjet-Russland. Elias Hurweiz'tuska overfyttning fron ruska Lonskriften. Offersatt ov. K.A. Gillstrom. – Stokholm: Tyders, 1921. – 67s.

1922 г.

535. Чернов В.М. Большевизированная монархия // Голос России. - 1922. 13 октября.
536. Чернов В.М. Большевистский эксперимент и марксизм // Революционная Россия. - 1922. - № 16/18. - С.38-48.
537. Чернов В.М. В натуральную величину // Воля России. - 1922. - № 10. - С.6-9.
538. Чернов В.М. Вокруг признания // Голос России. - 1922. 23 мая.
539. Чернов В.М. Вопросы социалистического единства // Голос России. - 1922. 9 сентября.
540. Чернов В.М. Вопросы тактики. Из итогов прошлого опыта // Революционная Россия. -1922. № 23. С. 3-12.
541. **Чернов В.М. Глас вопиющего в пустыне // Голос России. – 1922. - №898, 22 февраля.- С.2-3.**
542. **[Чернов В.М.] Глас вопиющего в пустыне // Революционная Россия. – 1922. - №16/18. – С.12-14.**
543. Чернов В.М. Город и деревня. Мировое значение аграрного вопроса // Нужды деревни. - 1922. - № 1. - С.12-27.
544. Чернов В.М. Голос русской философии на Берлинской почве // Голос России. - 1922. 12 октября.
545. Чернов В.М. Горький, большевики и евреи // Голос России. - 1922. - №983, 7 июня. – С.2-3.
546. Чернов В.М. Горький-защитник и Горький-обвинитель // Голос России. - 1922. - №1076, 5 октября. – С.2-3.
547. [Чернов В.М.] Горький и большевизм // Голос России. - 1922. №974, 25 мая. – С.2.
548. Чернов В.М. Горький и крестьянство // Голос России. - 1922. - №1073, 1 октября. – С.8; №1074, 3 октября. – С.3.
549. [Чернов В.М.] Григорий Гершуни // Голос России. - 1922. 10 сентября.
550. **Чернов В.М. Доклад о современном положении России // Голос России. – 1922. - №881. 2 февраля. – С.1.**
551. Чернов В.М. [В.Ч.] Домашние разговоры // Голос России . - 1922. 3 июня.
552. **Чернов В.М. Душа временщика (С.Ю.Витте – Воспоминания) // Голос России. - №914, 12 марта. – С.4.**

553. Чернов В.М. Европейское равновесие и фиаско большевизма // Революционная Россия. - 1922. - №20. - С.1-6.
554. Чернов В.М. Егор Сазонов // Голос России. - 1922. - №1055, 10 сентября.
555. Чернов В.М. Желтая дипломатия красного Чичерина // Голос России. - 1922. - №1033, 16 августа. – С.1-2.
556. Чернов В.М. За кулисами советской экономики // Голос России. - 1922. 21 июня.
557. Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. Книга первая. – Берлин: З.И. Гржебин, 1922. – 339с.
558. Чернов В.М. Заявление о привлечении редакции газеты «Новый Мир» к судебной ответственности за клевету // Голос России. - 1922. - №904, 1 марта. – С.2.
559. Чернов В.М. Из итогов прошлого опыта («Персональная коалиция» и «директория») // Революционная Россия. - 1922. - № 23. - С.3-12.
560. Чернов В.М. Индивидуальность и кризис культуры: (Вячеслав Иванов и М. О. Гершензон. Переписка из двух углов. – Пг.: Алконост, 1921.) // Воля России. - 1922. - №3. - С.10-14.
561. Чернов В.М. Исповедь и завещание // Революционная Россия. - 1922. - №21/22. - С.1-3.
562. Чернов В.М. Иудин поцелуй // Революционная Россия. - 1922. - №16/18. -С.11-12.
563. Чернов В.М. Иудин поцелуй // Голос России. - 1922. - №901, 25 февраля. – С.1-2.
564. Чернов В.М. К восстановлению Интернационала // Голос России. - 1922. 9 мая.
565. Чернов В.М. К социалистическим партиям всех стран // Голос России. - 1922. 9 марта.
566. Чернов В.М. [В-чев Я.] Картинки советской жизни // Голос России. - 1922. №1041 – С.4, 25 августа; №1047, 1 сентября – С.2-3.
567. Чернов В.М. [В-чев Я.] Коммунистические патроны и рабочий класс // Голос России. - 1922. - №1050, 5 сентября.
568. Чернов В.М. Конкретные опасности признания // Голос России. - 1922. 2 июня.
569. Чернов В. М. Кровавое дело // Голос России. - 1922. 21 марта.
570. Чернов В.М. Кровавые психозы // Че-ка: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. – Берлин: Изд-во Центрального Бюро партии социалистов-революционеров, 1922. - С.3-10.
571. Чернов В.М. Кто из пяти? // Голос России. - 1922. 14 октября.
572. Чернов В.М. Лицом к лицу // Революционная Россия. - 1922. - №20. - С.30-32.
573. Чернов В.М. Международная «ставка на сильных» // Голос России. - 1922. - №939, 11 апреля. – С.1-2
574. Чернов В.М. Мертвые формулы [В.Ч.] // Голос России. - 1922. № 1027, 9 августа. - С.2.

575. Чернов В.М. Мирское и духовное (к изъятию духовных ценностей) // Голос России. - 1922. - № 938, 9 апреля. – С.1-2.
576. Чернов В.М. Мысли о Максиме Горьком // Голос России. - 1922.- №1071, 29 сентября. – С.2-3.
577. **Чернов В.М. Мысли о революции // Голос России. – 1922. - №916, 15 марта. – С.2.**
578. Чернов В.М. На экономические темы. Свобода торговли и бестоварье // Голос России. - 1922. 1 апреля.
579. Чернов В.М. «Невольникам своего ремесла». Открытое письмо // Голос России. - 1922. - №904, 1 марта. – С.2-3.
580. Чернов В.М. Новая веха большевистской эволюции // Воля России. - 1922. - №2. - С.3-4.
581. **Чернов В. О большевистском термидоре // Голос России. - 1922. - №905, 2 марта. - С.1-2.**
582. Чернов В.М. О политических прелюбодеях // Голос России. - 1922. 17 июня.
583. Чернов В.М. О сущности русской революции // Воля России. - 1922. - №7. С.5-9.
584. Чернов В.М. [В.Ч.] Оскорбленная невинность // Голос России. - 1922. 23 апреля.
585. Чернов В.М. «Отцы» и «дети» // Воля России. - 1922. - №5. - С.5-9.
586. Чернов В.М. [Овод]. Очерки советского быта // Голос России. - 1922. 6 октября.
587. Чернов В.М. Параллели и контрасты // Воля России. - 1922. - №1. - С.9-12.
588. Чернов В.М. Партейтаг в Гере // Голос России. - 1922. 28 сентября.
589. **Чернов В.М. Предатель о себе самом // Голос России. – 1922. - №910, 8 марта. – С.2-3.**
590. Чернов В.М. Пролог русской революции (Гр. С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. II.) // Голос России. - 1922. 28 апреля.
591. Чернов В.М. Пророк синдикализма (Жорж Сорель). // Голос России. - 1922. 6 сентября.
592. Чернов В.М. Разочарованная божья коровка // Голос России. - 1922. 8 августа.
593. Чернов В.М. Расслоение большевизма // Голос России. - 1922. - №1041, 25 августа. – С.2-3.
594. **Чернов В.М. [В.Ч] Русская современность сквозь очки европейца // Голос России. – 1922. - №1011, 22 июля. - С.4.**
595. **Чернов В.М. Самозащита предателей // Голос России. - №919, 18 марта. – С.3.**
596. Чернов В.М. Столыпинцы с советской системой // Голос России. - 1922. 29 сентября.
597. Чернов В.М. Старая и новая буржуазия // Воля России. - №13. - С.3-8.
598. Чернов В.М. Странный выпад // Голос России. - 1922. 4 мая.

599. Чернов В. Эолова арфа революции // Голос России. - 1922. - №943, 16 апреля. – С.7-8.
600. Cernov V.M. Co jsem zazil v sovetskem Rusku. – Praha: F.S. Frabsa, 1922. – 82 s.

1923 г.

601. Чернов В.М. Аграрный «нэп» и полинявшее народничество // Революционная Россия. - 1923. - №28/29. - С.5-17.
602. Чернов В.М. [В.Ч.] Вокруг «признания» // Революционная Россия. - 1923. - №30. - С.25-32.
603. Чернов В.М. [Ненарком]. За счет прошедшего и будущего: (Письмо из Москвы) // Революционная Россия. - 1923. - №30. - С.20-24.
604. Чернов В.М. Императрикс Александра // Воля России. - 1923. - №2. - С.27-40.
605. Чернов В.М. Индустриальный социализм в России // Революционная Россия. - 1923. - №26/27. - С.10-15.
606. Чернов В.М. Иностранная интервенция и русский большевизм // Революционная Россия. - 1923. - №24/25. - С.10-21.
607. Чернов В.М. Исповедь навыворот: (А.В. Пешехонов. «Почему я не эмигрировал». Обелиск. 1923.) // Воля России. - 1923. - №13. - С.21-36.
608. Чернов В.М. Ю. Мартов // Революционная Россия. - 1923. - №26/27. - С.1-4.
609. Чернов В.М. На разные темы: сборник статей из журнала «Воля России». – Прага: Воля России, 1923-1925. – 300с.
610. Чернов В.М. О демократии и трудовом цензе // Революционная Россия. - 1923. - №30. - С.9-16.
611. Чернов В.М. От «Революционной России» к «Сыну Отечества» // Летопись революции: Берлин; СПб., М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1923. Кн. 1. – С. 66-98.
612. Чернов В.М. Отклики прессы // Революционная Россия. - 1923. - №32. - С.28-30.
613. Чернов В.М. «Подпольное» и «надпольное» в подготовке корниловского движения: (По поводу «Очерков русской смуты» генерала Деникина) // Воля России. -1923. - №3/4. - С.25-40.
614. Чернов В.М. Проблемы империализма и аграрный мир Востока // Революционная Россия. - 1923. - №31. - С.4-6.
615. Чернов В.М. [Созерцатель]. Республиканско-демократические клубы и объединения // Революционная Россия. 1923. № 26/27. с. 34 – 38.
616. **[Чернов В.М.] Судьбы рабочей оппозиции // Революционная Россия. – 1923. - №31. – С.1-4.**
617. Чернов В. М. Тезисы по общеполитическим вопросам // Революционная Россия. - 1923. - №24/25. - С.24-25.
618. Чернов В.М., Сталинский Е. Тезисы по экономической политике // Революционная Россия. - 1923. - №24/25. - С.28.
619. Чернов В.М. Уроки коммунистического опыта: (По поводу одной честной книги) // Воля России. - 1923. - №17. - С.26-39; - №18. - С.19-32.

620. Chernov V. The Disintegration of Social Classes in Russia // Foreign Affairs. - 1923. September. - P.23-42.

1924 г.

621. Чернов В.М. [Булатов П.] Внутреннее обозрение // Воля России. - 1924. - №18/19. - С.222-230.
622. Чернов В.М. [Ненарком]. Вокруг советского «Центра Центров»: (Второе письмо из Москвы) // Революционная Россия. - 1924. - №33-34. - С.22-26.
623. Чернов В.М. [Булатов В.] Враждующие близнецы // Воля России. - 1924. - №14/15. - С.121-130.
624. Чернов В.М. [Булатов В.] Вудро Вильсон // Воля России. - 1924. - №4. - С.26-39.
625. **Чернов В.М. [Булатов П.] Дела и люди наших дней // Воля России. – 1924. - №18-19, ноябрь, С.222-230.**
626. Чернов В.М. [Ненарком]. За кулисами партийной дискуссии: (Третье письмо из Москвы) // Революционная Россия. - № 33-34. - С.26-31.
627. Чернов В.М. Ленин // Воля Россия. - 1924. - №3. - С.30-38.
628. Чернов В.М. Малозначительная метаморфоза // Воля России. - 1924. - №12/13. - С.118-130.
629. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Н. К. Михайловский (К 20-летию со дня смерти) // Воля России. - 1924. - С.44-54.
630. Чернов В.М. Повторный курс старой демагогии // Воля России. - 1924. - №8/9. - С.117-131.
631. Чернов В.М. Подражатели Судейкина // Революционная Россия. - 1924. - №35/36. - С.11-14.
632. Чернов В.М. Проект новой партийной программы // Революционная Россия. - 1924. - № 33/34. - С.11-16.
633. Чернов В.М. Разрушение вместо созидания: (Полное собрание сочинений В. И. Ленина) // Воля России. - 1924. - №1/2. - С.165-182.
634. Чернов В.М. Савинков в рядах П.С.-Р. (Из личных воспоминаний) // Воля России. - 1924. - №14/15. - С.154-163.
635. Чернов В.М. «Сугубо деловой» съезд // Воля России. - 1924. - №18/19. - С.173-186.
636. Chernov V. Lenin // Foreign Affairs. - 1924. March. - P.366-372.

1925 г.

637. Чернов В.М. Безысходное противоречие // Революционная Россия. - 1925. - №43. - С.11-16.
638. [Чернов В.М.] В лагере монархистов // Революционная Россия. - 1925. - №44. - С.1-6.
639. Чернов В.М. [Булатов П.] В системе заколдованных кругов // Воля России. - 1925. - №5. - С.179-189.
640. Чернов В.М. [Булатов П.] Внутренний обзор // Воля России. - 1925. - №1. - С.216-223.
641. Чернов В.М. [Булатов В.] Высокопоставленные ораторы // Воля России. - 1925. - №2. - С.207-213.

642. Чернов В.М. Две недели в Польше (Впечатления и размышления) // Воля России. - 1925. - №1. - С.91-111.
643. **Чернов В.М. [Булатов В.] Дела и люди наших дней // Воля России. – 1925. - №2. – С.208-213.**
644. Чернов В.М. [Булатов П.] Конквистадоры коммунизма // Воля России. - 1925. - №9/10. - С.169-181.
645. Чернов В.М. Историк или истерик (о С. Мельгунове) // Воля России. - 1925. - №3. - С.92-119.
646. Чернов В.М. Конструктивный социализм. Т. 1. – Прага: Воля России, 1925. – 401с.
647. Чернов В.М. [Булатов П.] Кулачество и коммунизм // Воля России. - 1925. - №6. - С.197-206.
648. Чернов В.М. [Булатов П.] Лицом к казачеству // Воля России. - 1925. - №7/8. - С.214-223.
649. Чернов В.М. Мир, меч и мир // Воля России. - 1925. - №7/8. - С.154-175.
650. Чернов В.М. Неделя в Финляндии // Воля России. - 1925. - №6. - С.140-154.
651. Чернов В.М. Открытое письмо английской делегации в Москве // Революционная Россия. - 1925. - №41. - С.36-38.
652. [Чернов В.М.] Параллели и контрасты // Революционная Россия. - 1925. - №41. - С.1-5.
653. Чернов В.М. Речь на Марсельском конгрессе РСИ // Революционная Россия. - 1925. - №45. - С.31-34.
654. Чернов В.М. Современная международная ситуация // Революционная Россия. - 1925. - №41. - С.29-31.
655. Чернов В.М. Социалистический Интернационал и большевистский коммунизм // Революционная Россия. - 1925. - № 45. - С.5-13.
656. Чернов В.М. Страницы из жизни А.И. Гуковского // Воля Россия. - 1925. - №2. - С.89-108.
657. Чернов В.М. (Булатов П.) Универсальная партлавочка // Воля России. - 1925. - № 3. - С.144-149.
658. Чернов В.М. Уроки прошлого // Революционная Россия. - 1925. - №42. - С.15-23.
659. Чернов В.М. «Черный передел» 1918 г. // Записки Института изучения России. Кн. 1. – Прага, 1925. – С. 82-159.
660. Чернов В.М. Четыре смерти // Революционная Россия. - 1925. - №42. - С.6-8.
661. Cernov V. Sociální struktura porevolučního Ruska // Zpravy Ústavu pro studium Ruska. V. 3. – Praha, 1925. S. 46-78.
662. Cernov V. Komunistická strana // Zpravy Ústavu pro studium Ruska. V. 3. – Praha, 1925. – S. 179 - 209.

1926 г.

663. Чернов В.М. Забытая азбука // Революционная Россия. - 1926. - № 54. - С. 5-7.

664. Чернов В.М. [Зет]. Золотой Интернационал // Революционная Россия. - 1926. - №54. - С.32-36.
665. Чернов В.М. [Зет]. Железный договор // Революционная Россия. - 1926. - №53. - С.45-48.
666. Чернов В.М. Интернационал и Лига наций // Революционная Россия. - 1926. - №49/50. - С.47-52.
667. Чернов В.М. К теории государственного капитализма и социализма. (Историко-теоретическая справка) // Революционная Россия. - 1926. - №47. - С.10-16.
668. [Чернов В.М.] Наши исходные позиции в национальном вопросе // Революционная Россия. - 1926. - №53. - С.24-30.
669. Чернов В.М. [О.] Новая диктатура // Революционная Россия. - 1926. - №48. - С.43-44.
- 671. Чернов В.М. [Ненарком] Новая фаза кризиса диктатуры // Революционная Россия. - 1926. - №51-52. - С.25-30.**
672. Чернов В.М. О «договорившихся» // Революционная Россия. - 1926. - №54. - С.24-27.
673. Чернов В.М. О «Прекрасном Человеке». (Открытое письмо Е.П. Пешковой) // Революционная Россия. - 1926. - №51/52. С.6-11.
674. Чернов В.М. «Пан»-Европа и «пан»-славянство // Революционная Россия. - 1926. - №51/52. - С.11-25.
675. Чернов В.М. [Ненарком]. Перетасовка карт: (Письмо из Москвы) // Революционная Россия. - 1926. - №46. - С.18-23.
676. Чернов В.М. Романтика и проза большевизма. (Кризис компартии) // Революционная Россия. - 1926. - №53. - С.8-13; -№54. - С.7-13.
677. Чернов В.М. Социализация земледелия // Воля России. - 1926. - №1. - С.116-120.
- 678. Чернов В.М. Социальная структура революционной России // Soucasne Rusko. - Praga, 1926 (Информация по Верещак С. О восстановительном процессе в СССР // Революционная Россия. - 1926. - №53. - С.36).**
679. Чернов В.М. Уроки прошлого. Армия и революция // Революционная Россия. - 1926. - № 46. - С.13-17.
680. Чернов В.М. Н.С. Чхеидзе // Революционная Россия. - 1926. - №.49/50. - С.7-9.
681. Чернов В.М. «Черный передел» или демократизация? (К реформе Лиги наций) // Революционная Россия. - 1926. - №48. - С.13-20.

1927 г.

682. Чернов В.М. Аккорды и диссонансы революции // Революционная Россия. - 1927. - №62. - С.8-13.
683. Чернов В.М. [Овод]. В царстве мертвых душ // Революционная Россия. - 1927. - №57/58. - С.15-17.
684. Чернов В.М. [Овод]. «Веер» // Революционная Россия. - 1927. - №62. - С.19-24.

685. Чернов В.М. Великий юбилей // Революционная Россия. - 1927. - №57/58. - С.21-23.
686. Чернов В.М. Кончина АРК-а // Революционная Россия. - 1927. - №61. - С.5-11.
687. **[Чернов В.М.] Невольные самообличители // Революционная Россия. – 1927. - №55-56. С.1-5. (Установлено по рукописи статьи в ГАРФ. Ф.5847. Оп.1. Д.21.)**
688. Чернов В.М. [Овод]. О синей птице и летучих мышах // Революционная Россия. - 1927. - № 57/58. - С.17-21.
689. Чернов В.М. «Пан»-европейское движение и интересы Востока Европы // Революционная Россия. - 1927. - № 55/56. - С.33-34.
690. **Чернов В.М. и др. Платформа социалистической лиги нового востока (проект инициативной группы) // Революционная Россия. - 1927. - №59-60. - С.18-21.**
691. Чернов В.М. [Овод]. Преступление Воронского // Революционная Россия. - 1927. - №59/60. - С.21-23.
692. Чернов В.М. Процесс Шварцбарда и украинско-еврейские отношения // Революционная Россия. - 1927. - №62. - С.4-7.
693. Чернов В.М. Сумерки белой эмиграции // Революционная Россия. - 1927. - №55/56. - С.5-10.
694. Чернов В.М. Very dangerous. (Чрезвычайно опасно) // Революционная Россия. - 1927. - № 59/60. - С.14-18.
695. Chernov V. Bolshevik Romance and Reality // Foreign Affairs. - 1927. January. - P.242-254.

1928 г.

696. Чернов В.М. Адвокат проигрышных дел // Революционная Россия. - 1928. - №66/67. - С.18-23.
697. Чернов В.М. Большевистская теория планового хозяйства // Революционная Россия. - 1928. - № 69. - С.17-24.
698. Чернов В.М. В мире переотражений // Революционная Россия. - 1928. - №63/64. - С.3-8.
699. **[Чернов В.М] К вопросу о диктатуре и демократии // Революционная Россия. – 1928. - №69. – С.7-10.**
700. Чернов В. М. П.А. Вихляев // Революционная Россия. - 1928. - №65. - С.31-32.
701. Чернов В.М. [Овод]. Дела и дни зарубежья // Революционная Россия. - 1928. - №63/64. - С.11-14.
702. Чернов В.М. [Ненарком]. Кооперативные мытарства // Революционная Россия. - 1928. - № 70/71. - С.21-24.
703. Чернов В.М. Россия, большевизм и лимитрофы // Революционная Россия // Революционная Россия. - 1928. - № 65. - С.15-19.
704. Чернов В.М. Плановое хозяйство и большевизм // Революционная Россия. - 1928. - №68. - С.10-15.
705. **[Чернов В.М.] Ответ на письмо английской Независимой рабочей партии // Революционная Россия. - 1928. - №65. - С.28-30.**

706. Чернов В.М. Пораженчество в легенде и в действительности // Революционная Россия. - 1928. - №63/64. - С.18-27.
707. Чернов В.М. Социализм и религия // Революционная Россия. - 1928. - №65. - С.10-15.
708. Чернов В.М. [Овод]. Фразы и позы // Революционная Россия. - 1928. - №65. - С.8-10.

1929 г.

709. [Чернов В.М.] Аграрная программа русской социал-демократии // Наши противники: Сборник материалов и документов. – М.: Коммунистический ун-т имени Я. М. Свердлова, 1929. Т. 1. – С. 326-333.
710. [Чернов В. М.] К спорам о социализации земли // Наши противники: Сборник материалов и документов. – М.: Коммунистический ун-т имени Я. М. Свердлова, 1929. Т. 2. – С.232-238.
711. Чернов В.М. [Ненарком]. Кооперативные мытарства: (Письмо из Москвы) // Революционная Россия. - 1929. - №70/71. - С.21-24.
712. Чернов В.М. Метаморфозы диктатуры // Революционная Россия. - 1929. № 70/71. - С.21-24.
713. **Чернов В.М. На путях великого смятения // Революционная Россия. - 1929. - №77-78. – С.7-9.**
714. Чернов В.М. Народность, национальность, нация // Революционная Россия. - 1929. - №74. - С.5-11.
715. Чернов В.М.[Булатов. В.] О фашиозатизме А. Ф. Керенского // Революционная Россия. - 1929. - № 73. - С.9-14.
716. [Чернов В.М.] Организационный вопрос // Наши противники: Сборник материалов и документов. – Коммунистический ун-т имени Я.М. Свердлова, 1929. Т. 2. – С. 229-232.
717. [Чернов В.М.] Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве // Наши противники: Сборник материалов и документов. – М.: Коммунистический ун-т имени Я.М. Свердлова, 1929. Т. 1. – С. 313-326.
718. [Чернов В.М.] Террористический элемент в нашей программе // Наши противники: Сборник материалов и документов. – М.: Коммунистический ун-т имени Я.М. Свердлова, 1929. Т. 1. – С. 333-340.
719. **Чернов В.М. [Милитент С.Р.] Троцкий и положение в компартии // Революционная Россия. – 1929. - №73. - С.4-8.**
720. Чернов В.М. [Булатов В.] Фетишизм государственности // Революционная Россия -1929. - №70/71. - С.18-21.
721. [Чернов В.М.] Характер современного крестьянского движения // Наши противники: Сборник материалов и документов. – М.: Коммунистический ун-т имени Я.М. Свердлова, 1929. Т. 1. С.309-313.
722. Chernov V. The Soviet Government and the Communist Party // Foreign Affairs. - 1929. January. - P.242-254.

1930 г.

723. **Чернов В.М. Анархисты и «Анархисты» // Бюллетень Американской федерации ПСР. - 1930. - №2-3. - С.5-8.**
724. Чернов В.М. Зарницы предгрозя // Бюллетень Американской федерации ПСР. - 1930. - №1. - С.1-3.
725. Чернов В. М. Крестьянин в советской экономике // Бюллетень Американской федерации ПСР. - 1930. - №4. - С.2-4.
726. [Чернов В. М.] О партийной работе в Америке // Бюллетень Американской федерации ПСР. - 1930. - №1. - С.4-6.
727. **[Чернов В.М.] Очередь за правыми // Бюллетень Американской федерации ПСР. - 1930. - №2-3. - С.1-4.**
728. **Чернов В.М. [Обозреватель] Тревоги левой оппозиции // Бюллетень Американской федерации ПСР. - 1930. - №2-3. - С.8-11.**

1931 г.

729. Chernov V. The Martyrdom of Eugenia Ratner // The Bulletin of the American Federation of the Socialist-Revolutionist Party. - 1931. - №7. - С.7.
730. Chernov V. Russia's Two Party // Foreign Affairs. - 1930. October. - P.79-9.

1933 г.

731. Чернов В.М. [Б-в В.] Банкир. (Из Эмиля Верхарна) // Пути. - 1933. - №1. - С.11.
732. Чернов В.М. В апогее германского кризиса // Пути. - 1933. - №1. - С.3-6.
733. Чернов В.М. На путях великого смятения // Пути. - 1933. - №2. - С.2-7.
734. Чернов В.М. [Ненарком]. Письмо из Москвы // Пути. - 1933. - №1. - С.8-10.
735. Biographe de Victor Tchernoff: A l'Occasion de son 60 eme Anniversaire. – Prague, 1933.

1934 г.

736. Чернов В.М. Рождение революционной России. (Февральская революция). – Париж, Прага, Нью-Йорк: Юбилейный комитет по изданию трудов В.М. Чернова, 1934. – 446с.
737. Grigori Gershuni: zayn leben un tetigkayt / redakirt fun Viktor Tshernov. – N. Y.: Aroesgegeben fun Grigori Gershuni Sots. Rev. Dr. 247. Arbayer Ring, 1934. – 360 p. (идиш).

1935 г.

738. Chernov V. Joseph Pilsudski: From Socialist to Autocrat // Foreign Affairs. - 1935. - October. - P.146-155.
739. Tsernov V. Zeramim be-sotsyalizm. – Tel-Aviv, 1935. – (иврит).

1936 г.

740. Chernov V. The Great Russian Revolution / Translated and Abridged by Philip E. Moseley. – New Haven: Yale University Press, 1936. – IX+446 P.

1942 г.

741. Чернов В.М. Антисемитизм немецкий и русский // Новый журнал. - 1942. - №2. - С.272-282.
742. Чернов В.М. [Тучкин В.] В аспекте всемирной истории // За свободу. - 1942. - №4/5. С.6-10.

743. Чернов В.М. [Гарденин Ю.] Предвестия новой эпохи // За свободу. - 1942. - №4/5. - С.11-15.
744. Чернов В.М. Пораженцы и оборонцы. (Ответ т. Сухомлину) // За свободу. - 1942. - №4/5. - С.50-57.
745. Чернов В.М. К познанию советской экономики // За свободу. - 1942. - №6/7. - С.9-16.
746. Чернов В.М. [Булатов В.] Новое вино и старые мехи // За свободу. - 1942. - №6/7. - С.25-29.
747. Чернов В.М. [Булатов В.] Государственность, национальность, социальность // За свободу. - 1942. - № 8/9. - С.13-22.
748. Чернов В. М. На путях этатизма // За свободу. - 1942. - №8/9. - С.36-44.

1943 г.

749. Чернов В. М. Сталинград // За свободу. - 1943. - №10/11. - С.6-14.
750. Чернов В.М. [Обозреватель]. Летняя компания немцев на юге России // За свободу. - 1943. - №10/11. - С.15-21.
751. Чернов В.М. От африканского фронта к средиземноморскому // За свободу. - 1943. - №10/11 -. С.22-27.
752. Чернов В.М. Великомученики единого фронта. (Эрлих и Альтер) // За свободу. - 1943. - № 12/13. - С.36-43.
753. Чернов В.М. [В.Ч.] Венок на могилу. (Памяти С. М. Ингермана) // За свободу. - 1943. №12/13. - С.44-47.
754. Чернов В.М. Два полюса духовного скитальчества. (Л. Толстой и Г. Успенский) // Новый журнал. - 1943. - №5. - С.261-274.
755. Чернов В.М. Н.Д. Авксентьев в молодости // Новый журнал. - 1943. - №5. - С.344-352.
756. Чернов В.М. Стихия скитальчества у корифеев русской литературы // Новый журнал. - 1943. - №4. - С.227-245.
757. [Чернов В.М.] Пятый год войны // За свободу. - 1943. - №14. - С.1-11.
758. Чернов В.М. На историческом перевале // За свободу. - 1943. - №14. - С.12-20.
759. Чернов В.М. [Обозреватель]. К истории московской конференции // За свободу. - 1943. - №14. - С.26-32.

1944 г.

760. Чернов В.М. А. П. Чехов. (К 40-летию его смерти) // Новый журнал. - 1944. - №7. - С.342-354.

1945 г.

761. Чернов В.М. Атлантическая хартия на ущербе // За свободу. - 1945. - №15. - С.1-12.
762. Чернов В.М. [Булатов В.] На путях великого соблазна // За свободу. - 1945. - №15. - С.45-59.
763. Чернов В.М. Мысли об эмиграции // За свободу. - 1945. - №16. - С.28-44.
764. Чернов В.М. Литературные мытарства Чехова // Новый журнал. - 1945. - №10. - С.210-225.
765. Чернов В.М. Чехов и Суворин // Новый журнал. - 1945. - №11. - С.231-253.

1946 г.

766. Чернов В.М. Задачи пятилетки и задачи века // За свободу. - 1946. - №17. - С.70-81.

1947 г.

767. Чернов В.М. Истоки // За свободу. - 1947. - №18. - С.13-24.
768. Чернов В.М. [Булатов В.] Так было – так будет // За свободу. - 1947. - С.34-47.

1948 г.

769. Chernov V. Russia's one day parliament // The New Leader. - 1948. January. - P.47-57.
770. Tsernov V. Yidishetuer in der Partay sotsyalistn revolutsyonern: biografisheeseyen. – N. Y.: Aroysgegeben fun Grigori Gershuni Sots. Rev. Br. 247. Arbayer Ring, 1948. – 312 s. (идиш).

1949 г.

771. Чернов В.М. Р. В. Иванов-Разумник // Социалистический вестник. - 1949. - №8/9. - С.158-159.
772. Чернов В.М. «Волга, Волга, мать родная...». (Глава из воспоминаний) // Новый журнал. - 1949. - №22. - С.80-91.

1950-1970-е гг.

773. Chernov V. Russia's one day parliament // Verdict of three decades: From the literature of individual revolt against Soviet communism (1917-1950) / Ed. J.S. Duell. – N.Y.: Sloan and Pearce, 1950. – P. 51-57.
774. Чернов В.М. Второй разгон Учредительного собрания // Социалистический вестник. -1952. - №3. - С.35-38.
775. Чернов В.М. К русско-польским отношениям. (Разрыв ПСР и ППС накануне первой мировой войны) // Новый журнал. - 1952. - №28. - С.228-237.
776. Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – 412 с.
777. Чернов В.М. Из детства // Новый журнал. - 1960. - №60. - С.281-284.
778. Чернов В.М. Показания по делу Азефа в Следственной комиссии в партии С.-Р. 2 февраля 1910 г. // Новый журнал. - 1970. - №100; - №101.
779. Chernov V. Zapiski Sotsialista-Revolutsionera. Berlin, 1922 // Oriental Research Partners Memoir Series, General Editor: Professor Marc Raeff Columbia University, 1975.
780. Chernov V. Lenin. A Contemporary Portrait // Foreign Affairs. - 1970. April. - P.471-477.

1980-1990-е гг.

781. [Чернов В.М.] Большевицкий земельный закон. (Колегаевский проект в обработке III съезда Советов). Центральный Комитет ПСР. Тезисы докладов для партийных агитаторов и пропагандистов, № 13. [Пг., 1918] // Собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen. – Amsterdam: Stichting Beheer IISG, 1989. – S.105-111.

782. [Чернов В.М.] Большевики и «рабочий контроль». Центральный Комитет ПСР: тезисы докладов для партийных агитаторов и пропагандистов, № 9. [Пг., 1918] // Там же. - С.87-91.
783. Чернов В.М. Доклад о положении в России. Частное совещание группы партийных работников. Прага, 11 октября 1924 г. // Там же. - С.306-312.
784. Чернов В.М. Доклад об общеполитическом вопросе. Совещание членов ПСР. Берлин, 10-15 декабря 1922 г. // Там же. – С.301-305.
785. Чернов В.М. Идейные позиции ПСР после октябрьского переворота в «Тезисах» 1918 г. // Там же. - С.45-52.
786. Чернов В.М. История ПСР // Там же. - С.5-12.
787. Чернов В.М. Обращение к социалистам Чехословакии. [Уфа, ноябрь-декабрь 1918 г.] // Там же. - С.335-344.
788. Чернов В.М. Письмо Центральному бюро ПСР. Берлин, 9 августа 1923 г. // Там же. - С.724-728.
789. Чернов В.М. Письмо членам группы «Народ». [Москва], 17 октября 1919 г. // Там же. - С.211-214.
790. Чернов В.М. Проект письма Заграничной делегации ПСР Зензинову, Авксентьеву и Роговскому. [Берлин, 1923 г.] // Там же. - С.333-334.
791. [Чернов В.М.] Профессиональное движение и большевизм. Центральный Комитет ПСР: тезисы докладов для партийных агитаторов и пропагандистов, № 5. [Пг., нач. 1918]. // Там же. - С.72-74.
792. Чернов В.М. Рукопись по поводу раскола в с.-р. эмиграции. [Прага, конец 1920-х гг.] // Там же. - С.731-736.
793. Чернов В.М. Советы и демократия. Центральный Комитет ПСР. Тезисы докладов для партийных агитаторов и пропагандистов. – Пг., 1918 // Там же. - С.68-71.
794. Чернов В.М. Открытое письмо В. И. Ульянову-Ленину // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. – Рига: Зинатне, 1990. – С. 153-161.
795. Чернов В.М. Ленин // Вождь: (Ленин, которого мы не знали) / Сост. Г.П. Сидоровнин. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1991. – С. 94-104.
796. Чернов В. М. Ленин глазами соперника // Огонёк. - 1991. - № 17.
797. Чернов В.М. Открытое письмо В.И. Ульянову-Ленину // Мегаполис-экспресс. - 1991. 31 января.
798. Чернов В.М. Страницы из политического дневника // Вопросы истории КПСС. - 1991. - №6. - С.114-128.
799. Чернов В.М. Листки из политического дневника // Отечественная история: проблемы, поиски, суждения. - М., 1992.
800. Чернов В.М. Борьба за Учредительное собрание и его разгон // Кентавр. - 1993. - №5/6. С. 116-133.
801. Чернов В.М. Ленин // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. III. – М.: Наука, 1993. – С. 215-223.
802. Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. 2-е изд. – М.: Международные отношения, 1993. – 406 С.

803. Чернов В. и Гоц М.Р. [Р.Р]. Социализация земли // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избранные произведения / Сост. Я.И. Кузьминов. М., 1994. – С.29-36.
804. Чернов В.М. К вопросу о «положительных» и «отрицательных» сторонах капитализма // Там же. – С.36-44.
805. Чернов В.М. Автобиография // Исторический архив. - 1996. - №4. - С.214-217.
806. Чернов В.М. Из показаний судебно-следственной комиссии при ЦК ПСР по делу Азефа // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 1. 1900-1907 гг. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 74-77.
807. Чернов В.М. Прошлое и настоящее // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 1. 1900-1907 гг. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 182-194.
808. Чернов В.М. Террористический элемент в нашей программе // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. 2-е изд., дополненное и переработанное / Автор-сост. О. В. Будницкий. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 192-212.
809. Чернов В.М. Террористический элемент в нашей программе // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 1. 1900-1907 гг. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 78-88.
810. Чернов В.М. Глава из рукописи II тома книги «Конструктивный социализм». 1920-е гг. // Исторический архив. - 1997. - №5-6. - С.122-140.
811. Чернов В.М. Конструктивный социализм. – М.: РОССПЭН, 1997. – 647с.
812. Чернов В.М. Речи на Первом съезде партии с.- р. // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. IV. Политическая мысль в России: Вторая половина XIX-XX в. – М.: Мысль, 1997. – С. 576-584.
813. Чернов В.М. Научное построение идеалов и чистое познание // Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – СПб., 1999. – С.377-406.
814. Чернов В.М. Основные мотивы «гильдейского социализма» // Публицистика русского зарубежья. Сборник статей. – М.: Союзполиграфпром, 1999. – С. 277-287.
815. Чернов В.М. Революционная Россия // Публицистика русского зарубежья. Сборник статей. – М.: Союзполиграфпром, 1999. – С. 273-277.
816. Чернов В.М. Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Н. А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Михайловском. – М.: КАНОН + ОИ «РЕАБИЛИТАЦИЯ», 1999. – С. 382-433.

817. Чернов В.М. Убийство русской литературы // Публицистика русского зарубежья. Сборник статей. – М.: Союзполиграфпром, 1999. – С. 287-300.

2000-2006 гг.

818. Чернов В.М. Веха на трудном пути // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 3. Ч.2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 768-770.
819. Чернов В.М. Доклад о пересмотре партийной программы // Там же. – С.658-677.
820. Чернов В.М. Исповедь и завещание // Там же. – С.850-854.
821. Чернов В.М. Комментарии к протоколам Центрального Комитета партии социалистов-революционеров // Вопросы истории. – 2000. – №7. С.5-26; – №8. – С.3-25; – №9. – С.3-18.
822. Чернов В.М. Кронштадт и демократия // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 3. Ч.2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 712-715.
823. Чернов В.М. [Оленин Б.] Мартовские дни // Там же. – С. 710-712.
824. В.М.Чернов о демократии и социализме / Подготовила О.В. Коновалова // Исторический архив. – М., 2001. – №4. – С.3-10.
825. Чернов В.М. О тактике «обволакивания» // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 3. Ч.2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. – М.: РОССПЭН, 2000. – С.431-434.
826. [Чернов В.М.] Очередное измышление // Там же. – С.718-719.
827. Чернов В.М. Письмо в ЦК ПСР о положении дел в эсеровской эмиграции в 1921 г. // Там же. – С.735-742.
828. Чернов В.М. Причины переворота (Из выступления на X Петроградской конференции партии с.-р.) // Там же. – С.50-51.
829. Чернов В.М. Проект экономической программы (Предлагается Ц. К-том ПСР на рассмотрение партийных организаций в дискуссионном порядке) // Там же. – С.689-703.
830. Чернов В.М. Речь на Всероссийском Учредительном собрании 5 января 1918 г. // Там же. – С.285-294.
831. Чернов В.М. Тезисы по общеполитическим вопросам // Там же. – С.933-936.
832. Чернов В.М., Сталинский Е. Тезисы по экономической политике // Там же. – С.940-943.
833. Чернов В.М. Уроки Кронштадта // Там же. – С.715-717.
834. Чернов В.М. [Ю.Г.] Война и социалистический «пересмотр» (Несколько тезисов) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 2. Июнь 1907 – февраль 1917 г. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 478-480.
835. Чернов В.М. [Ю.Г.] Капитализм и война (Несколько тезисов) // Там же. – С.481-482.
836. Чернов В.М. [Ю.Г.] Положение русского социалиста (Несколько тезисов) // Там же. – С.485-487.

837. Чернов В.М. [Ю.Г.] Социалистическая оценка войны (Несколько тезисов) // Там же. - С.483-484.
838. Чернов В.М. Иудин поцелуй // Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 173-176.
839. Чернов В.М. Заявление о привлечении редакции газеты «Новый Мир» к судебной ответственности за клевету // Там же. - С.179-180.
840. Чернов В.М. «Невольникам своего ремесла». Открытое письмо. // Там же. - С.180-184.
841. Чернов В.М. Идишист против иврита (Ответ Х. Житловскому) // Корни. - 2003. - №20.
842. Чернов В.М. Русское в еврейском и еврейское в русском // Корни. - 2003. - №19. - С.76-85.
843. Чернов В.М. Сталинград // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Вып. 5. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. - С.364-374.
844. Чернов В.М. Письмо Председателю Совета Народных Комиссаров В.И. Ульянову (Ленину), январь 1920 г. // В.М.Чернов: Человек и политик. Материалы к биографии / Сост., автор биографического очерка, библиографических указателей и комментария А.П. Новиков. – Саратов: Изд-во «Аквариус». 2004. – С.69-70.
845. Чернов В.М. Письмо членам «Внепартийного объединения». Ревель, 1920 г. // Там же. - С.70-74.
846. Чернов В.М. Письмо А. Гендерсону. Ревель. 1921 г. // Там же. - С.74-76.
847. Чернов В.М. Письмо членам «Внепартийного объединения». Ревель, 1921 г. // Там же. - С.77-80.
848. Чернов В.М. Письмо членам английской делегации в Москве. Прага, 1925 г. // Там же. - С.81-87.
849. Чернов В.М. Письмо Е.П. Пешковой. Прага, 1926 г. // Там же. - С.87-97.
850. Чернов В.М. Письмо членам Американской федерации ПСР. Прага. 1 февраля 1932 г. // Там же. - С.98-109.
851. Чернов В.М. Письмо членам Американской федерации ПСР. Прага, 1933 г. // Там же. - С. 109-114.
852. Чернов В.М. Письмо Н.С.Грибову. Прага, 15 января 1934 г. // Там же. - С.114-123.
853. Чернов В.М. Письмо Р.А. Абрамовичу. Прага, 17 июня 1938 г. // Там же. - С.124-127.
854. Чернов В.М. Письмо Ц.С. Шапиро. Париж, 6 марта 1939 г. // Там же. - С.128-134.
855. Чернов В.М. Письмо И.В. Сталину. [Нью-Йорк], [1942 г.] // Там же. - С.134-140.
856. Чернов В.М. Письмо Б.И. Николаевскому. [Нью-Йорк], 1945 г. // Там же. - С.140-145.

857. Чернов В.М. Письмо Б.И. Николаевскому. [Нью-Йорк], 1947 г. // Там же. - С.145-148.
858. Чернов В.М. «Черновская грамота» и Уфимская Директория» / Подготовлена Ю.Г. Фельштинским и Г.И. Чернявским // Вопросы истории. – 2006. - №2-4.
859. Чернов В.М. Этатизм, оттесняющий социализм // Коновалова О.В. Политические идеалы В.М.Чернова: взгляд через годы. – Красноярск. 2005. – С.190-195.
860. Чернов В.М. Природа тоталитарного этатизма // Там же. - С.196-202.
861. Чернов В.М. Встреча антиподов // Там же. - С.202-212.

Указатель псевдонимов В.М. Чернова* :

Б., Булатов В., Булатов П., Б.Ю., Б-в В., В.В., Вадимов В., Великоросс*,
 Верещак С.* Вольросс*, **В.-нов**, В.Т., **В.Ч.**, Вечев Я., В-чев Я., Гарденин Ю.,
 Гарденин Юрий, Г-нин Ю., Зет, Зритель*, Зр.*, **С.Р. Крайний**,
Красноармеец П., **Б.Латов**, Ленуар В., Милитент, **Ненарком**, Новый З., О.,
 Обозреватель, **Овод**, Ол. Б., Оленин Б., Оленин Борис, О-н, **Б О-н.**,
 Очевидец*, Посторонний*, **Равный**, Р.Р., С.В.*, Северянин Гр.*, Сергеев*,
 Сергеев В.*, Современник*, Созерцатель*, Старый знакомый, Статистик*,
 Сторонний*, Тернов*, Тучкин, Тучкин В., **Ч.В.**, Ю.Г., Юрьев Б., Doverine A.,
 Victor, Z*.

* Знаком* обозначены предполагаемые псевдонимы В.М. Чернова. Жирным шрифтом обозначены псевдонимы, установленные О.В. Коноваловой.

В ходе исследования нами выявлено так же, что предположение исследователя А.П. Новикова о возможной принадлежности псевдонимов «Junior», «В.Р.» и «Грилич» В.М. Чернову не подтвердилось.

В ходе исследования нами обнаружено, что псевдонимы:

«Junior» - принадлежит В.В. Сухомлину. Источник: Hoover Institution archives. M.V.Vichniak Collection. Box.10. F.Delo Sukhomlina);

«В.Р.» - псевдоним Е. Шрейдера См. Е. Шрейдер. Национализация, хозяйственники, бонапартизм // Революционная Россия. – 1927. - №66-67. С.15-16;

«Грилич» - принадлежит Гр. Шрейдеру. См. Шрейдер Гр. Диктатура, рабочие и крестьяне в советской системе // Революционная Россия. – 1929. - №75-76. – С.5.